

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ

ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ



СИБИРСКИЙ ХРОНОГРАФ

НОВОСИБИРСК

1994

Издание подготовлено совместно
с новосибирским обществом «Мемориал»

Составитель
кандидат исторических наук
И. В. Павлова

Второй выпуск альманаха «Возвращение памяти» продолжает знакомить читателя с документами, воспоминаниями и художественными произведениями, посвященными «сталинскому» периоду отечественной истории. Альманах затрагивает, в числе прочего, темы, которые до сих пор мало освещались в печати: деятельность толстовских коммун в Сибири, трагические события на «Острове смерти», разгром отрядами НКВД старообрядческих скитов в сибирской тайге и т. д.

В $\frac{0503020901-21}{В 77(03)-94}$ Без объявления

ISBN 5-87550-023-9

© Сибирский хронограф, 1994

© Оформление, И. Сокол, 1994

Перед Вами, читатель, второй выпуск историко-публицистического альманаха «Возвращение памяти». Первый был подготовлен и сдан в издательство в 1989 г., а вышел только спустя два года. Та же участь с самого начала была уготована и второму выпуску. Но проблема не только в том, что долог и труден путь каждой нашей книги к читателю, но и в том, что таких читателей становится все меньше и меньше. Резко упал интерес к истории, который был в обществе в 1988—89 гг., и все реже в душах людей встречается сострадание к жертвам террора. Крах тоталитарного режима, замешенного на крови миллионов, и распад СССР повлекли за собой новые жертвы. То, что происходит сегодня, как бы это страшно ни звучало, становится также привычным, обыденным явлением. Растущее равнодушие — это не только следствие трудностей современной жизни, когда каждый заботится лишь о собственном выживании, но и показатель глубокой болезни российского общества, одна из составляющих которой — беспамятство.

Все чаще наблюдается и стремление преуменьшить число жертв террора. Бывший председатель КГБ СССР В. Крючков в феврале 1990 г. назвал общую численность репрессированных за период с 1930 по 1953 гг. — 3778254, из которых 786000 человек были расстреляны. Эти данные перекликаются с теми, что официально публиковались в 1954 г.: с 1921 по 1953 гг. было репрессировано 3800000 человек, из них 634000 — расстреляны. В последнее время стала фигурировать еще одна официальная цифра, названная генерал-майором Министерства безопасности России А. Краюшкиным: за 1917 — 1990 гг. было репрессировано 3853900 человек, расстреляно из них — 827955.

Эти «обобщающие» данные включают только официально репрессированных, т. е. осужденных, и не включают жертв голода в разные годы Советской власти, погибших спецпереселенцев, лиц депортированных национальностей... А кто подщи-

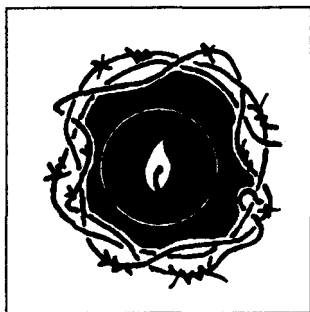
тывал, сколько людей погибло на «островах смерти», об одном из которых рассказано в альманахе?!

В русле официального направления находятся данные о численности узников ГУЛАГа, которые приводят историки В. Земсков и А. Дугин, получившие доступ к его документам. Так, по данным В. Земскова, численность заключенных ГУЛАГа на 1 января 1941 г. составляла 1,3 млн человек, а в год смерти Сталина, по данным А. Дугина — 5 млн.

В сознание, таким образом, настойчиво внедряется мысль о том, что жертвами террора стали не десятки миллионов людей, а всего около 4 млн, а расстреляно и того меньше — каких-то 800 тысяч. Кто же так скрупулезно все подсчитал — вплоть до единиц и десятков?! Неужели не ясно ни работникам органов безопасности, ни историкам В. Земскову и А. Дугину, что это — цифры ложные, сфальсифицированные, даже если они учитывают только заключенных ГУЛАГа, что они и не могли быть иными при системе власти, в которой ложь была возведена в принцип государственной политики? Неужели не ясно, что к каждому официальному документу нужен соответствующий «ключ», который позволит раскрыть его подлинный смысл? Неужели не ясно, что каждый документ должен быть сопоставлен с целым рядом других прежде, чем преподноситься в качестве истины? Ведь даже в архивах КГБ хранятся другие данные, которые были известны в конце 50 — начале 60-х гг., о том, что только с 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. было репрессировано более 19 млн человек, из них 7 млн расстреляно. В чьих политиканских интересах сегодня, как и в 1954 г., приводятся не эти, а в несколько раз заниженные данные?

За последние годы общество многое узнало о своей истории, но это знание — лишь часть правды. Хочется надеяться, что наш альманах станет еще одним шагом вперед в постижении правды о прошлом. Чтобы такое не повторилось никогда. Помогите нам Бог быть последовательными и честными на этом пути!

ИССЛЕДОВАНИЯ



А. С. Трус

ЗЕРКАЛО РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА ИЛИ ВВЕДЕНИЕ В ЭКОНОМИКУ И СОЦИОЛОГИЮ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

Эти заметки не могли бы быть написаны, если бы мне не довелось узнать то, что я узнал от множества самых разных лиц, список которых слишком длинен, чтобы приводить его здесь, и, разумеется, если бы мне не помогли выжить десятки союзников, многих из которых теперь уже нет в живых. Всем им — низкий мой поклон.

«О ГУЛАГе¹ уже все известно. Что можно сказать о нем нового после Солженицына и Шаламова?» — такое мнение слышишь от многих. Но затронут, на мой взгляд, лишь краешек большой темы. На очереди — научные исследования (прежде всего — лагерной экономики и психологии, морали и быта советских заключенных). Только они способны окончательно развеять красивые обманы о великих свершениях социализма, которыми нас пичкали с детства и повторяют до сих пор, и многочисленные мифы о нашей истории и экономике. Ведь о чем бы ни дискутировали публицисты, а в школьных учебниках и сегодня², мешая истину с ложью, пишут о пороках капитализма и бесспорных преимуществах социализма, о том, что все предшествующие социализму общественно-экономические формации погибли или обречены на гибель потому, что их опора — рабский труд и жестокая эксплуатация, которые наш строй ликвидировал.

И еще. Солженицынский «Архипелаг...» воссоздает картину нашей тюремно-лагерной системы как чего-то отдельного от

всего остального общества: некая далекая странная и загадочная страна, и Солженицын ее, как географ, добросовестно описывает. И в рассказах Шаламова лагерь тоже предстает как нечто потустороннее. На мой же взгляд, самое, пожалуй, главное в этой системе то, что она построена по тем же правилам и нормам, что и наша «вольная» жизнь. Только в лагере эти правила и нормы безжалостно оголены. Тем он, собственно, и интересен для исследования.

«КОМПЛЕКС ГУЛАГА»

Наиболее полная и исчерпывающая характеристика труда заключенных состоит в том, что труд этот — рабский. Можно бы сказать, что ГУЛАГ превратился в своего рода заповедник рабского труда. Но он не был заповедником. Его изолированность от внешнего мира — мнимая, кажущаяся. Порожденная рабским трудом психология, как зараза, расплзлась из лагерей по всей стране. Хотя, если вдуматься, то, наоборот, не в них ли концентрировалось (концлагеря!) все столетиями копившееся на Руси и вновь востребованное реальным социализмом рабство? Возникло обширное поле рабской психологии с размытыми границами. Если в лагерной «зоне» заключенным помыкает любой начальник, то стоит ли удивляться тому, что в прилагерном поселке какая-нибудь милая домохозяйка, жена начальника, помыкает зэками, приведенными мужем: они наколют дров, отремонтируют квартиру за пачку масла, а то и «за так». Ни один вольнонаемный специалист предприятий, обслуживаемых лагерями, не выполнял сам свои обязанности³. Все вместо них делали заключенные — за хлеб, за табак, за другую ничтожную «натуральную плату». Причем заключенные были благодарны тем, кто их так эксплуатировал. За одно то, что тебя хоть на несколько часов вытащили из «общих» работ, дали вместо кайла и лома карандаш, отвертку, позволили побыть в тепле... А если зэка официально оформят на «постоянную работу» дневальным или истопником, чтобы он выполнял функции начальника участка, мастера, счетовода, плановика, диспетчера — да неужели он вместо того, чтобы благодарить судьбу, станет возмущаться? Даже взрывниками в шахте вольнонаемные только числились, а работали зэки, хотя это и запрещалось: заключенным — взрывчатка!

Иметь заключенного, выполняющего твои обязанности, стало престижным для всех вольнонаемных — от начальника шахты до уборщицы. Непрестижным, унижительным было делать свою работу самому. Да и сами заключенные... Если зэк числится дневальным, а выполняет работу начальника, то уж дневальник (топить печь, убирать) он приведет другого зэка, а тот для самой неприятной части своего дневальства — наносить воды, наколоть дрова — третьего. Ничего удивительного в этой эстафете рабства нет. У рабов и рабовладельцев, по сути, одна психология.

Рабская психология срастается с уголовной и образует устойчивый комплекс покрепче фрейдистских. Ведущая черта «комплекса ГУЛАГа» — отвращение к труду (и у зэков, и у вольных). Не менее важная черта — бесхозяйственность как норма существования. Да и откуда взяться хозяйственности, если в основе лагерной экономики лежит расточительство — жизни, времени (рабочего и всякого), квалификации, труда, а уж про его продукты и говорить не приходится. Не способствует хозяйственности и такая особенность лагерной психологии, как ориентация только на «здесь» и «теперь» (завтра будет другая камера, другой начальник, другой приказ), на сиюминутное состояние (Стоять! Молчать! Шаг влево, шаг вправо — побег!).

Еще одна характерная составляющая «комплекса ГУЛАГа» — повседневное жульничество. Приписки, халтура («туфта»), взаимный и всесторонний обман... Первоначальное их назначение — облегчить непосильный труд, обманы тут становятся необходимостью, без них почти невозможно выжить, все о них знают. С обманами, ставшими нормой существования, связан всепроникающий цинизм. Его печать — на всем поведении, облике заключенных, даже на речевых формулах (здесь говорят не «он мой друг», а «мы с ним жрем»).

С повседневными обманами, жульничеством сочетаются и другие слагаемые «комплекса ГУЛАГа». Подозрительность к любой инициативе (начальство видит в ней симптом независимости, а свой брат заключенный — особый способ выслужиться перед начальством). Нетерпимость к проявлениям человеческого достоинства (для начальства это опять же вызов, бунт, а зэки либо заподозрят провокацию — и тогда держись от «падлы» подальше, а то и убей его, — либо оценят как «ду-

рость» и не преминут воспользоваться ею ради собственной выгоды).

Цементирует «комплекс ГУЛАГа» зоологический эгоизм, сводящийся к максиме: «Умри ты сегодня, а я — завтра». Формула выживания в условиях, когда выбор средств резко ограничен и каждый сосед становится соперником... Все, не совпадающее с такой логикой, воспринимается как патология, нечто чрезвычайное. Так, один заключенный (мне потом рассказывали) запомнил меня на всю жизнь потому, что я в камере дал ему кусок хлеба с колбасой. Его еще не зачислили на питание, и я поделился с ним тем, что имел. Я тоже был тогда новичком в ГУЛАГе и еще не ощутил всей гнетущей мощи его психологического комплекса, отрицающего какие бы то ни было «сантименты» в отношениях между людьми.

Фундаментом «комплекса ГУЛАГа» был и остается культ силы. Агрессивность одних, страх других, апелляция к насилию третьих, в поисках защиты и покровительства — и всеобщая убежденность в том, что только силовое решение проблем по-настоящему эффективно.

Я вовсе не хочу сказать, что все заключенные и весь надзорсостав были носителями таких качеств. Встречал немало своеобразных характеров, не укладывающихся в эту схему. Но речь не о них, а о системе и ее, выражаясь ученым штилем, эмерджентных свойствах, в той или иной степени воздействующих на каждого человека.

Надо сказать, что в свои лагерные годы я не анализировал и не оценивал лагерную психологию подобным образом. Будучи погружен — без отгулов и выходных — в ее атмосферу, я испытывал постоянный стресс, мучительный адаптационный синдром. Но именно благодаря этому стрессу зрение мое обострилось, и, выйдя из лагеря, я стал прозревать элементы «комплекса ГУЛАГа» повсеместно и понимать: эти бесконечные приписки, повальный брак, мелкие несунуны и крупные жулики, вранье на всех уровнях административно-командной системы и прочие «недостатки», бичуемые партийными постановлениями, депутатами, сатириками и автобусными витиями, — все это я уже видел в «зоне». Тогда, более 30 лет назад, для меня это было открытием, я все еще верил, что за пределами лагеря находится некая непорочная действительность. Сегодня вряд ли кто станет отрицать, что то, что названо мною «комплексом

ГУЛАГа», распространено и на всех «вольных» просторах нашей страны — от Москвы до самых до окраин. Только в лагере этот «комплекс» выражен наиболее концентрированно, тут его уже невозможно объяснить пресловутыми «пережитками капитализма» или недоработками школы и комсомола. Остается одно объяснение: рабская (лагерная) психология — адекватное средство ориентировки в породившей ее действительности «казарменного социализма», как эту систему называют одни, или «тоталитарной системы» и «азиатского способа производства», как ее предпочитают именовать другие.

Единство внутри- и внелагерного миров не сводится только к единой психологии. Эти миры строились по единому замыслу, их задумывали и строили одни и те же люди, они зиждутся на одном понимании должного, необходимого. Вот только в лагере эти «ценности» воплощены откровеннее, без оглядки на «абстрактный гуманизм» и демагогические идеологические клише. Эти миры связует общий «человеческий материал»: и эки, и лагерное начальство с «воли» взяты и на «волю» возвращаются, а их миграционные потоки и экономические связи окончательно скрепляют административно-командную систему с ГУЛАГом, ставшим ее изнанкой. Ничего удивительного в том, что некоторые события, происходящие в «зоне», могут сотрясать всю страну, меняя направление и характер исторических процессов.

Именно таково, на мой взгляд, происхождение многократно воспетой одними и охаянной другими «хрущевской оттепели». Многих экономистов, социологов, историков, с которыми мне довелось беседовать на эту тему, удивляет мое отношение к поре, которую часто называют предвестницей нынешней перестройки. Но я убежден, что причиной «оттепели» был не потрясенный гуманизм правителя, осознавшего пагубность содеянного Сталиным (хотя и без такого осознания, конечно, не обошлось), а кризис административно-командной системы. И в неотложности реформ убедили правительство именно политзаключенные.

ВОССТАВШИЙ ГУЛАГ

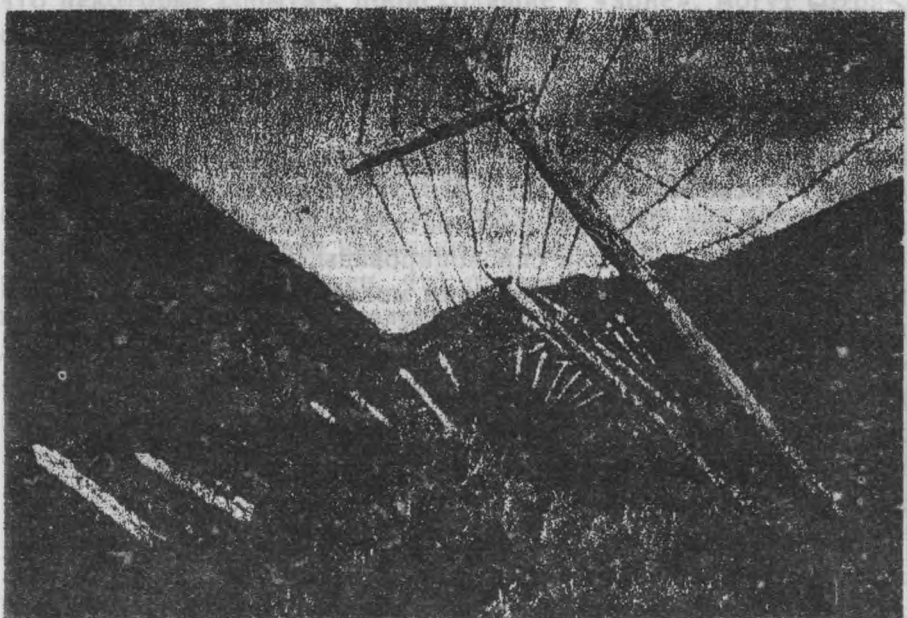
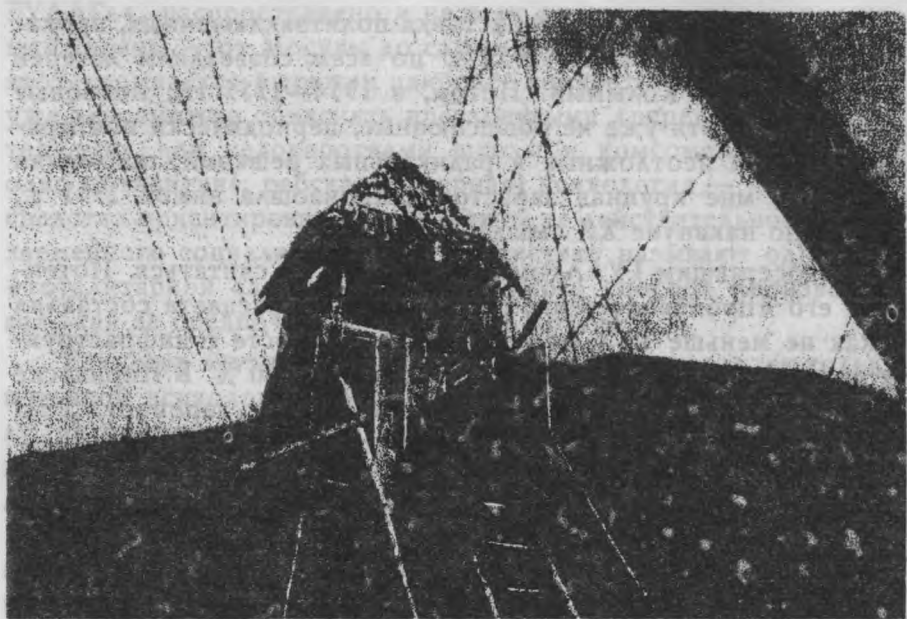
Да, к XX съезду с его разоблачениями и последующими массовыми реабилитациями Н. С. Хрущева и его окружение

подтолкнула всесоюзная забастовка политзаключенных, прокатившаяся весной—летом 1953 г. по всем созвездиям лагерей «от Бреста до Колымы». Потом, в 1954—1955 гг., подобные забастовки, хотя уже не общесоюзные, периодически повторялись, требуя неотложных и радикальных решений; последняя известная мне крупная забастовка произошла зимой 1955 г., буквально накануне XX съезда, в Воркуте.

С восставшим ГУЛАГом нельзя было не считаться. Потенциал его «производственной зоны» в пору расцвета составлял никак не меньше 10 % общесоюзного, а вместе с инфраструктурными отраслями, возможно, доходил до 50 %. В Норильске все шахты, заводы, жилье, железная дорога, аэропорт, ТЭЦ возведены заключенными и жили их трудом. Колымский Дальстрой, воркутинские и карагандинские угольные шахты, тайшетские лесоповалы и джезказганские медные рудники тоже держались на зэках. Ни для кого не секрет, что и так называемые «великие стройки коммунизма» — гигантские ГЭС конца 40-х — начала 50-х годов с «морями» и каналами строили зэки. Мне часто приходилось слышать от заключенных, что все в стране сделано «нами». Перехлест, конечно. Но такая смесь чувств бессилия и мощи взрывоопасна. ГУЛАГ стал пороховой бочкой.

Трудно сказать, были забастовки в ГУЛАГе стихийными или организованными. Их могло вызвать крушение надежд, которые политзаключенные связывали со смертью Сталина. Они надеялись, что всех «распустят». Но по «ворошиловской амнистии»⁴ освободили только уголовников. Забастовки стали актом отчаяния. Правда, подозрительна их синхронность. Не исключаю, что они были спровоцированы, к примеру, ставленниками Берии. Целью провокации могла быть дестабилизация, на фоне которой можно разыграть какой-нибудь всесоюзный спектакль и захватить власть. Но даже если это и так, движение политзаключенных вышло из-под контроля его тайных режиссеров. В крупных лагерях власть на несколько недель перешла в руки забастовочных комитетов. Просто удивительно, что заключенные тогда не разбежались из лагерей.

В Норильске (как, впрочем, и в других местах) забастовка проходила в два этапа. Первый этап закончился до того, как меня доставили в лагерь. А во время второго этапа я уже находился в лагере, правда, не в самом Норильске, а в Кайер-



кане (35 км от Норильска). Работал в бригаде грузчиков на перевалочной базе. Внутренние стенки вагонов, которые мы разгружали, были сплошь исписаны. Сообщалось: такого-то числа забастовала такая-то шахта, стройка, такой-то лагерь. Потом пошли надписи о том, что забастовка подавлена, сообщались трехзначные числа расстрелянных. Позже у нас в лагере появились «этапы» из бастовавших лагерей и стали известны подробности.

Поводом для забастовки было убийство заключенного охранником. Заключенные потребовали наказать убийцу и принять меры, чтобы подобное не повторилось. На первом этапе забастовки выдвигались в основном экономические требования (вроде тех, что выдвигали шахтеры летом 1989 г.). Требовали восьмичасового рабочего дня вместо ненормированного, выходных, отмены бессмысленных субботников (в редкие выходные либо проводился субботник, либо заставляли заключенных часами маршировать в жилой зоне). Требовали ввести оплату труда (до 1953 г. деньги в лагерях политзаключенных были криминалом: тот, у кого увидели рубль, получал 60 суток БУРа¹). Разрешить свободную переписку (разрешалось только два письма в год, и то через цензуру). Отменить «собачье вождение»: заключенных в Норильске водили на работу под конвоем и с собаками. Смягчить режим в лагерях для политзаключенных. После работы давался всего час-два на хождение в столовую и т. п., а на ночь — под замок в бараки с решетками на окнах. На груди, на спине, на коленке, шапке у заключенных были нашиты номера, размером с автомобильные. Заключенные настаивали, чтобы номера, решетки и замки с барачков были сняты. Некоторые требования можно назвать политическими. Например, требование пересмотра всех дел.

Вести переговоры с местным начальством бастовавшие во всех лагерях отказывались: «Пусть приедет комиссия из Москвы».

Комиссия приехала. Переговоры шли по ритуальной схеме. Стол, накрытый красной тканью, на нем графины с водой и пачки папирос «Казбек». По одну сторону — комиссия, по другую — заключенные. Они предупредили: среди нас нет членов забастовочного комитета (и вам их не найти), мы уполномочены лишь передать требования заключенных. Если хоть одного из нас накажут, забастовка будет продолжаться. Члены

комиссии обещали: «Слово коммунистов, что никто не будет наказан. Чего просите?» В ответ — жестко: «Мы не просим, а требуем». Многие требования были удовлетворены немедленно. Вечером того же дня заключенных уже сажали в БУР за ношение номера (накануне сажали за его отсутствие). А для разрешения более свободной переписки надо расширить штат цензоров. Для введения оплаты труда нужны бухгалтерия и расценки. Но и это обещали вскоре выполнить. Лишь по поводу амнистии и пересмотра дел было сказано, что комиссия не имеет полномочий для таких решений, но доложит правительству, которое наверняка пойдет навстречу...

Заключенные поверили и приступили к работе. Но примерно через месяц стали одного за другим уводить в БУР тех, кто разговаривал с московской комиссией, и готовить этап для отправки неведомо куда. И тогда начался второй этап забастовки. Требовали теперь одного: верните наших товарищей. Но что-то «наверху» переменялось. Берия уже был арестован. И по поводу бастующих, видимо, поступило другое «слово коммунистов». Вряд ли лагерная администрация сама решилась на такое...

Войска пытались войти в жилую зону то через ворота, то через разрубленную колючую проволоку — но туда же устремлялись заключенные. Стоят стеной и молчат. Штыки солдат упираются им в грудь... Несколько недель заключенные жили в таком напряжении да еще и на штрафном пайке — всего 300 г хлеба в сутки. Но к продовольственным складам, находившимся в жилой зоне, голодные эки не прикасались, чтобы не дать повода для введения войск в зону. И все же в конце концов войска ворвались в лагерь и стали стрелять. А потом расстреливать тех, кого сочли заслуживающим наказания.

В нашем лагере забастовки не было. Была лишь одна ночь... Заключенные вооружились чем попало и стали избивать, убивать всех, кто до этого их истязал: бригадиров, стукачей, их прихлебал (нечто подобное описал Солженицын). Назвали эту ночь «воробьевской» — по имени организатора, которого потом куда-то увезли. Кстати, в бастовавших лагерях тоже «воздали по заслугам» зверствовавшим бригадирам, стукачам и прочим ставленникам лагерной администрации. В одном лагере по радио объявили: если стукачи поднимутся на крышу барака-клуба и покаются, им сохранят жизнь. Каялись. В другом

стукачей (их всех знали) перебрасывали через колючую проволоку туда, где стояли войска: «Заберите свое дерьмо». А в нашем лагере многие были убиты в «воробьевскую ночь». Уцелели лишь спрятавшиеся в БУРе. Спрятался и один бригадир, особенно зверствовавший. Лишь месяца через три администрации удалось заставить его выводить на работу БУР. Едва конвой вывел бригаду и расставил флажки оцепления, как заключенные, разобрав инструменты, тут же набросились на бригадира и зарубили его лопатами. За это убийство, как и за «воробьевскую ночь», насколько мне известно, никого из заключенных не наказали. БУР же практически прекратил существование.

Вот когда можно было убедиться, что, сидя в лагере, узнаешь о своей стране больше, чем на воле. В газетах о массовых возмущениях заключенных, конечно, не писали, а о прочем печатали невнятные заметки, подлинное значение которых было понятно только в лагерях. Видно было, что власти лихорадочно ищут способа избавления от пороховой бочки, в которую превратился ГУЛАГ. Но они не представляли себе масштабов проблемы. Издавали в растерянности указы об амнистиях, о послаблениях, организовали расследования несправедливых приговоров⁶.

Но за год можно расследовать сотню, тысячу дел, а речь шла о миллионах и миллионах. И только созданные после XX съезда комиссии Президиума Верховного Совета, приехавшие прямо в лагерь, в считанные недели рассмотрели дела политзаключенных. Вызывали человека на заседание комиссии и после пятиминутной беседы освобождали. Так же формально, как прежде осуждали, приговаривали к ссылке, тюрьме или расстрелу. И то, и другое делали «тройки», только теперь «тройка» была от Президиума Верховного Совета. Та же машина закрутилась в обратную сторону...

Остается только гадать, что могло случиться, если бы более трех десятков лет назад не провели амнистий, реабилитаций, смягчений режима и прочего «выпускания пара». Рухнула бы еще тогда административно-командная система или пришел бы к власти новый фашиствующий диктатор? Одно несомненно: чтобы точнее оценить некоторые этапы в истории нашего общества, понять экономику нашей страны, необходимо изучать бытие ГУЛАГа.

В какой мере эти заметки могут способствовать такому изучению? И разве можно всерьез говорить об исследованиях в условиях недоступности ГУЛАГовских архивов для историков, социологов, экономистов?

Доступ к архивным материалам, разумеется, не заменить ничем. Но, во-первых, многие материалы, позволяющие, пусть косвенно, оценить некоторые стороны деятельности ГУЛАГа, вполне открыты, что позволяет по крайней мере начать разработку множества сюжетов. Огромную ценность, на мой взгляд, представляют свидетельства очевидцев, имевших дело с ГУЛАГом — по обе стороны колючей проволоки. Эти свидетельства иной раз подводят к таким вопросам, к которым даже самые секретные документы не могут ни привести, ни ответить на них.

Вот один из таких вопросов:

КТО ПРАВИТ ГУЛАГом?

До 1948 г. норильские лагеря для уголовников и политзаключенных входили в общую систему Норильлага. Потом из нее выделили систему лагерей для политзаключенных, назвав ее Горлагом. До сих пор не могу расшифровать эту аббревиатуру: то ли «горный лагерь», то ли «государственный особорежимный лагерь». Во всяком случае, до всесоюзной стачки политзаключенных, действительно, держали на особом, более жестком режиме, чем уголовников.

Лагерь ежедневно поставлял рабсилу для находящихся поблизости шахты и железной дороги, перевалочной базы, управления жилищного строительства и других предприятий. С ними он был связан долгосрочными договорами. Предприятия платили лагерю за «трудовые ресурсы», за каждую голову⁷. Заключенные до забастовок, как я уже говорил, не получали за свою работу ни копейки. Кормили скудно и плохо (только чтобы не околели). Правда, за чистотой в 50-е годы следили. Бараки регулярно дезинфицировали, постельное и нательное белье хоть и застиранное, ветхое, но чистое.

Осужденных по 58-й («политической») статье «органы» считали самыми опасными преступниками. Охранники и уголовники называли их «фашистами». В то же время хозяйствен-

ники, руководители предприятий боролись за то, чтобы к ним на работу направили не уголовников, а именно «фашистов». Лагерная администрация прекрасно понимала это и использовала в своих интересах.

Здесь стоит более детально обрисовать отношение к труду в ГУЛАГе и вокруг него.

Прежде всего, следует различать среди уголовников «профессионалов» и «бытовиков». Для первых труд является антиценностью. Многие из них, будучи «на воле», тратят на свою преступную деятельность больше физической и умственной энергии, чем законопослушные граждане на общественно полезный труд. Другие либо подражают первым, либо зависят от них, либо — самые, возможно, страшные — просто слабые, опустившиеся люди, ничего не умеющие делать, кроме как «шестерить» — находиться в чьем-нибудь рабском услужении — за выпивку, наркотики, потакание порокам. (Я здесь не касаюсь различных «мастей» среди «профессионалов»: все эти «воры в законе», «суки», «махновщина» и т. д. с их бесконечными «толковищами», «разборками», поножовщиной делают невыносимым существование рядом с ними прочих категорий лагерного населения, но прямого отношения к теме не имеют). Лагерная администрация оставила надежду на то, что их можно заставить работать. О «перевоспитании», разумеется, и речи нет, хотя время от времени попытки предпринимаются, но, как всякое социальное дилетантство, выливаются в бесполезное мучительство и лишь ухудшают положение остальных заключенных.

Иное дело — «бытовики». Это те, для кого преступление как таковое не профессия, а либо своеобразное «хобби» (хулиганье, например), либо нечто из ряда вон, жизнеобеспечение же основано на труде. Сюда же относятся и те, кто совершил преступление, выражаясь языком Уголовного кодекса, «в состоянии аффекта», или защищаясь от насилия, притеснений, или по неосторожности, несчастному стечению обстоятельств, и кто оказался вынужденным к преступлению нашим «социалистическим» образом жизни — колхозники, «укравшие» ими же выращенный хлеб, чтобы не пропасть с голоду, или те, кого ныне называют «дельцами теневой экономики» — осужденные за «предпринимательскую деятельность» или «бескорыстные преступления» (существовал до самого последнего времени та-

кой термин: это когда не для наживы, а чтобы не дать остановиться производству на государственном предприятии, кто-нибудь нарушит один из бесчисленных параграфов, регламентирующих все и вся в хозяйственной жизни). Бытовики в лагере относятся к работе как к неизбежному злу. Неизбежному — потому, что уклонение от труда влечет чудовищно жестокие санкции, а злу — потому что как еще можно относиться к грязному, тяжелому — на пределе сил, — почти не оплачиваемому труду на морозе, под дождем, при отсутствии самого необходимого: туалетов, спецодежды, добротного инструмента?

Чтобы преодолеть естественное стремление эков увильнуть от такой работы или ограничиться ее имитацией, в лагерях практиковалась система «зачетов»: рабочий день засчитывается заключенному за два, а то и за три дня — в зависимости от выработки (при условии, конечно, хорошего поведения, т. е. чтобы не было нарушений режима). Но уголовники-профессионалы, да и хулиганье, которое и в лагере остается хулиганьем, обращают эту систему в свою пользу, заставляя «мужиков», как они называют работающих бытовиков, вписывать себя в наиболее успешно работающие бригады и звенья, обеспечивая таким образом не только прикрытия своего безделья, но и досрочное освобождение, да еще и с положительной характеристикой. Вдобавок сказывается еще и эффект «комплекса ГУЛАГа»: чтобы заработать зачеты, зэки «гонят туфту» в гомерических размерах, что — в силу того же комплекса — покрывается начальством всех уровней.

Но на «фашистов» зачеты не распространялись. Да и сомнительно, чтобы они могли стимулировать тех, у кого срок 25 лет⁸. Ведь чтобы заработать 3-кратный зачет, надо выполнять норму не менее, чем на 151 % — мыслимо ли такое изо дня в день на протяжении 8 лет (без выходных и больничных)? Да еще не забыть, что нормы-то при такой выработке будут повышаться — раз уж они систематически перевыполняются. Впрочем, в 30-е годы, да и в войну, были и для политических зачеты и другие льготы, как и для «социально близких» (уголовников), — вплоть до разрешения проживать вне «зоны». Но сегодня разрешают, а завтра, глядишь — до обеда ты был почти что «вольный», семья у тебя, дети, а в обед пришла бумага из Управления, отменяющая это разрешение, и с рабо-

ты тебя уже под конвоем в лагерь ведут, а что жена и дети даже и знать не будут, отчего это их муж и отец с работы не вернулся, — так пусть они хоть пропадут пропадом! Оказывается, все эти льготы и послабления были «экспериментом». А как же: социализм — это вам не утопия, а наука. А какая же наука без эксперимента? На людях, конечно, всегда на людях — и Менгеле, и Берзин, и кто там еще?»

Как бы то ни было, в послевоенное время зачеты «фашистам» были не положены. И работали они за пайку. Кто не работает, тот не ест. Это, конечно, всего лишь принцип, на деле уголовники-профессионалы и полупрофессионалы при попустительстве администрации, заинтересованной — о комплекс ГУЛАГа! — в благополучных общих показателях по каждому из обслуживаемых объектов и по лагерю в целом, числились в бригадах, и если принимали участие в общем трудовом процессе, то только в качестве беспощадных погонял, вооруженных вместо классического надсмотрщицкого бича ломиком (хотя «воровской закон» запрещает «честному вору» не только самому работать, но и других принуждать к работе, да где он, тот «закон», и какому суду жаловаться на его нарушения?). Нетрудно понять, почему администрация не только сквозь пальцы смотрела на такую «организацию труда», но сама ее устраивала и поддерживала.

Что в этой системе не устраивало руководство ГУЛАГа, почему в 1948 г. по всей стране «фашистов» повсеместно стали сгонять в особорежимные лагеря (наш Горлаг, джезказганский Степлаг, тайшетский Озерлаг, колымский Берлаг и т. д.)? Понимание особой опасности именно этого «контингента» — ни в чем не виновных в массе своей людей, готовых, в силу практически пожизненных сроков заключения, на самую отчаянную борьбу и способных к такой борьбе (большинство не утратило еще навыки владения оружием)? Слепая ненависть к «политическим»? Шаг навстречу требованиям хозяйственников, не желавших «акцептировать» на своих объектах анархическую уголовную рабсилу с ее вечными эксцессами, неразберихой? Формирование силы, способной сыграть роль проходной пешки в предстоящей — в связи с неизбежной в будущем смертью Сталина — политической шахматной игре? Очередной социальный эксперимент?¹⁰

Так или иначе — лагеря такие были созданы. И поскольку никакой другой опоры, кроме уголовников, начальство в лагере не могло себе представить, то уголовный элемент был подмешан и сюда. Именно после 1948 г. сложилась практика осуждения по «политической» 58-й статье¹¹ за заведомо уголовные преступления: скажем, убийство с целью ограбления, но если убитым оказывался коммунист, то убийца к своему ужасу становился «фашистом». Давали 58-ю и за отказ от работы, и за членовредительство, и даже за попытку самоубийства (все это подводилось под пункт о саботаже).

Вернемся, однако, к вопросу о том, кто правит ГУЛАГом. На первый взгляд, все ясно: в каждом лагере (точнее, лаготделении), подчиняющемся Лагуправлению (а то — Главному Управлению министерства), есть начальник с целым штатом различных служб — «частей»: учетно-распределительной (УРЧ), административно-хозяйственной (АХЧ), культурно-воспитательной (КВЧ) и т. д. Лагерь делится на колонны, колонны на бригады — основные производственные и бытовые единицы, каждая от 3 до 150 человек, живущих в одном бараке и работающих на одном участке. Начальники колонн и бригады — преимущественно уголовники (или политические с уголовной жилкой в характере). Ни те, ни другие сами не работают — это легально. Но ниже — как в сказке: чем дальше, тем запутанней.

Бригадир делит бригаду на звенья и назначает звеньевых — тоже в основном уголовников. Звеньевые формально не освобождены от работы, хотя ни один звеньевой до забастовок не брал в руки лопату (исключая шахтерские звенья, где всегда были другие порядки). Когда я попал в лагерь, звеньевые уже работали, но не в общем ритме, отвлекаясь на всякие учетно-оформительские и переговорные дела и выяснения отношений. При бригадире — почти официальный «помогайло» (помощник). Считается, что он работает и между делом подгоняет других. Но ясно, что и он не работник. Плюс — как и в общем лагере — кучка отпетых уголовников, избивающих заключенных, чтобы те вкалывали не разгибая спины (сам бригадир до рукоприкладства, как правило, не опускается). Добиваются рабочего повиновения бригадиру и себе, обирают заключенных: отнимают хлеб, львиную долю редких посылок. В столовой наливают сначала хорошие, густые порции бригадиру с его приближенными, а потом уже остальным. Раздатчик понимает,



что и дня не продержится на кухне, если не будет подкармливать эту уголовную «инфраструктуру».

Работают все в бригаде примерно с одинаковым напряжением, но силы, способности не у всех одинаковые. Деля бригаду на звенья, бригадир учитывает возможности каждого. В первое звено обычно отбирают наиболее сильных, они делают самую тяжелую работу, их лучше кормят, и, кроме того, бригадир отдает им почти весь заработок бригады. Поддерживает бригадир и «средняков» — второе звено. А в третье списывает неумех и доходяг. Такая структура бригады примерно, хотя и грубо, отражает общее отношение к работе, силовой потенциал бригады. Однако немало и исключений из правил. Случается, что бригадир числит в третьем звене и сильных, но строптивых работяг. А того, кто послабее, но поугодливее по отношению к нему, может перевести в первое. В первом звене числится и вся бригадирова уголовная гвардия.

«Кадровые перемещения» сопровождаются взятками. Попав в первое звено, ты должен что-то дать бригадиру. У бригадира появляется свой фонд. Умный бригадир тратит его не только на себя. Платит звеньевому, если забирает из его звена сильного работягу или заставляет вписать неработающего. Дает взятки нарядчику, на кухне, а кухонный персонал подсовывает взятки бригадирам и нарядчикам, нарядчики — лагерной администрации, руководители предприятий — нарядчикам, чтобы прислали бригады посильнее. Нарядчики, в свою очередь, подкупают хозяйственников, чтобы в нагрузку к хорошей бригаде подсунуть и бесполезную. В конце концов все запутывается, и взятки идут по кругу. Взятки дают спиртом, деньгами (которые нарядчики отдают «вольняшкам» из прилагерного поселка взаимы или на хранение), хорошей едой, одеждой, женщинами; женщины платят своим телом.

В лагере процветает все, что называют теневой экономикой. То, что она в тени колючей проволоки, сути ее не меняет. Ее стимулирует отсутствие легальных товарно-денежных отношений и способов поощрения квалификации, умений, способностей. Теневая экономика дает и возможность для экономического маневра. Правда, возможности такого маневра сильно ограничены крепостной зависимостью лагеря от тех предприятий, к которым он приписан на много лет вперед. Но начальство нашло лазейку для невыполнения договора, требующего

ежедневно поставлять рабсилу на эти предприятия и не оставляющего рабочих рук для выполнения, скажем, каких-то авральных работ на «чужом» предприятии, чтобы получить за это дополнительные блага. Вот тут на выручку приходит... БУР: из тех, кто в него посажен, формируются бригады усиленного режима. Их-то и отправляют на работы, не означенные в договорах. Нужно только постоянно пополнять БУР. К примеру, меня направили туда в первый же день моего пребывания в лагере. Начальнику не понравилось, с каким интересом я глазел по сторонам на разводе. Бывало еще и так. Приходит начальник режима в барак, выплевывает окурочек на чистый пол, смачно растирает каблуком — и: «Дневальный, бардак тут у тебя». Тех, кто возмутится, — в БУР. А если никто не возмутится, все равно посадят двух-трех человек. Сами и решат, кого. БУР требует людей. (Не был ли и весь ГУЛАГ гигантским БУРОм для административно-командной системы? Убежден, что так оно и было, но об этом — ниже.)

Известно, что теневая экономика укрепляет горизонтальные связи и ослабляет влияние официальной власти, центра. Произошло такое и в Горлаге. На пути к Кайеркану, в Красноярском пересыльном лагере меня и еще одного парня предупредил об этом бывалый зек. «Имейте в виду, в лагере можно прожить по-всякому. Но я скажу вам, как прожить нельзя — если будете бегать к «куму». Он вам будет обещать хорошую работу и большую пайку. Не верьте. Не может он этого сделать, даже если захочет. Не в его власти. От него вообще мало что зависит».

Вскоре я убедился в бессилии «кума» (оперуполномоченного), да и всей вольнонаемной лагерной администрации. Это только кажется, что всем в лагере управляет вольнонаемное начальство с погонами. Оно слишком далеко от повседневной жизни заключенных. Начальника лагеря я за пять лет видел всего пару раз на разводе и даже лица его не запомнил. В спецчасти (нечто вроде отдела кадров) побывал только раз, в ППЧ (планово-производственной части) — ни разу. Помня предостережение, не «клюнул» на скользкие разговоры, которые завел со мной оперуполномоченный, предлагавший всем новичкам «доказать делом» свою лояльность к Советской власти («стучать» на других заключенных). Власть этих начальников иллюзорна (если не считать общережимной регламентации —

«тащить и не пущать»). В действительности правят бал в лагере 2–3 нарядчика из заключенных и бригадиры с их штатом. Да еще «комплекс ГУЛАГа».

Все это, разумеется, верно лишь применительно к повседневной жизни, включая, впрочем, и столь важные «моменты», как переброска заключенных, а то и целых колонн, из одного лагеря в другой: принимает решения золотопогонное начальство, но готовят его все те же нарядчики. Не удивлюсь, если по открытии архивов выяснится, что и решения о таких гигантских стройках, как, скажем, Куйбышевская ГЭС, принимались на самом верху в интересах вовсе не государства, а коррумпированных групп, т. е. все той же уголовщины, единой благодаря своим связям как внутри, так и вне лагеря.

И вообще, говоря о сталинском ГУЛАГе, неизменно живописуют свирепую жестокость его порядков, тогда как главный, на мой взгляд, вопрос здесь другой:

ЗАЧЕМ ОН, СОБСТВЕННО, БЫЛ НУЖЕН, ЭТОТ ГУЛАГ?

Добро бы его «клиентуру» составляли одни уголовники. Правда, и тогда это было бы ужасно, поскольку Уголовный Кодекс Административно-Командной Системы относит к преступлениям самую разнообразную деятельность, почитаемую во всем остальном мире как вполне достойную¹² — предпринимательство, частную торговлю, посредничество, защиту и самозащиту от оскорблений и насилия... всего не перечислить. Но ладно, пусть все это относится к издержкам «социалистического выбора». Но ведь острие тюремно-лагерной системы было направлено против «политических», причем счет их шел на миллионы. Это-то зачем? Во всяком случае — не для обеспечения безопасности государства и режима. Хрущев распустил эти миллионы по домам — и ничего, социализм, хотя и несколько модернизированный, не рухнул. Известно также, что к катастрофе 1941 года страну привели не «троцкисты-зиновьевцы», а сталинское руководство.

Официальное обоснование возникновения этой системы, будь оно опубликовано, скорее всего могло бы служить лишь примером псевдохозяйственной идеологической риторики. Под-

линные задачи, по-видимому, зафиксированы разве в протоколах каких-то сверхсекретных совещаний Политбюро ЦК ВКП(б), хранящихся в доступных одному только, может быть, генсеку партархива. Остается строить догадки о том, как неизбежные «трудности» осуществления утопических планов коллективизации-индустриализации — в первую очередь, естественное сопротивление неподатливого «сырого человеческого материала» — вынудили абсолютно некомпетентных в хозяйственном отношении больших и маленьких начальников и активистов, чей менталитет был сформирован средой, в которой ненависть (не только классовая — всякая) почиталась добродетелью¹³, прибегнуть к насилию, к массовому насилию.

Счет сразу же пошел на миллионы. Имеются сведения, что в 1934 году Сталин дал указание Госплану срочно подготовить экономическое обоснование использования принудительного труда больших масс людей в определенных географических пунктах¹⁴. Связано ли было это задание с установкой на более эффективную эксплуатацию труда высланных «кулаков» или же с планируемым Большим Террором? Так или иначе, форсированная индустриализация требовала экстенсивного развертывания инвестиционного и энергетического комплексов, а также сырьевого — как для собственных нужд, так и на экспорт, для приобретения валюты. И все это, в свою очередь, требовало перемещения огромных масс неприхотливой, беспрекословной и дешевой рабочей силы к «определенным географическим пунктам», желательно — без затрат на социальную инфраструктуру. ГУЛАГ подходил для этой цели идеально. (Практиковались и более цивилизованные формы, так называемый набор, но они в основном выполняли функции вербовки квалифицированных работников и обеспечения дисперсных работ — таких, как геологоразведка, например).

Тюремно-лагерная система заработала как своеобразный насос для перекачки рабочей силы из «трудои избыточных» районов и отраслей в «трудонедостаточные». Бурная урбанизация, неизбежно влекущая ломку традиционной ценностно-ориентационной системы выброшенных в город вчерашних крестьян, всегда сопровождается ростом преступности, что гарантировало этому насосу материал для «законной» работы.

Но уголовная преступность в целом могла служить резервуаром лишь неквалифицированной рабсилы и вдобавок, как

любая стихия, плохо поддавалась планированию. Политические обвинения в этом смысле удобнее: различные арестные кампании можно было проводить по потребности. По чьей потребности — очень важный вопрос. Соперничество по поводу власти и влияния в высшем эшелоне, по-видимому, не нуждалось в столь громоздкой системе — побежденных, как правило, расстреливали. Шумные политические кампании (вроде «борьбы против космополитизма»), сопровождавшие всякое изменение «генеральной линии», нужны были политическому руководству для поддержания «градуса» террора на считавшемся необходимым уровне и одновременно давали материал для ГУЛАГа. Но образ начальника режима, растирающего брошенный им же окурок на свежевывитом полу лагерного барака, чтобы сфабриковать предлог для пополнения БУРа недостающей рабсилы, наводит также и на гипотезу об аналогичной природе ряда массовых арестов. ГУЛАГ как система принудительной мобилизации рабочей силы, несомненно, был организационным воплощением одного из важнейших «преимуществ социализма» — неограниченной возможности концентрации трудовых ресурсов на любых направлениях.

Ныне рудиментом этой системы являются, по-видимому, стройбаты (унаследовавшие, кстати, многое из гулаговских нравов доброго старого времени), показывающие, что насос принудительного труда вполне может обходиться и без следственно-тюремного аппарата на входе. Что ж, это лишний раз демонстрирует общую закономерность эволюции — специализацию структур для выполнения специализированных функций.

Была ли экономически эффективна система ГУЛАГа? Нам не известны ни методики, ни данные, которыми манипулировал экономический отдел НКВД-МВД. Но из бесед с бывшими руководителями гулаговских управлений и участков знаю: ни ценовых, ни стоимостных ограничений они в «те еще» времена не знали: все работы оценивались по фактическим затратам, т. е. по потребности. Вообще, экономическая эффективность ГУЛАГа — тема, в рамки данных заметок не вмещающаяся, но очевидной представляется некорректность оценки этой экономики по критериям рынка, в принципе не совместимого с ГУЛАГом как системой. Точно так же нелепо было бы оценивать «в неизменных ценах» эффективность труда пещерных людей.

К обсуждаемому вопросу близка еще и такая тема:

ГУЛАГ И НТП

До сих пор существует миф, что при всей своей бесчеловечности ГУЛАГ обладал важным достоинством: возможностью оперативно манипулировать не только огромными контингентами дешевой и беспрекословной рабочей силы, концентрируя их на важнейших народно-хозяйственных объектах, но и сосредоточивать, когда требовалось, мощнейшие интеллектуальные силы на решении ключевых задач обороны и НТП. Подтверждением служит перечисление различных «шарашек» — опытно-конструкторских и научно-исследовательских организаций, укомплектованных заключенными, почти поголовно «фашистами», в том числе такими, как Королев, Туполев, Тимофеев-Рессовский (одна из таких «шарашек» описана в солженицынском «В круге первом»). Унижение, которому подвергались ученые и конструкторы, бесстыдная эксплуатация их любви к своему делу, цинизм их сановных руководителей при этом как бы выносятся за скобки¹⁵. Главное — результат: мы всего через 4 года после американцев сделали атомную бомбу (тогда как они утверждали, что нам понадобится для этого как минимум 25 лет), мы раньше их сделали водородную бомбу, бросили в космос спутник. Мы.

Но кто эти «мы»? Если действительно мы, т. е. «вся нация минус привилегированные» (по выражению Мирабо), — то что мы получили в результате всех этих достижений? Цепь экологических катастроф, хронические продовольственный и жилищный кризисы и такое же хроническое бездорожье, самый низкий даже по меркам развивающихся стран уровень жизни, стремительно растущую детскую смертность, отсталое здравоохранение, страх и ненависть соседних и «присоединенных» народов. И чудовищную регламентацию всех сфер жизни — от выбора места жительства до выбора красок и перспективы на полотнах живописцев. Но даже если «мы» — это «верхний эшелон», партийно-государственная верхушка с ее армией, МГБ-КГБ и ГУЛАГом, то чего эти «мы» добились, бесконтрольно «концентрируя» огромные ресурсы огромной страны на важнейших (по какому критерию?) направлениях? Вся соль в этом вопросе — о критериях. Концентрируя ресурсы на азимутах, выбранных не «нами», а «миром чистогана», «нам» удавалось его обогнать... к тому времени, когда вектор НТП оказывался

уже давно повернутым в другом направлении. Но если вектор не менялся, то при всей нашей бесчеловечной концентрации никакого обгона не получалось — даже на тех направлениях, где мы поначалу лидировали — ни в космосе, ни в атомной технике, ни в вооружениях. А уж когда свободный мир шагнул в информационную эру, «мы» со всей нашей концентрацией оказались оставшимися в другом историческом пространстве, отставшими — как выразился один японский ученый — навсегда. Утратив при этом даже и способность манипулировать экономикой: она стала неуправляемой — в значительно большей степени, чем «стихия рынка».

Эта неспособность «шарашечного» подхода к сколько-нибудь успешному продвижению в сфере информатики была обнаружена (но так и не получила адекватного осознания) еще в те годы, к которым относится время действия романа «В круге первом» (кстати, описываемая там «шарашка» как раз в этой сфере и оказалась несостоятельной). Может быть, поэтому в нашем лагере оказалась большая группа заключенных из разогнанной подмосковной «шарашки», занимавшейся тем, что «на воле» называли «лженаукой», во всем остальном мире — кибернетикой. Кого там только не было! Бывшие радиолокаторщик, летчик-истребитель, почти безграмотный токарь, радиотехник, доктор геолого-минералогических наук, кандидат технических наук — авиаинженер. Как попали в «шарашку», специализированную на электронике, геолог и авиатор? Видимо, искали по картотеке докторов и кандидатов. И нашли. Концентрировать, так концентрировать.

Душой НТП является не концентрация ресурсов, хотя бы и интеллектуальных, а инициатива, но ее-то «комплекс ГУЛАГа» и убивает, а если у кого-то она все же проявляется, — система безжалостно отторгает такого инициатора. Примеров тому — что в лагере, что вне его — я видел множество. И сегодня убежден: утверждение, что НТП в нашей стране находится в плачевном состоянии, неверно, у нас просто нет НТП как социального процесса, обслуживающего потребности общества и обусловленного ими. То, что мы называем НТП — множество различных научных и технических достижений, — обусловлено у нас не потребностями общества, а борьбой ведомств за свою долю общественного пирога, да еще капризами различных чиновников. Конечно, есть академии, НИИ и КБ, и многие их

сотрудники заинтересованы в научных исследованиях и создании новой техники, но административно-командной системе и то и другое скорее мешает, и первая ее реакция на новизну и творчество — отторжение. ГУЛАГ и в этом отношении лишь более прямолинейно воспроизводит свойства породившей его и обслуживаемой им системы.

ЖЕСТОКОСТЬ

Надо полагать, хозяев ГУЛАГа — высший эшелон политической и хозяйственной власти — эта система устраивала, и отказались они от нее не по доброй воле. Но зачем ей, этой системе, нужна была такая жестокость, которую даже звериной назвать нельзя: звери убивают, но не мучают? Зачем все эти пытки в следственных кабинетах, бесчеловечные условия содержания в тюрьмах, мучительные этапы в битком набитых вагонах и трюмах, бесконечные издевательства в «зонах», истязание и умерщвление голодом и убийственным трудом? Весь этот крошечный ад — зачем? Или — почему?

Задавая такой вопрос, мы, в сущности, молчаливо предполагаем, что тюремно-лагерная система «реального социализма» могла бы функционировать без мучительства, так сказать, иметь «человеческое лицо» — предположение более чем странное.

Но возражат: ведь в самом деле, когда не удавалось даже под пыткой вырвать у подсудимого признательных показаний, разве не приговаривало в таких случаях таинственное и знаменитое Особое Совещание обвиняемого к 10 и 20 годам заключения, к расстрелу, не утруждая себя ни поиском подходящих статей Уголовного Кодекса, ни даже минутным непосредственным контактом с приговоренным? Разве не приговаривало то же Особое Совещание людей к расстрелу и вовсе без предварительного следствия? Так почему же удобная практика не была возведена в принцип? Причем пропагандистский эффект собственных признаний осужденных можно ведь было бы и сохранить, их можно было просто сочинить, а уж печать донесла бы это «жгучее слово большевистской правды» до самых широких масс, и никто не осмелился бы усомниться. Разве не так?

Видимо, все же не так.

Правда, принцип бессудности отчасти был реализован: так расправлялись с «кулачеством как классом», с неугодными писателями или оппозиционерами еще в начале 30-х. Но, вероятно, высшей властью было решено, что такая практика, требуя чрезмерного множества местных особых совещаний («тро-ск»), неоправданно повышая их вес, противоречит централизму, грозя системе в целом утратой управляемости. Тут наибольшую важность представлял, по-видимому, следующий тонкий момент: сколь бы ни были беспощадны все эти «тройки», они действовали по собственному разумению, что с необходимостью порождало для «верхнего эшелона» проблему их преданности ему. На единомышленников в таких делах, как, скажем, убийство Кирова, полагаться было нельзя, нужны были не единомышленники, а соучастники, связанные ужасом перед самой мыслью об отступничестве. Нечеловеческие истязания и призваны были вселить ужас прежде всего в самих истязателей, разложить «органы», превратить их в абсолютное орудие высшей власти. Неустранимая утечка информации о пытках за пределы системы была тоже функциональна, поскольку способствовала запугиванию населения. А то, что «органы» неизбежно теряли при этом профессионализм, необходимый контрразведывательной службе (в самом деле, одно из двух: либо совершенствоваться в искусстве нахождения истины, скрываемой противной стороной, либо изощряться в искусстве выбивать из подсудимых ложные признания), видимо, не слишком тревожило правителей.

Но высказанные здесь соображения объясняют лишь жестокость следственной части, тогда как и собственно ГУЛАГ — от Соловков до Колымы — ничуть не уступал в этом отношении своей «входной» подсистеме. Чем это объяснить?

В самом деле, казалось бы, лагерная администрация должна в своих же интересах всячески заботиться о заключенных — основе своего существования, субстрате своего влияния и статуса. Почему же вместо заботы — издевательства, голод, эпидемии, расстрелы? Думаю, что по той же причине, по какой вполне, вроде бы, благонамеренные, нормальные советские люди делают непригодной для питья воду, которую пьют, непригодным для дыхания воздух, которым дышат, непригодной для жизни среду, в которой живут. Имя этой причине — отчуждение, глубочайшее отчуждение советского человека от своей же

собственной сущности, не говоря уже о не принадлежащих ему средствах производства продукции, распоряжаться хотя бы малой толикой которых он в состоянии только путем их расхищения, да еще порчи. Отношение, которое распространяется и на себе подобных, да и на самого себя. Речь, разумеется, вовсе не о сознательной рефлексии, а скорее о бессознательных установках, формируемых всей совокупностью общественных отношений «реального социализма», резче всего проявляющихся в лагере, — не более того.

Бывает, впрочем, и забота... Из приказа начальника строительства Бакальского (позже — Челябинского) металлургического комбината НКВД СССР А. Н. Комаровского: «... В целях предупреждения преждевременного износа рабочей силы установить временно следующие лимиты по группе "В" ...¹⁶ » (Далее перечисляются количества больничных коек, пеллагрических и цинготных пайков). Какова лексика! Надо сказать, Комаровский в общем был, видимо, вовсе не злым человеком, но вот счел необходимым создать режим заключения — с колючей проволокой, вышками, подконвойным (с собаками) вождением на работу и с работы и всеми остальными лагерными прелестями — для формально свободных граждан, поступивших в его распоряжение в качестве так называемых трудармейцев — в составе стройбатов, укомплектованных советскими немцами, выселенными из своих родных мест по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. После войны он руководил строительством (опять же силами «спецконтингента») Московского университета — не правда ли, характерный штрих к теме «ГУЛАГ и НТП»? А в Челябинметаллургстрое его сменил Я. Д. Рапопорт, один из руководителей строительства Беломорканала, прославившегося гибелью огромных масс заключенных; челябинским строителям он, наоборот, запомнился как более либеральный и интеллигентный (экономист, математик), нежели Комаровский, человек. Да ведь и известный многими действительно добрыми делами «первостроитель»¹⁷ Норильска А. П. Завенягин подписывал не дрогнувшей рукой приказы, обрекавшие на БУР (и стало быть, на смерть)¹⁸ десятки заключенных.

Снова и снова повторяюсь: лагерь — зеркало всего нашего общества в целом и в частности. Это общество в октябре 1917-го отвергло либерально-демократическую парадигму

вызревания социалистического уклада в недрах предшествующего ему капитализма, в которой насилие как таковое играет (по выражению Маркса) роль лишь «повивальной бабки», помогающей созревшему уже плоду социалистических производительных сил освободиться от сковывающих его пут капиталистических отношений. Отвергнув этот путь, оно приняло парадигму ленинскую (от которой к концу своей жизни отшатнулся сам ее автор, провозгласив «строй цивилизованных кооператоров» единственно возможным преддверием коммунистического общества): строительство коммунизма. В этом суть — не родовспоможение, а «строительство», которое, в сущности, есть не что иное, как манипулирование («советская власть плюс электрификация») массами людей в качестве материала стройки. Лагерное насилие воспроизводит это манипулирование и его подоснову — отношение к человеку как к вещи.

Ленин уподоблял коммунистическое общество большому оркестру, в котором — никакого насилия, одна лишь дирижерская палочка, и все вместе, ведя каждый свою мелодию, создают гармонию. Но попытка выстроить общество наподобие оркестра неминуемо обращает его в казарму — лагеря ли, стройбата, а дирижерскую палочку — в ломик помогайлы-надсмотрщика, не позволяющего зэкам уклониться от внесения лепты в общую гармонию.

* * *

Я дописываю эти строки в дни, когда наши правители пытаются — в который уже раз — навязать нам «социалистический выбор» — все ту же «гармонию» насилия и регламентации. Неужели нас ждут новые СЛОНЫ¹⁹ и АЛЖИРЫ²⁰?

март 1991 г.

* * *

Минуло еще без малого полтора года; наиболее безрассудные сторонники «социалистического выбора», отвергнутого на сей раз обществом, сидят в «Матросской Тишине». Но сколько соотечественников все еще ностальгически вздыхают по тем временам, когда в стране был «порядок», а в магазинах — копеечные крабовые консервы «Снатка», и ежегодно в марте — снижение цен... Это какую же надо душу иметь, чтобы тот *порядок* заслонял человеку миллионы изуродован-

ных, загубленных жизней и кровавую жатву, которую мы и по сей день продолжаем собирать на засеянных тогда полях? И какие мозги — чтобы не понимать, что сегодняшний хаос не порожден «так называемыми» демократами, а является закономерным следствием все того же *порядка*?

август 1992 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее под ГУЛАГом — как и у Солженицына — понимается не аббревиатура, означающая «Главное управление лагерей МВД СССР», а вся тюремно-лагерная система реального социализма в нашей стране.

² Статья писалась до краха режима, происшедшего в августе 1991 г., — надо ли *сегодня* убирать из нее приметы *того* времени и тогдашнего понимания ее предмета?

³ Такое утверждение выглядит преувеличением: так уж и «ни один». В самом деле, социологические исследования на эту тему (да и на какие бы то ни было другие темы) не проводились, и я сужу только на основании личного опыта. Но принятые вокруг «зоны» установки были таковы, что исполнение своих обязанностей самим «вольняшкой» воспринималось бы окружающими как вызов.

⁴ Эту амнистию теперь почему-то называют «бериевской». В то время ее называли «ворошиловской», поскольку указ о ней подписал, как и положено, тогдашний Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов. (У Б. Слуцкого: «По амнистии ворошиловской получила он свободу...»)

⁵ БУР — барак усиленного режима: часто этой же аббревиатурой обозначалась и бригада, выводившаяся из БУРа на работу.

⁶ До 1954 г. заявления политзаключенных, по-видимому, дальше лагерной спецчасти не шли. В соответствующую инстанцию отправлялся заполненный бланк: такой-то (ФИО, год рождения, статья, срок и т. п. реквизиты) просит о пересмотре дела (снижении срока, помиловании). Само заявление оставалось в спецчасти. Инстанция в ответ тоже заполняла бланк — крошечный клочок оберточной бумаги: Верховный суд (Прокуратура, Президиум Верховного Совета...) не находит оснований для пересмотра дела (снижения срока, помилования).

Я оказался одним из первых, чье заявление было реально рассмотрено: одну статью из моего обвинения исключили и срок снизили до 10 лет. Это было сенсацией! Многие решили, что у меня легкая рука, и я стал самым популярным писцом всевозможных заявлений, жалоб и прошений.

⁷ Вот цифры (1938–44 годы, Норильлаг): содержание (включая охрану, конвой и т. п. «накладные расходы») одного среднесписочного заключенного обходилось лагерю в 7–9 руб. в день, получал же он от заказчика за каждый отработанный заключенными человекодень 13–15 руб. (для сравнения: средняя заработная плата вольнонаемного работника составляла 28 руб., т. е. эски обходились заказчику примерно вдвое дешевле, чем «вольняшки»), выработка же на одного работника составляла 46–59 руб. Нужны ли комментарии?

⁸ В те времена 10 лет у «фашистов» считались «детским сроком».

Известный анекдот: «У тебя какой срок?» — «Двадцать пять». — «За что?» — «Да так, ни за что». — «Ну, это ты брось, ни за что у нас только 10 лет дают».

⁹ Как не сказать: уже в годы «оттепели», а потом и брежневского правления одной из любимых тем обществоведов и публицистов было обсуждение ну просто крайней необходимости экономических и социальных экспериментов. И никто — кроме, пожалуй, Ф. М. Бородкина — не вспомнил: ведь это все — на живых людях! Где там... Даешь социальный эксперимент — и все! То экспериментальные дома, то поселки целые, то системы оплаты труда — как на крысах, испытывают. Еще одно подтверждение того, что лагерь и «воля» зеркально отражают друг друга.

¹⁰ В официальных бумагах писалось о «принципе постатейного расселения заключенных», но «принцип» был и до того, и почему о нем вспомнили именно тогда, остается вопросом.

¹¹ Подразумевается УК РСФСР. Кодексы других республик имели соответствующие «свободно конвертируемые» статьи тоже.

¹² Вот характерный пример. Поссорились два человека, третий предлагает обратиться к уважаемому ими обоими четвертому как к третейскому судье, который и разрешает спор к общему удовлетворению. После чего всех четверых арестовывают и дают каждому 25 лет по 58-й статье. За Неуважение к Советскому Суду, Который Один Имеет Право Разрешать Споры Между Гражданами... А вы толкуете о становлении правового государства!

¹³ В. Маяковский (1916): «Я выжег души, где нежность растили...». И им восторгались такие вполне либерально мыслящие интеллигенты, как К. Чуковский. Позже, желая восславить Ленина, он же писал: «... он к врагу вставал железа тверже». Такая вот добродетель.

¹⁴ Это указание возникло не на пустом месте. СНК СССР еще 11 июля 1929 года принял постановление, которым «на ОГПУ возложена задача развития хозяйственной жизни наименее доступных, наиболее трудно освоенных [...] окраин [...] путем использования труда изолируемых социально опасных элементов» (цитируется по Приказу № 131 по ОГПУ от 25. 02. 1930)... Первые сталинские пятилетки.

¹⁵ На банкете по поводу успешного завершения какого-то проекта известный физик Ю. Б. Румер, оказавшись за одним столом с А. П. Берией, спросил его: «В чем, собственно, состоит наша вина, за что мы здесь сидим?» «Ни за что, — любезно улыбнулся Лаврентий Павлович, — если б было за что, вы бы сидели не здесь».

¹⁶ Группа «В» — освобожденные от работы по болезни.

¹⁷ Действительным первостроителем Норильска является В. З. Матвеев, но в 1938 г. он был смещен и расстрелян, и лавры «первого» были отданы сменившему его Завенягину. Ныне Матвеев реабилитирован, но не переписывать же из-за этого легенду...

¹⁸ Штрафной паек БУРа — 300 г хлеба и вода в течение не менее пяти суток — при тяжелой физической работе в условиях норильской пурги обрекал и без того ослабленного и измотанного человека на почти неминуемую смерть.

¹⁹ Соловецкий лагерь особого режима.

²⁰ Акмолинский лагерь жен изменников Родины.

В. А. Исупов

КРАСНЫЕ ПИРАМИДЫ

Социализм — дело хорошее.

И. Сталин

Еще совсем недавно многие сочинения советских историков были заполнены торжественными одами, славившими достижения СССР в области индустриального развития. Особенно назойливо подчеркивался форсированный рост промышленности, главным образом тяжелой. Песнопения эти, быть может, излишне восторженные, все же содержат известную долю истины. Объем промышленной продукции страны социализма только в довоенный период (с 1922 по 1940 гг.) увеличился в 22 раза. Внушительная цифра, от которой нельзя отмахнуться, хотя, несомненно, она завышена «лукавой» статистикой.

Но историки никогда, к сожалению, не задумывались над проблемой цены. Между тем индустриальные достижения коммунистического государства более чем щедро оплачены жизнями миллионов людей. Дорога в светлое будущее столь обильно полита кровью, что у нормального человека это вызывает оторопь.

Индустриальные гиганты коммунизма в этом отношении схожи с древними египетскими пирамидами, на строительстве которых была загублена не одна тысяча рабов. Между прочим, с практической точки зрения они являют собой образец бес-

смысленности. Главная и, по-видимому, единственная цель строительства этих циклопических игрушек — утверждать в веках незыблемость власти фараона. Спустя тысячелетия создание промышленных монстров в СССР в неменьшей степени преследовало цель создать материальную и идеологическую опору личной власти вождей большевизма. Для народа пуск в эксплуатацию какого-нибудь очередного металлургического комбината был так же бесполезен, как и пирамида Хеопса для рядового египетского крестьянина.

За тот же промежуток 1922—1940 гг. продукция промышленности группы «А» в Советском Союзе выросла в 45 раз, группы «Б» — в 13 раз, а валовая продукция сельского хозяйства всего лишь в 2 раза. Производство зерна в 1940 г. по отношению к 1913 г. увеличилось только на 11 %, молока — на 4 %, а мяса — даже сократилось на 6 %. Вместо столь нужных всем хлеба, молока, мяса, одежды, обуви, жилья выпускались чугун, сталь, станки, танки, самолеты. Жить, может быть, стало веселее, но вряд ли лучше.

Первая мировая война, последовавшие за ней две революции, гражданская война, разруха и голод бросили Россию в пучину демографической катастрофы. Боевые потери, «красный» и «белый» террор, массовое вымирание населения вследствие голода и сопутствующих ему эпидемий, снижение рождаемости, эмиграция привели к сокращению численности населения страны с 143,5 млн чел. в 1917 г. до 136,1 млн в 1923 г. (цифры даны в границах СССР до 17 сентября 1939 г.). Но это уменьшение населения России более чем на 7 млн чел. не охватывает, конечно, всех жертв первого приступа революционной лихорадки. По расчетам С. Г. Струмилина, сделанным еще в начале 20-х гг., совокупные (прямые и косвенные) людские потери страны превысили 21 млн чел., а по мнению историка Ю. А. Полякова, они составили более 25 млн чел.

Только после 1922 г. на основе новой экономической политики большевикам удалось стабилизировать ситуацию. Демографическая сфера, обладающая огромным запасом прочности, постепенно стала выходить из кризисного состояния. К 1926 г. уровень рождаемости в СССР достиг 44 ‰, здесь и далее уровни рождаемости и смертности будут обозначаться, как это принято в демографии — ‰ — промилле, т. е. число родившихся или умерших на 1 000 чел. населения), а в Сибири он

приближался к физическому максимуму, превышая 50 ‰. Одновременно снизилась — по отношению к периоду гражданской войны — смертность. Ее коэффициент в 1926 г. не превышал по стране в целом 20 ‰, по Сибири — 25 ‰. Численность населения стала быстро увеличиваться. Всесоюзная перепись, проведенная в 1926 г., показала, что в стране проживало 147 млн чел., в том числе в сибирском регионе 11 млн чел.

Но нельзя считать нэп золотым веком. Уровень смертности в СССР значительно превышал аналогичные показатели в развитых странах. Невысокой осталась и продолжительность жизни населения. В Сибири в 1926—1927 гг. она едва достигала 41 года, а по стране — 47 лет. Непосредственными причинами, снижавшими продолжительность жизни людей, были инфекционные и желудочно-кишечные заболевания, а также болезни органов дыхания. Сами эти болезни являлись следствием низкой жизнеобеспеченности населения, слабого развития здравоохранения. И все же в годы нэпа наметился выход из демографического тупика.

Однако в конце 20-х гг. коммунистические вожди круто повернули руль в сторону централизованной тоталитарной экономики. 1929 г. Сталин объявил «годом великого перелома». Нэп был ликвидирован. Развернувшаяся индустриализация, примитивно понимаемая доморощенными марксистами как первоочередное развитие тяжелой промышленности (иначе говоря — милитаризованной экономики), потребовала колоссальных средств. Все имеющиеся в стране ресурсы были брошены на строительство «красных пирамид». Народ грубо и жестоко обирался. Аграрный сектор экономики агонизировал. И без того слабое здравоохранение фактически деградировало.

На рубеже 1928—1929 гг. в СССР проявились первые признаки обострения демографической ситуации. Население реагировало на ухудшение условий жизни сокращением рождаемости. Семьи откладывали рождение детей до лучших времен. Параллельно увеличивалась смертность, в первую очередь детская. В Восточной Сибири, например, младенческая смертность повысилась с 180 ‰ в 1929 г. до 208 ‰ в 1932 г.

Но Сталин не тревожился о судьбе «щепок». В докладе на XVI съезде ВКП(б) он лицемерно заявил: «...Рабочие и крестьяне живут у нас в общем не плохо, смертность населения уменьшилась по сравнению с довоенным временем на 36 % по общей и на 42,5 % по детской линии».

Вождь настаивал на дальнейшем наращивании темпов индустриализации и коллективизации, оправдывая свои преступные действия военной угрозой, опасностью контрреволюционного переворота и якобы растущим уровнем жизни народа. Между тем напряженность демографической сферы усиливалась с каждым днем, достигнув осенью 1932 г. критической отметки. В стране разразился голод.

Позднее появился миф о засухе, случившейся якобы летом 1932 г. В действительности засушливым годом был 1931 г. Голод 1932—1933 гг. вызван не климатическими, а социальными условиями. Чтобы обеспечить сверхвысокие темпы индустриализации, правительство, изъяв у крестьян весь хлеб, крупными партиями вывозило его за границу, в обмен на машины. Советский Союз только в годы первой пятилетки импортировал машин на 2,5 млрд руб. и 4,1 млн т металла. В беседе с корреспондентом «Нью-Йорк таймс» Сталин заявил: «Я знаю, — сейчас не принято платить по кредитам. Но мы делаем это. Другие государства приостановили платежи, но СССР этого не делает и не сделает». За этими платежами — гибель миллионов людей. В Англии на заре индустриализации «овцы съели людей». В СССР людей «съели» машины. Но чугуна и стали на душу населения страны стало больше.

Голод 1932—1933 гг. вызвал бурный всплеск миграционной активности. Голодающие крестьяне хлынули из разоренных деревень в города. Горожане в поисках куска хлеба перемещались из одного района СССР в другой. По стране в целом в 1932—1933 гг. сменили место жительства около 33 млн чел. В Новосибирск в эти годы вселилось 176 тыс. чел., а выехало за пределы города 121 тыс., в Иркутске соответственно 60 и 36 тыс., в Барнауле — 62 и 36 тыс., в Улан-Удэ — 20 и 13 тыс.

К этому необходимо добавить крупномасштабные насильственные депортации крестьян, отнесенных на основе расплывчатых критериев к кулакам. Только в Нарымский округ в 1930—1931 гг. было переселено 25 тыс. «кулацких» семей общей численностью более 100 тыс. чел. Параллельно из городов выселялись так называемые «лишенцы».

Голод никогда не приходит один: он открывает двери эпидемиям. Ослабленный длительным недоеданием человеческий организм теряет защитные функции и становится легкой жертвой болезней. Бурные миграции способствовали распростране-

нию инфекций по территории огромной страны. Чтобы ограничить приток голодающих в города, в районах, пораженных голодом, выставлялись специальные кордоны. Ни один человек не должен был выйти за пределы замкнутого круга. Кроме того, в декабре 1932 г. особым постановлением СНК СССР были введены паспорта и система прописки. В условиях того времени это было преступлением. Крестьяне, лишённые паспортов, не могли прописаться в городе, а следовательно, не принимались на работу и, таким образом, лишались карточек. Карточная система охватывала всего 40 млн рабочих и служащих. Остальные жители страны обрекались на голодное существование.

Не имея возможности найти работу и жилье в городах, бывшие крестьяне, сумевшие прорваться сквозь воинские кордоны, скапливались на привокзальных площадях, погибая в массе своей от инфекций. В 1933 г. на всю Сибирь в учреждениях Наркомздрава насчитывалось 2 745 врачей, а бюджет здравоохранения СССР составлял мизерную величину. Только в городских поселениях сибирского региона (по сельской местности подобной статистики не велось) от тифа в 1933 г. скончалось 4 тыс. чел., от кори — более 2 тыс., от скарлатины, коклюша и дифтерии — более 1 тыс. чел.

Много человеческих жизней унесли желудочно-кишечные болезни. Потребление в пищу суррогатов и низкокачественных продуктов, абсолютная антисанитария являли собой благодатную почву для распространения дизентерии, энтерита и колита. От этих болезней только в западносибирских городах в 1933 г. погибло 12 тыс. чел. Надо ли писать, что это были в основном дети? Голодные матери теряли молоко и кормили младенцев жеваным хлебом наполовину с отрубями. Неокрепший детский организм не выдерживал такого «режима питания», и дети вымирали. Всего в Сибири (без Якутии) в 1933 г. умерло 124 тыс. дошкольников в возрасте до 5 лет, в том числе 65 тыс. грудничков моложе 1 года, 12 тыс. детей в возрасте от 5 до 9 лет и более 4 тыс. школьников от 10 до 14 лет. Здесь же отмечу необычайно высокое число мертворожденных. Дети погибали уже в чреве истощенных женщин. Многие младенцы родились с различного рода врожденными пороками. Большие потери понесли старики. Мужчин умерло много больше, чем женщин. Все в том же 1933 г. в Сибири на долю мужчин среди всех умерших приходилось 56 %.

Не последнюю роль в этой «пляске смерти» играла и болезнь подвалов — туберкулез. Он унес в могилу более 5 тыс. чел., из них почти 1,5 тыс. детей и подростков до 17 лет. Известны случаи, когда от туберкулеза погибали целые семьи.

Многие люди не выдерживали напряжения. Страну захлестнула волна самоубийств. К этому добавлю повышенную смертность от травматизма и разгула уголовщины. Всего в 1933 г. в городах Западной Сибири от насильственных смертей погибли более 2 тыс. чел., из них 256 чел. покончили с собой, 370 чел. погибли от рук убийц.

Коммунистическое руководство стремилось скрыть истинные размеры катастрофы. Оно приложило много старания и фантазии, чтобы запутать учет численности и естественного движения населения. Еще в 1929 г. Центральное статистическое управление (ЦСУ) было ликвидировано, а на его развалинах создано Центральное управление народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ). Органы статистики были полностью подчинены государству, предельно идеологизированы и превращены в «вооруженный арифмометрами отряд партии». Отныне их главной целью стало не получение объективной информации, а подтверждение языком цифр правоты передовой теории.

Тогда же, в 1929 г., статистики сбились со счета. Цифры о народонаселении, опубликованные в статистических справочниках 30-х гг., не соответствуют действительности. Сталин не имел представления о населении страны, которой он управлял. Статистики под давлением вождя вынуждены были исходить из ежегодного прироста населения СССР якобы в 3 млн чел. На начало 1933 г., по их расчетам, в Советском Союзе проживало 167,5 млн чел. Реально же численность населения представляла значительно меньшую величину. Коммунистические вожди это знали. В своих секретных документах они исходили из того, что на начало 1933 г. в СССР насчитывалось 159 млн жителей, т. е. на 8,5 млн меньше, чем было официально опубликовано. Но и эта цифра, по-видимому, не соответствовала действительности.

Ситуация настоятельно требовала организации Всесоюзной переписи. Она была намечена на 1933 г. Только перепись могла дать объективную информацию о численности и составе населения. Но это-то и не устраивало власти. Чтобы скрыть кризисные явления в демографической сфере, перепись была умыш-

ленно сорвана и проведена только в январе 1937 г. Но и ее материалы были засекречены.

В результате современные исследователи не имеют в своем распоряжении достоверных данных для объективной оценки людских потерь в 1932—1933 гг. Отсюда огромный разброс во мнениях относительно демографических последствий катастрофы. Американский исследователь С. Максудов вынужден был констатировать: «Горячая дискуссия и разнообразные оценки показали убедительно лишь одно: проблема очень далека от окончательного разрешения».

Сегодня возможна только приблизительная оценка. Согласно неполным данным советской статистики, в Сибири в 1932 и 1933 гг. умерло около 700 тыс. чел. Однако многие случаи смерти, особенно в сельской местности, не фиксировались. В городах с большими пропусками регистрировались смерти крестьян, не имевших прописки. Не учитывалось общегражданскими загсами (до 1940 г.) и огромное число погибших в лагерях, тюрьмах и спецпоселениях. В масштабах страны индустриализация и коллективизация обошлись народу, возможно, в 5—7 млн жизней, а с учетом косвенных потерь — 12 млн.

Коммунистические вожди индифферентно, если не сказать равнодушно, встречали поступающую со всех концов страны информацию о голоде. Во всяком случае, мне не удалось обнаружить в их многочисленных выступлениях хотя бы нотку тревоги за положение в стране. Они никогда не рассматривали человека как ценность, «меру всех вещей». Скромные ученики Ленина интересовались людьми постольку, поскольку они, эти люди, служили для них рабочей силой. Но объективно аномалии в развитии демографической сферы не могли не отразиться на святой святых режима — зарождавшемся военно-промышленном комплексе. Голод навис и над «кадрами, овладевшими техникой». Последнее и беспокоило вождей.

Режим принял меры по спасению, — но не людей, а рабочей силы. Как это ни парадоксально, но технократизм большевистского мышления сыграл в данном случае позитивную роль. Средства, выделявшиеся на развитие социальной инфраструктуры после трагедии 1933 г., были увеличены. В частности, бюджет здравоохранения СССР за 1933—1938 гг. вырос почти в 6 раз. В медицинскую практику вводились новые эффективные препараты. Улучшалось питание населения. В 1935—1936 гг.

была ликвидирована карточная система распределения продуктов питания и промтоваров.

Люди, материальные потребности которых были снижены до минимума, расценивали вторую половину 30-х гг. как «времена лучшие». Смертность населения стала медленно уменьшаться. Одновременно росла рождаемость. Но какой ценой! Летом 1936 г. ЦИК и СНК СССР запретили производство абортов. Запрет этот, который нельзя расценить иначе как попытку тотального контроля даже над интимной сферой жизни личности, дал эффект в виде кратковременного роста рождаемости. Он позволил даже нейтрализовать неизбежное падение числа детей в семьях в 1937 г. вследствие распада семейно-брачных отношений в ходе массовых репрессий.

Но «сталинский демографический ренессанс» второй половины 30-х гг. оказался слишком слабым, чтобы оказать серьезное воздействие на народонаселение, а тем более компенсировать многомиллионные людские потери. По-прежнему высоким оставался уровень инфекционной заболеваемости. В 1940 г. число заболеваний тифом (сыпным, брюшным и паратифом) составляло по СССР 169 тыс., малярией — более 3 млн, корью — более 1 млн, коклюшем — 153 тыс., скарлатиной — 252 тыс. Дети, как правило, были инфицированы туберкулезом, страдали малокровием, рахитом, трахомой, кожными заболеваниями. Это было прямым следствием голода 1932—1933 гг., трудных условий быта и нерационального питания.

И в конце 30-х гг. люди в массе своей продолжали умирать от туберкулеза, желудочно-кишечных болезней, инфекций. В 1939 г. в городах Сибири (по сельской местности данные слишком ненадежны, чтобы их использовать в качестве источника) из всей совокупности умерших младенцев более 33 % скончались от желудочно-кишечных болезней, 24 % — от пневмонии и бронхита, 5 % — от кори, 4 % — от туберкулеза. Именно эти болезни сокращали продолжительность жизни населения. В России в 1938—1939 гг. она не превышала 44 лет.

Своего рода рубежом, перечеркнувшим слабый демографический подъем, едва наметившийся после катастрофы 1932—1933 гг., стала советско-финляндская война, которая потребовала больших средств, решительно изъятых правительством из социальной сферы. Сотни тысяч мужчин были призваны в армию или находились в лагерях и тюремных камерах. Распад

брачно-семейных связей, принявший массовый характер, заметно отразился на рождаемости. Если в 1939 г. ее уровень в Сибири составлял 43 ‰, то в 1940 г. — не более 38 ‰. Смертность же, особенно детская, стала увеличиваться. В 1940 г. уровень детской смертности в СССР достиг 182 ‰ и был выше, чем в 1926 г.

Косвенные потери населения дополнялись боевыми. По официальным сообщениям тех лет, общее число погибших в войне красноармейцев и командиров составило 48,7 тыс. чел. Это была явная ложь. Много позже, в 1990 г., «Военно-исторический журнал» опубликовал следующие цифры потерь Красной Армии в войне с Финляндией: 72 тыс. убитыми, 186 тыс. ранеными, 18 тыс. пропавшими без вести, 13 тыс. обмороженными. По данным иностранных источников, СССР потерял в этой войне 600 тыс. солдат и офицеров. Финские потери не превышали 25 тыс. убитыми и 45 тыс. ранеными.

Кризис демографической сферы предвоенных лет перерос в самую крупную в истории страны демографическую катастрофу периода Великой Отечественной войны. Первые же месяцы войны характеризовались резким ростом смертности населения. И если в 1940 г. уровень смертности населения в Сибири составлял 20 ‰, то в 1942 г. он достиг 26 ‰, в том числе в городах — 30 ‰. В основе лежал рост детской смертности. В 1942 г. из каждой 1 000 родившихся в Сибири детей умерло, не дожив и до 1 года, 365 младенцев.

Сказать, что начальный период войны был очень трудным для народа, — значит не сказать ничего. Советский Союз вступил в войну не только не подготовленным, но с набором внутренних и внешнеполитических проблем, которые его сильно ослабляли. Умело используя преступные ошибки Сталина, враг в течение нескольких месяцев оккупировал западные территории СССР, где до войны содержалось 45 % крупного рогатого скота, 65 % свиней, почти 30 % овец и коз. Здесь под посевами зерновых и технических культур было занято 71 млн га земли из общего количества по стране 150 млн га. На нужды обороны были изъяты тысячи тракторов, автомобилей, лошадей, а миллионы мужчин мобилизованы в армию. Только в первые шесть месяцев войны на фронт ушло более 5 млн чел. В Сибири к концу 1941 г. в армию было призвано 1,8 млн чел., в том числе в сельской местности — 1,3 млн чел.

Над страной вновь нависла угроза голода. В поисках выхода правительство не только ввело карточки, но и разрешило употребление в пищу различного рода заменителей, до войны запрещенных санитарным законодательством: финозного мяса, солодового молока, мелассы, альбутина. Это отрицательно сказывалось на здоровье людей, о чем, в частности, свидетельствует рост пищевых отравлений. В целом по СССР их число за военные годы возросло в 3,5 раза.

Особенно трудное положение сложилось при обеспечении продуктами детей. Нарком здравоохранения РСФСР А. Ф. Третьяков в докладной записке, направленной в конце 1942 г. в СНК РСФСР, писал: «Набор продуктов, предусмотренный продовольственными карточками, не обеспечивает нормального развития ребенка и не создает необходимых условий для предупреждения среди детей высокой заболеваемости и смертности».

Горожане недоедали, но они все же получали хлеб по карточкам. Жители села были предоставлены сами себе. Сельскохозяйственная продукция, в том числе и с личных подворий, почти полностью изымалась в государственный фонд. Выдача хлеба на трудодни резко сократилась. Она ни в коей мере не обеспечивала потребностей колхозников. В Каргатском районе Новосибирской области, к примеру, на трудодень в 1943 г. выдавалось 1,3 кг зерна, 1 руб. 14 коп. деньгами и 0,4 кг сена. Колхозница из Здвинского района К. Еремина писала в феврале 1942 г. в Новосибирский ОК ВКП(б): «...Я в течение нескольких дней со всей семьей оставалась совершенно голодная... Дети все плачут — просят есть, особенно грудной ребенок. Я решила тогда задавить всех детей и сама покончить жизнь самоубийством, но в этот день узнали, что в колхозе пал бык, которого вывезли на свалку. Я вместе с сыном нарубила этого быка, на санках привезла домой и в течение шести дней питались. В январе в течение нескольких дней мы питались жмыхом, который воровали на скотном дворе колхоза».

Однако определяющим условием роста смертности населения был не голод, а массовые перемещения населения по территории страны. Только в течение июля — декабря 1941 г. на восток СССР эвакуировалось 17 млн чел. Летом и осенью 1942 г. развернулся второй этап эвакуации. Всего в 1941—1942 гг. в тыл страны было вывезено 25 млн чел. В Сибири на 1 января 1943 г. насчитывалось более 900 тыс. эвакуированных.

Беды этих людей начинались за порогом родного дома. Эшелоны шли медленно, зачастую со скоростью пешехода. В пути находились по нескольку недель, а то и месяцев. Не хватало паровозов, вагонов, продовольствия, воды. Переполненные вокзалы не вмещали всех пассажиров. Педикулез, или попросту завшивленность, был почти повсеместным. Инспектор госсанинспекции Красноярского края, посетив в феврале 1942 г. с проверкой вокзал станции Красноярск, записал в акте обследования: «Семья Линда состоит из 4 ребят от 2 до 9 лет и трое взрослых. На вокзале 4 дня. У всех понос. Гр. Горциков на вокзале 3 сутки. Не мылся с момента отъезда из дома. Зимин (старик) — ярко выраженная завшивость, вши кучами ползают по пальто, лежит в самой гуще ожидающих в течение 3-х суток».

По стране во второй половине 1941 — в 1942 гг. смертным валом прокатились эпидемии. В СССР в эти полтора года было зафиксировано 800 тыс. заболеваний сыпным и брюшным тифом, 700 тыс. случаев коклюша, 1,6 млн случаев кори, 400 тыс. заболеваний скарлатиной. В Сибири самыми неблагополучными в санитарном отношении были Новосибирская, Омская, Кемеровская области и Алтайский край, принявшие большое количество эвакуированных. Здесь уровень инфекционной заболеваемости в 1942 г. по отношению к 1940 г. увеличился в 4—7 раз.

Ухудшилось и здоровье детей. В Омске в 1942 г. около трети детей ясельного возраста страдали рахитом, в Тюмени — 60 %. Только в этих двух городах Сибири доля ослабленных детей достигла 35 %. Миф о якобы понизившейся в годы войны болезненности населения не соответствует действительности.

Только в 1943 г. ситуацию удалось переломить. Коммунистические вожди осознали, что промышленность не выдержит удара эпидемий. Были приняты самые жесткие, если не сказать жестокие, меры. Ресурсное обеспечение здравоохранения, несмотря на всеобщий дефицит, было увеличено.

После этого смертность населения в тыловых районах СССР стала медленно снижаться, но далеко не во всех социальных группах. Уровень смертности спецпереселенцев и заключенных оставался высоким в течение всей войны. В восточные районы СССР в 1941 г. были депортированы этнические немцы, в 1943 и 1944 гг. — калмыки, крымские татары, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы. Чтобы представить масштабы насиль-

ственных переселений, укажу, что по данным предвоенной переписи населения 1939 г. в СССР проживало более 1,4 млн немцев, в том числе 367 тыс. в Республике Немцев Поволжья, в Калмыцкой АССР — 107 тыс. калмыков, в Крымской АССР — 219 тыс. татар. Численность ингушей в СССР составляла 92 тыс., чеченцев — 408 тыс., балкарцев — 43 тыс., карачаевцев — 76 тыс. Всего на 1 января 1949 г. (других данных пока не обнаружено) в Сибири насчитывалось 702 тыс. спецпереселенцев. Основная их часть сосредоточивалась в Красноярском и Алтайском краях, в Новосибирской области.

Спецпереселенцы были фактически поставлены на грань вымирания. Достаточно полно характеризует условия жизни спецпереселенцев акт санитарного обследования немцев, прибывших по разнарядке НКВД в августе 1942 г. в Красноярский край: «Все спецэвакуированные размещены под открытым небом. Кипяток готовится на таганках, воду берут из реки и из колодца. Горячее питание получают только один раз в день — одно 1-е блюдо и 500 гр. хлеба. Уборных нет...» В Новосибирской области смертность среди депортированных сюда калмыков достигала 70—80 %.

Катастрофически высокой в течение всей войны оставалась смертность среди заключенных. Ужасающие условия содержания узников, снижение норм довольствия, напряженный труд превращали их в дистрофиков. В Алтайлаге, например, в 1944 г. только 29 % заключенных были пригодны к тяжелому физическому труду. По имеющимся данным, в лагерях ГУЛАГа в 1941—1945 гг. погибли 622 тыс. чел. В 1941 г. коэффициент смертности в лагерях составлял 65 % (по отношению к среднесписочному количеству узников), в 1942 г. — 227 %, в 1943 г. — 228 %, в 1944 г. — 93 %, а в 1945 г. — 63 %.

Заключенные умирали в таких количествах, что лагерные похоронные бригады не успевали рыть могилы и делать гробы. В приказе начальника ГУЛАГа НКВД СССР, старшего майора госбезопасности Наседкина, разосланном в феврале 1943 г. всем начальникам лагерей, предписывалось хоронить заключенных в общих могилах по несколько трупов вместе, без гробов и без белья.

Но действительный уровень смертности заключенных был значительно выше, чем это показывают официальные документы лагерной администрации. По настоянию НКВД пленум Вер-

ховного Суда СССР 1 августа 1942 г. принял решение, по которому заболевших неизлечимым недугом узников освободили из мест заключения. Их смерть регистрировалась уже не учетно-распределительными частями (УРЧ) лагерей, а общегражданскими загсами.

Глубокая «демографическая яма» образовалась в населении в связи с боевыми потерями Красной Армии. Точные их размеры до сих пор не установлены. Согласно сведениям, представленным бывшим начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, генералом армии М. А. Моисеевым, Красная Армия за годы Великой Отечественной войны (включая боевые действия на Дальнем Востоке) потеряла убитыми, пропавшими без вести, погибшими в плену, умершими от ран, болезней и несчастных случаев 8,7 млн чел. Эти цифры получены на основе донесений с мест боев и сверены с учетом, который велся Генеральным штабом всю войну. Они крайне ненадежны. В штабах многих воинских частей подсчет потерь в личном составе проводился крайне небрежно. Большое количество документов было навсегда утрачено в ходе боевых действий. Генштаб подсчитывал потери «на глазок». Не исключена и возможность искусственного занижения потерь.

Неудивителен поэтому разбой в цифрах. Согласно немецким источникам (со ссылкой на советские военные документы), безвозвратные потери Красной Армии составили почти 14 млн чел., из них 9 млн убитыми, 2 млн умершими от ран, 3 млн погибших в плену. По расчетам советского исследователя Б. Соколова, в 1941—1945 гг. на поле боя погибло 8,5 млн солдат и офицеров, 2,5 млн скончались от ран и более 3 млн замучены фашистами в плену.

Но даже эти поражающие воображение цифры далеко не полны, так как не учитывают косвенные потери. Начиная с весны 1942 г., уровень рождаемости в СССР круто снижался. И если в 1940 г. на 1 000 чел. населения Сибири родилось 38 детей, то в 1944 г. — всего 12. С 1942 г. и вплоть до конца 1944 г. число умерших в регионе превышало число родившихся. Депопуляция унесла в масштабах страны миллионы потенциальных жизней.

Совокупные людские потери населения СССР за 1941—1945 гг. составляют около 45—48 млн чел., включая гибель солдат и офицеров в боевых действиях, уничтожение фашиста-

ми мирных жителей и военнопленных, сверхсмертность гражданского населения в тыловых регионах от голода и болезней, гибель заключенных и спецпереселенцев, эмиграцию и падение рождаемости.

Война окончена... Люди связывали с ее завершением свои надежды на лучшее будущее. Но заводы по инерции продолжали выпускать танки, боевые самолеты, стрелковое вооружение. Сталин, лицемерно провозгласив основной задачей послевоенной пятилетки восстановление народного хозяйства, в действительности сосредоточил все ресурсы на реконструкции тяжелой промышленности и наращивании военного производства.

В 1946 г. западные районы СССР — Молдавию, Украину, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ — охватила засуха. В Сибири засухи не было. Но обессиленные войной женщины, старики и подростки, составлявшие основу трудовых ресурсов послевоенной деревни, физически не в состоянии были справиться с уборкой. В итоге в 1946 г. в стране собрали всего 4,6 ц с гектара. В этом году было получено зерна в 2,5 раза меньше, чем в 1940 г., картофеля и овощей — в 1,5 раза.

Стремясь обеспечить продовольствием в первую очередь работников отраслей, занятых на строительстве «красных пирамид», коммунистическое руководство сократило количество продовольственных карточек. И если в июле — сентябре 1946 г. карточная система распространялась на 88 млн чел., то в декабре — на 60 млн. Около 28 млн чел. лишились государственной поддержки.

В СССР в очередной раз разразился голод. Огромные массы голодающих крестьян хлынули в города, смешиваясь с потоками демобилизованных и реэвакуированных. Крупномасштабные миграции в условиях голода способствовали быстрому распространению инфекционных и желудочно-кишечных болезней, в особенности тифа, кори, скарлатины, дизентерии, туберкулеза. Достаточно сказать, что только в Кузбассе за период с января по июль 1947 г. число заболеваний дизентерией увеличилось в 12 раз, токсической диспепсией — 41 раз, коклюшем — в 4 раза.

В сельской местности широко распространилась ныне забытая септическая ангина. Голодные дети собирали перезимовавшие под снегом колоски, не ведая, что на них проросли особые грибки, вызывающие эту страшную болезнь. Эпидемия

септической ангины унесла десятки тысяч детских жизней. В городах свирепствовала эпидемия венерических заболеваний — ее принесли из Германии демобилизованные.

Всего в 1946—1947 гг. только в сибирском регионе погибло около 350 тыс. чел., в том числе почти 100 тыс. младенцев. В масштабах всей страны голод и сопутствующие ему болезни унесли около 1 млн жизней.

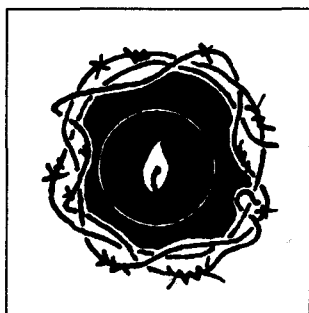
Еще одним источником массовых потерь населения были репрессии. Цифровые данные о них далеко не полны. Имеющиеся отрывочные сведения пока непригодны, чтобы делать обоснованные научные выводы. Все документы, касающиеся этой трагической страницы нашей истории, до сих пор скрыты в глубинах спецархивов. Согласно материалам переписи населения 1937 г., в лагерях, тюрьмах, трудпоселениях и арестных помещениях НКВД СССР содержалось 1,8 млн чел. В Сибири контингенты «Б» и «В» (так в секретной документации НКВД шифровались работники лагерей, колоний, тюрем, трудпоселений и заключенные) насчитывали 407 тыс. чел. По данным В. Земскова, в СССР количество узников ГУЛАГа на 1 января 1941 г. составляло 1,3 млн чел., на 1 января 1947 г. — 809 тыс. чел. Информация о количестве заключенных в конце 40-х — начале 50-х гг. обнародована А. Дугиным. На начало 1950 г. в СССР насчитывалось 2,6 млн заключенных, а в год смерти Сталина — 2,5 млн. Кроме того, на начало 1953 г. в стране имелось 2,8 млн спецпереселенцев, 53 тыс. ссыльнопоселенцев, 8 тыс. ссыльных и 6 тыс. высланных. Эти данные совпадают с материалами, представленными бывшим председателем КГБ СССР В. Крючковым. Он заявил, что в 30-е — 50-е гг. в СССР было осуждено 3,8 млн чел., из которых расстреляно 786 тыс. чел.

Но имеется множество свидетельств, полностью исключающих то, что сообщили В. Земсков, А. Дугин и В. Крючков. Так, О. Шатуновская, член комиссии, созданной Президиумом ЦК КПСС в 1960 г. для расследования убийства Кирова и процессов 30-х гг., вспоминала, что по документам, полученным тогда из КГБ СССР, только с 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. было арестовано 19 млн 840 тыс. чел., из них расстреляно 7 млн. Н. Хрущев писал в своих воспоминаниях, что в год смерти Сталина в заключении находилось до 10 млн. чел. Д. Волкогонов приводит следующие цифры: в 1937—1953 гг.

было репрессировано 4,5 — 5,5 млн чел., а всего за 1929—1953 гг. жертвами государственного террора стали от 19,5 до 22 млн чел.

Опираясь на имеющиеся документы, можно сказать, что революция и гражданская война обошлись народу в 25 млн жизней. Коллективизация и индустриализация унесли, скорее всего, около 12 млн. Вторая мировая война — 45 млн. Голод 1946—1947 гг. — 1 млн. В итоге — 83 млн чел. Отбросим для верности 10 млн на возможные неточности. Но 70—73 млн жизней уже не вернуть. «Красные пирамиды» обошлись не просто дорого. За них заплачено невероятной, фантастической ценой.

ДОКУМЕНТЫ



ИЗ ИСТОРИИ КАРАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

История органов ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ еще не написана. Правда, за последние годы многое стало известно о преступной деятельности этих организаций. Но по-прежнему сугубо секретной остается их внутренняя жизнь, формы и методы работы и механизм взаимодействия с партийными органами. ЦК РКП(б) с самого начала деятельности ВЧК заявлял, что «...ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии, по ее директивам и под ее контролем». Но содержание большинства этих директив является одной из мрачных тайн советской истории. Завеса над ней была слегка приоткрыта Н. С. Хрущевым в его знаменитом докладе на XX съезде КПСС. Тогда была зачитана шифротелеграмма за подписью Сталина, направленная 10 января 1939 г. всем секретарям обкомов, крайкомов, национальных ЦК, наркомам внутренних дел, начальникам управлений НКВД:

«ЦК ВКП(б) поясняет, что применение методов физического воздействия в практике НКВД, начиная с 1937 года, было разрешено ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют методы физического воздействия против представителей социалистического пролетариата и притом приме-

няют эти методы в самой отвратительной форме. Возникает вопрос — почему социалистические органы государственной безопасности должны быть более гуманны по отношению к бешеным агентам буржуазии и заклятым врагам рабочего класса и колхозников?

ЦК ВКП(б) считает, что методы физического воздействия должны как исключение применяться по отношению к известным и объявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае как допустимый и правильный метод».

Все документы о деятельности карательных органов хранятся в ведомственных архивах КГБ и МВД. В последнее время отдельные историки, писатели и журналисты получили возможность ознакомиться с некоторыми их материалами. Но это главным образом уголовно-следственные дела. После указа Президента России от 24 августа 1991 г. о передаче архивов партии и госбезопасности в ведение российской архивной службы ситуация мало изменилась. Ведомственные архивы продолжают делать все, чтобы затормозить передачу своих материалов в государственные хранилища. Никто пока не видел всего комплекса документов, хранящихся в архивах КГБ и МВД, и тем более документов о структуре органов, их кадровом составе, принципах деятельности. А там все годы шла своя жизнь, и активные исполнители получали награды за борьбу с «врагами» Советского государства.

Множатся слухи о фактах уничтожения этих документов. Так как никто не представляет себе содержания всех материалов, хранящихся в архивах КГБ и МВД, невозможно будет установить, какие из них уничтожены и когда.

Однако некоторые материалы о деятельности карательных органов сохранились в партийных и государственных архивах. Чаще всего это информационные сводки органов о положении в стране, районе, области, но иногда встречаются и документы, которые дают представление об их внутренней жизни. Ряд таких документов я и предлагаю вниманию читателей.

И. В. Павлова

Принят проект директивы ЦК местным партийным органам о материальном снабжении работников ГПУ:

«На органы ГПУ как в центре, так и на местах возложено выполнение важных государственных задач. В силу вышеизложенного необходимо принять все меры по своевременному снабжению сотрудников ГПУ всеми видами довольствия в первую очередь. Всем губкомам предлагается следить за тем,

а) чтобы определенные и отпущенные центром продпайки выдавались на местах своевременно, регулярно и полной мерой вполне доброкачественными продуктами без замены их всеми видами суррогатов,

б) чтобы открываемые на местах кредиты для денежного довольствия сотрудников ни в коем случае не тормозились в выдаче по причине ограниченного количества дензнаков на местах,

в) чтобы оказывались все меры содействия в обеспечении сотрудников дровами, квартирами и другими видами коммунальных услуг».

* * *

ПОСТАНОВЛЕНИЕ БЮРО

ЗАПСИБКРАЙКОМА ВКП(б) и ПРЕЗИДИУМА КРАЙИСПОЛКОМА
об особых заслугах ряда работников ОГПУ

Бюро Крайкома ВКП(б) и Президиум Крайисполкома Запсибкрая в день 15-й годовщины ОГПУ отмечают особые заслуги, большевистскую самоотверженность и стойкость в борьбе за социалистическое строительство, против врагов диктатуры пролетариата товарищей: ПАВЛУНОВСКОГО, ОШМАРИНА, ГУЗАКОВА, БЕРМАНА, БАКА, ЧУДНОВСКОГО, ТИУНОВА, КАРУЦКОГО, ЗАКОВСКОГО, УЗЛИКОВА, ЗАЛПЕТЕРА, ЛУПЕКИНА, ШАНИНА, ВАСИЛЕЦ, НАЙУОКАЙТИСА, СТЕПНЯКА, ИЛЬИНА, ВОЛКОВА, АЛЕКСЕЕВА, ЖАБРЕВА и от имени Зап. Сиборганизации выражают им благодарность и шлют большевистский привет.

Секретарь Запсибкрайкома ВКП(б)
Пред. Крайисполкома

ЭЙХЕ
ГРЯДИНСКИЙ

* * *

ПРИВЕТСТВИЕ КРАЙКОМА ВКП(б) И КРАЙИСПОЛКОМА ОРГАНАМ ВЧК-ОГПУ В ДЕНЬ 15-Й ГОДОВЩИНЫ

Пламенный коммунистический привет — железным когортам пролетарской революции — органам ВЧК-ОГПУ в день пятнадцатой годовщины.

Пятнадцать лет под руководством ленинской партии ВЧК-ОГПУ беззаветно борется с врагами пролетарской революции.

Пятнадцать лет героических подвигов неустанного разоблачения и разгрома всех попыток классовых врагов сорвать строительство социализма — таков путь ВЧК-ОГПУ.

История ОГПУ — история ожесточенной классовой борьбы за социалистическое строительство, за дело пролетарской революции. В огне гражданской войны, на фронте хозяйственного строительства, в тиши кабинетов империалистов — где бы не плелись нити заговоров, нападений, вредительства против социалистической страны — зоркий глаз ВЧК-ОГПУ неустанно разоблачал врагов и со всей страстностью, непримиримостью и силой пролетарской диктатуры обрушивался на эти попытки.

Весь опыт классовой борьбы, всю непримиримость большевиков в осуществлении ленинской линии борьбы за социализм — впитали в себя отряды борцов ВЧК-ОГПУ.

Сейчас, на грани двух пятилеток, когда мы вступаем в пятилетку построения бесклассового социалистического общества, враг стал опытней, хитрей, коварней. Разгромленное, но не добитое окончательно кулачество, антисоветские элементы пытаются пролезть в колхозы, в наши учреждения, организации — чтобы изнутри тактикой вредительства, влияния на отсталые, рваческие элементы, на отдельные группы колхозников сорвать, задержать темпы строительства социалистического общества, ослабить боеспособность Советского Союза.

Сейчас как никогда нужна особая бдительность, настороженность, зоркость.

Партия, рабочий класс, все сознательные трудящиеся Советского Союза твердо уверены, что чекисты с еще большей самоотверженностью, стойкостью, классовой пронизательностью будут стоять на ответственной посту защиты пролетарского государства, защиты мировой пролетарской революции, защиты строительства социализма от всех врагов.

Беспощадная героическая борьба с классовым врагом, классовая зоркость, непоколебимость, беззаветная преданность про-

летарской революции, сочетание боевой работы с широкой деятельностью по хозяйственному и культурному строительству — связывают пролетарии всего мира с именем ВЧК-ОГПУ.

Да здравствует ВЧК-ОГПУ — железный большевистский отряд под руководством ленинской партии, ее ЦК и т. СТАЛИНА, беспощадно разящий всех врагов пролетарской диктатуры.

Да здравствует ВЧК-ОГПУ — зоркое, неусыпное око, надежнейший страж пролетарской революции.

Да здравствует большевистский отряд органов ВЧК-ОГПУ Западно-Сибирского края.

Запсибкрайком ВКП(б)

Запсибкрайисполком

ЭЙХЕ

ГРЯДИНСКИЙ

20/ХІІ-32 г.

Верно Зав. Секретной частью

Зап. Сибкрайкома ВКП(б)

(Кукштель)

* * *

Союз Советских
Социалистических Республик
Объединенное государственное
политическое управление
при Совнаркоме СССР

ПОЛНОМОЧНОЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
ПО ЗАПСИБКРАЮ
Отдел Кадров
«13» Декабря 1932 г.
№ 055/ОК

Экз. № _____ Лит. _____
Вх. № _____ На № _____
От _____ 193 г.

СЕКРЕТАРЮ ЗАПСИБКРАЙКОМА ВКП(б)
тов. ЭЙХЕ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КРАЙИСПОЛКОМА
тов. ГРЯДИНСКОМУ

Здесь.

Краткое содержание:

За ряд оперативно-боевых заслуг по работе в органах ОГПУ, длительную и безупречную работу в них, — мной перед Коллегией ОГПУ возбуждено ходатайство о награждении орденом «Красное Знамя»:

1. Нач-ка ЭКО ПП ОГПУ ЗСК — тов. ВОЛКОВА М. А.
2. Нач-ка Барнаульского Оперсектора ОГПУ т. ЖАБРЕВА И. А.

Краткое описание их заслуг и деятельности в органах ОГПУ изложены в актах о представлении к награде, копии коих прилагаю.

Прошу рассмотреть и поддержать ходатайство от имени Крайкома ВКП(б) и Крайисполкома.

Приложение: Копии актов о представлении к награде на тт. Волкова и Жабрева.

ПП ОГПУ по ЗСК

АЛЕКСЕЕВ

* * *

А К Т

О представлении к ордену «КРАСНОГО ЗНАМЕНИ»
Начальника Экономического Отдела Полномочного
Представительства ОГПУ по Западной Сибири
тов. ВОЛКОВА Михаила Александровича.

Тов. ВОЛКОВ Михаил Александрович назначен Начальником ЭКО ПП ОГПУ Сибири в августе м-це 1929 года.

К этому времени состояние экономорганов Сибири (охватывавшей в то время территорию ЗСК и ВСК) характеризовалось чрезвычайной слабостью и неукомплектованностью аппарата, отсутствием подготовленных и специализированных кадров, неорганизованностью работы и отсутствием оперативности.

Вместе с тем хозяйственно-политическая обстановка того времени характеризовалась началом коренной перестройки экономики Сибири, резким обострением классовой борьбы и активизировавшимся противодействием социалистическому строительству значительных к-р кадров, проникших в хозяйственный аппарат после разгрома колчаковщины.

В этой тяжелой и сложной обстановке, благодаря ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ЭНЕРГИИ, ТВЕРДОСТИ, РЕШИТЕЛЬНОСТИ и ИНИЦИАТИВЫ тов. ВОЛКОВА, в течение короткого промежутка времени (конец 1929 — начало 1930 гг.) тов. ВОЛКОВ добивается ПОЛНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ОПЕРАТИВНО-ЧЕКИСТСКОЙ РАБОТЫ экономорганов Сибири и в результате этого со вто-

рой половины 1930 г. экономорганы Сибири приступают к РАЗГРОМУ К-Р ВРЕДИТЕЛЬСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ.

Под непосредственным оперативным руководством и при личном активном участии тов. ВОЛКОВА последовательно вскрываются и ликвидируются следующие к-р вредительские организации:

а) В области борьбы с вредительством в промышленности ликвидированы:

1) к-р организация в каменноугольной промышленности (Суду Коллегии предано 11 чел.), ставившая своей целью дезорганизацию производства и искусственное сдерживание развертывания каменноугольной промышленности;

2) к-р организация в золотой промышленности (Суду Коллегии предано 7 человек), срывающая добычу золота, механизацию приисков;

3) к-р группа на Гурьевском металлзаводе, проводившая диверсионную работу и развал производства.

б) В области сельского хозяйства ликвидированы:

1) к-р организация, охватившая все области сельского хозяйства своей дезорганизаторско-вредительской работой и комплектовавшая к-р кулацкие кадры (ТКП) — (Суду Коллегии предано 25 чел.);

2) к-р организация в системе скотоводческих совхозов (Суду Коллегии предано 27 чел.), проводившая подрыв животноводства;

3) к-р организация, ставившая те же задачи срыва социалистической реконструкции животноводства в научных учреждениях, путем срыва борьбы с эпизоотией (Суду Коллегии предано 10 чел.).

в) В остальных областях народного хозяйства ликвидированы:

1) к-р организация в маслодельной промышленности (6 чел.), на протяжении ряда лет дезорганизовывавшая промышленное маслоделие Сибири;

2) к-р организация в элеваторном строительстве (6 чел.), систематически проводившая срыв этого строительства;

3) к-р группа в области с/х кредита (7 чел.), направлявшая с-х кредитование по руслу зажиточно-кулацких слоев деревни;

4) к-р организация в системе мясозаготовительных организаций (13 чел.) и, наконец,

5) к-р организация в потребкооперации и Государственном Банке, увязанная с ЦК меньшевиков и дезорганизовывавшая

товарооборот и финансирование народного хозяйства (Суду Коллегии предано 21 чел.).

Таким образом в 1931 г. ликвидируется одиннадцать к-р вредительских организаций, охватывавших все основные области Сибирского хозяйства.

Помимо этих основных следственных дел, за тот же период времени проведено значительное количество текущих следствий в области товарооборота, заготовок, валютных операций и т. п. (за 31 г. — 483 следствия, обвиняемых по ним 1010 человек).

В этой ликвидации, проходившей в исключительно тяжелой оперативной обстановке, при некомплекте аппарата и слабой его подготовленности — тов. ВОЛКОВЫМ осуществляется НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ОПЕРАТИВНОЕ РУКОВОДСТВО КАЖДЫМ ОТДЕЛЬНЫМ ДЕЛОМ; ОН ЛИЧНО УЧАСТВУЕТ В РАБОТКАХ И СЛЕДСТВИИ и, умело маневрируя наличными силами небольшого аппарата, добивается указанных результатов — РАЗГРОМА К-Р ЧАСТИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ АППАРАТЕ.

В 1932 году перед аппаратом экономорганов Западной Сибири ставятся новые сложные оперативные задачи, вытекающие из изменившейся хозяйственно-политической обстановки.

Аппарат экономорганов, к этому моменту оперативно укрепший, БЛАГОДАРЯ ПРЕДАННОМУ ЕМУ, — тов. ВОЛКОВУ ОПЕРАТИВНОМУ ОПЫТУ борьбы с к-р формированиями, — в то же время, благодаря непрерывной полуторогодичной следственной работе, — физически оказался ослабленным.

Здесь тов. ВОЛКОВЫМ проявляется особая ЭНЕРГИЯ ЧЕКИСТА-РУКОВОДИТЕЛЯ и он вновь МОБИЛИЗОВЫВАЕТ АППАРАТ ЭКО на выполнение стоящих перед ним задач.

В 1932 году, под РУКОВОДСТВОМ тов. ВОЛКОВА проводится ликвидация к-р кулацких групп в системе совхозов, вскрывается и ликвидируется целый ряд к-р хищнических организаций и спекулянтских групп; благодаря его упорной энергии и настойчивости досрочно выполняется и перевыполняется задание ОГПУ по изъятию валюты.

В системе совхозов ликвидируются 4 кулацкие вредительские группы (Тюкалинском, Усть-Катунском, Барабинском и Амурском), выводивших из строя поголовье, распространявших эпизоотию и срывающих строительство в этих совхозах.

По борьбе с хищениями вскрываются и ликвидируются к-р хищнические группы, состоявшие из кулачества и пр-а/с¹ элемента:

1) в Новосибирском хлебокомбинате — из 32 чел.; 2) в Новосибирских торговых организациях из 63 чел.; 3) в Бийском Союзтрансе — из 32 чел.; 4) в Алтайском районе — из 33 чел.; 5) по Чуйскому тракту — в 20 чел.; 6) в Томском Акорте — из 24 чел.; 7) в Омском ЗРК — из 27 чел. и т. д., причем руководящее ядро этих групп, наряду с хищениями, ставило себе цели дезорганизации снабжения.

Кроме того, вскрыта и ликвидирована вредительско-хищническая организация, охватившая системы Сельхозснабжения и с/х Трестов в составе 41 чел., срывающая снабжение машинно-тракторного парка.

В Омске вскрыта хищническая группа, расхитившая из Государственного Банка около полумиллиона рублей.

Всего по хищениям за 1932 г. по торгово-кооперативному аппарату привлечено 1 613 чел. и по хищениям в совхозно-хозяйственном секторе 4 659 чел.

По борьбе со спекуляцией тов. ВОЛКОВЫМ БЫЛА РАЗВЕРНУТА ЭНЕРГИЧНЕЙШАЯ КАМПАНИЯ, в результате которой к 1 ноября изымается 1 300 спекулянтов.

Задание ОГПУ ПО ИЗЪЯТИЮ ВАЛЮТЫ по плану к 1 января 1933 г. при УПОРНЕЙШЕЙ РАБОТЕ тов. ВОЛКОВА досрочно ВЫПОЛНЯЕТСЯ и ПЕРЕВЫПОЛНЯЕТСЯ в ноябре 1932 года.

Энергией тов. ВОЛКОВА быстро и четко выполняется целый ряд отдельных оперативно-хозяйственных задач: по учету хлебных ресурсов, по учету угольных ресурсов, по товарным фондам и т. п.

Наряду с этими оперативно-следственными достижениями тов. ВОЛКОВЫМ организовывается бесперебойная сигнализация партийно-советских органов по хозяйственно-экономической жизни края.

В 1932 году тов. ВОЛКОВ проводит крупную работу по организации Инспекции Резервов и по использованию в хозяйстве осужденных вредителей.

Наконец, тов. ВОЛКОВ активно участвует в хозяйственно-политической жизни края, являясь членом Президиума СибККРКИ.

В органах ОГПУ тов. ВОЛКОВ работает с 1918 г. За этот период он был награжден боевым оружием — от Коллегии ОГПУ, — золотыми часами от ЦИКа АЗССР, знаком почетного чекиста — от Коллегии ОГПУ, грамотой и подарком от Запсибкрайисполкома.

За указанную боевую чекистскую работу в течение 1929, 1930 и 1932 гг. НАЧАЛЬНИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ПП ОГПУ ЗСК тов. ВОЛКОВА Михаила Александровича ПРЕДСТАВЛЯЮ к ОРДЕНУ «КРАСНОГО ЗНАМЕНИ».

ПП ОГПУ по ЗСК
29 ноября 1932 г.
Новосибирск

АЛЕКСЕЕВ

* * *

А К Т

О ПРЕДСТАВЛЕНИИ К ОРДЕНУ «КРАСНОГО ЗНАМЕНИ»

Начальника Барнаульского оперсектора ОГПУ
тов. ЖАБРЕВА Ивана Андреевича

Тов. ЖАБРЕВ непосредственно перед поступлением в органы ОГПУ находился в Красной Армии, участвуя в боях под Ленинградом в качестве Военкома Экспедиционного отряда штарма² 7; имел ранение.

В органах ВЧК-ОГПУ с 1920 года исключительно на оперативной работе. На протяжении всей службы в органах ВЧК-ОГПУ имеет только положительные оценки, расцениваясь, после выдвижения на самостоятельную руководящую работу, одним из лучших начальников самостоятельных органов ОГПУ.

По практической чекистской работе за истекший период успешно провел целый ряд ответственных политических кампаний, выявив в беспощадной борьбе с контрреволюцией преданность делу пролетарской революции и исключительные оперативные заслуги.

Возглавляя с 1925 года Бийский Окружной Отдел, а затем Барнаульский Оперативный сектор ОГПУ, непосредственно, в деталях, умело и энергично руководя оперативно-боевой деятельностью этих органов, т. ЖАБРЕВ в период напряженной борьбы органов ОГПУ в 1928—1932 гг. организовал решитель-

ный отпор кулацко-белогвардейской контрреволюции, результатом чего явился разгром контрреволюции на Алтае.

В 1930 году — по наиболее насыщенному контрреволюционными проявлениями Бийскому округу, с быстрым нарастанием к-р организаций и группировок — ликвидировал 11 контрреволюционных кулацко-белогвардейских организаций повстанческого характера с количеством 350 чел. участников, 109 контрреволюционных группировок с 961 активным участником, больше 200 к-р одиночек актива, а всего свыше 1 500 чел.

В ходе операции тов. ЖАБРЕВ неоднократно лично выезжал на места, в районы наиболее угрожаемые, неблагополучные по к-р проявлениям, непосредственно руководя разработкой и ликвидацией отдельных к-р организаций и группировок, своевременно предотвращая открытые бандвыступления.

В 1931—1932 гг. — по Барнаульскому Оперсектору ликвидировал 37 к-р повстанческих организаций с количеством участников 1 409 человек, 128 к-р группировок повстанческих, вредительских, срывательских и т. п. с количеством участников 1 120 человек.

Уменье тов. ЖАБРЕВА быстро и четко перестраивать аппарат на основные кампании, его крайне серьезный подход к делу, энергия и тщательность, опыт руководителя, решительность и способность применять умелые чекистские комбинации дали возможность Оперсектору в течение 1932 года в кратчайший срок ликвидировать среди целого ряда дел: 3 крупных к-р группорганизации по хищениям с количеством участников 120 чел., причем одно из дел рассмотрено и доказано в судебном порядке, несмотря на крайне ограниченный срок разработки и следствия; 2 к-р дела по вредительству в животноводческих совхозах.

Являясь умелым и опытным чекистом-руководителем, постоянно вникая в детали и будучи всесторонне осведомлен о состоянии абсолютно всех вопросов работы, т. ЖАБРЕВ создал в лице Барнаульского Оперсектора один из примерных, четких аппаратов, способных к безотказному выполнению оперативных заданий Полномочного Представительства по всем линиям.

Будучи командирован по выполнению правительственного задания в качестве руководителя операцией по перегонке и сохранению импортного монгольского скота, т. ЖАБРЕВ, находясь в течение 2-х месяцев в тяжелых условиях на тракте

Бийск — Кош-Агач, лично осуществляя ХОЗЯЙСТВЕННОЕ и оперативное руководство операцией, сумел успешно выполнить последнюю, при наличии особо трудных условий, вызванных запозданием перегона, состоянием тракта в этот период и небезопасностью кормами.

ЗА БЕЗЗАВЕТНУЮ ПРЕДАННОСТЬ ДЕЛУ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ЗА БЕСПОЩАДНУЮ БОРЬБУ С КОНТРЕВОЛЮЦИЕЙ И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАТИВНО-БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ЦЕЛОГО РЯДА ЛЕТ, ВТОРИЧНО ХОДАТАЙСТВУЮ О НАГРАЖДЕНИИ ТОВАРИЩА Ж А Б Р Е В А И. А. ОРДЕНОМ «КРАСНОГО ЗНАМЕНИ».

30 ноября 1932 года

Полномочный Представитель

ОГПУ Запсибкрая

АЛЕКСЕЕВ

* * *

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

Григорьева Анатолия Федоровича, 1914 года рождения, работавшего в 4-ом отделении 3-го отдела Управления НКВД по Западно-Сибирскому краю с марта по ноябрь 1938 г.

Допрос состоялся 24 декабря 1955 г. А. Ф. Григорьев в это время работал заместителем уполномоченного аппарата КГБ при Совете Министров Литовской ССР в г. Клайпеде.

3-й отдел Управления НКВД по Западно-Сибирскому краю вел следствие по арестованным прибалтийским национальностям — латышам, литовцам и эстонцам. Возглавлял отдел Эденберг Отто Юганович, эстонец, 1903 года рождения. В 1956 г. он был исключен из рядов КПСС и арестован.

А. Ф. Григорьев по указанию Эденберга занимался выборкой в адресном бюро лиц прибалтийских национальностей, которых впоследствии встречал в списках лиц, подлежащих аресту как члены контрреволюционной организации. На основании этих списков прокурором давалась санкция на арест.

«...За время следствия по латышам, литовцам и эстонцам я не помню ни одного случая, чтобы обвиняемые лично признавались в принадлежности к контрреволюционной организации или в каком-либо другом предъявленном им обвинении, а признательные показания от арестованных получались следующим

образом: вызывался арестованный, ему предъявлялось обвинение согласно имеющегося в моем распоряжении постановления об избрании меры пресечения, и с арестованным я беседовал. Если арестованный не хотел признавать себя виновным, приводился вербовщик, который якобы вербовал его в организацию и тот изобличал его, если и после этого арестованный не сознавался, то к нему применялись выстойки, и он после некоторого времени соглашался подписывать протокол.

...Составлялся протокол в присутствии обвиняемого и даже без присутствия обвиняемых, а затем этот протокол давался обвиняемому на подпись, что являлось самым важным моментом допроса, так как при этом больше всего применялась выстойка. Как я помню, в особом корпусе в коридоре подряд стояло по несколько человек арестованных, так как выстойки применялись всеми работниками отдела, которые вели следствие. Протоколы, как правило, писались не со слов обвиняемых, а только изредка прибегали к их помощи.

...Что мы писали в протоколах допроса, какие факты вносили в протокол, никто не проверял и не требовал этой проверки. Правда, были случаи, когда протоколы Эденбергом корректировались, но только с той целью, чтобы придать большую резкость фактам «преступной» деятельности того или иного обвиняемого, других каких-либо замечаний мы не получали.

...Кроме выстойки, других мер физического воздействия с моей стороны не применялось, за исключением уговоров, которые сопровождалась всеми следователями нецензурными выражениями.

...В получении подписей обвиняемых на составленных протоколах был весь смысл в то время следственной работы, и все внимание уделялось этому, к этому сводились и все требования руководства отделения и отдела. Поэтому, по-моему, и допускались всеми работниками, в том числе и мною, составление протоколов без обвиняемых, с внесением в них несуществующих данных, так как никто и никогда не делал замечаний на неправильность и необъективность записанных нами показаний».

Из показаний бывшего сотрудника 3-го отдела Управления НКВД по Западно-Сибирскому краю Чуйкова:

«Особо отличался в 3-м отделе избивением арестованных Эденберг, он избивал каждого, кто даже делал малейшее ему

возражение. Отдельных арестованных Эденберг сшибал с ног и пинками загонял их под стол...»

* * *

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА
бывшего ВРИО³ начальника 4 отдела Управления НКВД
по Западно-Сибирскому краю К. К. Пастаногова
24 августа 1955 г.

«В 1937/38 гг. существовало требование НКВД СССР и начальника Управления НКВД по Запсибкраю о составлении подлинников протоколов только на пишущей машинке. Во исполнение этого требования черновики протоколов допроса следователями, допрашивающими арестованных, велись небрежно, зачастую карандашом, затем передавались в машинное бюро и после отпечатывания теряли значение подлинников и, видимо, уничтожались. Отпечатанные же экземпляры давались на подпись арестованным, считались подлинными и приобщались к следственным делам. Имели место случаи, когда арестованные вносили поправки в отпечатанный текст. Показания отдельных арестованных стенографировались и расшифрованные стенограммы в отпечатанном виде давались на подпись арестованному и приобщались к его следственному делу. Когда же следователь писал протокол допроса чернилами и по установленной форме, они приобщались к следственным делам, но этого, как правило, от следователя не требовали.

...Считаю необходимым отметить, что я совершенно к этому времени и к этой работе был не подготовлен, так как имел очень низкое образование (3 класса) и не имел опыта руководящей работы. К тому же я не имел никакого специального и политического образования. В связи с этим я слепо выполнял указания своих начальников по службе и допускал в своей практической работе ряд нарушений советской законности, за что и был наказан в 1940 году».

* * *

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА
бывшего начальника отделения Управления НКВД
по Алтайскому краю Т. К. Салтымакова
23 декабря 1939 г.

«Помню, в период проведения операции по эсеровскому, церковно-монархическому элементу составлялись списки на ос-

нове имевшихся в УНКВД агентурных и официальных данных или на основе данных спецчастей учреждений адресного стола. Эти данные в основном содержали в себе сведения о том, что такой-то в прошлом судим за антисоветскую деятельность, социально чуждый, имеет связи с антисоветской средой, бывший колчаковец и т. д. В большинстве не было конкретных фактов, изобличающих в контрреволюционных или антисоветских действиях. По списку составлялись стандартные постановления на арест, которые утверждались начальником УНКВД и Крайпрокурором. [...]

Обвинение строилось на показаниях обвиняемых, которые не проверялись и не документировались. Методы допроса извращались: как правило, применялась стойка к упорствующим, или отборная брань, или пощечина. Одно ясно, что арестованные искусственно увязывались между собой, так как оформлялись преимущественно групповые дела и пускались на тройки по 30—40 человек и больше».

* * *

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА
бывшего свидетеля П. В. Филимоновой
24 сентября 1955 г.

«...Во время работы председателем сельсовета меня очень часто вызывали в Северное РО¹ НКВД для подписи документов на арестованных граждан. Предлагаемые мне документы я подписывала, не знакомясь с их содержанием, так как прочитать сама не могла в силу малограмотности. Не исключена возможность, что протокол допроса был заранее заготовлен работниками РО НКВД, а затем предложен мне для подписи».

* * *

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА
бывшего сотрудника Полномочного Представительства ОГПУ
по Западно-Сибирскому краю С. П. Попова
10—19 января 1939 г.

«...На первых порах следствия мне стало ясно, что дело о белогвардейском заговоре¹ — дутое и является сплошной фаль-

сификацией. Ежедневно утром начальник СПО⁶ Ильин собирал следователей и давал им схемы будущих показаний арестованных. Следователи по этим схемам составляли протоколы, которые потом давали подписывать арестованным».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ пр-а/с — правый антисоветский.

² штарм — штаб армии.

³ ВРИО — временно исполняющий обязанности.

⁴ РО — районное отделение.

⁵ По этому делу в 1933 г. было арестовано 225 человек. Среди них — В. Г. Болдырев, Х. Е. Бутенко, Г. А. Краснов, П. К. Казаринов, Г. И. Черемных и др. 5 августа 1933 г. заседанием комиссии ОГПУ 28 человек были приговорены к расстрелу, а остальные к 10 годам лагерей каждый.

⁶ СПО — секретно-политический отдел.

ОСТРОВ СМЕРТИ

Публикуемые ниже документы дают редкую возможность показать с различных позиций одно из самых трагических событий, связанное с депортацией людей в район Нарымского севера весной — летом 1933 г. Принудительное переселение сюда началось в массовом масштабе с весны 1930 г. и с сезонной периодичностью (в течение навигации) осуществлялось ежегодно на протяжении всего десятилетия. У этого процесса были, тем не менее, свои приливы и отливы. Первый пик пришелся на весну — лето 1931 г., когда на территорию северных районов Томской области было завезено более 160 тыс. человек — раскулаченных, главным образом из южных районов Сибири. Вместе с уже находившимися там 50 тыс. контингент спецпереселенцев составил колоссальную для той территории величину, вдвое превысившую старожильческое население.

На этой земле развернулась одна из самых драматических страниц послереволюционной истории крестьянства. Насильственно свезенные в глухие, необжитые места нарымской тайги, около 50 тыс. крестьянских семей размещались в номерных спецпоселках, объединенных, в свою очередь, в участковые и районные комендатуры Сиблага ОГПУ. Лишенные права сво-

бодного передвижения и выбора рода занятий, спецпереселенцы обрекались поистине на рабское положение. Аналогия усугублялась тем, что в документах того времени спецпереселенцы именовались термином «рабсила», а Сиблаг, передавая по договорам хозяйственным эту рабсилу, фактически выступал в роли совладельца даровой силы, получая от ведомств оговоренный процент отчислений от заработков спецпереселенцев.

Уже в 1931—1932 гг. десятки тысяч спецпереселенцев трудились на лесоразработках, на кустарных промыслах, были заняты на новом шахтном и промышленном строительстве в Сибири, составляя в отдельных областях от половины и более всех работавших. Вкусившие сладость бесконтрольного и хищнического использования практически даровой «рабсилы», Сиблаг совместно с хозяйственными уже не мыслили иного способа форсированного освоения региона, как наращивание здесь все новых и новых контингентов из лиц принудительного труда.

Однако к 1933 г. в верхних эшелонах власти происходит переосмысление и корректировка прежнего курса. Увеличивать дальнейшие объемы «раскулачивания» без риска окончательно обескровить и без того хрупкие и неустойчивые колхозы было невозможно. И хотя процесс раскрестьянивания продолжался и позднее, но он уже перестал осуществляться в форме массовых депортаций, масштабы крестьянской ссылки стали уменьшаться.

В этих условиях политический режим задействовал механизм компенсации — уменьшение депортаций из сельской местности стало восполняться высылкой населения городов и приграничных территорий. Необходимо было провести и соответствующую реорганизацию звеньев репрессивной машины.

20 апреля 1933 г. В. М. Молотовым было подписано секретное постановление СНК СССР № 775/1460 «Об организации трудовых поселений ОГПУ», в котором предусматривалось на основе опыта спецпоселений 1930—1932 гг. создание трудпоселений и направление в них, помимо раскулаченных, следующих категорий людей: «городской элемент, отказывающийся в связи с паспортизацией выезжать из Москвы и Ленинграда; бежавшие из деревень кулаки, снимаемые с промышленного производства; выселяемые в порядке очистки государственных границ (Запада и Украины); осужденные органами ОГПУ и судами на срок от 3-х до 5-ти лет включительно, кроме особо социально опасных из них».

Совершенно очевидно, что новый контингент, в отличие от прежнего, крестьянского, состоял в первую очередь из т. н. деклассированных элементов — городских люмпенов, уголовников и т. д. Это, впрочем, не исключало случаев массового произвола властей, когда под флагом чистки городов в числе высланных оказывались честные, благонамеренные граждане (что следует из приведенных ниже документов). Обретя «второе дыхание», ГУЛАГовское руководство строило совершенно маниловские — это выяснилось сравнительно скоро — проекты хозяйственного использования «трудпереселенцев», как теперь стал именоваться этот контингент. В частности, предусматривалось забросить в навигационный период 1933 г. по Оби и ее притокам в районы Нарымского севера до 375 тыс. чел., т. е. почти в 2,5 раза больше, чем в 1931 г.! Постепенно эта намеченная цифра пересматривалась в сторону значительно ее уменьшения, примерно до 200 тыс. чел. Реально же было перемещено еще меньше (точную цифру установить трудно).

Одна из причин того, что грандиозный план бесславно и тихо провалился, заключалась в невозможности «переварить» на местах столь значительные контингенты. Инфраструктура (снабжение, перевозки, культурно-бытовая и медицинская сеть и т. д.) спецпереселенческих комендатур «захлебнулась» уже с прибытием первых барж с тысячами деклассированных городских элементов весной 1933 г. Даже на фоне обычного сиблаговского беспредела выявились ужасающие факты массовой гибели людей, выкинутых на обские острова в ожидании распределения по поселкам, которое длилось месяц, а то и больше. Беспрецедентная по своим масштабам трагедия, развернувшаяся на острове близ поселка Назино, посреди Оби, недалеко от районного центра Александрово в мае — июне 1933 г., получила широкую огласку в «узких кругах власти», заставив последнюю умерить масштабы своих проектов. Можно сказать, не впадая в преувеличение, что назинская трагедия подорвала веру властей в возможность решения проблемы освоения Обского севера «малой кровью». Остальные контингенты направлялись, как правило, уже в обжитые районы юга Сибири, используя для целей промышленного развития.

Несколько слов о происхождении публикуемых документов. Не требуют особых комментариев воспоминания очевидца событий — И. Уварова, опубликованные в малотиражном изда-

нии, газете Томского университета «За советскую науку» 6 апреля 1989 г. Два других документа относятся к лету 1933 г. Написанные по «горячим» следам события, они не предназначались для огласки. Первый из них представляет собой протокольную запись заседания Президиума Нарымской окружной парткомиссии и рабоче-крестьянской инспекции (КК—РКИ) от 21 июня 1933 г.¹ На нем была выработана, видимо, одна из первых официальных трактовок происшедших в районе Назино событий. И, судя по всему, ставшая наиболее удобной для причастных к этому официальных структур. Формально виновными были названы «стрелочники» — чиновники низшего звена в партийно-государственном аппарате. Функционеры рангом выше отделались легким испугом. В документе, тщательно отредактированном, явно заретушированы масштабы трагедии. По типично российской бюрократической традиции виноватыми оказываются все те, кто непосредственно исполнял директиву, а не те, кто ее выработывал: комендант Цепков, комсостав и стрелки, районные власти и т. д. И здесь же можно усмотреть типичную, родовую черту российской власти — колоссальное пренебрежение отдельной человеческой личностью, приравненной в документах сталинского времени к тоннам муки, тысячам топоров и пил, десяткам вошебок и другим подобным приметам ГУЛАГовской системы.

Автор другого документа² — мелкий партийный функционер, решивший проинформировать Сталина и местных руководителей о «безобразном отношении» к спецпереселенцам, загнанным в глухую сибирскую тайгу в начале лета 1933 г. Как всякий убежденный член партии, этот человек не задается вопросом — почему тысячи присланных людей, в массе своей совсем не злодеи и не преступники, должны быть изолированы от общества. Он не спрашивает — в чем их вина. Для него как коммуниста этот вопрос ясен. Но он не может примириться с тем положением, до которого доведены спецпереселенцы в результате «неправильной организации» их новой жизни.

Обращаясь к высшему руководству, автор письма воспроизводит жуткую картину человеческих страданий. Даже сегодня, читая эти строки, трудно себе вообразить что-либо ужаснее участи этих «деклассированных». Массовая, совершенно бессмысленная гибель людей и «распад какой бы то ни было человеческой организации» предстают в публикуемом доку-

менте как основной результат «мероприятия по переселению». Сцены истязания и вымирания людей повторяются здесь так часто, что само понятие «смерть» как бы теряет свой первоначальный смысл, приобретает почти обыденный характер: «истощение людей шло своим порядком», «смертность продолжалась» и т. п.

Весьма примечательно в этом документе то, что автор его — далеко не равнодушный человек — неожиданно для себя обнаруживает среди спецпереселенцев большое число «классово близких» людей (по его выражению — «наши элементы»). Столь явное «нарушение классового принципа», да еще и в значительных размерах, просто ошеломляет автора письма, и он представляет подробный список выявленных им «своих» граждан. Этот список становится, пожалуй, ключевым мотивом автора для его обращения «наверх». Рассматривая каждую персону из своего перечня как жертву роковой случайности, составитель письма не подозревает, что коммунисты и беспартийные, мужчины и женщины, взрослые и дети — все, кто в одночасье превратился из граждан в «контингент», — не случайные люди, все они — заложники системы, которая отбирала свой «материал» по квотам и разнарядкам, по заранее разработанному плану, последствия которого хорошо представляли себе его составители. Здесь явно проявляется наивность и незнание автором истинных «правил» политической жизни. Это, кстати, заметно и в некоторых других случаях. Так, например, он выражает твердое убеждение в том, что произвола и массовой гибели спецпереселенцев можно было бы избежать, если бы за дело взялись «прекрасные коммунисты». Порочна не система, обрекающая массу невинных людей на верную гибель, — считает наш автор, — а всего лишь нерадивые исполнители. Дано ли было такому человеку знать, что произвол местных властей по отношению к спецпереселенцам являлся продолжением политики государственного терроризма? Что беззаконие руководства страны невозможно «исправлять» соблюдением законности «снизу», сколько бы «прекрасных коммунистов» для этого ни привлекалось?

И все же мы должны быть благодарны автору из сибирской глубинки за его смелость открыто написать Сталину и другим руководителям партии такое письмо. Не каждый в то время способен был на подобный шаг. Строго говоря, содержа-

ние письма есть не что иное, как прямое указание власти на ее преступления.

Тексты документов приводятся с незначительными сокращениями и редакторской правкой. Наименования рек, населенных пунктов и комендатур сохранены так, как даны в источниках. Правильные написания: «Александро-Ваховская комендатура», «река Назина», «поселок Назино».

С. А. Красильников

С. А. Папков

Мой старый друг, Андрей Карагодин, тихо угасал у себя дома. Его «доедал» рак легких. Он знал, что до «финиша» подать рукой, относился к этому спокойно, философски, и только жене временами просил не говорить на эту тему. В одно из моих посещений он достал из-под подушки тетрадь, протянул ее мне и сказал: «Возьми, пожалуйста, дарю тебе. Почитай. Подумай: может, теперь как раз время пустить этого «голубя» в свет, на волю. Двадцать пять лет пролежал он под подушкой. Просился на волю, да не мог я ввешегося в душу страха перебороть. А теперь мне бояться нечего. Все равно через неделю-другую концы отдам. Написал я все это после того, как прочитал «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. Все читали и ахали: «Ах, какой кошмар!» А я подумал: «Разве ж то кошмар? То детский лепет. Не видал ваш Солженицын настоящего кошмара...»

Разозлился и написал. Перед смертью клянусь тебе, что я ничего не выдумал. Все это я либо своими глазами видел, либо своими ушами слышал, не от «одной бабы», а из первоисточника. Может, чего-то только не знал, что-то забыл, потому что было это очень давно, в 1933 году. А может, в 1932. Не вспомню точно. Но ведь это дела не меняет».

После некоторой литературной обработки рукопись друга предлагаю читателям.

1. В самом северном районе Томской области, в райцентре Александрово, в 1931 году была создана «Александрово-Ваховская участковая комендатура». Штат ее был невелик, человек сорок вместе с бухгалтерией. Задача комендатуры — опекать сосланных сюда на вечное поселение раскулаченных во время коллективизации так называемых «спецпереселенцев», а короче — «спецов». Чтобы они не разъехались, чтобы помочь им прижиться навечно в этом непривычно суровом крае.

Будучи сосланы со всеми семьями, «спецы» и не пытались бежать. Они дружно, умело и быстро строили себе села в отведенных местах, осваивали новые виды хозяйствования и больших хлопот комендатуре не доставляли. Было этих «спецов» немного: тысячи три, расселили их в четырех новых селах, что сами построили.

В конце апреля 1933 года комендант Цепков собрал всех своих подчиненных и глухим голосом пожилого человека обратился к ним:

— Товарищи! Я получил телеграмму из управления Сиблага. Слушайте внимательно: «Александрово-Ваховская учкомен-

датура Цепкову Ваше распоряжение направляется караваном барж три тысячи бывших заключенных для отбытия срок ссылки обеспечьте прием и размещение БАЛАН».

Воцарилось гнетущее молчание. Грузный, с тяжелым свинцовым взглядом, комендант тихо и глухо сказал:

— Я прошу высказаться, что будем делать.

Мой шеф, начальник отдела учета Киселев, сверкнув раскосыми глазами на скуластом, выразительном лице, вскричал:

— Они что, сдурели там, в Новосибирске? Куда мы их примем? Три тысячи! Да у нас же нет никакого жилого фонда! А чем кормить? Положим, есть мука, а где хлеб выпекать? В районе же нет ни одной пекарни. И наши печи, и старожилы хлеб пекут сами, дома. Это безумие!

Киселева поддержали еще несколько человек. Комендант слушал молча. Потом сказал:

— Я решил немедленно послать в Сиблаг телеграмму: «Принять ссыльных не представляется возможным отсутствием материальных условий Цепков».

Все загудели:

— Правильно, товарищ комендант! Правильно!

А вечером того же дня комендант получил ответ на свою телеграмму: «Три тысячи отбыли Ваше распоряжение через неделю встречайте еще три БАЛАН».

2. Наутро комендант вновь собрал коллектив комендатуры, ознакомил его со второй телеграммой и попросил высказать свои соображения — где разместить прибывающих. Все единодушно высказались, что ни в одном населенном пункте их размещать нельзя. Это привело бы к непредсказуемым последствиям. Три тысячи голодных людей дезорганизовали бы всю жизнь коренных жителей и спецпереселенцев. После долгих обсуждений решили принимать прибывающий контингент на остров Назинский. В семидесяти километрах от Александрова, вверх по течению Оби, на высоком правом берегу стоит село Назино. Против села остров длиной километра полтора и шириной около полукилометра. Разделенная пополам Обь с каждой стороны острова шириной не менее километра. Не каждый рискнет бежать вплавь. На острове есть старый осинник, реченький, а по берегам — густой тальник. Выгрузить на остров несколько десятков тонн муки, укрыть брезентом, поставить

караул и выдавать каждому полкило муки в день. Тем временем в Назино срочно начать строить пекарню. Ничего более разумного придумать не могли.

3. Киселеву под шестьдесят, а мне — девятнадцать. Мы с ним — отдел учета. Тридцатого апреля Владимир Андреевич, едва перешагнув через порог кабинета, изрек: «Ну, сынок, собирайся. Через пару часов в Назино идет наш катер «Быстрый». Едет группа приема под началом замкоменданта Богданова. Отдел учета будешь представлять ты. Все учетные карточки сверить с личностями, неподтвержденных карточек — «мертвых душ» не принимать».

К часу дня мы были в Назино. А вскоре буксир притащил караван из нескольких огромных барж, под завязку набитых людьми. Караван причалил к острову, началась высадка. Она продолжалась до позднего вечера, так как сверка людей с документами шла довольно медленно. Почти все — мужчины, возрастом далеко за тридцать, с землистого цвета лицами, тусклым взглядом, обтрепанные, без всякого имущества. Лишь изредка на поясе висел котелок или кружка. Пройдя сверку, люди разбредались по острову, знакомились с новым местом жительства, подыскивали место для ночлега. Вечер был теплый, благостный. Все мы, сотрудники комендатуры, оставив на острове караул, переехали на катере в село Назино и разместились на ночевку в местной школе.

4. Утром первого мая я проснулся первым, потому что яркий солнечный луч бил мне прямо в глаза. Встал, подошел к окну, выглянул на улицу и сразу зажмурился. Все село, берег реки, остров посередине Оби — все было укрыто толстым слоем снега и нестерпимо сверкало под лучами яркого весеннего солнца. Крепко устав за прошедший день, я проспал сном праведника и не слышал, как гудел всю ночь штормовой ветер и валил сплошной лавиной мягкий, влажный снег. Теперь все стихло, небо синело девственной чистотой, панорама виделась редкостная для первого мая. Но... каково теперь нашим «гостям» на острове? Ведь они проводили ночь под открытым небом! Там же нет ни единой постройки... Только палатка для караула.

Проснулся замкоменданта Богданов, разбудил всех остальных, мы наскоро позавтракали каждый своими запасами и поехали на остров. Снегу выпало почти по колено. Под лучами

майского солнца он быстро наливался влагой, на земле оседал, а с деревьев обрушивался мокрыми комьями. Наши ссыльные вылезали из-под снега почти насквозь мокрые. Немного суше были те, кто успел захватить место под кронами старых осин. Люди отряхивались, поеживались, подставляли наиболее мокрые места теплым лучам солнца. От них валил пар. Они постепенно собирались к палатке караула, рядом с которой лежал большой штабель из мешков с мукой, предусмотрительно укрытый брезентом.

5. Чтобы в Назино построить пекарню, надо было сначала построить хоть самый примитивный кирпичный завод. Все это требовало времени, и немалого. А кормить людей надо сейчас. Богданов посылает двух вахтеров обойти остров и всех собрать к складу муки. Минут через пятнадцать толпа мокрых и жалких людей разноголосно приглушенно жужжала, прижимаясь друг к другу, в надежде скорее согреться. Богданов, и без того непомерно высокий, взобрался на пенек, и толпа быстро стихла. Все ждали, что скажет начальник, чем порадует. И он сказал: «Граждане ссыльные! У нас нет для вас жилья. Нет ни столовой, ни пекарни. Когда-то будут, а пока жить будете здесь, на острове Назинском. Обустраивайтесь, кто как может. А с питанием так: каждое утро с восьми часов строиться в очередь к складу, каждый получает полкило муки и — до завтра. И не вздумайте получить два раза. Замечу — пристрелю на месте. А сейчас — в очередь становись!»

Толпа поспешно стала строиться в очередь. Первые уже начали получать. Кладовщик из развязанного мешка зачерпывал поллитровой кружкой муку, досточкой смахивал в мешок все, что было выше краев кружки, и высыпал очередному. Во что? У кого что было. Изредка в котелок или в такую же алюминиевую кружку. Это счастливики. Можно баланду сварить. В шапку или в фуражку — тоже неплохо. Но у многих не было ни посуды, ни головных уборов. Такой бедолага подставлял полу пиджака или пальто. Очередь двигалась быстро. Те, у кого не было посуды, сразу шли к берегу, пристраиваясь поближе к воде, кто как мог — заправляли муку в рот и горстью воды запивали ее. За несколько минут вся мука была в желудке и запита речной водой, мутной и холодной.

6. Через неделю пришел еще один караван со ссыльными. Еще три тысячи. Их также высадили на остров. Остров стал похож на огромный муравейник, потому что кишел людьми.

Поскольку не было туалета, оправлялись кто где хотел, оттого воздух был изрядно насыщен зловонием. Началась эпидемия дизентерии. Из комендатуры прислали фельдшера Кувшинова, поставили для его «медпункта» палатку рядом с палаткой караула. Чтобы как-то разгрузить остров, людей наиболее здоровых и крепких стали эвакуировать. Грузили на малую баржу человек двести, мешков пятьдесят муки, топоры, пилы, лопаты, гвозди и одного вахтера. Катер «Быстрый» брал баржу на буксир и вез в какой-либо из притоков Оби — небольшую таежную речку. Увозил километров за сто, высаживал людей на берег, в первобытную тайгу, и вахтер говорил: «Вот вам новая родина. Вот вам топоры и пилы. Вот лес бесплатно и без нормы. Пилите, рубите, стройте себе дома, готовьтесь к зимовке. Благо до зимы еще есть времечко». Вахтер с мукой и людьми оставались, а катер с баржей возвращался назад, чтобы вывезти очередную партию в какую-нибудь другую речку или в эту же, но еще подальше. Эвакуация шла медленно, а эпидемия разгоралась бурно. Фельдшер валился с ног, чуть ли не круглые сутки принимал больных. Люди начали умирать. В комендатуру полетели донесения Кувшинова и Богданова: «Лекарства кончаются. Смертность катастрофически растет. Если сначала умирало по 4—5 человек в день, то теперь уже по 40—50 человек. Срочно нужны лекарства, срочно надо ускорить эвакуацию. Остров предельно инфицирован». Комендант Цепков «бомбил» телеграммами Управление Сиблага в Новосибирске, требуя или срочной и радикальной помощи, или эвакуации людей куда угодно в другое место. Сиблаг отмалчивался.

7. Комендатура размещалась в деревянном здании барачного типа, наскоро построенном специально для этой цели. Большинство «кабинетов» отделялись друг от друга не капитальной стеной, а тесовой перегородкой. Если в одном кабинете говорят не очень тихо, то в соседнем все слышно. Как-то в начале июля я пришел на работу с небольшим опозданием. Мой шеф посмотрел на меня с укоризной и сказал тихонько: «Сынок, будем говорить только шепотом. В соседней комнате размещалась комиссия из Сиблага. Надо прислушаться, может, услышим что-нибудь интересное». Чуть позже я узнал, что комиссия уехала на остров Назинский, и два дня в соседней комнате была тишина. На третий день Киселев приболел и на работу не пришел. Я был один. Перед концом рабочего дня в соседнюю

комнату вошло несколько человек. Солидный голос сказал: «Садитесь!» И начался допрос. Я сразу же понял, что допрашивают кого-то из тех, кто жил на острове.

— Скажите, Гвоздев, это правда, что вы выбивали зубы больным и умирающим?

— Правда.

— Зачем?

— Чтобы добыть золотые коронки.

— Зачем?

— Променять на махру. Курить же хочется. А у вахтеров за каждую коронку можно было получить спичечную коробку махры или целых две газеты, шоб цигарки крутить.

— Так.. И много вы навывбивали зубов?

— Сколько надо, столько и навывбивал. В заначку не складывал. Все менял на махру, сам курил и друзей угощал.

— А теперь вы, Углов. Это правда, что вы ели человечесье мясо? — Не, неправда. Я ел только печенку и сердце.

— Расскажите, как вы это делали, подробно.

— Очень просто. Как шашлыки делают. Из ивовых прутиков делал шампурчики, нарезал кусочками, нанизывал на шампурчики и поджаривал на костерочке.

— А у каких людей вы добывали мясо себе? У живых или у мертвых?

— Зачем же у мертвых. Это ж падаль. Я выбирал таких, что уже не живые, но еще и не мертвые. Видно же, что доходит, через день-два все равно дуба даст. Так ему ж легче умереть будет... Сейчас. Сразу. Не мучиться еще два-три дня.

— Какая же вы скотина, Углов! Ведь самые дикие людоеды во всем мире перестали уже человечину жрать, а вы же культурный человек, десять классов окончили.

— Ха! Людоеды.. Так они где живут? На островах Тихого океана. У них и кокосы, бананы и ананасы. А вот на наш Назинский бы их загнать — поглядел бы я. Не то что сердце и печенку, и все кишки пожрали бы с потрохами.

— Ну что же. Дело ясное. Еще по доброму сроку схлопочете. Придется вас везти в Новосибирск на «переемтестацию».

Оба ссыльных наперебой радостно загалдели:

— Ото добрэ! Нэхай еще срок! Там хоть крыша над головой и баланду вареную дают, а не муку с речной водой. Спасибо, начальник, уважил. А то ведь здесь рано или поздно загнулись бы...

Потом привели каких-то других. Начали их допрашивать. Но рабочий день у меня кончился, через час я обещал встретиться со своей девушкой, а потому не стал подслушивать допрос новых подследственных. На другой и на третий день в соседнем кабинете допрашивали все новых и новых. Мы с Киселевым уже перестали прислушиваться, слушая между делом, вполуха. Их «ужасные» дела мало чем отличались от вышеописанных. Через неделю всех подследственных комиссия погрузила на рейсовый пароход и вместе с ними отбыла в Новосибирск.

8. В конце июля из Новосибирска пришло сразу два парохода с пустыми баржами. Наконец, Сиблаг решил эвакуировать наших «гостей». И с острова Назинского, и со всех поселков, что были разбросаны по речкам. Половина назинцев не могла своим ходом пройти на баржу — так они были больны или просто измождены. Их несли на носилках и складывали рядами в трюмах барж. Катер «Быстрый» на малых баржах или больших лодках привозил людей из поселков, более крепких, все были на ногах, но в каждом поселке многих не досчитались. Они бежали. Бежать было запросто: один вахтер на поселок, кругом тайга. Доведенные до отчаяния и питанием, и бесперспективностью своего положения, они покидали поселки и уходили куда глаза глядят. Не думаю, чтобы кому-нибудь из них удалось выйти к железной дороге «Москва — Владивосток» и обрести свободу. На сотни километров кругом — болотистая тайга, изрезанная сотнями речек и речушек, полное незнание географии местности, отсутствие карты и компаса, невозможность сесть на пароход — пропускают только по паспортам, — все это обрекало их на верную смерть в тайге от голода или болезни.

По окончании эвакуации мы с Киселевым «подбили бабки». Приняли мы 6 000 человек, а отправили 2 856. Остальные пошли «на распыл», «естественную трату». Киселев долго молчал, устремив взгляд куда-то за горизонт, потом сказал тихо: «Вот, сынок, как дешева человеческая жизнь. Чтобы убить скотину, ее сначала надо или вырастить, или купить. А людей

бесплатно, без всяких хлопот убивают. Смотри, берегись, держи язык за зубами, не попади в эту мясорубку. А все, что слышал, — крепко запомни, но никому не рассказывай, а то сразу схлопочешь. Ведь доносы у нас теперь в моде, признак хорошего тона, доказательство большого патриотизма. Я уже достаточно стар и скорее всего не доживу до рассвета. А ты, чем черт не шутит, и доживешь до иных времен, когда без риска для жизни можно будет рассказать людям о нашем смутном и горьком времени».

9. Вскоре после эвакуации ссыльных коменданта Цепкова сняли с работы и вызвали в Новосибирск, в Управление Сиблага. Больше о нем ни мы, сотрудники комендатуры, ни оставшиеся в Александрово члены его семьи ничего не слышали. Вероятно, он стал «козлом отпущения». Мы искренне жалели коменданта. Он был вполне порядочный человек, участник революции и гражданской войны. Но что мы могли сделать в его защиту? Даже свои сожаления и симпатии каждый держал при себе и боялся поделиться ими с товарищами по работе.

С тех пор прошло более полувека. В молодые годы, сразу после событий, я не записал этого. Боялся: а вдруг записи попадут кому-то в руки... Помнил наказ моего шефа. Через тридцать лет, после прочтения «Ивана Денисовича», начал записывать, понял, что многое прочно забыл. За четыре года на фронте в голове скопилось столько новых ужасов, что те, далекие, едва просвечивали из-под них. Поэтому мои записи, хоть и целиком правдивы, но далеко не полно отражают те далекие события. И хотя, кажется, пришло наконец-то долгожданное время, когда можно сказать правду, но я не могу побороть в себе въевшийся в душу страх. И потому прошу никому не показывать мою рукопись, пока я жив. Только после моей смерти. Это моя последняя просьба.

И. Уваров
2 апреля 1988 г.
г. Энгельс

Необходимое послесловие автора:

Я родился 19. IX. 1913 г. в семье фельдшера в г. Майкопе Краснодарского края. В 1930 г. отец решил проведать своего однополчанина по первой мировой войне, который проживал в г. Мариинске Новосибирской области. У Новосибирска его ссадили с поезда «органы» без каких бы то ни было объяснений, просто как подозрительного «типа». Целый год гоняли по тюрьмам без единого допроса. В 1931 г. он попал в Томск. Здесь формировался этап спецпереселенцев в Александрово-Ваховскую комендатуру. Его прикрепили к этапу для сопровождения в качестве медика. Мы решили ехать к отцу с тем, что я оттуда сразу вернусь и буду поступать в Томский университет. Однако из Александрово меня не выпустили, комендант объявил, что все мы теперь тоже спецпереселенцы. Я стал учителем, учил детей «спецов», а отец был прекрасный фельдшер, известный на весь район. В 1935 г. меня «за хорошую работу» восстановили в правах.

В 1936 г. я поступил в ТГУ. Я учился только на «отлично», получал повышенную стипендию. Весной 37-го я приехал на каникулы к родным. В июне отца превратили во «врага народа», а у меня отобрали паспорт, и я снова стал «спецом».

Во время работы в Александрово с 31-го по 35 год я в каникулярное время подрабатывал в отделе учета комендатуры. Историю с Назинским знаю, ибо сам в качестве статистика принимал «назинцев» и отправлял по поселкам.

Мой друг А. Карагодин — это я сам. В моем рассказе нет никакого домысла, однако за цифры я не ручаюсь. Они приблизительны. Фельдшер Кувшинов — это мой отец, который мне много рассказывал о положении на острове. Богданов и Цепков — имена подлинные и портреты правдивые.

* * *

ВЫПИСКИ ИЗ ПРОТОКОЛА ПРЕЗИДИУМА [НАРЫМСКОЙ] ОКР[УЖНОЙ] КК РКИ

от 21. VI. 33 г.

Слушали:

О результатах проверки состояния работ по хозяйственному устройству трудпереселенцев в Александровском районе. Докладчик т. Эйн.

Постановили:

1. Констатировать, что несмотря на то, что Александрово-Ваховская комендатура еще 15 марта с. г. была поставлена

Сиблагом в известность о посылке им с первым пароходом трудпереселенцев из деклассированного элемента, и наличие директивы Сиблага о необходимости приготовления к их приемке, со стороны Александро-Ваховской комендатуры т. Цепковым было проявлено прямо преступно-халатное отношение к делу подготовки к приему трудпереселенцев, в результате чего трудпереселенцы по их прибытию были выселены на пустой остров, где не было проведено никакой подготовки для организации простых временных жилищ (палатки, шалаши), организации выпечки хлеба, кипяченой воды, санитарной обработки и т. д.

2. Трудпереселенцы с момента прибытия с 18/V с. г. до 15. VI совершенно не имели никакой посуды (ложки, кружки, чашки, миски, ведра и котлы) и до 8/VI не имели никакого инструмента (топоры, пилы и ножи), а со стороны комендатуры и районных организаций не было принято никаких практических мероприятий к снабжению их хотя бы минимальным количеством посуды и инструмента, несмотря на то, что возможности изыскать таковые в районе имелись, а также не было принято всех необходимых мер к снабжению их печеным хлебом, в результате чего трудпереселенцы получили вместо печеного хлеба муку, вынуждены были разводить ее с водой в грязных шапках, фуражках, галошах и т. д. и есть мокрое тесто и, в лучшем случае, некоторые производили выпечку хлеба в золе.

3. Отметить, что значительная часть трудпереселенцев, примерно 40—50 % прибыли к месту назначения в истощенном виде с резким упадком питания и полураздетыми.

4. Имело место безобразно грубое обращение с трудпереселенцами как со стороны стрелков, а также и командного состава, в частности, самого коменданта т. Цепкова, который, будучи 18—19/V на высадке, вместо того, чтобы принять меры к организации соответствующего хозяйственного обслуживания, занимался бросанием в толпу трудпереселенцев палок и чурок и этим самым дал повод низшему комсоставу и стрелкам бить трудпереселенцев прикладами и палками.

5. Группа наиболее сильных трудпереселенцев с целью отбраковки продуктов и одежды занималась избиванием слабых и больных, а со стороны комсостава и стрелков никаких реальных мер борьбы с этими явлениями принято не было.

6. Имело место три случая убийства группой трудпереселенцев более слабых трудпереселенцев с целью инсценировки якобы на почве голода — людоедства, однако никто фактов приготовления пищи и еды из людского мяса не видел, никто — как из военизированных служащих, так и из самих трудпереселенцев, и убийства людей на почве голода лишены всяких оснований, т. к. лица, которые [изобличены] в этом, являются вполне упитанными и признаков истощения не имеют, и по заключению врачей эти факты могли иметь место не на почве голода, а обуславливаются разнузданностью и развращенностью (атавизм).

7. Отметить, что с 19. V по 23. V хлебный паек всем трудпереселенцам выдавался исключительно мукой, а с 23. V по 5. VI печеным хлебом выдавался преимущественно большим и только с 7. VI обеспечили выдачу печеного хлеба на 60 % трудпереселенцам.

8. Райкомендант т. Цепков, член бюро РК ВКП(б) т. Власов, член президиума РИКа Грошев и уполномоченный окружного представительства Сиблага т. Капранов, будучи на месте высадки с 20 по 27. V с. г., видя безобразное состояние со снабжением трудпереселенцев и организации их питания и отсутствия каких бы то ни было жилищ, по возвращении в район (с. Александрово) 27.V не приняли никаких реальных практических мер хотя бы к минимальному улучшению положения трудпереселенцев.

9. Имеющийся командный состав и состав стрелков недисциплинирован и при таком положении (отсутствие систематического инструктажа работников райкомендатуры) не способен полностью выполнять возложенных на них задач, т. к. стрелки фактически и преимущественно заняты самоохраной и совершенно в незначительной степени занимаются организацией и обеспечением защиты интересов трудпереселенцев.

10. Со стороны Сиблага и окружного представительства Сиблага не было принято достаточных мер к правильной организации обслуживания трудпереселенцев (не было переправлено на место расселения необходимых медикаментов, посуды и инструментов, несвоевременный перевод Александровской коммандатуре необходимых средств для расходов по обслуживанию трудпереселенцев и плохой подбор работников, в особенности комсостава, для обслуживания трудпереселенцев).

11. Отметить, что в результате безобразного состояния дела с организацией хозяйственного обслуживания трудпереселенцев: отсутствие печеного хлеба, котлового довольствия и кипяченой воды при наличии чрезвычайной истощенности значительной части трудпереселенцев повлекли за собой повышение желудочных заболеваний и смертности, а отсутствие одежды, жилых помещений, сырая со снегом погода, а также массовые избиения наиболее сильными слабыми с целью отбирания пайков и одежды усугубило положение, и все это вместе взятое привело к тому, что с 19. V с. г., т. е. с момента прибытия первой партии по состоянию на 12. VI на острове Назино и местах постоянного расселения, по неточным данным, зарегистрировано умерших 1 473 чел.

12. Констатировать, что Александровский РК ВКП(б) хотя и заслушал на своем заседании четыре раза вопрос о ходе подготовки к приемке новых контингентов и, в частности, трудпереселенцев, в своих постановлениях [не принял] никаких практических мероприятий по организации обслуживания трудпереселенцев, в частности, обеспечения снабжения их печеным хлебом, посудой, инструментами, устройства простых жилищ (палаток и шалашей), все постановления до 12. VI оставались не выполненными, и решительных мер к обеспечению своих решений со стороны бюро РК ВКП(б) принято не было, а районные КК—РКИ не обеспечили быстрого выполнения постановления бюро РК от 23. V с. г. по вопросу проверки состояния хозяйственного обслуживания трудпереселенцев в разрезе выполнения постановления бюро РК по этому вопросу.

Исходя из вышеизложенного, Президиум Нарымской ОКР. КК—РКИ постановляет:

1. Принять к сведению сообщение т. ЭЙН и т. СТАРИКОВА, что с их стороны через районные директивные организации приняты меры к заброске на места расселения трудпереселенцев посуды, инструментов, одежды и что по состоянию на 15. VI с. г. трудпереселенцы обеспечены посудой на 60 % и инструментами на 30—35 %.

Обязать окружное представительство Сиблага под личную ответственность т. Белокобыльского и Александро-Ваховскую комендатуру в декадный срок обеспечить полностью снабжение посудой, инструментами и необходимой одеждой трудпереселенцев.

2. Предложить окружному представительству Сиблага и Александро-Ваховской комендатуре в срочном порядке принять все необходимые меры к обеспечению выдачи трудпереселенцам печеного хлеба по установленным нормам, категорически воспретить выдачу трудпереселенцам вместо хлеба муки, одновременно обязать райкомендатуру обеспечить бесперебойное снабжение трудпереселенцев всеми продуктами, согласно установленных Сиблагом норм.

3. Обязать отдел снабжения ОКР организовать общественное питание трудпереселенцев...

[...]

9. Предложить окрпредставительству Сиблага и райкомендатуре принять самые решительные меры к изжитию недопустимо грубого обращения со стороны комсостава и стрелков с трудпереселенцами, привлекая виновных к самой суровой ответственности, одновременно обеспечить решительную борьбу с трудпереселенцами, отбирающими продукты питания у более слабых, а также с убийцами, немедленно оформлять на них следственные материалы, обеспечив быструю передачу их следственным органам для привлечения к уголовной ответственности.

10. Просить ЗСКрай КК—РКИ обязать Сиблаг в срочном порядке пересмотреть состав работников комсостава трудпереселенческих (деклассированных) поселков — поселковые коменданты и командиры взводов и отделений, заменив всех, не способных справиться с возложенной на них ответственностью политических задач перевоспитания трудпереселенцев из деклассированного элемента, а также к укреплению работниками самой Александро-Ваховской комендатуры и, кроме того, дать соответствующее указание Сиблагу о необходимости полного и своевременного финансирования мероприятий по расселению и хозяйственному обслуживанию трудпереселенцев из деклассированного элемента, а также обеспечить своевременную дачу нарядов на продукты в комендатуры и обеспечить их отгрузку.

11. Коменданту Александро-Ваховской райкомендатуры т. Цепкову, члену ВКП(б), за преступно-халатное отношение к подготовке к приемке трудпереселенцев (деклассированного элемента), необеспечение хотя бы в минимальной степени организации хозяйственного обслуживания трудпереселенцев, за недопустимо грубое отношение (бросание палок, чурок) с трудпереселенцами, непринятие мер к прекращению грубого отно-

шения с трудпереселенцами со стороны отдельных лиц комсо-
става и стрелков и непринятие мер к организации борьбы с
отбираем продуктов и убийствами одних трудпереселенцев
другими, объявить строгий выговор с предупреждением и по-
ставить вопрос перед Сиблагом о немедленной замене т. Цепкова
как неспособного полностью обеспечить правильную работу
комендатуры.

12. Инспектору окружного представительства Сиблага
тов. Капранову (член ВКП(б)), члену бюро Александровского
райкома ВКП(б) тов. Власову и члену Президиума РИКа
тов. Грошеву (член ВКП(б)) за то, что они, будучи на месте
высадки и расселения трудпереселенцев с 20 мая по 27 мая
1933 г., были свидетелями безобразного состояния дела хозяй-
ственного обслуживания трудпереселенцев (отсутствие каких
бы то ни было жилищ, посуды, инструмента, печеного хлеба и
т. д.) как на месте, так и по возвращении в район не приняли
никаких практических мер к снабжению трудпереселенцев по-
судой и инструментами и не обеспечили выпечки хлеба, объ-
явить выговор.

13. Поручить начальнику окружного отделения ОГПУ
т. Шестакову по существу этого дела провести глубокое след-
ствие, и конкретных виновников в срыве подготовки к приемке
трудпереселенцев и неорганизации соответствующего хозяй-
ственного обслуживания привлечь к судебной ответственности.

14. Указать бюро Александровского РК ВКП(б), что с их
стороны не было принято мер к проверке выполнения своих
решений по вопросам о трудпереселенцах, в результате чего
эти решения практически не выполнялись.

15. Учитывая сильное обмеление речки Назино, что созда-
ло невозможный проезд катерами и неводниками до нового
поселка, находящегося на 70-м км от устья реки, и, следова-
тельно, создает невозможность заброски продуктов питания и
промтоваров к местам расселения, предложить Александро-
Ваховской райкомендатуре совместно с РИКом проработать
вопрос о необходимости перерасмещения из уже поселенных
пунктов вниз по течению р. Назино ниже 25 км от устья реки.
Срок исполнения не позднее 1/VII.

Выписка верна. Секретарь ОКР КК

(подпись)

* * *

ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ,

РОБЕРТУ ИНДРИКОВИЧУ ЭЙХЕ

и секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) К. И. ЛЕВИЦ

Сов. секретно

29 и 30 апреля этого года из Москвы и Ленинграда были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированных элементов. Эти эшелоны, подбирая по пути следования подобный же контингент, прибыли в г. Томск, а затем на баржах — в Нарымский округ.

18 мая первый и 26 мая второй эшелоны в составе трех барж были высажены на реке Оби у устья реки Назина, на остров Назина против остяцко-русского поселка и пристани этого же названия (Александровский район, северная окраина Нарымского округа).

Первый эшелон составлял 5 070 человек, второй — 1 044. Всего — 6 114 человек. В пути, особенно в баржах, люди находились в крайне тяжелом состоянии: скверное питание, скученность, недостаток воздуха, массовая расправа наиболее отъявленной части над наиболее слабой (несмотря на сильный конвой). В результате — помимо всего прочего — высокая смертность, например, в первом эшелоне она достигла 35—40 человек в день.

Показателен в данном случае такой факт. Первый эшелон пристал к острову в прекрасный солнечный день. Было очень тепло. В первую очередь на берег были вынесены до сорока трупов и потому, что было тепло, а люди не видели солнца, могильщикам было разрешено отдохнуть, а затем приступить к своей работе. Пока могильщики отдыхали, мертвецы начали оживать. Они стонали, звали о помощи и некоторые из них поползли по песку к людям. Так из этих трупов ожили и стали на ноги 8 человек.

Жизнь в баржах оказалась роскошью, а пережитые там трудности — сущими пустяками по сравнению с тем, что постигло оба эти эшелона на острове Назина (здесь должна была произойти разбивка людей по группам для расселения поселками в верховьях реки Назинной). Сам остров оказался совершенно девственным, без каких бы то ни было построек. Люди были высажены в том виде, в каком они были взяты в городах и на вокзалах: в весенней одежде, без постельных принадлежностей.

тей, очень многие босые. При этом на острове не оказалось никаких инструментов, ни крошки продовольствия, весь хлеб вышел и в баржах, поблизости также продовольствия не оказалось. А все медикаменты, предназначенные для обслуживания эшелонов и следовавшие вместе с эшелонами, были отобраны еще в г. Томске.

Такое положение смутило многих товарищей, сопровождавших первый эшелон в 5 070 чел. (дело в том, что еще в баржах многие из-за недостатка хлеба голодали). Однако эти сомнения комендантом Александровско-Ваховской участковой комендатуры Цепковым были разрешены так:

— Выпускай... Пусть пасутся.

II

Жизнь на острове началась.

На второй день прибытия первого эшелона, 19 мая, выпал снег, поднялся ветер, а затем [ударил] мороз. Голодные, истощенные люди, без кровли, не имея никаких инструментов и — в главной своей массе — трудовых навыков и тем более навыков организованной борьбы с трудностями, очутились в безвыходном положении. Обледеневшие, они были способны только жечь костры, сидеть, лежать, спать у огня, бродить по острову и есть гнилушки, кору, особенно мох и проч. Трудно сказать, была ли возможность делать что-либо другое, потому что трое суток никому никакого продовольствия не выдавалось.

По острову пошли пожары, дым.

Люди начали умирать.

Они заживо сгорали у костров во время сна, умирали от истощения и холода, от ожогов и сырости, которая их окружала. Так трудно переносился холод, что один из трудпереселенцев залез в горящее дупло и погиб там на глазах людей, которые не могли помочь ему: не было ни лестниц, ни топоров.

В первые сутки после солнечного дня бригада могильщиков смогла закопать только 295 трупов, оставив неубранных на второй день. Новый день дал новую смертность и т. д.

Сразу же после снега и мороза начались дожди и холодные ветра, но люди все еще оставались без питания. И только на четвертый или пятый день прибыла на остров ржаная мука,

которую и начали раздавать трудпереселенцам по несколько сот грамм. Получив муку, люди бежали к воде и в шапках, портянках, пиджаках и штанах разводили болтушку и ели ее. При этом огромная часть их просто съедали муку (так как она была в порошке), падали и задыхались, умирали от удушья.

Всю свою жизнь на острове (от 10 до 30 суток) трудпоселенцы получали муку, не имея никакой посуды. Наиболее устойчивая часть пекла в костре лепешки. Кипятка не было. Кровом оставался тот же костер. Такое питание не выправило положения. Вскоре началось изредка, а затем в угрожающих размерах людоедство. Сначала в отдаленных углах острова, а затем — где подвертывался случай. Людоеды стрелялись конвоем, уничтожались самими поселенцами. Однако наряду с этим известием, часть жила сносно, хотя и не имела, как и все, жиров, а лишь одну муку. Такое положение объяснялось методами организации всех этих людей. На острове был комендант (Шихилев), стрелки ВОХР и медработники и, конечно, каптенармусы. Наряду с людоедством были и такие факты: комендатурой острова были зарыты в землю тысячи килограммов муки, так как она находилась под открытым небом и испортилась от дождей. Даже та мука, которая выдавалась трудпоселенцам, попадала не всем. Ее получали так называемые бригадиры, т. е. отъявленные преступники. Они получали мешки на «бригаду» и уносили их в лес, а бригада оставалась без пищи. Неспособность или нежелание организовать обслуживание людей дошло до того, что, когда впервые привезли на остров муку, ее хотели раздавать пятитысячной массе в порядке живой очереди. Произошло неизбежное: люди струдились у муки, и по ним была произведена беспорядочная стрельба. При этом было меньше жертв от ружейного огня, чем затоптано, смято, вдавлено в грязь.

Надо полагать, комендатура острова и ее военные работники, во-первых, мало понимали свои задачи по отношению к людям, которые были под их началом, во-вторых, растерялись от разразившейся катастрофы. Иначе и нельзя расценивать систему избиений палками, особенно прикладами винтовок, и индивидуальные расстрелы трудпоселенцев. Приведу один пример расстрела, потому что он ярко характеризует попытки «организовать» людей. Один трудпоселенец попытался два раза получить муку (мука выдавалась кружками, чайными чашками) и был уличен.

— Становись вон там, — скомандовал ему стрелок Ходов.

Тот встал на указанное место, в сторонке. Ходов выстрелил и убил наповал. Он убил многих, но сейчас рассчитан по личной просьбе.

Такие методы руководства и воспитания явились очень серьезной поддержкой начавшемуся с первых же дней на острове распаду какой бы то ни было человеческой организации. Если людоедство явилось наиболее острым показателем этого распада, то массовые его формы выразились в другом: образовались мародерские банды и шайки, по существу царившие на острове. Даже врачи боялись выходить из своих палаток. Банды терроризировали людей еще в баржах, отбирая у трудпоселенцев хлеб, одежду, избивая и убивая людей. Здесь же, на острове, открылась настоящая охота и в первую очередь — за людьми, у которых были деньги или золотые зубы и коронки. Владелец их исчезал очень быстро, а затем могильщики стали зарывать людей с развороченными ртами.

Мародерство захватило и некоторых стрелков, за хлеб и махорку скупавших золото, платье и другое. По острову установились цены: новое пальто — 1/2 булки или 1 пачка махорки; пачка махорки — 300 руб. и два золотых зуба или четыре коронки и два золотых [зуба].

Моментами, стимулирующими эту сторону и усиливающими смертность, явилось отсутствие какого бы то ни было физического производительного труда. За время пребывания на острове трудпоселенцы ничего не делали. Тот, кто не двигался или мало делал движений, — умирал.

В такую обстановку попал и второй эшелон, быстро воспринявший порядки острова.

В конце мая (25—27) началась отправка людей на участки, т. е. места, отведенные под поселки.

III

Участки были расположены по реке Назина за 200 километров от устья. Поднимались на лодках. Участки оказались в глухой необитаемой тайге, так же без каких бы то ни было подготовительных мероприятий. Здесь впервые начали выпекать хлеб в одной наспех сооруженной пекарне на все пять участков. Продолжалось то же ничегонеделание, как и на

острове. Тот же костер, все — то же, за исключением муки. Истощение людей шло своим порядком. Достаточно привести такой факт: на пятый участок с острова пришла лодка в количестве 78 человек. Из них оказались живыми только 12.

Смертность продолжалась.

Участки были признаны непригодными, и весь состав людей стал перемещаться на новые участки, вниз по этой же реке, ближе к устью.

Бегство, начавшееся еще на острове (но там было трудно бежать: ширина Оби, шел еще лед), здесь приняло массовые размеры. В ход пошли различные провокации. Важнейшие из них две: будто решено истребить 200 тыс. (или 20 тыс.) деклассированного элемента. (Добавляли к этому: так как нет войны); и что в 70 километрах (или в 40) — железная дорога.

Последняя провокация «подтверждалась» тем, что на одном из участков в ясные зори слышалась отдаленная гармонь, крик петуха и звуки, подобные гудку. Это был крохотный поселок, от которого участки отделяло непроходимое болото. Люди, не зная, где они [находятся], бежали в тайгу, плыли на плотках, погибали там или возвращались обратно.

IV

После расселения на новых участках только во второй половине июля приступили к строительству полуземляных барачков, вошебоек и бань. Здесь еще были остатки людоедства, и на одном из участков (№ 1) закапывались в землю испорченные мука и печеный хлеб; портилось пшено на другом участке (№ 3).

Жизнь начала входить в свое русло: появился труд, однако расстройство организмов оказалось настолько большим, что люди, съедая по 750—800—1 000 грамм хлеба, продолжали заболеть, умирать, продолжали есть мох, листья, траву и прочее.

Наряду с присылкой сюда прекрасных коммунистов, взявшихся за дело как следует, оставались комендантами и стрелками разложившиеся элементы, творившие над трудпоселенцами суд и расправу: избиения, узурпаторство, убийства людей — бездушные в отношениях к ним; мат и произвол — нередкие

явления. Такие факты: коменданты Власенко и Панасенко избивали трудпоселенцев. Стрелок Головачев за похищение одной рыбины в пути следования лодки избил трудпоселенца и приказал ему умыться. Когда это было выполнено — приказал прыгнуть с лодки. Трудпоселенец прыгнул и утонул.

Комендант Асямов, живя с женщинами-трудпоселенцами, на днях ранил дробью одного трудпоселенца, удившего рыбу, и скрыл этот факт от проезжавшего по участкам командования. Комендант Сулейманов, кроме того, что избивал людей при выдаче трудпоселенцам сахара, поедал его на глазах у всех в невероятно больших количествах и теперь, по его собственному заявлению, потерял всякий вкус. Помимо этого, он брал гребцов-трудпоселенцев и катался на лодке.

Будь люди поворотливее, смертность можно было сократить до минимума, так как она происходила главным образом от поноса. Однако, несмотря на строжайшие приказы командования, сухари больным не выдавались, тогда как сухарь спас бы сотни людей, потому что отсутствовали всякие медикаменты. Ощущалась острая потребность в вяжущих (против поноса) средствах. При этом огромный запас галет лежал в палатках и базах, так как не было указания, могут или нет пользоваться этими галетами больные. Такая же история случилась и с сушеной картошкой, и с листовым железом, тогда как наступили осенние холода, больные лежали в палатках, а затем в бараках без окон и дверей. Можно привести факты прямой провокации: несмотря на то, что поселки — в тайге, больные лежали часто на земле, а та часть, которая помещалась на нарах из палок — лежала на мху, в котором немедленно заводились черви. Или: обмундирование висело в складах, а люди — голы, босы, заедались вшами. Нужно отметить, что все описанное так примелькалось начсоставу и работникам большинства участков, что трупы, которые лежали на тропинках, в лесу, плыли по реке, прибывались к берегам, уже не вызывали смущения. Более того, человек перестал быть человеком. Везде установилась кличка и обращение — ш а к а л. Такой взгляд на людей последовательно осуществлялся на практике.

Например, 3 августа с Назинской базы на участок № 5 была отправлена со стрелком Шайгитой лодка с людьми. Их нигде не снабдили, и они оставались голодом, проезжая участки, прося хлеба. Им нигде не давали, и из лодки на каждом

участке выбрасывали мертвых. На 5-й участок прибыло 36 человек, из них мертвых оказалось 6 человек. Сколько человек выехало — так и не удалось установить.

V

В результате — из 6 100 человек, выбывших из Томска и плюс к ним 500—700 человек (точно установить не удалось), переброшенных на назинские участки из других комендатур, — на 20 августа осталось 2 200 человек.

Все описанное выше, особенно остров, осталось неизгладимой метой у всех трудпоселенцев. Остров называли «островом смерти» или «смерть-островом» (реже — «островом людоедов»). И местное население усвоило это название, а слух о том, что было на острове, пошел далеко вниз и вверх по рекам.

Трудпоселенцы сложили об острове свои песни. Приведу несколько отрывочных мест:

- 1) Трудно нам, братцы, в Нарыме,
Трудно нам здесь умирать,
Как пришлось на Острове Смерти
Людоедов нам всех увидеть...
(Из песни «На Острове Смерти»)
- 2) Боженька, Боженька, милый,
Дай мне ножки до весны...
*(дело в том, что у людей страшно опухали и еще
опухают ноги)*
- 3) Не придет мать с горячей молитвой
Над могилою сына рыдать,
Только смерть свою песню нарымскую
Будет вечно над ней напевать...
(Из песни «Меж топких болот»)

На острове сейчас травы в рост человека. Но местные жители ходили туда и вернулись, обнаружив в траве трупы и шалаши, в которых лежат скелеты.

Не только все это заставило меня писать Вам. Беда еще в том, что среди прибывших на трудовое поселение есть случайные наши элементы. Главная их масса умерла, потому что была менее приспособлена к тем условиям, которые были на острове и на участках, и, кроме того, на этих товарищей прежде всего упала тяжесть произвола, расправ и мародерства со стороны рецидива как в баржах, так и на острове, и в первое время — на участках.

Сколько их — трудно сказать, также трудно сказать — кто они, потому что документы, по их заявлениям, отбирались и на местах ареста органами, производившими изоляцию, и, главным образом, в эшелонах рецидивом на курение. Однако некоторые из них привезли с собой документы: партийные билеты и кандидатские карточки, комсомольские билеты, паспорта, справки с заводов, пропуска на заводы и др.

17 и 30 июля пришли эшелоны с деклассированным элементом на реку Паню и ее притоки. Особенно много указанных мною людей именно в комендатурах этой реки и ее притоков. Со слов самих людей, из бесед с ними, можно привести такие факты:

Река Назина

1. Новожилов Вл., из Москвы, завод «Компрессор», шофер, три раза премирован. Жена и ребенок в Москве. Окончил работу, собрался с женой в кино; пока она одевалась, вышел за папиросами и был взят.

2. Гусева, пожилая женщина. Живет в г. Муроме. Муж — старый коммунист, главный кондуктор на ст. Муром, производственный стаж — 23 г., сын — помощник машиниста там же. Гусева приехала в Москву купить мужу костюм и белого хлеба. Никакие документы не помогли.

3. Зеленин Григ. Работал учеником слесаря Боровской ткацкой фабрики «Красный Октябрь». Ехал с путевкой на лечение в Москву. Путевка не помогла — был взят.

4. Горнштейн Гр., член КСМ с 1925 г. Отец — член ВКП(б) с 1920 г., рабочий газового завода в Москве. Сам Горнштейн — тракторист совхоза Пяняшково в Верх-Нячинске — ехал к отцу. Взят на вокзале, как только сошел с поезда. Документы были на руках.

5. Фролов Арсентий, член КСМ с 1925 г., отец — член ВКП(б), подпольщик, работает врачом на ст. Суземка Западной области. Сам Фролов взят в Сочи на курортном строительстве «Светлана», где работал плотником. Шел с работы. (Брат в Вязьме — работник ОГПУ).

6. Карпухин М. Я., ученик ФЗУ № 6 на Сенной (Москва). Отец — москвич, и сам Карпухин родился в Москве. Шел из ФЗУ после работы домой и был взят на улице.

7. Голенко Никифор Павл., старик из Хоперского округа, ехал через Москву к сыну на ст. Богашево Курской ж. д., совхоз «Острый». Взят на вокзале.

8. Шишков, рабочий фабрики «Красный Октябрь» в Москве. На этой фабрике работал непрерывно три года. Взят на улице, возвращаясь с работы.

9. Виноградова, колхозница из ЦЧО. Ехала к брату в Москву. Брат — начальник 8-го отделения милиции. Взята при выходе из поезда в Москве.

10. Адарюков Константин, член бюро КСМ ячейки строительства главного военного порта в Керчи. Поехал к матери в Гривно (Подмосковье). Из Гривно поехал в Москву и был взят по прибытии поезда.

11. Глухова Фаина, строитель-десятник Ташкентского заготскота. Получив очередной отпуск, ездил к дяде в Ленинград. По окончании отпуска, возвращаясь на работу в Ташкент, была взята в Москве с документами и ж. д. билетом.

12. Назин, помощник начальника пожарной охраны Большого Театра, один из работников пожарной охраны Кремля. Взят на улице. Пропуск в Кремль ничем не помог.

Поселок «Новый путь» на притоке р. Пани

1. Войкин Ник. Вас., член КСМ с 1929 г., рабочий фабрики «Красный текстильщик» в Серпухове, член бюро цехячейки, кандидат в члены пленума фабричного комитета КСМ, много раз ездил нахозполиткампании по командировкам МК КСМ. Три раза премирован. В выходной день ехал на футбольный матч. Паспорт оставил дома.

2. Сивов Пав. Ив., ученик ФЗУ «Промвентиляция» в Москве на Ульяновской. Прописан у брата, паспорта не имел. Шел из ФЗУ с работы домой.

3. Шмелев, член КСМ с 1933 г., рабочий завода № 24 им. Фрунзе в Москве, плотник. Паспорт должен был получить через два дня. Было соответствующее удостоверение. Шел с работы.

4. Ткачев Пав. Алекс., член КСМ с марта 1933 г., билет № 1387815. Взносы уплачены по август 1933 г., о чем отмечено, и отметка закреплена печатью детдома им. ВЦИК (билет на руках, выдан Сокольническим РК ВЛКСМ). Воспитанник детдома им. ВЦИК в Москве. Детдом выехал в лагерь на ст. Пушкино. С соответствующими документами администрацией детдома Ткачев был послан вместе с другим воспитанником, Васильевым, за инструментами для духового оркестра, которые были оставлены в Москве. Взят по прибытии поезда в Москву. Отец — в Москве, сторож, его адрес: ул. Дрогомилова, 2-й Брянский переулок, д. № 14, кв. 5.

5. Васильев Зосим Вл., член КСМ с 1930 г., секретарь ячейки КСМ детдома им. ВЦИК в Сокольниках. Попал в Нарым так же, как и Ткачев.

6. Таратынов Никан. Андр., член КСМ с 1930 г., секретарь ячейки КСМ колхоза «Оборона страны» Белховского района ЦЧО. Приехал в Москву 4 июня за хлебом.

7. Остротюк Ив. Сол., член КСМ с 1931 г. Был у брата в г. Горьком (строительство моста через Волгу), ехал через Москву домой, в свой колхоз с. Сингаевка Бердичевского района Винницкой области. Взят в Москве.

8. Поняев Вас. Евдок., родился в 1885 г., рабочий-выдвиженец, десятник горных работ в Донбассе, Чистяковский район, Снежнянское рудоуправление, шахта № 4. После операции в связи с травматическим случаем получил отпуск. Ехал домой через Москву. (В Донбассе с 1919 г.)

9. Матвеев И. Мих., рабочий постройки хлебозавода № 9 МОСПО. Имел паспорт до декабря 1933 г. как сезонник. Взят с паспортом. По его словам: «Даже паспорт никто не захотел смотреть».

10. Клещевников Георг. Петр. Приехал в Москву с путевкой в школу циркового искусства, рабочий завода тракторных деталей в Саратове.

11. Черкасов Вл. Фед., рабочий завода № 24 им. Фрунзе в Москве, токарь, работал на заводе четыре с половиной года. Взят на вокзале, возвращаясь из деревни, куда ездил выяснять, почему не принимают в колхоз его мать.

12. Трофименко Никита Никитович, рабочий Метростроя в Москве, имел паспорт как сезонник. Шел с работы в общежитие.

13. Серов Давид Петрович, мальчик. Взят в Арзамасе. Отец работает на ст. Арзамас ремонтным рабочим на железной дороге.

14. Тарабрин Петр Михайлович, моторист Казкрайрыбаксоюза в г. Астрахани. Получил отпуск, приехал в Москву к тетке в гости.

15. Валиев Вал. Самсуд., кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г. Ехал через Москву в Троицк. Переходил с вокзала на вокзал с вещами, взят на этом пути.

16. Гусев Ст. Петр., член ВКП(б) с 1932 г., билет выдан Туапсинским горкомом. Ехал через Москву на родину. Были все документы.

17. Мосаликин Ник. Як., кандидат в члены ВКП(б) с 1932 г., бригадир колхоза в с. Неведомый колодезь Томаровского района Белгородского округа. Приехал в Москву за хлебом для колхоза.

18. Карасев, член ВКП(б), рабочий завода им. Сталина в Москве (бывш. АМО), шофер-механик. Взят при выходе из своего ЗРК, где он брал хлеб. На АМО работал с 1929 г., член партии с 1923 г.

Часть партийных и комсомольских документов в данное время хранится в Александровском райкоме ВКП(б) и в Александровско-Ваховской участковой комендатуре Сиблага ОГПУ.

Есть люди, завербовавшиеся для работы на окраинах СССР, получившие подъемные (по их словам, конечно) и несмотря на наличие на руках исчерпывающих документов, во время проезда через Москву взяты. Все эти люди не могут обжаловать свое положение: нет бумаги. (Даже денежные документы работники комендатуры пишут на бересте).

Несколько замечаний по поводу приведенных фамилий: 1) есть еще два поселка на самой реке Панае, где я не был и не могу привести фамилии; 2) приведенные фамилии не являются ни наиболее яркими, ни типичными, ни наиболее показательными, потому что у меня была возможность записывать их постольку, поскольку они выявлялись сами; 3) список я привел не для того, чтобы сообщить, кто именно, персонально, и сколько заключено неправильно, а для того, чтобы показать, какие есть элементы; 4) много колхозников, завербованных на строительство по договорам строительных организаций с колхозами, эти колхозники следовали через Москву на места работ вместе с вербовщиками; 5) приведенные данные обо всех этих людях и обстоятельствах их изоляции безусловно нельзя принимать за чистую правду. Однако они являются внушительным аргументом за необходимость проверки.

VII

Тяжелые условия на реке Назиной в данное время ликвидированы, а также и на поселке «Новый путь» они ликвидированы в значительной мере. На днях весь трудоспособный контингент всех лагерей Александровско-Ваховской участковой комендатуры отправляется обратно в Томск для распределения по лагерям Сиблага.

Сколько стоит вся эта операция, почему сорвано трудовое поселение и освоение Севера на этом участке и сорвано с таким скандалом — скажет кто-нибудь, наверное.

VIII

Я трезво отдаю себе отчет в том, что написать такое письмо — значит взять на себя большую ответственность. Я допускаю, что ряд моментов изложен неточно, может не подтвердиться или подтвердиться, но не полностью. Допускаю, что многого я просто не знаю, потому что пользовался неофициальными источниками, но я рассуждаю так:

— Еще хуже — молчать.

Инструктор-пропагандист
Нарымского ОК ВКП(б)

В. ВЕЛИЧКО

3—22 августа 1933 года
р. Назина — приток Пани,
пос. «Новый Путь»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Новосибирской области, ф. 7-п, оп. 1, д. 628, л. 96—102.

² Там же, ф. 3-п, оп. 2, д. 363, л. 175—182.

СОВЕТСКИЕ НЕМЦЫ: У ИСТОКОВ ТРАГЕДИИ

Американский историк Роберт Конквест квалифицировал политику, проводившуюся в нашей стране сталинским режимом, как Большой Террор. Сегодня такая оценка не вызывает возражений ни у кого из серьезных исследователей. Последнее не означает, что тема исчерпана и должна быть закрыта. Напротив, ее конкретно-историческое содержание до сих пор известно лишь в самых общих чертах. В качестве примера сошлюсь на то, что историки не располагают никакой информацией о многих крупных карательных акциях сталинских опричников: времени и мотивах их проведения, механизме осуществления, объектах, масштабах и формах репрессий, демографических, социальных или иных последствиях их реализации.

К числу широкомасштабных террористических операций, о которых до настоящего времени не было практически никаких сведений ни в отечественной, ни в зарубежной литературе, относится расправа с немецким населением, учиненная в конце 1934 — начале 1935 гг. Архивные источники, содержащие информацию о тех трагических событиях, до недавнего времени находились на секретном хранении и не были доступны исследователям. Публикация этих документов, хотя и запоздалая,

представляется актуальной в двух отношениях. Прежде всего, конечно, важен ее нравственный аспект: невинные жертвы должны быть реабилитированы, а палачи и их приспешники поименно названы.

В то же время велико значение публикуемых документов и в научном отношении. Во-первых, они позволяют сделать существенное уточнение относительно начального этапа трагедии советских немцев. Выясняется, что произошло это задолго до рокового 1941 года, который, как правило, берется за точку отсчета. Во-вторых, документы дают возможность проследить, как осуществлял карательные акции советский политический режим: от кого исходила директива «на поражение», как был задействован партийно-государственный аппарат, какие задачи и как решали его различные структурные звенья, каков был непосредственный результат проведенной карательной операции.

Для более объективного восприятия публикуемых документов считаю необходимым дать две короткие фактические справки. Первая из них — об общей численности немецкого населения в Западно-Сибирском крае, вторая — о причинах обращения сибирских немцев за материально-финансовой помощью к Германии. По данным текущего учета, осуществлявшегося органами НКВД, в 1934 г. здесь проживало 58,9 тыс. немцев. Что же касается обстоятельств, побудивших немцев Сибири ходатайствовать об оказании поддержки с германской стороны, то они таковы: к этому вынудила реальная угроза голода, вызванного низким урожаем и принудительным изъятием продовольствия в государственный фонд.

Что же касается обвинения немцев в государственной измене, содержащегося в директиве ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1934 г. и ряде других документов, то оно являлось не чем иным, как провокацией, использованной для морального и физического террора против немецкого населения.

В. И. Шишкин

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА ЦК ВКП(б)

всем ЦК национальных компартий, крайкомам и обкомам ВКП(б),
секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе¹.

г. Москва

5 ноября 1934 г.

В ЦК ВКП(б) поступили сведения о том, что в районах, населенных немцами, за последнее время антисоветские элементы активизировались и открыто ведут контрреволюционную работу. Между тем местные парторганизации и органы НКВД крайне слабо реагируют на эти факты, по сути делают попустительство, совершенно неправильно считая, будто наша международная политика требует этих послаблений немцам или другим национальностям, проживающим в СССР и нарушающим элементарную лояльность к советской власти. ЦК ВКП(б) считает также совершенно нетерпимым тот факт, что в немецких районах не только не изучаются языки той союзной республики, в пределах которой находятся немецкие районы, но игнорируются указания ЦК ВКП(б), и требует, чтобы этот недостаток был устранен.

ЦК ВКП(б) считает подобное поведение парторганизаций и органов НКВД совершенно неправильным и предлагает принять по отношению к активным контрреволюционно и антисоветски настроенным элементам репрессивные меры, произвести аресты, высылку, а злостных руководителей приговорить к расстрелу.

ЦК ВКП(б) обязывает крайкомы, обкомы и ЦК нацкомпартий вести активную политическую работу в немецких районах, разъясняя населению, что советская власть не потерпит малейших попыток антисоветских действий и не остановится перед тем, чтобы отказать им проживать в СССР и изгнать из пределов СССР.

Местные органы власти должны потребовать от немецкого населения полного прекращения связи с заграничными буржуазно-фашистскими организациями: получение денег, посылки.

ЦК ВКП(б) предлагает крайкомам, обкомам и ЦК нацкомпартий принять срочные меры к укреплению работниками немецких районов, выделяя работников с большим опытом руководящей работы, не обязательно немцев, требуя от последних изучения немецкого языка.

ЦК ВКП(б) обязывает секретарей крайкомов, обкомов и указанных райкомов в декадный срок сообщить ЦК ВКП(б) о принятых мерах.

ЦК ВКП(б)

* * *

ПОСТАНОВЛЕНИЕ БЮРО
ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЙКОМА ВКП(б)

«О мероприятиях по борьбе с контрреволюционными элементами
среди немецкого населения».

г. Новосибирск

13 ноября 1934 г.

С. секретно

Заслушав сообщение тт. Сергеева, Алексеева² и Роллера о положении в Немецком районе и немецких колхозах других районов края, а также сообщение т. Алексеева о мероприятиях УНКВД по борьбе с контрреволюционными элементами в этих колхозах, бюро крайкома в соответствии с директивными указаниями ЦК ВКП(б) от 5 ноября с/г.

п о с т а н о в л я е т:

1. Сообщение тт. Сергеева, Алексеева и Роллера принять к сведению.

2. Просить краевую комиссию по чистке провести в месячный срок повторную чистку парторганизации Немецкого района, после чего созвать внеочередную районную партийную конференцию.

3. Поручить партгруппе крайисполкома назначить комиссию с включением в ее состав представителя от УНКВД и сов[етского] контроля для проведения проверки всего советского и торгово-хозяйственного аппарата, в частности, органов народного образования и снятия с работы всех кулацких и прочих социально чуждых элементов.

Предложить краевой избирательной комиссии проверить состав избиркомов и исключить из их состава все классово чуждые элементы.

4. КрайЗУ³ и политсектору МТС⁴ назначить комиссию для обследования работы Гольбштадтской МТС, проверки руководящих кадров МТС и колхозов и проведения очистки этих кадров от кулацких социально чуждых элементов.

5. Предложить политотделам Гольбштадтской и Орловской МТС совместно с райкомом произвести очистку колхозов от кулацких и прочих социально чуждых элементов.

6. Обязать Реввоенсовет СибВО⁵ пересмотреть весь кадровый и переменный состав в военных частях РККА⁶, комплектуемый из Немецкого района, и очистить его от проникших кулацких и прочих социально чуждых элементов.

7. Обязать органы НКВД, прокуратуры и суда обеспечить быстрое рассмотрение дел на фашистский, саботажный и прочий к-р⁷ элемент в Немецком районе и немецких колхозах других районов.

Организаторов и активных распространителей «гитлеровской помощи» подвергнуть аресту. Дела на к-р элементы в случае установления их виновности в других к-р преступлениях, кроме организации и распространения «гитлеровской помощи», рассматривать в местных судах, применяя к ним особо суровые меры соц[иальной] защиты.

8. Предложить райкомам ВКП(б) через РИКи⁸ и сельсоветы на общих собраниях потребовать от немецкого населения прекращения всякой связи с заграничными буржуазно-фашистскими организациями и отказа от «гитлеровской помощи», предупредив их, что в случае нарушения этого требования они будут привлечены к ответственности.

Обязать органы НКВД впредь виновных в нарушении этого требования арестовывать.

9. Принять к сведению сообщение тов. Алексева о раскрытой в Немецком районе фашистской группе и согласиться с предложением т. Алексева об аресте быв[шего] секретаря райкома Вильгаука, инструктора райкома Валла, зав[едующего] учебн[ой] частью Гольбштадтской ШКМ⁹ Вайссера и инструктора райОНО¹⁰ Зеймана.

10. Считая необходимым проведение высылки кулачества из Немецкого района в Нарым, обязать райком совместно с начальниками политотделов Гольбштадтской и Орловской МТС и УНКВД выявить в кратчайший срок проникший в колхозы Немецкого района кулацкий элемент и не позже 1/ХІІ заслушать результаты этой работы на бюро крайкома, после чего поставить перед ЦК ВКП(б) вопрос о выселении кулачества.

11. Предложить отделу руководящих парторганов крайкома ВКП(б), крайкому ВАКСМ, политсектору крайЗУ,

крайОНО, крайсуду и крайпрокуратуре направить в Немецкий район в декадный срок необходимое количество проверенных и квалифицированных работников для укомплектования местных органов и укрепления местной парт[ийной] и комсомольской организации.

12. Предложить УНКВД тов. Ильину и крайисполкому тов. Гутину проверить места работы всех иностранных граждан в сельских районах.

Всех иностранных граждан, работающих в Немецком районе и других районах с немецким населением, с работы снять.

13. Предложить ОРПО¹¹ крайкома организовать на краевых курсах марксизма-ленинизма специальную группу 8—10 чел., в задачу которой поставить изучение немецкого языка в целях подготовки работников для немецких колхозов и в первую очередь для Немецкого района.

14. Принять к сведению сообщение т. Кокорина, что крайком ВАКСМ командировал двух работников для постановки работы комсомола и пионерорганизации.

15. Обязать культпроп крайкома организовать постоянную читку газет, издаваемых в Немецком районе, обеспечив повседневное руководство работой немецкой газеты.

16. Обязать крайОНО провести следующие мероприятия в Немецком районе:

а) не позднее 1 января укомплектовать все неполные средние школы и 11 начальных школ специальными дополнительными преподавателями русского языка из состава русских педагогов-комсомольцев, возлагая на них одновременно обязанности пом[ощника] зав[едующего] школой и вожатого пионерского отряда. Предложить крайкому ВАКСМ обеспечить тщательный подбор посылаемых учителей-комсомольцев;

б) в тех школах, где в результате плохой постановки преподавания русского языка знания детей по русскому языку недостаточны, ввести дополнительные часы преподавания русского языка сверх утвержденного учебного плана;

в) установить систематический контроль за полным осуществлением новой увеличенной сетки часов русского языка в школе и за содержанием преподавания русского языка.

17. Просить ЦК обязать Наркомпрос срочно дать программу преподавания русского языка в немецких школах и выслать учебники русского языка для немецких школ.

Поручить культпропу и крайОНО в декадный срок подобрать директоров немецкого педтехникума.

Принять к сведению сообщение т. Теряева о том, что крайОНО посылается бригада в составе 3-х человек в помощь районным организациям Немецкого района сроком на один месяц по укреплению немецких школ и улучшению учебно-воспитательной работы в школах.

18. Поручить всем горкомам и райкомам партии, где имеются немецкие школы, и в первую очередь Омскому горкому и Искилькульскому, Любинскому, Славгородскому и Щербакульскому райкомам, на основании настоящего решения немедленно принять необходимые меры по укреплению работы немецких школ и о принятых мерах в декадный срок сообщить в крайком.

* * *

ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО

секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе
секретарям райкомов ВКП(б) и начальникам политотделов МТС

[г. Новосибирск]

15 ноября 1934 г.

В ряде районов с немецким населением, в особенности в Немецком районе, до сих пор колхозниками и единоличниками получают посылки, деньги и т. п. от буржуазно-фашистских организаций Германии, причем в ряде мест враждебные советской власти элементы, пользуясь попустительством местных органов власти и бездействием партийных организаций, выступают организаторами получения посылок и денег, используя эту кампанию посылок для своей контрреволюционной работы.

Колхозникам и трудящимся единоличникам надо разъяснить, что эта помощь не «братская», а исходит от фашистской контрреволюционной организации, которая враждебно относится к советской власти, а отсюда и [к] трудящимся Советского Союза. Организаторы этой кампании, грошевыми подачками подкупая малосознательные элементы, добиваются разложения колхозов и насаждения шпионских организаций. Только отсутствием настоящей борьбы всех органов диктатуры пролетариата против организаторов «помощи», отсутствием массовой работы партийных, советских и профсоюзных органов и невы-

полнением РК¹² указаний крайкома от 22/II—34 г. за № 35 можно объяснить то, что до сих пор эта контрреволюционная кампания не прекращена.

Свою беззубость и отсутствие бдительности эти работники зачастую оправдывают смехотворными ссылками на международные соображения.

Крайком считает подобное положение совершенно нетерпимым и в дополнение к решению крайкома от 13/XI—34 г. по Немецкому району предлагает всем райкомам, имеющим немецкое население, провести следующие мероприятия:

1. Категорически прекратить получение посылок, денег и т. п. «помощи» от буржуазно-фашистских организаций, в какой бы форме это ни выражалось.

Для этого обязать партгруппы РИКов через сельсоветы объявить гражданам, что получение посылок, денег от буржуазно-фашистских организаций будет рассматриваться как враждебное отношение к советской власти и потребовать прекращения связи с заграничными буржуазно-фашистскими организациями, предупредив, что в случае продолжения этой связи (получения посылок, денег) виновные будут привлекаться к суровой ответственности, вплоть до изгнания из пределов СССР.

2. Во всех колхозах предварительно на собраниях коммунистов, комсомольцев, совместно с ударниками данного колхоза, поставить вопрос о недопустимости для гражданина Советского Союза получения посылок и т. п. от буржуазно-фашистских организаций, после этого на общих собраниях колхозников вынести решения, осуждающие получение подобной помощи, вскрыв организаторов и их контрреволюционную работу с требованием высылки их из пределов района и исключением из членов колхоза.

3. Обязать краевую немецкую газету, газеты, издающиеся в районах с немецким населением, как на немецком, так и на русском языках (районные и политотдельские), а также стенгазеты повседневно активно выступать против получения посылок и денег от буржуазно-фашистских организаций, разоблачая организаторов подобной «помощи».

Крайком обязывает секретарей райкомов и начполитотделов¹³ обеспечить личное руководство всей работой с контрреволюционной кампанией под видом помощи (получение посылок, денег немецким населением от буржуазно-фашистских орга-

низаций), причем райкомы, политотделы должны добиться такого положения, чтобы коммунисты, комсомольцы и пионеры были застрельщиками организации борьбы разоблачений лиц, встающих на путь получения посылок и денег от фашистских организаций, и через них мобилизовать революционную настроенность актива колхозов, сельсоветов и др. общественных организаций.

Секретари РК и начполитотделы обязаны специальными письмами сообщить о проделанной работе в связи с этим.

Первое письмо прислать 25/XI, второе 15/XII—34 г.

Секретарь крайкома ВКП(б)

ЭЙХЕ

* * *

ДОКЛАД РУКОВОДСТВА КРАЕВОГО СУДА
ЗАПАДНО-СИБИРСКОМУ КРАЙКОМУ ВКП(б)
«О работе крайсуда в связи с постановлением крайкома
от 13/XI—34 г. о немцах»

г. Новосибирск

17 декабря 1934 г.

Сов. секретно

Сразу после снятия с работы нарсудьи Конрад краевым судом в Немецкий район был командирован для временной работы нарсудьей т. Бухарев, а 29/XI с. г. на постоянную работу нарсудьи послан член Тарского окрсуда т. Нейфельд.

Кроме того, в Немецком районе с 23/X по 10/XII с. г. работал член краевого суда т. Калинин, рассматривавший дела как краевого, так и народного суда.

Технические работники нарсуда Немецкого района были проверены т. Бухаревым и оставлены на работе.

По Немецкому району было рассмотрено крайсудом за время хлебозаготовок 8 дел, из них до постановления крайкома от 13/XI — 4 дела и после постановления крайкома — 4 дела. По этим делам осуждено 35 человек, из них 28 за контрреволюционный саботаж по 58—14 ст. УК, из них приговорено к расстрелу 8 человек.

Рассмотрены следующие дела:

Дело работников колхоза «Труженик», которые сорвали выполнение плана хлебозаготовок: из 3 135 центнеров сдали на

5/Х лишь 159 центнеров, или 2,8 %. Осуждены: председатель колхоза Плютке, бригадир Масс, кузнец Пагариас и кладовщик Пахомов.

25—28 октября рассмотрено дело о контрреволюционном саботаже в колхозе «Рот Фронт» со стороны классово чуждого элемента, проникшего на руководящую работу в колхозе: председателя колхоза Шреппа Ивана, сына кулака, служил в белой армии; заместителя председателя колхоза Штельца Петра — кулака; зав. ремонтной мастерской Штельца Фридриха — кулака; машиниста молотилки Шмидта Иосифа — кулака, судимого ревтрибуналом в 1920 году; бригадира полеводческой бригады Пфейфера Якова — сына кулака, судимого за кражу; бригадира полеводческой бригады Бейрита — сына торговца, и др. — всего 9 человек. Первые 4 приговорены к расстрелу.

30/Х — дело о контрреволюционном саботаже в колхозе «Большевик», по которому осуждены председатель колхоза Нейман и кладовщик Фризен.

31/Х — дело работников колхоза «Форвертс».

17/ХІ осуждены работники колхоза «Друг рабочего» Унру Генрих — председатель колхоза; бригадир полеводческой бригады Гербрандт — кулак; колхозник Дерксен Иван — кулак и Эпп Пласс — зажиточный — за контрреволюционную агитацию и саботаж хлебозаготовок. Гербрандт и Дерксен приговорены к расстрелу.

20/ХІ рассмотрено дело о контрреволюционном саботаже в колхозе «Большевик», благодаря которому колхоз на 20/Х из причитавшихся к сдаче 3426 центнеров хлеба сдал лишь 550 центнеров, или 16 %, и 300 га хлеба осталось под снегом необранными. Осуждены по этому делу бригадир полеводческой бригады Берх Франц — служитель культа; Буллер Петр — кулак; машинист сложной молотилки Вибе Абрам — сын кулака; ст[арший] конюх Янцен Генрих — сын кулака. Первые двое приговорены к расстрелу.

6/ХІІ — за контрреволюционную агитацию по 58—10 ст. УК в колхозе «Хлебороб» осуждены: зам. пред. колхоза Тиссен Избрандт; Шредер Франц — кулак; бригадир полеводческой бригады Вала Абрам; Унру Давид.

Эти лица вели контрреволюционную агитацию против мероприятий Соввласти, склоняли отсталых колхозников на обращения к германскому консулу в г. Новосибирске и к Гитлеру

за помощью, распространяли слухи о том, что Германия и Япония объявляют войну СССР, и т. п.

9/XII за саботаж в колхозе «Роте Фане» осуждены Каздорф Василий — кулак, судимый за кражу; Мантлер Исаак, судимый за кражу; Фавт Давид — кулак, судимый за контрреволюционную агитацию; Реймер Гергардт — кулак; Эне Мертин.

Все эти дела рассматривались показательными процессами с привлечением большого количества колхозников и единоличников, причем одновременно с рассмотрением некоторых дел по инициативе работников крайкома ВКП(б) в районе была проведена большая массовая работа.

Так, например, на процессе руководства колхоза «Рот Фронт», который проходил в с. Гольбштадт с 25 по 28 октября, присутствовали работники Орловского и Гольбштадтского политотделов, участники районного слета ударников и специально вызванные колхозники и бригадиры, по 3—4 человека от каждого колхоза района. Было выделено 15—20 партийных работников и работников политотделов, которые на процессе во время перерывов вели массовую работу среди колхозников.

К началу судебного заседания в селе, где находится этот колхоз, план хлебазаготовок был выполнен на 41 %, а к 1/XI, т. е. через 6—7 дней, план выполнен на 100 %.

Примерно такая же массовая работа была организована вокруг дела колхоза «Победа», в котором были осуждены пред[седатель] колхоза, бригадир, весовщик и групповод на молотилке. Этот процесс транслировался по радио. Приговор напечатан на немецком языке.

Уголовные дела о немцах рассматривались и в других районах.

Так, например, по Родинскому району 31/X осуждены к расстрелу проповедники общины менонитов, лишённые избирательных прав, Кооп Дитрих и Бальдт Яков, которые, работая в колхозе «Глядень» в качестве привлечённых единоличников, вели контрреволюционную агитацию против зернопоставок; использовали для этой цели религиозные собрания менонитов; по их инициативе с 1929 г. в пос[елке] Глядень была организована воскресная школа молодежи, ставившая задачей оторвать молодежь от политической жизни; проповедовали неизбежность фашизма в СССР.

В Омском районе 30/Х осуждена группа единоличников: Оборник Эдуард, Оборник Густав, Линке Фридрих, Браун Людвиг и Рамм Фридрих, которые, используя переписку с Германией, вели контрреволюционную агитацию за возвращение в Германию, о заботе Гитлера о немцах и т. п.

14—16 ноября спецколлегия в Омске рассмотрела дело о фашистской организации в Любинском и Седельниковском районах, состоявшей из 36 человек и возглавлявшейся служителями культа, специально командированными для этой цели Высшим лютеранским церковным советом, — Лорер, Драйер и Кригер. (Копия приговора прилагается.)

И. о. пред. крайсуда

С. ВЕЖАН

* * *

ДОНЕСЕНИЕ

командующего войсками Сибирского военного округа Я. П. Гайлита¹⁴
заместителю заведующего особым сектором

Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Кукштелю на № 938с

г. Новосибирск

23 декабря 1934 г.

18 ноября с. г. командиру 73 с. д.¹⁵ тов. Гавриченко и начподиву¹⁶ Зенькову по телеграфу было приказано ознакомиться в Омском горкоме партии с постановлением крайкома о Немецком районе и подвергнуть внимательнейшему изучению весь личный состав (как кадровый, так и переменный), прибывший в части дивизии из Немецкого района, а также персонально изучить всех немцев, находящихся в частях дивизии.

Кроме того, начподиву тов. Зенькову, в бытность его в середине ноября в Новосибирске, аналогичные указания были даны лично.

По выяснении через Славгородский райвоенкомат, кто персонально принят в войска в текущем году из призывников Немецкого района, сообщен начподиву список этих лиц. Всего их оказалось 16 человек; из них: 14 немцев, 2 русских и 1 украинец.

При обследовании представителем штаба округа в середине декабря 73 с. д. установлено, что работа по изучению этих лиц была широко развернута, и в настоящее время оформляются материалы по изъятию из РККА чуждых элементов. № 2/006419.

Командующий войсками

ГАЙЛИТ

ДОКЛАД

руководства управления государственной безопасности
НКВД СССР по Западно-Сибирскому краю
секретарю крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе

«Об итогах оперативной работы в немецких колониях Запсибкрая»

г. Новосибирск

25 декабря 1934 г.

Совершенно секретно

В результате проделанной опербригадами, посланными в немецкие районы края, работы (о чем мы сообщали в докладе № 79307 от 23/XI—с. г.) был ликвидирован целый ряд имевшихся агентурных разработок на к-р фашистские группировки, а также и вновь вскрытых в процессе работы бригад. С момента начала работы опербригад (15/XI—с. г.) было ликвидировано 36 группировок со 199 участниками и 2 к-р фашистские организации с 58 участниками и одиночка — 1 чел.

Из общего количества по отдельным районам края ликвидировано:

1) Исикульский район — к-р фашистская организация с 41 участником.

2) Родинский район — к-р фашистская организация в количестве 17 человек.

3) Немецкий район — 11 к-р фашистских саботажных группировок в количестве 68 человек. Кроме того, дополнительно арестовано по к-р фашистской организации (аг[ентурное] дело «Репортеры») — 6 чел.

4) Карасукский район — 5 группировок, 22 человека.

5) Славгородский район — 3 группировки, 19 человек.

6) Хабаровский район — 2 группировки, 6 человек.

7) Любинский район — 2 группировки, 10 человек.

8) Щербакульский район — 2 группировки, 7 человек.

9) Павлоградский район — 1 группировка, 6 человек.

10) Калачинский район — 1 группировка, 6 человек.

11) Черлакский район — 1 группировка, 3 человека.

12) Рубцовский район — 1 группировка, 6 человек.

13) Красно-Туранский район — 1 группировка, 6 человек.

14) Болотнинский район — 2 группировки, 25 человек.

Одиночка, 1 человек.

15) Тогучинский район — 1 группировка, 9 человек.

В процессе следствия по ликвидированным группировкам и организациям установлено, что участники таковых проводили активную к-р фашистскую работу в немколониях, широко популяризируя материальную помощь, идущую из Германии. Прикрываясь этим, проводили вербовку сторонников теперешней Германии, внедряя в сознание немцев, что они на случай войны Германии с СССР должны будут оказать помощь Германии в тылу СССР. Широко распространяли провокационные слухи о предстоящем захвате Германией Украины и переселении туда той части немцев, которая обращается за помощью в Германию. Наряду с этим проводили срывательскую саботажническую работу в колхозах.

Наиболее значительными из них являются:

Исилькульский район.

К-р фашистская организация (вскрытая в процессе работы бригады) с 41 участником, схватывавшая своим влиянием целый ряд населенных пунктов, где были созданы ячейки организации. Всего следствием вскрыто 10 ячеек с 72-мя участниками. Возглавлялась преимущественно соц. чуждым элементом — Курцем Иваном Федоровичем, 1898 года рождения, лишенец, кистер¹⁷, служил в б[елой] армии; Ольденбургером Филиппом Генриховичем — б[ывший] крупный кулак, скрывшийся из Крыма; Тительмаером Генрихом Иосифовичем — 1896 года рождения, б[ывший] крупный кулак и др. Организация под прикрытием получения гитлеровской «помощи» проводила пропаганду идей фашизма, подбирала людей, готовых активно поддерживать интервенцию со стороны Германии, поддерживала связь с германским консульством в Новосибирске и проводила к-р работу по разложению колхозов.

Следствие по делу продолжается, производятся дополнительные аресты актива (подробно см. н/№ 79052 от 15/ХІІ—34 г.).

Родинский район.

К-р фашистская организация в количестве 17 человек, возглавляемая б[ывшим] директором Гольбштадтской МТС (Немецкий район) Диком Корнеем Корнеевичем (б. член ВКП(б)), который, проживая в Немецком районе, в 1933 г. был завербован там в фашистскую организацию приезжавшим из Москвы работником Центральной Немецкой газеты Гардером Давыдом Давыдовичем (Гардер являлся одним из руководителей ликви-

дированной в Москве фашистской организации, работавшей под прикрытием «ДЦЦ»¹⁸). Дик К. К. на основании полученных указаний Гардера по приезде в Родинский район развернул работу по вербовке членов в организацию и осуществлению задач, поставленных перед ним Гардером. Организация в своей практической работе ставила перед собой следующие задачи:

1) ведение фашистской агитации и пропаганды в немецких колониях;

2) обеспечивать руководящие посты в немколониях националистическими элементами, не допускать проникновения в немколонию партийного влияния;

3) стремиться к поднятию националистического самосознания немецкого населения путем восхваления политики Гитлера в Германии;

4) дискредитировать партийное руководство и политику партии в деревне, в частности, в вопросе коллективизации;

5) воспитание в фашистском духе немецкой молодежи.

По делу арестовано 17 человек, следствие продолжается.

Тогучинский район.

Ар[ентурное] дело «Шмели» — на к-р фашистскую группировку в количестве 9 человек, возглавляемую немцем Гоппе Фридрихом, без определенных занятий, прибыл из Украины и Генке Фридрихом — служителем религиозного культа.

Следствием вскрыто, что практическая деятельность участников группировки шла по следующим направлениям:

а) распространение среди немколонистов провокационных слухов о предстоящем захвате Германией Украины и переселении туда той части немцев, которые обратятся за помощью в Германию;

б) устройство нелегальных сборищ и обсуждение на них вопросов оказания практической помощи Германии в предстоящей войне с СССР, о способах получения гитлеровской «помощи» и необходимости распространения к-р фашистской агитации;

в) установление личных связей с германским консульством в Новосибирске по вопросу организации обращений за помощью;

г) проведение к-р агитации и оказание противодействия проводимым Соввластью и партией мероприятиям на селе.

При обыске у участников группировки изъято: документ герм[анского] к[онсульст]ва в Новосибирске, разъясняющий порядок получения гитлеровской «помощи», и листовка явно к-р фашистского направления под названием «Красная империя».

Дело следствием закончено.

Щербакульский район.

Аг[ентурное] дело «Щербаки» — на к-р фашистскую группировку в количестве 4-х человек, возглавлялась прибывшим из Украины Цубертом Бруно и Гарделем — б[ывший] кулак.

Следствием установлено, что участники группировки широко проводили агитацию за обращение в Германию за помощью, призывали немколонистов за оказываемую Германией помощь выступить против Соввласти в случае войны Германии с СССР.

По делу ведется следствие.

Павлоградский район.

К-р фашистская группировка в количестве 5 человек. Возглавлялась прибывшим в 1933 г. из Украины немцем Циерман М. И. Занималась агитацией и обработкой немецкого населения на получение гитлеровской «помощи». Распространяла слухи, что германское правительство под видом оказания помощи немцам СССР проводит учет всех немцев, сочувствующих теперешней Германии.

По делу ведется следствие.

Болотнинский район.

Аг[ентурное] дело «Болото» — на к-р фашистскую группу в количестве 18 человек. Возглавлялась прибывшими из Украины Шульцем Вильгельмом и Ремусом Генрихом.

Следствием установлено, что участники группы внедряли в сознание немколонистов, что лица, получившие помощь из Германии, обязаны в случае войны Германии с СССР и захвата Германией Украины оказать активную помощь Германии в тылу СССР. Проводили широкую работу по организации гитлеровской «помощи». Поддерживали письменную и личную связь с германским консульством в Новосибирске по вопросу организации «помощи». Следствием также установлено, что инициатором организации массовых обращений за помощью в Германию являлся житель Любинского района Вит Эвальд, приезжавший с этой целью в Болотнинский район.

По делу ведется следствие.

Немецкий район.

К-р кулацко-фашистская группировка в количестве 6-ти человек. Возглавлялась кулаками Вильгауком П. И., Крецем Ф. И. Занималась организованным саботажем хлебоуборки и хлебосдачи, умышленной порчей хлеба, выводом из строя конского состава, а также проводила широкую работу по организации обращений за гитлеровской «помощью».

По делу ведется следствие.

Остальные ликвидированные группировки аналогичны по характеру.

Наряду с вскрытием и ликвидацией в немколониях к-р фашистских формирований, опербригадами в ряде районов с немецким населением была вскрыта засоренность классово враждебными элементами советско-партийного аппарата, колхозов, школ и т. д. Так, например, по Родинскому району установлено, что состоящие во главе руководства колхозов участники ликвидированной фашистской организации Дик К. К. и др. (члены ВКП(б)) проводили явно фашистскую работу в немколониях, направленную на разложение колхозов и внедрение фашизма. В Гляденьском с/совете этого района было выявлено 16 кулацких хозяйств, пролезших в колхозы. В Гляденьской ШКМ искажалась марксистско-ленинская методика преподавания, игнорировалось преподавание русского языка и т. д.

В Любинском районе из имеющихся 6 немецких учителей 5 из них являются соц. чуждыми (сыновья кулаков).

В Щербакульском районе установлен факт, когда благодаря отсутствию надлежащей воспитательной работы в школе значительная часть учеников обращалась в Германию за «помощью».

Почти аналогичные моменты засоренности вскрыты и в ряде других колоний.

В результате агентурно-оперативных мероприятий по немецким колониям за 1934 год было всего ликвидировано:

к-р фашистских организаций _____	5,
группировок _____	84,
одинок _____	33,
по которым привлечено к ответственности 577 человек.	

Операцию по немцам продолжаем с установкой изъятия всех лиц, активно ведущих к-р фашистскую работу в немецких колониях.

Начальник управления НКВД по З. С. К.
Нач. особ. отд. УГБ УНКВД З. С. К.

АЛЕКСЕЕВ
ИЛЬИН

* * *

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе в ЦК ВКП(б)

«О реализации постановления ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1934 года
по борьбе с к-р фашистским элементом в немецких колониях»

г. Новосибирск

февраль 1935 г.

Совершенно секретно

До получения постановления ЦК ВКП(б) по борьбе с к-р элементом в немецких колониях, в связи с наличием в последних саботажа по хлебоуборке и активизации фашистских проявлений на почве получения гитлеровской помощи, по линии НКВД в немецкие районы ЗСК, наиболее пораженные фашистскими проявлениями, были направлены спец. бригады, которыми было вскрыто, особенно в Немецком районе, наличие организованного саботажа во всей системе партийно-советского аппарата, к-р фашистских группировок, активно проводящих фашистскую агитацию, прикрываясь получением «помощи» от теперешней Германии.

Бригадой было установлено, что Немецкий район в значительном размере засорен кулацким классово чуждым элементом, что в партийно-советском аппарате и в руководстве значительной части таковых имелось большое количество кулаков (в руководстве партийно-комсомольской организации: секретарь райкома Вильгаук — сын кулака, секретарь комсомола Конрад — сын кулака). Выдвинутое районным руководством на ответственные должности, проникшее в партию кулачество занималось разложенческой работой в колхозах, затиранием бедноты и на практике проводило явно кулацкую, фашистскую работу.

Засоренность советского аппарата характеризуется следующими данными.

В райисполкоме из общего количества 47 служащих работало соц. чуждых 16 человек, кроме того, кулацким элементом были заняты почти все ответственные должности в колхозах и др. организациях.

Почти аналогичное положение, но в меньшем размере, было выявлено и в других районах края с немецким населением.

По линии НКВД был ликвидирован целый ряд к-р фашистских саботажнических группировок, а в Немецком районе такого характера группировка была ликвидирована во главе с районным партийно-советским руководством (дело к-р фашистской организации, работавшей под прикрытием Центральной Немецкой газеты в Москве, о ней см. ниже).

Так, например, в период уборочной кампании по немецким колониям края было ликвидировано:

групповых дел _____ 35,
одинокое _____ 37.

Арестовано по ним 294 человека.

По получении постановления ЦК ВКП(б) о борьбе с к-р фашистским элементом и в целях окончательного разгрома к-р фашистской деятельности в немецких колониях и оздоровления партийно-советского аппарата крайкомом был принят ряд решительных мер:

1) По линии НКВД было дополнительно ликвидировано:
групповых дел _____ 38,
одинокое _____ 1.

Арестовано по ним 258 человек.

Из общего количества арестованных по Немецкому р-ну 293 чел.

2) Проведена повторная чистка всей партийной организации в Немецком районе.

3) Проведена проверка всего советского и торгово-хозяйственного аппарата и органов народного образования.

4) Проведена проверка руководящих кадров МТС, колхозов и очистка этих кадров от кулаков и соц. чуждых элементов.

5) Посредством широкой массовой работы немнаселение категорически предупреждено о прекращении связи с зарубежными фашистскими организациями и о получении гитлеровской «помощи».

б) По линии крайОНО в Немецкий район направлена бригада в 3 человека сроком на 1 месяц для укрепления немецких школ и улучшения учебно-воспитательной работы. Наряду с этим крайОНО поручено:

а) укомплектовать в течение месяца все неполные средние школы и 11 начальных школ специальными дополнительными преподавателями русского языка из состава русских педагогов, возлагая на них одновременно обязанности пом. зав. школой и вожатых пионеротрядов. Крайкому ВЛКСМ обеспечить тщательный подбор посылаемых учителей-комсомольцев;

б) в тех школах, где в результате плохой постановки преподавания русского языка знание детей по русскому языку недостаточно, ввести дополнительно часы преподавания русского языка сверх утвержденного учебного плана;

в) установить систематический контроль за полным осуществлением новой увеличенной сетки часов русского языка в школе и за содержанием преподавания.

В результате работы направленных в Немецкий район комиссий и бригад по линии краевого комитета партии было проделано:

1) Намечено к увольнению и частично осуществлено таковое:

- а) сотрудников советских учреждений — 45 ч., или 34,3 %;
б) сотрудников торгово-хоз. органов — 18 ч., или 32,1 %;
в) сотрудников потребкооперации — 14 ч., или 29,8 %; г) работников народного образования — 23 ч., или 21,8 %.

Из числа уволенных кулаков 54 чел., участников внедрения гитлеровской «помощи» 30 чел., остальные — по различным причинам.

2) Приняты меры к увольнению из сельских местностей с немецким населением всех граждан, работающих в советско-торговых организациях и органах народного образования, иностранного подданства.

3) В итоге проведенной повторной чистки всей партийной организации в Немецком районе из 94-х проверенных членов и кандидатов партии исключено: 49 человек, или 52 %; переведено в кандидаты 2 чел., или 2 %; переведено в сочувствующие 7 чел., или 7 %.

В составе исключенных членов партии 25 чел., кандидатов 24 человека, из них по категориям:

классово чуждых элементов — 18 чел., или 36,7 %;
за нарушение парт. и гос. дисциплины — 4 чел., или 8 %;
за пассивное пребывание в партии — 18 чел., или 36,7 %;
за притупление классовой бдительности — 2 чел., или 4 %;
и прочих — 9 чел., или 18 %.

Беднячко-батрацкая часть членов парторганизации являлась самой отсталой частью коммунистов, она явно затиралась, никакой работы с ней не проводилось. Значительный процент исключенных за пассивность падает именно на эту часть партийцев. Исключение из рядов партии этой категории лиц обусловлено тем, что они стояли на грани полного разложения как производственники, их пассивность переплеталась с нарушениями партийной и трудовой дисциплины, явно разлагательно действовали на окружающих беспартийных.

Характерным явлением для всех партийцев является притупление классовой бдительности и в результате этого — отсутствие активной борьбы с классово враждебными элементами, с засоренностью колхозов и др. организаций района, слабая работа, а в большинстве случаев явное примирение с гитлеровщиной, с различными искривлениями линии партии, правительства и т. д.

Причины всего этого — зажим критики и самокритики, низкий политический уровень и полная политическая неграмотность, внушение партийцам со стороны старого руководства антипартийных установок в национальном вопросе.

4) В период выборной кампании в советы, после снятия и ареста старого руководства, бригадой по перевыборам в советы в Немецком районе было лишено прав голоса 397 кулацких хозяйств, до этого же числилось по району 79 хозяйств.

За весь 1934 год вышло и исключено из колхозов 257 хозяйств. Преобладающее большинство кулацких хозяйств выявлено во время перевыборной кампании в советы 1934 года.

В результате проведенной политмассовой работы в немецких колониях и решительных мероприятий по очистке партийно-советских и хозяйственных организаций от классово чуждых элементов, а также целого ряда репрессивных мер по верхушке к-р элементов в немецких колониях, на сегодняшний день намечается значительный перелом. Немнаселение на общих собраниях осуждает деятельность к-р фашистских элементов в организации гитлеровской «помощи», отказалось от получе-

ния этой помощи, жертвуя поступившие переводы за прошлое время в пользу МОПРа. Если в прошлом немецким населением направлялись массовые ходатайства в германское консульство в Новосибирске о «помощи», то за последнее время такого рода ходатайства совершенно прекратились. Для иллюстрации можно привести следующие данные:

по Немецкому району за июль месяц 1934 г. поступило 248 ходатайств, по остальным месяцам до февраля месяца 1935 г. совершенно не поступало;

по Славгородскому району в июле 1934 г. поступило 34 ходатайства, по остальным месяцам до февраля месяца 1935 г. совершенно не поступало;

по Мошковскому району за июль месяц 1934 г. поступило 5 ходатайств, в январе 1935 г. 1 ходатайство.

В процессе следствия по ликвидированным по линии НКВД к-р фашистским группировкам было установлено, что участники таковых проводили активную к-р фашистскую работу в немколониях, широко популяризировали материальную помощь, идущую из теперешней Германии, прикрываясь этим, проводили вербовку сторонников фашистской Германии, внедряя в сознание немцев, что они на случай войны Германии с СССР должны будут оказать помощь Германии в тылу СССР. Широко распространяли провокационные слухи о предстоящем захвате Германией Украины и переселении туда той части немцев, которые обращаются за помощью в Германию. Наряду с этим проводили активную срывательскую саботажническую работу в колхозах.

Наиболее значительными из ликвидированных дел являются:

1) К-р фашистская организация из немцев-колонистов во главе с б. секретарем Немецкого РК ВКП(б) Адольфом Г. М., в которую входил ряд ответработников районных партийных, советских, хозяйственных организаций, интеллигенция и кулаки.

К-р организация была оформлена в мае 1933 года приехавшим из Москвы членом фашистского центра при редакции «Д.Ц.Ц.» Гардером Д. Д. Руководящее ее ядро находилось в селе Гольбштадт (Немецкий район), вокруг которого имелся к-р актив, а на периферии Немецкого района к-р ячейки и отдельные участники организации. В Родинском районе существовал самостоятельный филиал к-р организации, возглавляемый пред. колхоза Диком К. К. (б. чл. ВКП(б)). Организа-

ция насчитывала в своем составе 51 чел., в обоих районах ею было охвачено 11 населенных пунктов. Целеустремленность ее в основном сводилась к обработке немцев на активную поддержку политики германского фашизма, в частности, интервенции со стороны Германии и дискредитации политики партии и правительства.

Практическая деятельность организации выразилась в к-р саботаже хлебопоставок государству в 1934 г., в продвижении кулаков и соц. чуждого элемента на командные роли в колхозах, МТС и сов. аппарат, в фашистской пропаганде через прямую агитацию, преподавание в школах и распространение получаемой из зарубежья фашистской прессы и в разложении колхозов путем вредительства.

Из привлеченных по делу б. членов ВКП(б) 16 человек.

2) К-р фашистская организация в Немецком районе, в количестве 21 участника. Организатором ее являлся немколониист Пропст Ф. Ф. (кулак). Организация охватывала своим влиянием 4 поселка в районе, где были созданы ячейки организации.

Практическая деятельность участников организации, помимо создания из среды к-р настроенной части немцев к-р фашистских кадров, способных на поддержку вооруженным путем интервенции со стороны Германии, направлялась по линии внедрения в массы колхозников национал-фашистских идей, враждебных настроений по отношению к Соввласти и колхозов, проведения к-р саботажа в выполнении хозполиткампаний на селе, вредительства и подрывной деятельности в колхозах.

3) К-р фашистская организация в Исилькульском районе, с 41 участником, охватывавшая своим влиянием целый ряд населенных пунктов, где были созданы ячейки организации. Всего следствием вскрыто 10 ячеек с 72 участниками, возглавлялась преимущественно соц. чуждым элементом — Курцем Иваном Федоровичем — лишенец, кистер, Ольденбургером Филиппом Генриховичем — б. крупный кулак, скрывшийся из Крыма, и др.

Организация под прикрытием получения гитлеровской «помощи» проводила пропаганду идей фашизма, подбирала людей, готовых активно поддержать интервенцию со стороны Германии, поддерживала связь с германским консульством в Новосибирске и проводила к-р работу по разложению колхозов.

4) К-р фашистская организация в количестве 36 человек, охватывавшая своим влиянием немколонии Любинского, Щер-

бакульского, Седельниковского районов. Возглавлялась пастором Лорером Вильгельмом Рудольфовичем и кистером Драйером Эдуардом Фридриховичем. Организация, наряду с широкой организацией гитлеровской «помощи», вела к-р фашистскую агитацию и создала ряд фашистских групп, готовила своих членов к выступлению на помощь Германии во время войны с СССР. Драйер имел указания Новосибирского германского консульства проводить работу гитлеровской помощи и под этим предлогом подбирать людей, могущих оказать содействие теперешней Германии. Это же консульство дало Драйеру журнал «Аусланддейчше», который распространялся Драйером среди членов организации. Лорер был связан с германским посольством в Москве. Члены организации проводили к-р саботаж хлебосдачи. По делу осуждено к ВМН¹⁹ — 7 чел., к 10 г. — 14 чел., к 5 г. — 2 чел., к 4 — 5 чел., к 3 г. — 8 чел.

За 1934 г. всего по немцам ликвидировано:

к-р фашистских организаций — 5;

группировок — 84;

одинок — 46,

по которым привлечено к ответственности 577 человек.

Из общего количества оперированных по краю на районы с немецким населением, выделенные в Омскую область и Красноярский край, падает 106 человек.

Репрессивные меры в отношении лиц, продолжающих проводить фашистскую агитацию в немецких колониях, продолжают с установкой изъятия организаторов и вдохновителей.

Секретарь крайкома ВКП(б)
по Запсибкраю

ЭЙХЕ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эйхе Р. И. (1890—1940) — большевик с 1905 г., после Октябрьской революции работал в продовольственных органах; в 1925—1937 гг. на руководящей советской и партийной работе в Сибири: председатель Сибирского краевого

исполкома Советов, секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б); затем — нарком земледелия СССР.

² Алексеев Н. Н. (1893—?) — большевик с 1919 г., с 1921 г. работал в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД; в первой половине 30-х гг. был начальником управления государственной безопасности НКВД по Западно-Сибирскому краю и председателем особой «тройки».

Сергеев К. М. — в середине 30-х гг. находился на партийной работе в Западной Сибири, занимая сначала пост начальника политсектора МТС, затем секретаря крайкома ВКП(б); в 1937—1938 гг. — секретарь Орджоникидзевского крайкома партии.

³ КрайЗУ — краевое земельное управление.

⁴ МТС — машинно-тракторная станция.

⁵ СибВО — Сибирский военный округ.

⁶ РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

⁷ к-р — контрреволюционный.

⁸ РИК — районный исполнительный комитет советов.

⁹ ШКМ — школа крестьянской молодежи.

¹⁰ ОНО — отдел народного образования.

¹¹ ОРПО — отдел руководящих партийных органов.

¹² РК — районные комитеты партии.

¹³ Начполитотделы — начальники политических отделов МТС.

¹⁴ Гайлит Я. П. (1894—1938) — большевик с 1918 г., подпоручик старой армии. В РККА с марта 1918 г. В годы гражданской войны командовал 1-м Латышским боевым отрядом, группой войск, бригадой, дивизией на Восточном фронте; в 1920 г. награжден орденом Красного Знамени. В дальнейшем находился на командных должностях, комкор.

¹⁵ с. д. — стрелковая дивизия.

¹⁶ Начподив — начальник политического отдела дивизии.

¹⁷ Кистер — церковный служака, нижний чин в лютеранской церкви.

¹⁸ ДЦЦ — Немецкая центральная газета.

¹⁹ ВМН — высшая мера наказания.

ИЗ ЖИЗНИ ТОЛСТОВСКИХ КОММУН В СИБИРИ

В судьбе толстовских коммун, как в капле воды, отразилась трагедия российского крестьянства в период коллективизации. Но судьба крестьян-толстовцев на фоне общей трагедии представляется еще более драматичной, а политика государства еще более жестокой и вероломной, потому что толстовцы как раз и стремились к тому, чтобы жить вместе и коллективно хозяйствовать на земле. В отличие от колхозов, насаждавшихся сверху, в которые крестьяне объединялись насильно и, работая в них, не были заинтересованы в результатах своего труда, толстовские коммуны являлись добровольными объединениями единомышленников, умевших трудиться на земле и любивших землю. К тому же крестьяне-толстовцы жили богатой духовной жизнью и стремились сохранить внутреннюю свободу и чувство собственного достоинства. Такое противостояние наступавшему тоталитаризму не могло закончиться иначе, как гибелью толстовских объединений.

Толстовское движение в России зародилось в начале XX века. Последователи Л. Н. Толстого объединялись в общества и кружки, издавали журналы и газеты, пропагандировали идеи великого писателя-гуманиста, основанные на любви ко всему живому и отрицании насилия. Но если до революции основную массу толстовцев составляла интеллигенция, то после нее рядовым толстовцем стал рабочий, крестьянин, бывший солдат.

Для них, познавших всю жестокость мировой и гражданской войн, идеи Л. Н. Толстого стали источником жизни. В начале 20-х гг. возникло несколько толстовских сельскохозяйственных объединений, в том числе коммуна «Жизнь и труд» и община «Братский труд».

В государственном архиве Новосибирской области сохранились документальные материалы, рассказывающие о жизни этих двух толстовских объединений в Сибири, переселившихся туда с началом коллективизации¹.

Коммуна «Жизнь и труд» начала свой не долгий, но трудный путь в конце 1921 года, когда группа молодых людей, приверженцев толстовского учения, решила вести коллективное хозяйство на земле. Заключив с Московским уездным земельным отделом договор на аренду небольшого помещичьего имения, коммунары поселились в Шестакове, недалеко от Москвы. Жили они дружно, трудились с большим подъемом, и хозяйство быстро крепло. С началом сплошной коллективизации ситуация резко изменилась: одно за другим толстовские объединения стали распускаться. Над коммуной нависла угроза ликвидации. Первую атаку коммунары смогли отбить. С трудом, через ВЦИК, но отстояли. Но они понимали, что «как ни невиновен ягненок, волк все равно съест его, потому что хочет есть». После долгих размышлений и споров пришли к единому мнению: всем толстовцам, желающим работать на земле, собраться и переселиться в одно место для «совместной коллективной жизни». Организационным ядром переселения стала коммуна «Жизнь и труд».

По этим вопросам коммунарам неоднократно приходилось обращаться во ВЦИК, беседовать с М. И. Калининым, В. Д. Бонч-Бруевичем, П. Г. Смидовичем, и первое время они находили понимание своих просьб. А ведь в конце 20-х годов во многих местах уже началась настоящая травля последователей Л. Н. Толстого, их клеймили как «наиболее вредную секту».

Сохранившиеся документы и воспоминания толстовцев не позволяют до конца выяснить вопрос о том, помогали ли работники ВЦИК переселенцам беспрепятственно выехать в Сибирь или просто не мешали их добровольному отъезду в «ссылку». 28 февраля 1930 г. ВЦИК принял постановление, которым разрешил «единомышленникам Толстого переселиться в одно

место для устройства коллективной жизни, согласно их убеждений». Район для переселения предлагался большой — вся Сибирь и Казахстан. Посланные толстовцами ходоки остановили свой выбор на участке земли на берегу Томи в районе Новокузнецка. Переселившись в Сибирь, толстовцы разделились на три группы: уральцы организовали сельскохозяйственную артель «Мирный пахарь», прибывшие из-под Сталинграда — общину «Всемирное братство», а подмосковная коммуна «Жизнь и труд» осталась коммуной.

Нелегко был переезд в Сибирь. На старом месте люди оставляли свои дома, поля, распродавали скот, небогатый скрб, а в Сибири их ждала богатая, но необжитая земля. Трудности усугублялись и далеко не гладкими отношениями с местными органами власти, которые не сложились буквально с первых дней их пребывания в Сибири.

События развивались стремительно. В апреле 1931 г. толстовцы начали прибывать на место нового поселения, а уже 30 марта того же года президиум Кузнецкого райисполкома предоставил часть отведенной для них земли артели «Путь бедняка», ссылаясь на то, что толстовские объединения не представили свои уставы для регистрации. Когда орггруппа по переселению обращалась во ВЦИК, вопрос об уставе оговаривался особо. Она настаивала на том, что «коллективная жизнь должна строиться на свободных, безнасилованных началах», без административного вмешательства в их жизнь. Кузнецкий райисполком имел на этот счет иное мнение: если коммуна регистрирует свой устав по всем правилам, то она остается в районе, если нет, то это — единоличники, и их надо выслать. Именно так и поступили с общиной «Всемирное братство» — за отказ от регистрации устава ее переселили в Кожевниковский район. Коммуна «Жизнь и труд» принципиально не противилась регистрации своего устава. Однако, по их мнению, он должен был отражать такой внутренний распорядок, который устраивал членов коммуны. По зарегистрированному 28 апреля 1931 г. уставу коммуна считалась самостоятельной хозяйственной организацией, руководство которой осуществлял Совет, подотчетный общему собранию. Такой устав не удовлетворял райисполком, но коммунары смогли его отстоять, включив по требованию местных властей пункт о том, что членами коммуны не могут быть кулаки и лица, лишённые избирательных

прав. Однако на этом конфликты с представителями местной власти не закончились, а продолжали нарастать, осложняя и без того трудное положение коммуны.

Первый год жизни в Сибири был особенно тяжелым для коммунаров. Переселившись в Кузнецкий район, коммуна «Жизнь и труд» фактически все должна была начинать заново. То немногое, что взяли в дорогу и без потерь привезли на новое место, не могло полностью обеспечить коммунаров. Местные власти не оказали толстовцам никакой помощи, более того, льготы, которые им полагались по закону как переселенцам, не были предоставлены. Переселенческие органы, выделявшие земельный участок для толстовских объединений, к этому времени были уже ликвидированы, и весь земельный фонд перешел в ведение райисполкома, а он, не считаясь с тем, что коммунары были переселенцами, включил их хозяйство в общий план налогов и поставок, как и хозяйства старожилов.

Требования, предъявляемые коммуне, оказались для нее непосильными. Так, в разгар лета, когда надо было косить сено и строить дома, когда каждый человек на счету, сельсовет под угрозой уголовной ответственности требовал выделить в распоряжение Сибстройпути на различные работы 4 человека и 6 лошадей. В другом случае — не считаясь с хозяйственными возможностями коммуны, с тем, что у них всего 20 рабочих лошадей и недостаток семян, райисполком предъявил коммуне посевной план в 400 га. Но в этот год коммунары смогли засеять всего 14 га пшеницей, 11 га — овсом, 1 га — ячменем, 2 га — просом, 6 га — картофелем. Лето в тот год выдалось жаркое и сухое. Дождей почти не было. Урожай собрали плохой: погиб весь ячмень, просо, более половины пшеницы. То, что коммунары смогли собрать, оставили на сев 1932 года, продуктового хлеба вообще не было. Чтобы прокормиться зиму, а коммунаров было 400 душ, из них — 200 детей, пришлось уходить на заработки. Так и перебивались они впроголодь, покупая хлеб на рынке. Но власти это не интересовало. Перед ними стояли другие задачи — дать большой процент коллективизации, больше собрать зерна по плану поставок. Для этого все средства были хороши. Включив коммуну в план поставок, райисполком предъявил такое задание по сдаче сельхозпродуктов, которое значительно превышало то, что произвели толстовцы. Вот некоторые цифры: по заданию требовалось сдать

120 центнеров пшеницы, а собрали 50, требовали сдать 100 тонн сена, а коммунары заготовили всего 50, из них насильно 5 тонн увезли, из 13 дойных коров забрали 7. К тому же комму-ну обязали внести обязательный взнос — на акции Трактор-центра, займы, культсбор и другие обложения — более 6 тысяч рублей.

В результате Кузнецкий райисполком добился своего — распустил коммуну. В вину ей были поставлены факты приема в коммуну лиц, лишенных избирательных прав, «отказ общего собрания коммуны от роспуска кулацкого правления».

Президиум ВЦИК сначала не одобрил этого решения. Постановлением от 2 марта 1932 г. он предложил Западно-Сибир-скому крайисполкому: «Немедленно отменить решение Кузнец-кого райисполкома от 23 ноября 1931 г. о роспуске коммуны «Жизнь и труд», рассмотреть хозяйственные вопросы, связан-ные с восстановлением и укреплением коммуны, и принять необходимые меры, предоставить коммуне на общих основани-ях установленные законом льготы для переселенцев». В лич-ном письме Ф. П. Грядинскому М. И. Калинин настаивал на срочном приостановлении «всяких взысканий как деньгами, так и натурой», отсрочке взносов до конца 1932 г., оказании коммуне необходимой семенной и продовольственной помощи.

Запсибкрайисполком, выполнив первый пункт постановле-ния, обратился во ВЦИК с просьбой о переселении толстовцев из Кузнецкого района. С этой целью было проведено обследо-вание толстовских объединений комиссией, в состав которой входили представители ВЦИК, крайисполкома и Новокузнец-кого горсовета. В составленной ими секретной докладной за-писке во фракцию ВКП(б) Президиума ВЦИК говорилось, что «экономическое состояние коммуны крепкое и может нести государственные обязательства наравне с другими колхозами, между тем от уплаты всех сборов и налогов и др. мероприятий отказывается... Заявления, подаваемые в вышестоящие органи-зации, в значительной части являются необоснованными в том, что их притесняют и принуждают к выполнению государствен-ных обязательств». Эта записка составлялась в начале мая, когда в коммуне хлеба оставалось на две-три недели, и в ход шли жмых и картофельные очистки. Комиссия была солидарна с позицией крайисполкома и Кузнецкого райисполкома в своих выводах по вопросу о дальнейшей судьбе толстовцев, настаи-вая на их переселении.

Однако Президиум ВЦИК подтвердил свои предыдущие решения, освободив коммуны «Жизнь и труд» от обязательств до урожая 1933 г. Благодаря этому, в течение 1933—1935 гг. в коммуне удалось провести землеустроительные работы, на которые она затратила более 4 000 рублей из своих средств. К тому же приходилось отвлекать на эти работы людей и рабочий скот.

В результате, несмотря на все препятствия со стороны местных властей и объективные трудности, к середине 30-х гг. хозяйство коммуны укрепилось. Уже с конца 1933 г. она стала полностью выполнять обязательства по государственным поставкам. Поскольку из-за своих убеждений коммунары не могли участвовать в убое скота, план по мясозаготовкам они заменили на выращивание племенного скота, передав совхозам и колхозам 57 голов молодняка. За пять лет жизни в Сибири коммуна наладила и свой быт. Были построены 35 жилых домов, хозяйственные помещения, столовая, школа, баня, проведен водопровод. Для детей летом устраивались детские ясли, площадки, зимой работала школа. В коммуне имелись своя библиотека, радио, музыкальный кружок... Дети, старики, инвалиды содержались полностью за счет коммуны.

После принятия в феврале 1935 года на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников примерного Устава сельскохозяйственной артели по всей стране развернулась кампания по переводу коммун на новый Устав. Неоднократные беседы с коммунарами о переходе на этот Устав не давали результатов. Тогда 16 апреля 1936 г. Сталинский (бывший Кузнецкий) горсовет, заслушав результаты обследования коммуны «Жизнь и труд», постановил существующий в коллективе устав отменить, как не соответствующий основным положениям примерного Устава, и рекомендовал принять новый. Одновременно были проведены аресты. Из 10 арестованных четверо вскоре были освобождены, а остальные — И. Гуляев, Д. Моргачев, Б. Мазурин, Я. Драгуновский, Г. Тюрк и А. Барышева — осуждены по 58 статье.

1937 год стал для коммуны роковым. Многие ее члены, кто по суду, а кто и без суда, были репрессированы. В лагерях погибли 24 коммунара.

После этого коммуна уже не в состоянии была бороться. Она доживала свои последние дни. С переводом ее 1 января

1939 года на Устав сельскохозяйственной артели, т. е. колхоза, коммуна «Жизнь и труд» прекратила свое существование.

Сложная, полная трагизма судьба выпала и на долю толстовской общины «Братский труд». До переезда в Сибирь из-под Сталинграда община уже имела десятилетний опыт коллективного ведения хозяйства, в основе которого лежало учение А. Н. Толстого. За ее приверженность толстовским идеалам местные власти притесняли общину, а когда началась открытая травля толстовцев, ее выгнали из района, отобрав все имущество. Поэтому идея переселения толстовцев на Алтай нашла поддержку в общине, и «сталинградцы» приняли активное участие в подготовке переезда.

В апреле 1931 г. они прибыли на новое место и поселились на землях к востоку от ручья Каменушка, составив основу общины «Всемирное братство». Здесь, на Алтае, они надеялись «осуществить свободную братскую общину — без принуждения, без подчинения, без денег, расчетов, чтобы каждый работал по способности, получал по потребности», т. е. то, что декларировалось Советской властью, они хотели проводить на деле.

Однако и у этой общины трения с властями начались уже с первых дней пребывания в Сибири. Камнем преткновения стал также вопрос о регистрации устава. По их мнению, устав, ограничивая свободу, является насилием над личностью, а они хотели строить свою жизнь на свободных, безнасильственных началах. Своей целью члены общины «Братский труд» считали осуществление мирного безгосударственного коммунизма на основе сознательного коммунального труда. Придерживаясь учения о постепенном отмирании государства, они говорили: да, мы понимаем, что пока не все люди сознательные, государства нужны, но мы уже достаточно сознательны, поэтому для нас государство должно сделать исключение и не неволить, мы сами будем выполнять свои обязанности перед обществом. «Служение жизни» — основа их мировоззрения — это добровольное служение обществу. Жизнь человека, животных, птиц священна. Крестьяне-толстовцы осуждали войны и отказывались от несения воинской повинности. «Служитель жизни», по их мнению, не может служить смерти, а потому недопустимо убивать животных и есть их мясо. Эксплуатация животных также считалась противоестественным актом, поэтому наиболее последовательные толстовцы обрабатывали землю вручную. Но

власти и не собирались вникать в смысл этих представлений. А «Общее соглашение членов трудовой общины Всемирного братства им. Л. Н. Толстого», через которое «сталинградцы» пытались донести свое учение, президиум Кузнецкого райисполкома охарактеризовал как «наглую классовую вылазку партии капиталистической реставрации Советского Союза, как призыв к объединению и наступлению на диктатуру пролетариата ко всем капиталистическим элементам, призыв обнаглевшего классового врага, не брезгующего постыднейшим извращением учения Ленина».

Проявляя «классовую бдительность», представители местной власти повели борьбу с «махровой контрреволюцией» до победного конца. Не прошло и месяца со времени переселения толстовцев в Сибирь, а Кузнецкий райисполком уже пишет в ЦИК РСФСР о необходимости переселения их в тайгу, на земли, предназначенные для выселения кулаков. Причины для этого выдвигались более чем серьезные. Во-первых, община наотрез отказалась регистрировать устав и, более того, считала возможным включение в состав общины кулаков и «лишенцев», т. к., по их представлениям, «служение жизни» являлось «достаточным основанием и единственным критерием пригодности человека для общины». А во-вторых, в районе шло «гигантское промышленное строительство», и потому оседание толстовских объединений, оказывавших «вредное влияние» на рабочих, становилось «совершенно нетерпимым».

Президиум ВЦИК осудил попытки районных организаций решить все проблемы административным путем. Опровергая доводы местных работников, П. Смидович писал, что одной из причин поселения толстовцев в их районе «служило соображение о том, что следует их взять из глухих мест среди крестьянства, на которое они могут вредно влиять и поселить их в одном месте близ пролетарского центра в окружении организованного населения, на которое влияние их не распространяется». При этом он рекомендовал, чтобы местные органы власти, учитывая особенности толстовцев, «под руководством партии, постепенно, не делая резких шагов, советизировали их».

Однако, несмотря на это, 13 октября 1931 года РИК принимает решение о переселении общины. На заседании президиума, где рассматривался этот вопрос, присутствовал представитель общины И. Добротолобов. Он обратился к собравшимся с

такими словами: «Предложения РИКа о новом нашем переселении в настоящее время для нас невозможны. У нас нет ни сил, ни средств на новое переселение. Мы существуем на средства, зарабатываемые вне общины. Предыдущее переселение отняло у нас много сил и времени, так что мы, не обеспечив себя продуктами, едва-едва успели приготовить землянки, чтобы хоть тесно укрыться от холода. Доводя об этом до сведения братьев-коммунистов, мы ожидаем от них разумного и справедливого отношения».

Однако «братья-коммунисты» не вняли их мольбам и продолжали доказывать Центру необходимость их переселения. В конце концов постановлением от 3 октября 1932 года Президиум ВЦИК предложил Запсибкрайисполкому «определить место и сроки для переселения коммуны последователей Л. Н. Толстого, выходцев из Сталинграда, отказавшихся от регистрации».

Осенью 1933 года к поселку сталинградцев подъехал большой обоз. Всем приказали собираться и грузить вещи, и, несмотря на сопротивление, их все же погрузили и повезли в тайгу на новое место. Переселяя людей — и старых, и малых — под зиму без средств, отобрав скот, оторвав их от жалких жилищ, власти заведомо обрекали их на вымирание. Туда же, в Кожевниковский район, были переселены и другие группы толстовцев: Барабинская, Иловлинская, Уральская, Бийская, Омская, объединившиеся в одну общину — «Братский труд».

Зиму 1933—34 гг. толстовцы перебивались на временно отведенных сельсоветом квартирах в деревне Ново-Сергеевка. Картофель, овощи, которые были сданы в кооперацию Кузбасса под обещание, что им их сразу же выдадут на новом месте, задержали, и община вынуждена была жить впроголодь.

С началом весны толстовцы приступили к освоению выделенной им земли. Это была нелегкая задача. Участок им выделили безводный, «без единого ручья или хотя бы лужи стоячей воды». Чтобы добывать воду, приходилось рыть ямы в сухой долине, но вода в них быстро пересыхала и оказалась очень недоброкачественной, «когда кипятить ее в котле, все время является, сколько ни снимай, все новая, новая красная пена, как навар в супе».

Обрабатывать землю приходилось почти голыми руками, не хватало ни орудий, ни лошадей. Работали мотыгами и тяпками, а порой приходилось самим впрягаться в плуги. К тому же

лето 1934 года выдалось засушливое. Такую засуху не могли припомнить даже старожилы. А тот урожай, который уцелел от засухи, погубили неожиданные среди лета морозы. Однако, несмотря на большую нужду, толстовцы отказались от предложенного долгосрочного кредита в 1 000 рублей, так как им «еще дороже был тот принцип, чтобы в построении своей жизни ни в чем не опираться на государство». В конце зимы в счет оставленного в Кузнецком (в то время — уже Сталинском) районе имущества им удалось закупить около 3,5 тонн зерна. Благодаря этому смогли дотянуть до весны 1935 года.

Весна и лето 1935 года были более благоприятными: засухи не было, морозов тоже. И толстовцы, приобретя несколько лошадей, смогли засеять больше земли. Часть урожая они собрались оставить на пропитание и сев, а оставшуюся сдать через кооперацию, «не входя в соприкосновение с государственными планами, налогами и обязательствами». В заявлении председателю крайисполкома Ф. П. Грядинскому они писали: «Сущность... наших стремлений заключается в том, что с/х община-коммуна «Братский труд» по своим убеждениям сознательно и добровольно желает передавать результаты своего свободного сельскохозяйственного труда, за исключением фонда и удовлетворения своих насущных потребностей, в общество на мирные, общепользные нужды и притом не через государство, а через кооперацию по свободному согласованию с нею... Часть результатов труда считает необходимым передавать в общество через кооперацию *бесплатно* на такие нужды, как содержание больных, нетрудоспособных, устройство сельских дорог, случаи стихийных бедствий и т. п.».

Однако принимать во внимание их принципы Кожевниковский райисполком (как ранее Кузнецкий) не считал нужным. Представители местной власти уже хорошо научились командовать колхозами: где, кому, чего и сколько засеять и какой урожай собирать. Столкнувшись с сопротивлением толстовцев, не желающих работать по приказу, райисполком применил к ним репрессии и меры «принудительного погашения государственных обязательств».

За «контрреволюционный саботаж» сева в мае 1935 г. были осуждены И. Добротолобов, С. Черниченко и Ф. Агурьев. Осенью этого же года была арестована еще одна группа толстовцев — Г. Бутылкин-Свободный, Ф. Савельев, Э. Доброто-

любов, Д. Литвиненко, П. Юраков. Их обвинили в организации среди толстовских групп контрреволюционного саботажа хлебопоставок.

По той же причине, не считаясь с тем, что хлеб еще не был полностью убран с полей, 9 сентября уполномоченным Комитета заготовок Совнаркома по Кожевниковскому району на общину был наложен штраф — более 16 тысяч рублей. Нанятая сельсоветом бригада рабочих собрала, обмолотила и сдала в Заготзерно весь урожай толстовцев. Забрали 18 лошадей, 16 коров, 2 теленка, но и этого не хватило, чтобы выплатить штраф.

Тогда сельсовет приступил к конфискации личного имущества. Забирали все — от швейных машин до кальсон и старых пимов. Всего было описано и изъято 428 предметов личного пользования, но это далеко не полный список. В результате проведенной проверки выяснилось, что оформление описей было «совершенно небрежное, неправильное, позволяющее допускать хищения имущества». Были случаи, когда изымались последние вещи. Например, у О. П. Свободной-Бульгиной забрали единственные имеющиеся у нее тулуп и полотенце, а у И. Пугачева — последние две пары пимов. Порою изъятые вещи даже не вносились в опись, например, у той же О. П. Свободной-Бульгиной старый тулуп забрали, а в опись не внесли. «Несмотря на то, что забирают весь хлеб, — писали толстовцы, — забрали и барахло, некоторые, даже большинство, остались в чем стояли, даже с людей стягивали, забирали белье и одежду, валенки и обувь. Не знаем, как мы будем проводить зиму в Сибири, совершенно раздетые, у многих нечем ночью прикрыться... Неужели мы обречены на погибель, да еще с малыми детьми...»

Община обратилась во ВЦИК за помощью, и 25 сентября Запсибкрайисполком получил телеграмму за подписью заместителя секретаря ВЦИК, а 27 сентября — председателя Комиссии по культам, с требованием принять меры к возврату незаконно изъятого имущества и привлечению виновных к ответственности. На это Ф. П. Грядинский отвечал: «...Имущество изъято за саботаж хлебопоставок. Возврат имущества находим невозможным, политически вредным». Тем не менее крайисполкому пришлось признать этот шаг со стороны местных властей ошибочным, и постановлением от 2 ноября он обязал рай-

исполком исправить допущенные «ошибки». Время шло, а местные власти не торопились возвращать то, что награбили. Комиссия, рассматривавшая в апреле 1936 года выполнение этого постановления, отмечала, что «большая часть имущества личного пользования не возвращена под предлогом того, что оказалась распроданной». Так, из 15 изъятых швейных машин было возвращено 9, из 11 женских пальто — 2, из 44 одеял — 6, кофточек изъято 20, возвращена 1, юбок изъято 20, возвращена 1 и т. д. Не были возвращены коровы, в чем, по мнению комиссии, виноваты сами члены общины, т. к. отказались брать чужих коров, конфискованных для общины у единоличников, а требовали вернуть именно своих. Отказались толстовцы и от предлагаемой им ссуды, ссылаясь на то, что «брать ссуду при наличии своего семенного и продуктового хлеба (хотя и вывезенного сельсоветом) община считает невозможным».

Зима 1935—36 гг. оказалась для толстовцев особенно трудной. Оставшись без теплых вещей, общинники прожили ее почти на одном картофеле. Детям не хватало молока, в результате к весне они сильно обессилели, часто болели и умирали.

Весна 1936 года также не предвещала ничего хорошего. Земля стояла обработанная, а засеять ее было нечем. Семенной фонд общине так и не был возвращен, и ей пришлось засеять поля всем, что у нее нашлось — подсолнухом, маком, горохом, просом, гречихой. В недоумении писали они М. И. Калинину: «Кому и какая теперь польза от того, что нас — земледельцев-коммунаров — лишили весной семян пшеницы и через это лишили возможности обсеменить пшеницей приготовленные поля?»

С каждым годом общине все труднее и труднее становилось вести свое хозяйство. Неоднократные просьбы о выдаче им «взаимообразно» через кооперацию семенной ссуды оставались «гласом вопиющего в пустыне». К сожалению, в фондах архива нет документов, рассказывающих о последних годах существования общины «Братский труд». Можно только предполагать, что ее постигла та же участь, что и коммуны «Жизнь и труд».

А. Г. Даценко

Заявление

На основании постановления презид. ВЦИК от 2 марта 32 г. прот. № 38 коммуна обращается в ЗапСибкрайисполком с нижеследующим:

Согласно постановлений ВЦИКа от 28. II—30 г. и 20. VI—1931 г., по указанию Н. К. З. от 4/VII—1930 г. № 343/3. П., Кузнецким РИКом и переселенческим агентом Кузнецкого района нам был отведен участок на переселенческих фондах. Но так как с.-х. переселение в Зап. Сибирь вообще было закрыто, то мы переселились в порядке исключения, хотя и на правах плановых переселенцев. Но переселенческие органы были на местах ликвидированы, и наш земельный фонд перешел в ведение РИКа, и РИК включил нас в свой общий план всех действий, налогов и заданий, как и всех старожилов, не учитывая исключительное положение переселенцев, что вызвало массу конфликтов, вредящих делу организации хозяйства коммуны. Правда, нам была предоставлена льгота по с.-х. налогу, полагающаяся переселенцам, но и только.

Наше положение очень тяжелое, посев 1931 г. был очень мал, и урожайность всего 30 %, так что хлеба на зиму у нас совсем не было (спр. с/совета), и наши коммунары работают на заработках (человек 50 плотников и столяров в тайге в Абашевской лесной конторе Востокугля и в других местах), весь их заработок целиком идет на покупку хлеба и на текущее пропитание.

Районные организации не оказали нам никакого содействия, а, наоборот, шли против нас, так: Райколхозсоюз вместо помощи прислал нам известие о том, что мы распущены 9-го ноября, тогда как постановление РИКа состоялось лишь 23-го ноября (прилагается отношение Р. К. С. от 9/XI—31 г. № 0-5).

Кооперация Куз. Райпотребсоюз тоже поспешила 14-го/XI закрыть у нас отделение сельпо, ссылаясь на роспуск коммуны, когда его еще не было (прилагается отношение сельпо от 14/XI и выписка из протокола от 16/XI).

Ниже мы приводим те требования, которые к нам предъявлялись и несообразность которых очевидна.

1. Через Есаульский с/совет нам передано задание по сдаче заготовок. С нас требуют:

а) 120 цент. пшеницы, тогда как летом в результате обследования Р. К. И. с нас хлеба заготовки были сняты, так как весь наш урожай пшеницы был 50 цент., при наличии 450 едоков.

б) Сена 100 тонн, тогда как у нас его на этот день не более 50 тонн при наличии 50 голов скота (сена у нас насильно увезли 5 тонн).

в) 7 голов скота крупного рогатого, когда у нас всего 13 дойных коров при наличии детей около 200 душ и т. д. в том же роде, требования явно невыполнимые.

2. Летом, когда мы только приехали на голое место и только строились, к нам неоднократно присылались строгие требования под угрозой уголовной ответственности дать людей и лошадей. Ясно, что мы отказывались (при сем прилагаются для примера отношения Р. К. С. от 27/VI—31 г. и Есаульского с/совета от 4/VII—31 г.).

3. Кузнецкий РИК через Есаульский с/совет предъявил нам весенний посевной план на площадь около 400 га, тогда как у нас всего 20 рабочих лошадей и такого количества земли они обработать не могут, также у нас нет такого количества семян. Из этих 400 га по плану намечено 50 га огорода, на что надо 250 душ рабочей силы, а нас всего нет столько трудоспособных, но кроме огорода у нас есть полевые работы и предстоит строительство жилищ, которых далеко не достаточно, и многие живут на квартирах.

Этот посевной план — яркий образчик бюрократического подхода к делу, не считающийся с хозяйственными возможностями.

4. Социальный состав коммуны: середняки, бедняки и члены коллективов. Привезенные незначительные средства были истрачены на проезд, в хозяйство и на пропитание, а к нам в течение 1-го же года был предъявлен целый ряд требований денег на значительную сумму.

Так, с нас требовали:

1. Кооперация паевых свыше	1 000 р.
2. Кооперация на строительство свыше	1 000 р.
3. Р. К. С. — вступительных около	1 000 р.
4. На заем «Пятилетка в 4 года»	1 500 р.

5. Культналог	1 300 р.
6. На машинные обязательства около	2 000 р.
7. Акции Трактороцентра свыше	2 000 р. и т. д.

Всего на сумму свыше 10-ти тысяч рублей. Не имея никаких доходов, мы таких средств платить не можем.

Из приведенных примеров ясно видно, что РИК не считается с нами как с переселенцами и необходимо вполне четкое указание Крайисполкома о том, что нам предоставлен определенный срок для того, чтобы хозяйство смогло окрепнуть и стать доходным, и дать Кузнецкому РИКу распоряжение:

1. Не облагать нас налогами и прочими денежными требованиями в виде займов, акций Трактороцентра, сель.-хоз. обязательств, культналогов и т. д. в течение трех лет, как мы освобождены и от сель.-хоз. налога;

2. Не требовать от нас сдачи продуктов, скота, сена и т. д., когда мы не только не имеем излишков, но и себе-то не имеем;

3. Не требовать от нас людей и лошадей на различные повинности ввиду нашего строительства и острого недостатка лошадей тем более, что обстоятельства заставляют нас вполне добровольно работать на различных госпредприятиях.

4. Не вмешиваться в наши хозяйственные планы путем присылки чисто бюрократических, не соответствующих нашим хозяйственным возможностям планов посева.

Все эти условия необходимы, чтобы хозяйство смогло окрепнуть, встать на ноги и стать товарным и полезным и нам, и обществу.

Председ. Совета коммуны

Б. МАЗУРИН

(печать)

за секретаря

КРАСКОВСКИЙ

* * *

Секретно.

ОБСЛЕДОВАНИЕ

Нелегальной неполной средней школы при толстовской коммуне «Жизнь и Труд».

1935 г. 4 декабря нелегальную неполную среднюю школу при толстовской коммуне «Жизнь и Труд» посетили зав.



Село Тальжино под Новокузнецком. Коммуна «Жизнь и Труд». 1935 г.

ГорОНО т. Калашников и школьный инструктор Бесхмельницын.

Школа эта была закрыта в 1934—1935 учебном году. Заведующая школой А. Малород за привитие детям религиозных и антисоветских убеждений Нарсудом была приговорена на год к принуд. работам. В настоящее время А. Малород освобождена и проживает в коммуне. Школа содержится на средства коммуны и в сеть Сталинского ГорОНО не входит.

Школа существует на нелегальном положении.

На 4 декабря 1935 года в школе были следующие классы:

1-й класс с 10 учениками,

2-й —»— с 12—15 уч. (точно выяснить не удалось).

3-й —»— с 26 учен.

4-й —»— с 23 —»—

5-й —»— с 13 —»—

6-й —»— с 10 —»—

7-й —»— с 14 —»—

Всего 111 —»— (приблизительно)

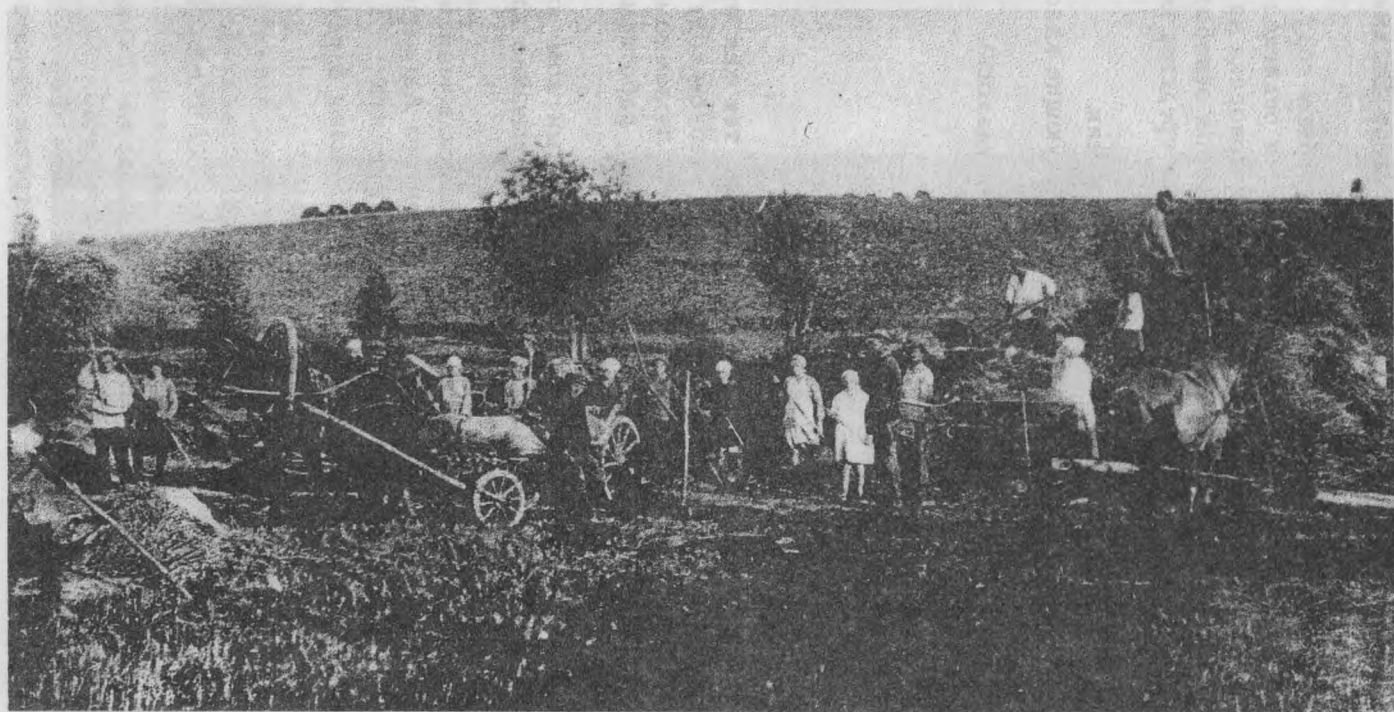
Кто заведует школой, узнать не удалось, так как преподаватели заявляют: «Заведующая в прошлом учебном году была арестована Советской властью и подвергнута тюремному заключению, а теперь у нас заведующего нет, работаем так, попросту, без заведующего».

Для школы коммуна выделила специальный дом из 3-х классных комнат. Помещение содержится чрезвычайно грязно. Школа работает в 3 смены.

Назвать свое имя учителя отказались, за исключением двух братьев Густава Адольфовича ТЮРКА и Гюнтера Адольфовича ТЮРКА (отчества искажены авторами документа — А. Д.).

4-го декабря 1935 года нами были прослушаны следующие уроки:

В 1-ом классе урок русского языка (чтение). Занималась в нем учительница Оля (так она называет себя и также зовут ее ученики. Полное ее имя Ольга Петровна ТОЛКАЧЕВА). Выявлено, что обучение грамоте происходит по звуковому методу (в настоящее время считается устаревшим и нигде не применяется). На руках у детей стабильные советские учебники. Одни ученики читают по «Первой книге для чтения» Фортунатова, другие по букварю Шлегер и Фортунатова, третьи по книге для



Скирдование. С. Тальжино. 1932 г.

чтения Блехера. Подготовка у детей различная. Дети все переростки, т. е. в возрасте 9—10 лет.

Во втором классе занятий не было. Выявлено, что в этом классе работает А. Малород. Установлено, что А. Малород ежедневно и систематически посещает школу, но в день нашего посещения в школу не явилась, ученики же собирались все.

В третьем классе (учительница Анна Андреевна Горяинова) прослушан урок арифметики. Проходят 4 действия арифметики в пределе 1 000. Пользуются стабильным учебником Ноповой «Сборник арифметических задач и упражнений».

В четвертом и пятом классах была история (учитель Гюнтер Адольфович ТЮРК). Тема в 4-ом классе: «О нашествии татар». Материал был прочитан по учебнику. После чтения задавались вопросы: «Кто был Чингис-хан?», «Как татары собирали дань, как жилось русским?». Сообщались одни голые факты без каких-либо комментариев со стороны учителя. В 5-ом классе прорабатывался Египет. О Египте преподаватель выхолащивал классовую суть борьбы между фараонами, крестьянами и князьями. На вопрос ученикам со стороны Зав. ГорОНО: «Что такое история?» ученики отвечали: «История изучает прошлое общество». О классовой борьбе в истории ученики не знают. Классовая суть истории преподавателем сознательно выхолащена.

В 5-ом классе была физика (учительница Женья). Объяснялось устройство подводной лодки и ее применение.

В 6-ом классе прослушан урок географии (учитель Густав ТЮРК). Тема урока: Франция. ТЮРК только спрашивал учеников, а нового материала не объяснял. Ученики, вызванные к географической карте, рассказывали о географическом положении Франции, ее границах, возвышенностях, ископаемых, климате. Ученики на уроках имеют стабильный учебник географии Г. И. ИВАНОВА. После повторения пройденного материала учитель прочитал из книги Клейна «Чудеса земного шара» о приливах и отливах. Затем были прочитаны две газетные вырезки. В первой говорилось о буре, происшедшей во Франции, и во второй под заглавием «Французской земле» о жертвах империалистической войны, разрушенных городах, о громадных братских могилах, о тысячах убитых солдат. После чтения этой статьи учитель стал объяснять, что на земле существует насилие, вражда среди людей, что сильные притесня-



Школа коммуны «Жизнь и Труд». С. Тальжино. Зима 1933 г. Малород А. С. с учениками

ют слабых, что право считается только за сильными. На этом урок кончился.

В 6-ом классе были прослушаны уроки математики и зоологии. По математике учительницей (Соня, жена Густава ТЮРКА) была объяснена и доказана теорема, что во всяком треугольнике сумма внутренних углов равна двум дэ. По зоологии занималась Женя. Ученики по заданию учительницы весь урок читали вслух стабильный учебник Цузмера. Со стороны учительницы не было ни объяснений, ни замечаний. После урока учительница Женя обратилась к инструктору т. БЕСХМЕЛЬНИЦЫНУ со словами: «Ну, вот, видите, что мы учимся по советским учебникам и не отступаем от них».

Метод, применяемый Женей (чтение учебника без объяснения со стороны учителя), при преподавании естественных наук считается недопустимым, неправильным и вредным.

В комнате, где занимаются 1-ый и 6-ой классы, висело следующее расписание уроков:

РАСПИСАНИЕ УРОКОВ VI-ой ГРУППЫ (а не классов)

<u>Понедельник</u>	<u>Вторник</u>	<u>Среда</u>
1. История	1. История	1. Геометрия
2. Ботаника	2. Арифметика	2. География
3. География	3. Физика	3. Ботаника
4.	4. Алгебра	4. Грамматика
5.	5. +	5. +
		6.
<u>Четверг</u>	<u>Пятница</u>	<u>Суббота</u>
1. Алгебра	1. География	1. Геометрия
2. История	2. Физика	2. Ботаника
3. Арифметика	3. Арифметика	3. Грамматика
4. +	4. +	4.
5.		5.

В расписании стоят четыре таинственные крестика (вторник, среда, четверг, пятница), и, кроме этого, после трех уроков стоят пустые места (понедельник 2 часа, среда один час, четверг один час, суббота 2 часа). Из беседы с учениками выяснилось, что количество уроков ежедневно бывает согласно расписанию, т. е. 5—6. Что преподается в те часы, где стоят

крестики и пустые места, ученики не сказали, задавая в свою очередь нам вопрос: «А Вам для чего это знать?».

Преподаватели тоже отказывались сказать о значении крестиков и пропущенных мест, ссылаясь на свое незнание. Но из разговоров с Соней выяснилось, что в эти дни бывает чтение художественной литературы. Кто проводит с учениками чтение, выяснить не удалось.

В разговоре с учителями каждому в отдельности был задан вопрос: «Как и чему Вы учите?». Учителя отвечали одно и то же: «Мы учим по советским программам и учебникам, а какими методами и приемами — судите сами. Против Советской власти мы не учим детей, нет у нас и контрреволюции. Мы против всякого насилия и жестокости. Вы на своей осенней учительской конференции требовали от преподавателей воспитывать в учениках классовую ненависть. Вы сеете вражду среди людей, а мы против всякой ненависти и вражды. От Вашего воспитания у детей глаза горят злобой к ближнему, презрением. Наши дети не таковы. Мы воспитываем в наших детях любовь ко всему окружающему». Эти слова были сказаны Анной Андреевной Горяиновой, Соней, Олей, Женей.

Из разговоров с учениками выяснилось, что все дети и подростки (в школе есть ученики в возрасте от 9 до 17—18 лет) сильно настроены против пионеров и комсомольцев. На вопрос школьного инспектора: «Кто из Вас пионеры и комсомольцы?», ученики 6-го класса отвечали: «Зачем Вы нас спрашиваете, ведь Вы знаете, что наши родители и мы не согласны с пионерским и комсомольским учением. Пионеров и комсомольцев воспитывают и учат в духе классовой ненависти, а мы всякую ненависть и вражду не принимаем. Пионерами и комсомольцами никогда не будем». На вопрос: «Откуда Вы знаете, чему учат пионеров и комсомольцев?» Ответ: «Мы читаем советские газеты. Наша коммуна выписывает «Правду», «Известия», «Большевицкую Сталь».

На одном из уроков в 3-ем классе было пение. Пели следующее:

УЗНИК

*Отворите окно, отворите, мне недолго осталось жить.
Еще раз на свободу пустите, не мешайте страдать и любить
и т. д.*

На руках учительницы Оли была общая тетрадь со стихами, которые поются учениками в перемены и на уроках.

Вот два стихотворения.

1. РАБСТВО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Главный корень зла и рабства
Теперь в мире городском,
Где пред силой государства
Каждый стал слепым рабом,
Рабам этим своя совесть
Не закон, не бог, не власть,
Им бы только была должность,
И все будут исполнять.
Все насилия, поборы
Они будут одобрять,
Тюрьмы, к смерти приговоры
По приказу утверждать.
Жить нельзя для них разумно,
Автомат будь без души
Что для грубой силы нужно,
То читай, болтай, пиши.
Их такое положение,
Роста нет душе, уму,
Злу придумай одобрение,
Просвещением считай тюрьму.
Кумир — идол государства
Для них бога заменил,
Для насмешек и рабства
Своей воле подчинил,
Так культура городская
Рабство многим создает,
Только рабская слепая
Жертву идолу несет,
И за землю и за глину,
Что трудится давно,
Давай идолу скотину,
Масло, яйца и зерно.
Все продукты и товары
В городах и деревнях,
Магазины и базары, —

Все у идола в руках.
Нужно идолу молиться
И поклоны низко класть,
Чтобы должности добиться,
Хлеб отъемный получать.
По науке кто умеет
Отрицать закон любви,
Право тот на все имеет
В государстве в наши дни.
Тот на службе получает
Хлеба, денег больше всех,
Кто научно оправдает
В государстве зло и грех.

2. ДУХОВНЫЕ МЕРТВЕЦЫ

Люди стали мертвы духом,
Как рабы своих страстей,
Во вражде живут друг с другом,
Для них нет воскресных дней,
В душе нету воскресенья,
Светлой радости с добром.
Они могут и ругаться,
И вино пить, и курить,
По приказу пойдут драться,
Разорять друг друга и бить.
По науке так выходит,
Закон жизни в чувствах злых,
Значит счастье, чтобы строить,
Тогда грабят одни других,
Создается, что ненужно:
Пушки, ружья и дурман,
Скорей, чтоб отнять дружно
Труд рабочих и крестьян.
И везде рабы приказа,
Ждут, как свистнет командир,
И военная зараза
Весь культурный займет мир.

Стихотворение передано с соблюдением орфографии, имеющейся в тетради.

Нужно отметить, что все преподаватели на уроках в нашем присутствии большей частью молчали и заставляли читать стабильные учебники, не давая объяснений.

Обществоведение в школе не преподается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Школа в коммуне «Жизнь и Труд» является антисоветской. Дети в ней воспитываются в антисоветском духе.

2. Школа работает, по словам преподавателей, без заведующего, учителя не имеют планов. Программа Наркомпроса не выполняется, хотя в школе есть учебники советского издательства.

3. Методы преподавания, которые применяются в школе, неправильны и совершенно недопустимы и антипедагогичны.

4. В прошлом учебном году в расписании уроков стоял предмет «Этика и мораль». В настоящее время вместо этого предмета стоят крестики и пустые места. Следует полагать, что и в этом году преподается «Этика и мораль» толстовского толкования. Обществоведение по программе Наркомпроса не преподается.

5. Школьное здание для занятий не приспособлено, содержится в антисанитарном состоянии и холодное.

6. Школу при коммуне «Жизнь и труд» как антисоветскую и антипедагогическую необходимо закрыть.

П. п. Зав. Сталинским ГорОНО

КАЛАШНИКОВ

Школьный инструктор

БЕСХМЕЛЬНИЦЫН

Верно: ГОРЮНОВА

* * *

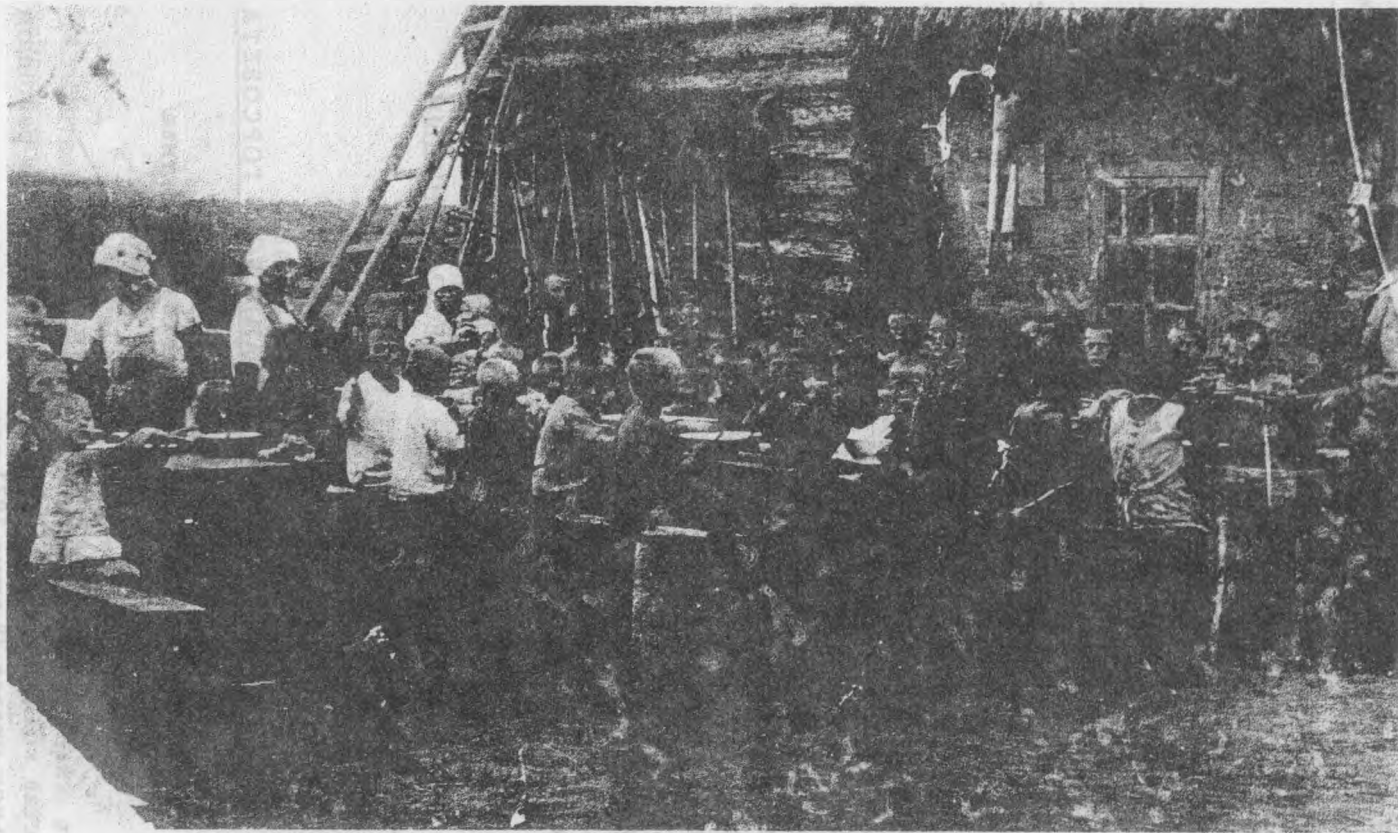
ПРЕЗИДИУМУ СТАЛИНСКОГО ГОРСОВЕТА

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О результатах обследования сельхоз. коллектива
«Жизнь и Труд» Есаульского сельсовета.

Устав коллектива

Устав коллектива зарегистрирован в Кузнецком районном земельном отделе 28 июня 1931 года.



Дети за обедом в столовой коммуны «Жизнь и Труд». С. Тальжино. 1932 г.

Устав написан чернилами от руки, произвольный по содержанию, выработанный самим коллективом, и противоречит основным принципам колхозного строительства в СССР.

В параграфе 8 устава говорится: «Членами коммуны могут быть трудящиеся, достигшие 16-летнего возраста, занимающиеся, а равно приступающие к занятию сельским хозяйством или связанные с ним промыслами, разделяющие взгляды Л. Н. ТОЛСТОГО и отрицающие всякое убийство не только человека, но и животных, а также отрицающие употребление дурманов: водки, табака и др. и мяса.

В уставе нигде не говорится о классовой борьбе, и все члены коллектива говорят, что они против всякой борьбы, борьба противоречит их убеждениям.

При регистрации устава Кузнецким земельным отделом на уставе между строк на первой странице сделана надпись: «Устав зарегистрирован в Кузнецком районном земельном отделе 28/VI 31 г. со следующим дополнением пункта 8-го настоящего устава — членами коммуны не могут быть лица, лишенные, согласно конституции РСФСР, избирательных прав в советы и лица, входящие в состав кулацких хозяйств. Зав. Райзо Садаков, Секретарь — Бирюков».

Но это дополнение членами коллектива не принято и на практике не выполняется.

История коллектива и его состав

Согласно справки Московского земельного отдела от 20/XII 25 г., коллектив впервые зарегистрирован в Московском земельном отделе 19/XII 21 г. и перешел на кооперативный устав коммуны 20 ноября 1923 г.

При районировании Московской области коллектив по территориальному расположению вошел в Кунцевский район Московской области, где и находился до 1931 г.

В 1931 г., по словам членов коллектива, в связи с развертыванием коллективизации в Московской области они подали заявление о переселении их из Московской области и после разрешения вопроса в Наркомземе в 1931 г. переселились в Кузнецкий район.

Всего переселилось 8 семей и 16 взрослых одиночек, а всего с детьми 50 чел. В данное время из этого числа 11

человек перешли в толстовскую же артель «Сеятель», приняв-шую в 1936 г. устав сельхозартели, и один выбыл неизвестно куда. Рост коммуны шел исключительно за счет прибывших единоличников из Украины, Урала, Поволжья и бывш. Барабинского округа. На 23 марта коллектив имеет 93 семьи — 326 чел. Но за точность этого поручиться нельзя, так как регистрация в сельсовете ими не соблюдается, и они говорят, что это они делают только «для Вас, а для нас никакой регистра-ции не нужно». У самих же у них тоже точного учета не ведется, например, нами обнаружен не записанный у них нигде ПОПОВ Евгений Иванович — старик-инвалид, причем есть пред-положение, что он не записан умышленно и является основным их идеологом.

Социальный состав коллектива полностью не выявлен, но несомненно, что в коллективе под маской «противленцев злу» скрываются люди, враждебные Советской власти не только теперь, но и в прошлом, например, Красковский Клементий Евгеньевич, бывший офицер, ГУЛЯЕВ Иван Васильевич, в прош-лом осужден, раскулачен, лишен права голоса.

Имеются члены коллектива с высшим образованием, надев-шие теперь тогу «смирненных» толстовцев. ТЮРК Софья, ТЮРК Густав окончили МГУ. Савельева Евгения окончила Ленинский с. х. институт и др. Много со средним образованием — ТЮРК Гюнтер, среднее образование, по специальности электротех-ник, причем ТЮРК Густав и Гюнтер, по национальности немцы и в прошлом лютеране по вероисповеданию.

Воинской повинности они не признают, так как всякое убийство противоречит их убеждениям, и молодежь рождения 1913—14 гг. высылать на переучет отказались.

Управление делами и организация труда

Управляют делами коллектива, как это записано в уставе, общее собрание членов и совет коммуны, для контроля избира-ется ревизионная комиссия.

Последний состав совета и ревкомиссия избраны 21 января в составе: совет — 7 членов и 2 кандидата и ревкомиссия — 3 члена и 1 кандидат (персональный список избранных прилага-ется).

По словам членов коллектива, делами они управляют все, а совет выбирают только для всяких представителей, приезжаю-щих к ним, и оформления дел с другими организациями.

Характерным является то, что при приезде из города кого бы то ни было в качестве официального лица он встречается с явной подозрительностью, и ни председатель совета, ни его члены никаких ответов не дают, ссылаясь на то «как решит общее собрание»; в процессе нашего обследования мы убедились, что совет и особенно его председатель являются подставными лицами и никакого влияния на ход дела оказать не могут. Всеми делами, по нашему мнению, заправляют: 1. МАЗУРИН Борис, 2. ПАЩЕНКО Дмитрий, 3. КРАСКОВСКИЙ Клементий, 4. ГОРЯИНОВ Николай, 5. МОРГАЧЕВ Дмитрий, БАРЫШЕВА Анна Григорьевна, ЛИТВИНОВ Петр. Особенно большим влиянием пользуются первые трое.

Прием новых членов производится общим собранием, советом не обсуждается, причем сначала принимают кандидатов в члены и после 6 мес. принимаются в члены по рекомендации кого-либо из старых членов. Это показывает, с какой осторожностью подбираются «свои» люди.

В организации труда нет правильно организованных бригад, отрицается сдельщина, отрицается соревнование, нет трудовой, в нашем понимании весь учет ведется по выходам на работу и засчитывается как рабочий день, независимо от того, что и сколько выработано, никаких официальных нарядов на работы не ведется, лишь полеводам и животноводам ведется табель выходов.

Распределение доходов

С распределением натуральной части доходов дело темное, по тем чрезвычайно скудным документам и со слов присутствующих членов коллектива выяснилось следующее: столовой нет, имеется общая кухня, где берут все обеды на дом, но обед готовится постный, овощной суп и на второе не всегда или пареная брюква и редко каша. Супу, как они говорят, дается сколько кому надо без ограничения, жиров за последнее время нет. Тот же суп готовится и на завтрак, и на ужин. Молоко выдается только больным и маленьким детям. Конечно, на таком питании прожить нельзя, и они сами не скрывают, что дополнительно еще готовят дома. Хлеб выдается на руки по 800 гр. на взрослого и по 400 и 600 гр. на детей, смотря по возрасту.

Содержание квартир, отопление и освещение проводится за счет общих доходов, керосин выдается по норме, исходя из того, сколько его приобретут.

Денежные доходы, за исключением общих затрат, распределяются, исходя из учета рабочих дней, и выдаются на руки членам коллектива.

За 1935 г. распределено между членами коллектива по одному рублю на каждый проработанный день, всего 43 868 р., выработка на одного трудоспособного колеблется от 63 до 313 дней за год и средняя 255 дней.

На содержание детей дается родителям дополнительно к их среднему заработку. На детей до 6 лет — 25 %, от 6 до 12 лет — 50 % и от 12 до 16 лет — 75 %. С 16 лет [ребенок] должен работать наравне со взрослыми. Работа детей до 16-ти летнего возраста не учитывается.

Книжный учет (записи) ведется удовлетворительно, оформление же документов, оправдывающих приход и расход, с бухгалтерской точки зрения, является совершенно недостаточным, дающим полную возможность для всяких злоупотреблений. На всякий расход, произведенный доверенными лицами (членом коллект.), дается лишь им самим на клочке бумажки справка, что куплено то-то по такой цене, и все они считают, что для них это достаточно, так как они верят своим членам.

Выполнение государственных обязательств

В выполнении государственных обязательств за все время существования коллектива проводится организованный саботаж. И лишь только за 1935 г. денежные налоговые платежи, хлебопоставки, картофель и овощи сданы в установленные сроки, вследствие того, что в 1934 г. они за несвоевременную сдачу были подвергнуты штрафу.

Мясопоставки никогда ими не выполнялись, всегда бралось в беспорядном порядке. Мотивы неспдачи — мы — вегетарианцы, мяса не едим и против всякого убийства, в том числе и животных.

От лесозаготовок, дорожной повинности категорически отказываются, что видно из прилагаемых протоколов общих собраний.

Весь этот саботаж проводится совершенно открыто, потому что они не признают никакого государства, поэтому и не могут ему помогать, это противоречит их убеждениям.

Всеобщее обучение и воспитание детей

Советскую школу не признают и детей в нее не пускают, имеют свою школу, где преподают ихние же учителя. Работу их школы можно характеризовать следующими данными:

ПРОГРАММА: Новых программ нет. Предъявлены две старые программы, изданные в 1932 г. Иметь же новые программы на 1935—36 г. учебный год можно было. Этими программами снабжены все школы. Нет программы по истории и обществоведению. Несмотря на то, что обществоведение в школах в 3-х и 4-х классах не ведется, в третьем классе их школы таковое ведется. В основу этого предмета положена программа НКП на 1934/35 г. в извращенном виде.

ПРОГРАММЫ НКП

1. Дети советской страны должны хорошо учиться и работать (любовь к школе, учителю, уважение к его педагогическому труду).
2. Хорошо быть здоровым и смелым.
3. Чистота, опрятность и аккуратность — залог здоровья, хорошей работы и культурного отдыха.
4. Дети советской страны скромны, вежливы, хорошо относятся к товарищам и уважают взрослых трудящихся, строящих новую жизнь.
5. Пионеры и школьники честны и правдивы, они берегут общественную собственность.
6. Дети советской страны любят свою родину.

ИХ ПРОГРАММА

1. Дети должны хорошо учиться и работать.
2. Хорошо быть здоровым и смелым.
3. Чистота, опрятность и аккуратность.
4. Дети должны быть вежливы.
5. Ученик должен быть честен и правдив.
6. Любовь к своей родине.

РАБОЧИЕ ПЛАНЫ: Школа и учителя никаких планов не имеют. Требуется иметь план работы на учебный год, на учебную четверть и обязательно план урока. По заявлению учителей, материал для прохождения с учениками размечается только в учебниках. Учебная сетка не выдерживается, причем в действии сетка 34/35 года. В их школе, как неполной средней сельской школе, если ее считать за таковую (в ней семь клас-

сов), нужно было вести русский язык, математику, естествознание, географию, историю, нем. язык, физику, химию, обществоведение в старших классах, труд, рисование, черчение, физкультуру и пение. Ведется же математика, естествознание, география, история; физика и химия как уроки бывают очень редко. Русского языка как предмета не ведется. Остальные дисциплины не преподаются. Таким образом, можно считать, что учащиеся не изучают русский язык, нем. язык, физику, химию, обществоведение в старших классах, труд, рисование, черчение, физкультуру и пение в нашем понятии.

РАСПИСАНИЕ: Для всех классов школы расписание есть. Занятия проводятся в три смены. Больше четырех уроков для класса в расписании нет. Продолжительность урока в принципе 45 м., но это время выдерживается редко. Бывают уроки больше 45 м. На одном из таких уроков, равных примерно 1 ч. 30 м. по математике, присутствовал я. Удлинение часа мне было объяснено, как желание закончить материал на этом уроке. Если формально расписание есть, то по существу, как это требуется постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 3/IX 35 г., таковое ни в какой степени не является документом, способствующим организации учебного года и укреплению школьного режима.

ВОПРОСЫ МЕТОДИЧЕСКОГО ПОРЯДКА. Учителя, кроме Гюнтера Тюрка (истор.), методическими знаниями не владеют. Пособиями по методике и консультацией метод. кабинета ГорОНО не пользуются. Все учителя находятся в полной оторванности от наших учителей. Методы преподавания учителей Горяиновой Анны Андреевны и Толкачевой Ольги Петровны **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НЕТЕРПИМЫ**. Заслуживают некоторой критики методы работы в школе и Тюрк Софии Михайловны (математик). Никакими наглядными пособиями (дидактический материал) все эти учителя не пользуются. Уроки проводят исключительно сухо. Классом владеют не они (учителя), а учащиеся, которые отказываются давать работу на просмотр, предлагают заканчивать уроки, разговаривают на уроках. Пример: математик София Тюрк обращается к ученику Володе Толкач так: «Володя, дай твою работу на просмотр». Ученик Володя отвечает: «Нет, что ее смотреть, буду дальше работать». И так это остается. Во время урока сама София Тюрк сидела на столе у противоположной стены классной доски, не вставая с

места. Учительница Толкачева, работая с первым классом, как уже указано выше, не применяет никаких наглядных пособий, если не считать простых палочек. Причем требует обязательной зарисовки предметов, встречающихся в задачах. Пример: зарисовка моркови. Без разрешения из ее класса учащиеся уходят с уроков. Учительница Горяинова к тому, что уже сказано о ней выше, а именно, что не применяет наглядных пособий, из материала делает винегрет. Ввиду того, что плана урока нет, остается время, так она на этом же уроке идет к изучению металлов и нефти. **ВОПРОСЫ МЕТОДИЧЕСКОГО ПОРЯДКА** как таковые учителями не изучаются. Абсолютно нечего сказать об овладении этими вопросами с точки зрения теории. Учителями такие вопросы, как организация пед. процесса, урок — как форма педпроцесса, проведение открытых уроков и их разбор, поведение учителя в классе и др. не изучаются и не разбираются.

РУССКИЙ ЯЗЫК. Выше уже было сказано, что русского языка как предмета в школе не ведется. Иногда уроки по русскому в старших классах бывают, и их проводит математик ТЮРК. Неграмотность по русскому языку исключительно велика... При этом протаскивается в диктанте такой материал: «Он купил землю за Волгой, вступил во владение ею и начал готовиться к переселению». Грамотность можно просмотреть по прилагаемым к этой записке тетрадям учеников их школы. Рафа Коваленко — первый класс, Маня Кравченко и Оксень Савицкий — третий класс, Борис Андреев — четвертый класс, Шура Шалина — пятый класс. Одновременно можно грамотность сравнить с учащимися НСШ № 24 Кобылкина — третий; Братко Франц — четвертый класс, Климов и Савин — пятый класс. Тетради учащихся проверяются плохо. В проверенных тетрадях есть ошибки. Есть тетради с ошибками с самого начала учебного года. Наряду с записями материала по дисциплинам, почти всеми учащимися, начиная с 3-го класса, ведутся **ДНЕВНИКИ**. Вот несколько выдержек из дневника Мани КРАВЧЕНКО: «... 30 января. Сегодня шла от Тани Чеменевой, мне встретилась девочка советская и сказала мне «ЗДРАВСТВУЙ»... 24 февраля. Сегодня мне было грустно, приехал ЛЕБЕДЕВ, я испугалась... В столовке было собрание. Там пели. Я стояла около Сони Самоленко. Как пели, она плакала, я около нее не могла стоять».

ДРУГИЕ ВОПРОСЫ: — используются учебники царского времени. Так, по математике в действии учебник: БЫЧКОВ, сборник примеров и задач, изд. 1911 г. Из этого учебника — по алгебре — была дана учащимся такая задача²:

$$2x - 4. - 2y - 8$$

Задача эта почему-то была названа задачей на решение с двумя неизвестными. Являясь задачей с тремя неизвестными, она в то же время неопределенна. По сути дела, задача эта граничит с областью высшей математики и решаться в 7 классе не должна, да еще с таким условием.

Учебно-наглядными пособиями школа не обеспечена, если не считать картин по зоологии. Портретов нет. Карт тоже. По физике и химии нет приборов и реактивов.

Отношения между учителями и учащимися (кроме Гюнтера Тюрка), упрощены. Обращаясь, к примеру, к педагогу Софии Тюрк, ученики ее называют Соня — между собой ученики даже на уроке перекликаются так: Володька, Ванька, Манька и т. д.

Внешний вид учащихся — грязь. Волосы косматые, воротники не застегнуты, поясков многие не носят, носовых платков нет. Физкультуры нет. Мальчики сидят с мальчиками, девочки сидят с девочками.

Заведующего школой нет, отсюда, как говорят сами же учителя, они все заведующие. На деле — полнейшая обезличка.

При проверке отдельных вопросов изучения истории, при наличии у историка их школы Гюнтера Тюрка тематики советской школы, в тетради ученика 7 класса МОРГАЧЕВА нашел следующую запись.

«Тема: «Итоги культурного развития XVII—XVIII вв.» Народ все время подчиняется каким-то выдающимся личностям, благодаря чему идет страдание. Жизни нет. И они поняли, что жизнь хорошая не будет благодаря какого-нибудь смелого руководителя».

Сведения о количестве классов, учениках и учителях — первых классов — 1 — 12 чел. Вторых 1 — 17 чел. Третьих 1 — 27 чел. Четвертых 1 — 24. Пятых 1 — 11. Шестых 1 — 8 чел. Седьмых 1 — 9 чел. Всего 108 учеников.

Учителей 7.

Тюрк Софья Михайловна, образование высшее — МГУ, ведет математику, иногда русский язык.



Слева направо: Тюрк Гюнтер, Тюрк Густав

Тюрк Густав Густавович, образование высшее — МГУ, ведет географию и естествознание — немец.

Горяинова Анна Андреевна, образование — царская гимназия, ведет 3 класс (старуха).

Тюрк Гюнтер Густавович, образование среднее — специальное — электротехника, ведет историю. Немец.

Савельева Евгения Петровна, образование высшее — Ленинградский институт, ведет физику и ботанику.

Толкачева Ольга Петровна, образование среднее (кажется мед. техникум), ведет первый класс.

Белоусова Е. Т., образование среднее, ведет 2 класс.

Постановлением президиума горсовета был назначен директор их школы, от которого они отказались, и при посещении им занятий учителя их прекращали.

ВЫВОДЫ

Исходя из всего изложенного, комиссия пришла к следующим выводам:

1. По уставу, имеющемуся в коммуне (произвольному по содержанию), организации труда и распределению доходов коллектив не является коммуной, а каким-то произвольным неуставным сельскохозяйственным коллективом и должен быть переведен на устав сельхозартели или распущен.

2. По своему составу коллектив засорен классово-чуждыми и враждебными Советской власти элементами, систематически проводящими организованный саботаж в выполнении государственных обязательств (мясопоставки, лесозаготовки, дорожное строительство), поэтому необходимо в ближайшее же время провести тщательную проверку всего состава коллектива с точки зрения социальной принадлежности, и все враждебные элементы, прикрывающиеся идеями Толстого, должны быть изъяты.

3. Воспитание детей ведется явно в духе, враждебном Советской власти, и контрреволюционное по существу (записи контрреволюционных стихов в тетрадях учеников, деление советских и наших — дневник Мани Кравченко, игнорирование единых учебников и установленной методики и т. д.), поэтому школу необходимо немедленно закрыть и обязать всех детей посещать единую советскую школу в их же поселке.

Пред. комиссии:

Члены комиссии:

(печать)

Копия верна

ГОРЮНОВА

* * *

Кому Зап. Сиб. крайисполкому.

ВЫПИСКА из протокола № 58

Заседания от 20 октября 1936 г.

П Р Е З И Д И У М А
ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
С О В Е Т О В

СЛУШАЛИ: Жалоба членов толстовской коммуны «Жизнь и Труд» на действия Сталинского горсовета.

(Вн. Секр-том През. ВЦИК.)

Д. № 676/18.

ПОСТАНОВИЛИ: Жалобу членов толстовской коммуны «Жизнь и Труд» — отклонить.

Секретарь ВЦИК
(печать)

А. КИСЕЛЕВ

* * *

Копия

В Сталинский Г.О.Н.К.В.Д.
от Коммуны «Жизнь и Труд» Есаульского с/с
Сталинского р-на З. С. К.

Заявление

В конце апреля с/г³ прибывшим в коммуны Нач. С.П.О. У.Г.Б. Сталинского Г.О.Н.К.В.Д. т. Кузнецовым и Опер. уполн. С.П.О. У.Г.Б. Сталинского Г.О.Н.К.В.Д. т. Ястребчиковым были произведены обыски у членов коммуны Епифанова Е. М., Пащенко Д. И., Мазурина Б. В., Красковского К. Е., Барышевой А. Г., Толкач О. П., Тюрк Г. Г. и Тюрк Г. Г., после чего они были арестованы и отправлены в г. Сталинск. Так как при арестах нам не было объявлено, в чем именно виновны арестованные, мы, члены коммуны «Жизнь и Труд», обращаемся к Вам со следующим заявлением:

Все вышеуказанные лица нам хорошо известны много лет, как последовательные и честные люди, разделяющие мировоззрение А. Н. Толстого, искренне стремящиеся к проведению в жизнь лучших идеалов человечества, к жизни без насилия человека над человеком, без эксплуатации, без классовых, расовых и национальных разделений.

В течение всей совместной жизни они известны нам как люди трудолюбивые, добросовестно выполнявшие возлагавшиеся на них работы и обязанности и никогда и ни при каких обстоятельствах не использовавшие положения выборных лиц в целях личной выгоды и наживы.

Зная, что все важные вопросы нашей жизни всегда обсуждаются и решаются на общих собраниях коммуны, и зная, что взятые товарищи всегда выполняли только эти решения и никогда не действовали самовольно, мы заявляем, что считать

виновными за действия коммуны отдельных ее членов совершенно неверно, и надеюсь, что следственные органы действительно поймут, что за арестованными коммунарами нет никакой вины, и просим освободить их, не препятствуя им вернуться в коммуну и трудиться совместно с нами и всеми трудящимися над устройством жизни без насилия и эксплуатации человека человеком, на основах равенства и братской, товарищеской взаимопомощи.

Члены Коммуны:
(печать)

(подписи)

* * *

Копия
28/IX — 35 года

Товарищу И. В. СТАЛИНУ

Уважаемый Иосиф Виссарионович! Только творившееся насилие на наших глазах над людьми, живущими рядом с нами в Западно-Сибирском крае, Сталинского района Есаульского сельсовета, заставило нас обратиться к Вам как к руководителю коммунистической партии. Мы будем говорить правду о нижепоименованных лицах и творимом над ними насилии: 1-й ДРОГУНОВСКИЙ Яков Дементьевич, больной инвалид, у него малолетняя дочь, 2-й — братья КАТРУХИ Григорий, Федор, Михаил. Семья их: жена Григорья, 2-е малюток детей, мать их старушка 65 лет и сестра 16 лет. Всего — 8 душ; 3-й — Малород Павел Леонтьевич, у него приемная девочка 8 лет; указанные лица, последователи Льва Толстого, в искренности которых сомневаться не приходится, т. к. за них говорит их прошлое, а именно: ДРОГУНОВСКИЙ, МАЛОРОД И КАТРУХА осуждены за отказ от военной службы. Дрогуновский и Малород в царское время — вегетарианцы. В хозяйстве их нет никакого скота и птицы, крайне бедные материально. Занимаются они земледельческим трудом, без помощи животных, т. е. ручным земледелием: копая землю лопатой по несколько сотых гектара (1/100) для пропитания. Но местные работники, стоящие у власти, совершают ужасное насилие над вышеуказанными лицами, а именно: отбирая весь урожай хлеба в течение 2-х лет 1934—35 гг., и мало того, в 1935 г. отобрали у них домашние вещи, постельную принадлежность, белье, обувь, бывшие в употреблении, а также всякий инструмент: столярный. Без вся-

кого стыда и совести забирают все, что попало на глаза усердных работников. Конечно, на них наложат налоги по несколько сот рублей деньгами и хлебозаготовки по несколько десятков пудов, не считаясь с их убеждениями.

Уважаемый Иосиф Виссарионович! Ведь вышеуказанные лица смотрят на государство со своей точки зрения, т. е. не могут принципиально поддерживать государство своим участием. Они — искренние последователи Льва Толстого, а Вам ведь известно, как смотрел Лев Толстой на власть и государство, как на насилие одних людей над другими при помощи закона человеческого.

Так вот, отбирая все до последней тряпки у данных лиц, местные работники власти говорят, что «мы поступаем по закону».

Уважаемый Иосиф Виссарионович! Ведь по закону человеческому царская власть Вас, социалистов и последователей Толстого и всех свободомыслящих людей гнала в ссылки, каторги, дисциплинарные батальоны не сотнями, а десятками тысяч, и масса людей погибла там от непосильного труда, в том числе немало Ваших товарищей. Ведь многие из Вас мучались в ссылках по несколько лет, а иногда десятков лет, но Вы были искренни в своих убеждениях, не боясь ужасных последствий, и смерть не страшила Вас, шли вперед, сознательно указывая угнетенному народу на жестокость царской власти, эксплуататоров, богачей и всех угнетателей рабочего трудового народа.

Так и вышеуказанные люди живут так, как подсказывает им их разум и убеждения, т. е. кормиться личным трудом и не участвовать в делах, противоречащих их убеждениям. Они знают, что власть их за убеждения может наказать, т. е. судить и ссылать или отбирать все имущество. Так и поступили местные работники власти. Забрали все. Но указанные лица переносят лишения и страдания терпеливо.

Уважаемый Иосиф Виссарионович! Ведь что же они могут сделать, когда для их сознания, т. е. разума скорлупа государства разлетелась, как для цыпленка, и обратно не войти же в нее, скорлупу, и другим посадить невозможно, но замучать можно насмерть. Ведь для убежденного человека лучше смерть, чем изменить своим убеждениям. Ведь Вы сами испытали в царское время. Теперь на наших глазах отбирают у данных лиц все: продовольствие, одежду, обувь, белье. Вернее все, что

стояло и лежало. У людей, занимающихся мирным сельскохозяйственным трудом и имеющих свои убеждения мирного, братского и трудолюбивого характера, и за это они, их семьи должны голодать и мерзнуть, а может быть и умереть голодным, разутым и раздетым. Ведь не хватает силы, как назвать эти поступки местных работников власти, проделанные над людьми с детьми и стариками, а также и больными за их убеждения. И теперешние руководители партии и государства сами немало перенесли лишений и страданий. Ведь в учении коммунизма впоследствии государство должно отмереть как пережиток варварства, ради которого уничтожались человеческие жизни, а иногда целые нации (народы).

Вышеприведенные люди по своим искренним убеждениям принципиально не могут отступить от того сознания, которое ясно говорит им их разум. Они стремятся осуществить это сознание в своей личной жизни. Поэтому им необходимо дать свободно трудиться на земле своим личным трудом и не преследовать их. Этим поступком почтим память великого писателя Льва Толстого, т. е. отпразднуем 25 лет со дня его смерти, а обществу не будет лучше, если искренние последователи Льва Толстого будут страдать за свои убеждения мирного характера.

Нам хочется знать, как Вы смотрите на все это.

Просим ответить по адресу: г. Сталинск, Западно-Сибирского края, поч-ящик № 4, коммуна «Жизнь и труд», Моргачеву Д. Е.

С искренним приветом: Моргачев Дмитрий Егорович, Белосов Лукьян, Горяинов Николай, Барбашев Михаил, Драгуновский Иван, Ульянов Николай, Павленко Николай, Горяинова Анна, Монахов Николай, Г. Аненкова, Е. Шетелева.

* * *

В ПРЕЗИДИУМ ВЦИК-а

тов. А. С. Киселеву

с/х. общины-коммуны «Братский труд»

Кожевниковского района ЗапСибКрая

участок Льва Толстого

Заявление

Уже более полгода прошло, как тянется дело общины-коммуны «Братский труд» Кожевниковского р-на З. С. К.

Сущность его, как известно ВЦИК-у, в том, что члены общины заявили о своем стремлении жить и трудиться в коммунальной форме не по принудительным нормам, а добровольно, по сознанию и также добровольно, а не по принуждению, передавать продукты своего труда обществу на мирные, общепользные цели.

Местные государственные органы, как тоже известно ВЦИК-у, не доверились искренности этого стремления, дали ему неверную оценку и применили репрессии, совершенно расстроив хозяйственную жизнь общины, подвергнув аресту и лишению свободы некоторых членов общины и совершенно лишив хлеба и каких-либо жиров (молока) остальных членов общины и даже детей.

Приближается весна. Положение на месте не только не разрешилось, но еще более обострилось.

Люди истощены продолжительным голоданием. Нет хлеба, нет никакого питания, кроме картофеля и овощей. Здоровье надорвано. Среди детей заболевания и были случаи смерти. Теперь есть сведения, что местные органы хотят взять и последний источник питания — картофель.

Кроме того, несмотря на близость весны, нет семян на яровой посев, так как всю пшеницу забрали осенью.

При создавшемся положении вполне очевидно, что община лишена возможности провести необходимые весенние и летние хозяйственные работы, а это неизбежно повлечет за собою окончательную гибель как людей, так и хозяйства, и оставит необсеянными поля.

Нам известно, что ВЦИК не высказался за нашу гибель и не утвердил допущенное местными органами хозяйственное разорение общины.

Однако никакого определенного решения ВЦИК по существу нашего дела все еще не было, положение же на месте еще более обострилось. Дальнейшее промедление по существу вопросов и урегулированию хозяйственной стороны жизни общины, как объяснено выше, будет равносильно для нас смертному приговору, так как весна застает нас с расшатанным здоровьем, без хлеба, семян, с угрозой лишения даже картофеля.

Командированные Президиумом ВЦИК-а осенью 1935 г. для обследования дела на месте тт. Рогов и Агеев установили, что

хотя община-коммуна «Братский труд» отказалась от принятия принудительных планов и заданий, но в то же время фактически не только не понизила свою трудоспособность и товарную производительность, но, наоборот, произвела посевы и выходила урожаем, превышающий государственные нормы.

Этот знаменательный факт ярко свидетельствует теперь ВЦИК-у, что перед ним не шкурники и не спекулянты, но люди вполне искренние, принципиальные, честно выполняющие свои жизненные обязанности.

Добровольная передача труда нашего (т. е. урожая) в общество не осуществилась только потому, что ей помешали местные органы, не понявшие наших стремлений.

Не доверяя, как замечено выше, искренности этих стремлений, давая им неверную оценку, они сами взяли весь урожай и скот, разорили хозяйство общины, отняли, как известно ВЦИК-у, даже домашние вещи и одежду членов, а наши стремления к безгосударственному коммунизму сочли за контрреволюцию, подвергая аресту, суду и тюремному заключению многих членов общины, совершенно произвольно приписывая им несуществующее руководство и присоединяя к нашему делу даже и не членов общины, а посторонних нам лиц.

Мы не можем, конечно, допустить, чтобы и ВЦИК со своей стороны признал самую идею безгосударственного коммунизма контрреволюцией.

Если может быть здесь вопрос, то, конечно, только со стороны искренности наших стремлений к этому делу.

Однако опыт прошедшего года и упомянутые результаты обследования нашего свободного хозяйственного труда достаточно ярко говорят о нашей честности и искренности в стремлениях.

Вот наше предложение:

В СССР даже многих преступников исправляют уже не палкой, а доверием к сознательному и честному выполнению ими своих обязанностей. Эти методы дают лучшие результаты для исправления, чем палочные удары и каторжные цепи царского режима. Почему бы теперь ВЦИК-у не испробовать метод доверия и к нам, людям, сознательно заявляющим о своей готовности выполнить жизненные обязательства к себе и обществу свободным трудом без всяких принудительных норм?

Искренность этих стремлений мы уже подтвердили не только словом, но и делом.

И теперь, кажется, нет оснований думать, что мы обманем это доверие к нашей честности и при свободном труде понизим свою трудоспособность или не передадим на мирные нужды общества то, что мы в силах. В крайнем случае правительство СССР ничем не рискует. Кто мешает в любой момент взять у нас результаты труда и имущество, если это только почему-либо окажется необходимым.

Не испробовать же этого метода доверия и сейчас окончательно толкнуть на гибель мирных людей, уже доказавших жизнью свою искреннюю готовность и способность к высшей форме свободного, коммунистического труда без норм, принуждения и оплаты, — как будто нет оснований.

Лозунг нашей жизни: имея коммунальную форму, трудиться по способностям и брать от жизни по потребностям, не должен быть чужд и тем государственным деятелям, которые ставят это высшей целью своей работы.

Теперь, перед началом весеннего круга работ, когда осталось уже немного времени, чтобы предупредить окончательную и бессмысленную гибель людей и хозяйства, мы ждем, что ВЦИК, понимая сущность наших стремлений и оказав доверие нашей искренности, не откажет нам в возможности свободного, коммунального труда без норм и принуждения, восстановит нормальные условия нашего хозяйства, вернет хлеб, скот и семена, и, отменив применение на месте репрессий, арестов и лишения свободы, предоставит нам возможность осенью свободно передать свой труд обществу на мирные общепользные цели.

Большие подробности по этой практической стороне дела, если будет на это желание Президиума ВЦИК-а, можно представить дополнительно устно или письменно.

Представитель с/х. общины-коммуны «Братский Труд»
С. БУЛЫГИН-СВОБОДНЫЙ

13/III—36 г.

* * *

Председателю крайисполкома
Зап. Сибири т. Ф. П. ГРЯДИНСКОМУ

копии ВЦИКу и Кожевниковскому р-кому
с/х община-коммуна «Братский Труд»
территория Кожевниковского р-на З. С. К.

ЗАЯВЛЕНИЕ-ОТВЕТ

Заслушав доклад своей делегации, посетившей Вас 21-го мая с. г., и обсудив Ваши предложения относительно урегулирования трудовых отношений с/х общины-коммуны «Братский Труд» с окружающим обществом через кооперацию, каковой вопрос возбуждался нашей общиной-коммуной перед ВЦИКом и ЦК Партии в Москве и теперь получил положительное разрешение, — с/х община-коммуна настоящим передает Вам, что она готова приступить к вопросу урегулирования трудовых отношений с обществом через кооперацию на основе тех стремлений, которые были выражены в заявлении общины-коммуны ВЦИКу и ЦК Партии и послужили основой положительного указания Центра по настоящему вопросу.

Сущность этих известных Центру наших стремлений заключается в том, что с/х община-коммуна «Братский Труд» по своим убеждениям сознательно и добровольно желает передавать результаты своего свободного сельскохозяйственного труда, за исключением семфонда и удовлетворения своих насущных потребностей, в общество на мирные общепользные нужды и притом не через государство, а через кооперацию по свободному согласованию с нею.

Причем, принимая во внимание, что большинство окружающего общества состоит из людей трудящихся и трудоспособных, а часть все же является нетрудоспособными и больными, с/хоз. община «Братский Труд» результаты своего труда, т. е. урожай, имеет в виду передавать обществу через кооперацию в порядке братски-коммунального товарообмена — труд за труд, т. е. свою продукцию на продукцию других трудящихся, и часть результатов своего труда считает необходимым передавать в общество через кооперацию *бесплатно* на такие нужды, как содержание больных, нетрудоспособных, устройство сельских дорог, случаи стихийных бедствий и т. п.

По вопросу посевной кампании община-коммуна «Братский Труд» считает необходимым известить Вас, т. Грядинский,

что хотя семенного фонда пшеницы и продуктового хлеба общине до сих пор не вернули, община все же не оставила пустовать землю, но произвела и производит обсеменение полей теми семенами, на которые оказалась возможность, т. е. подсолнухом, горохом, чечевицей, просом, гречихой, льном, маком, рыжиком, а также посадкой картофеля, имея в виду, согласно своих принципов, заявленных ВЦИКу, и эти посевы использовать не базарным и спекулятивным путем, а также, за исключением своих насущных потребностей и семфонда, передать в общество через кооперацию на мирные, общепользные нужды.

Будучи лишены возможности произвести нормальное обсеменение земли пшеницей, мы хотим теперь быть полезными обществу тем, чем мы можем в данных условиях, т. е. своими посевами других масличных, бобовых и технических культур, а также культурой картофеля.

То, что мы, будучи насильственно лишены своего семфонда и продуктового хлеба, все-таки не опустили руки, но в полугодных условиях, без хлеба, обсеяли поля другими культурами на пользу себе и людям, пусть будет Вам, т. Грядинский, Советскому Правительству и партии новым доказательством нашей искренности, нашей неуклонной воли к тому свободному, коммунальному, сознательному труду на благо себе и всего общества, о котором писал В. И. Ленин: «Коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, *не по заранее установленным и указанным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы*, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу по сознательному (перешедшему в привычку) отношению необходимости труда на общую пользу, труд как потребность здорового организма» (В. И. Ленин «Коммунистический субботник» от 11/IV—1920 г.).

Относительно Ваших указаний о том, что есть только один общий для всех закон, которому мы должны подчиниться, мы считаем долгом заявить, что и мы все признаем существование такого единого закона, общеобязательного для всех, и вполне признаем необходимость добровольно подчиниться такому закону, но только нам вполне понятно, что этот общеобязательный для всех закон не есть закон *государства*, а закон жизни свободного общества.

И по Вашим стремлениям, т. е. стремлениям Советского правительства и Партии, государству надлежит отмерить при осуществлении бесклассового общества, которое Вы стремитесь достигнуть уже теперь, а если государству и его закону надлежит отмерить, как же будут жить те люди, которые думают, что неизменный и общеобязательный закон есть закон государства?

Нам вполне ясно, что общеобязательный закон есть закон жизни свободного общества, а не государства, а государственный закон по мысли законодателей имеет целью только довести общество до сознательного исполнения этого закона жизни. Закон жизни говорит, например: «Трудись, не воруй», и государственный закон только подхлестывает тех, кто здесь отстает. Государственный закон бьет вора, бьет лентяя, бьет эксплуататора, но это только для того, чтобы такой человек сам начал исполнять закон жизни здорового общества.

Вот такой закон жизни, т. е. необходимость сознательного, братского, свободного, коммунального труда на пользу себе и обществу, мы все очень чувствуем и понимаем и вполне признаем добровольное подчинение такому общеобязательному неизменному закону жизни.

Какого-то же единого, неизменного государственного закона не существует даже и фактически — он весь разный и относительный по данным условиям. Один закон для жулика, другой — для конокрада, один для артели, другой — для коммуны и т. д.

Нам известно, что теперь готовится изменение даже основного закона СССР, т. е. Конституции, а также сейчас в процессе обсуждения стоит новый, лучший закон об укреплении семьи и помощи многодетным.

Ясно всем, что нет какого-то одного незыблемого, вечного закона государства, которое уже само обречено на смерть, а есть меняющееся отношение государственной власти к различным явлениям в жизни общества, которое и зовется «государственным законом» и имеет целью довести жизнь общества до познания и исполнения действительно неизменного ЗАКОНА ЖИЗНИ. К каждому явлению правительство устанавливает свое отношение, т. е. определяет свой закон.

Наше явление, т. е. явление жизни нашего общества, есть явление *новое*, и мы довели его до сведения Центра, т. е. ЦК Партии и ВЦИК, и к нему Центр еще с 1932 года начал прояв-

лять особое отношение, т. е. особый закон (Пост. ВЦИК от 3/10—32 г.).

Ясно и то, что наше стремление добровольно передавать свой труд в общество не через государство, а через кооперацию есть также явление новое.

Если ВЦИК положительно рассмотрел наше дело и Вашими устами дал нам согласие урегулировать наши трудовые отношения с обществом через кооперацию, а не через государство, как это обычно делается, то значит здесь уже есть *особое положение*, как бы особый закон. На это и просим Вас, т. Грядинский, обратить Ваше внимание и отнестись с доверием к тому *новому*, что хотя и выходит за рамки обычных норм и законодательства, но опирается на сознательное стремление с нашей стороны подчиниться и выполнять общеобязательный закон жизни, закон свободного коммунального труда на пользу себе и обществу (т. е. закон единства в жизни людей).

А потому, т. Грядинский, не понимайте нас так, что мы — противники подчинения общеобязательному закону жизни и хотим оказывать ему какое-то сопротивление, а, наоборот, поймите о нас действительную правду, *что мы как раз и есть те самые люди, которые хотят добровольно подчиниться и выполнить тот самый закон жизни, для которого написаны и все преходящие, временные государственные законы.*

Мы все — противники эксплуатации, противники старого капиталистического мира и сторонники нового — свободного, коммунистического трудового общества. Поэтому мы не можем равнодушно отнестись к Вашему заявлению о том, что среди членов нашего общества есть какие-то контрреволюционеры. Мы строго смотрим за жизнью и поведением членов нашего общества и хорошо знаем, что контрреволюционеров у нас нет. Если же Вам известны какие-либо конкретные факты, порочащие жизнь наших членов и общину, мы настоятельно просим Вас немедленно сообщить их нам, так как считаем, что если бы эти факты действительно были, то нам нужно их знать, а Вам не должно держать их в каком-то секрете и скрывать от нашего общества, всеми силами стремящегося к высшим целям и передовой братски-коммунальной, свободной жизни.

Переданное Вам нашей делегацией наше антимилицаристическое обращение «К ТРУДЯЩИМСЯ ВСЕХ СТРАН МИРА» также свидетельствует Вам и словом, и делом, насколько мы,

борясь за мир и свободу против войны и рабства, далеки по нашим стремлениям от какой-либо реакции или контрреволюции. С уверенностью мы можем заявить, что движение к свободному коммунизму, к которому мы так же, как и вы, в конечном счете стремимся, *есть самое передовое движение, какое только существует во всем мире.*

Так же твердо мы заявляем о наших ранее арестованных и заключенных братьях: **ОНИ НЕВИННЫ.** Их взяли только по недостаточному знакомству с нашим явлением и нашими стремлениями.

Они — не контрреволюционеры, а такие же честные и искренние коммунальные труженики, как и все мы.

Если теперь ВЦИК, хорошо познакомившись с нашей идеей, не поднял на нас меч, не счел нас врагами общества, а решил дело в положительную для нас сторону и предложил Вам даже оказать нам помощь, то ясно, что и отдельных членов нашего общества нельзя обвинять, судить и лишать свободы за то, что они исповедуют общую нам всем идею, не осужденную Центром.

Поэтому мы, считая, что дальнейшее лишение свободы членов нашей общины противоречит отношению Центра к нашей идее, просим Вас, т. Грядинский, провести в жизнь волю ВЦИК и принять необходимые меры к тому, чтобы освободить арестованных и осужденных за нашу идею мирного коммунизма членов нашей общины, так как несправедливо за одно и то же дело одним быть на свободе, а другим в тюрьме да еще на десять лет.

Если Михаил Иванович Калинин предложил Вам оказать нам помощь, то это должно коснуться и наших заключенных.

Сведения о членах нашей общины, находящихся в заключении, прилагаем при сем особо.

К сему члены с/х общины-коммуны «Братский Труд»
(подписи)

2/VI—36 г.

Вот список арестованных и осужденных членов нашей с/х общины-коммуны «Братский Труд»:

1. Добротолубов Иван Харлампиевич
2. Чернетченко Степан Григорьевич
3. Агуреев Федор Михайлович (член особой Иловлинской группы)

Все трое были осуждены нарсудом Кожевниковского р-на 19/V—1935 г. к лишению свободы на два года каждого. Приговор этот был отменен по указанию Центра, а затем всех троих опять осудили на три года, сейчас они находятся в Караганде.

4. Бутылкин-Свободный Гавриил Андреевич

5. Савелиев Филипп Савельевич

Оба осуждены 19/1—36 г. спецколлекгией ЗапСибКрайсуда на 10 лет заключения. Направлены на Дальний Восток, на остров Колыма.

6. Добротолобов Эммануил Харлампиевич

7. Литвиненко Дмитрий Кузьмич

8. Юраков Петр Николаевич

Все трое находятся в заключении в Томске. Кроме того, еще ранее, в конце 1934 года, были арестованы братья:

9. Редько Прокофий Лукич

10. Разов Кузьма Алексеевич

Позднее в январе 1935 г. арестован

11. Суханов Прокофий Васильевич

Все трое осуждены Особым совещанием и находятся в Красноярском крае.



Коммуна «Жизнь и Труд». 1934 г.
Школьный театр. Постановка «Золушки»

**В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ**

Тов. И. В. СТАЛИНУ

Копия: ВЦИК-у

**С. х. общины-коммуны «Братский Труд»
Территория: Кожевниковский район
Запсибкрая, участок Льва Толстого**

ЗАЯВЛЕНИЕ

Пятого января сего года с. х. община-коммуна «Братский Труд», находящаяся на территории Кожевниковского района Запсибкрая (участок Льва Толстого) передала в ЦК Партии и в Коминтерн свою декларацию «К трудящимся всех стран», содержащую воззвание против войны и призыв всех трудящихся мира к проведению нового, свободного строя — мирного, безнасилованного коммунизма.

Декларация эта была послана общиной также в разные страны света.

Интернационал Противников Войны, имеющий центр в Англии, ознакомившись с содержанием нашей декларации, весьма сочувственно отнесся к изложенным в ней принципам. Названный Интернационал решил созвать в июле 1937 года Международную Конференцию, посвятив ее обсуждению и проведению в жизнь принципов, выраженных в нашей декларации, и приложить все усилия к тому, чтобы превратить эту конференцию в Международный «Конгресс Мира и Свободы», отражающий в борьбе с войной наше стремление к миру и новому, свободному коммунистическому строю.

Мы получили приглашение послать и своих представителей на этот Конгресс.

Наше воззвание «К трудящимся всех стран» было переведено Интернационалом Противников Войны на иностранные языки и опубликовано в печати и, кроме того, разослано по всем секциям Интернационала в разные страны.

Сообщаю об этом Вам, тов. Сталин, как Вождю Коммунистической партии, направляющей государственную деятельность СССР, и, ожидая от Вас ответа, позволяю себе в связи с этим привести здесь несколько соображений по настоящему делу.

Конечной целью стремлений Коммунистической партии, согласно заявлений ее вождей — Ваших и В. И. Ленина, — является установление *безгосударственного коммунизма*.

«Социализм есть переход от общества с диктатурой пролетариата к обществу безгосударственному».

СТАЛИН (журн. «Большевик», № 22, 1936)

«Мы ставим себе конечной целью уничтожение государства, т. е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще».

ЛЕНИН («Государство и революция»)

Итак, будущее и с Вашей точки зрения бесспорно принадлежит **БЕЗНАСИЛЬСТВЕННОМУ, БЕЗГОСУДАРСТВЕННОМУ КОММУНИЗМУ**.

Эту важную сторону необходимо особо отметить.

Однако в настоящий момент человечество переживает еще как бы только муки рождения. Оно задыхается в тисках разного рода деспотий, эксплуатации и милитаризма.

Нам нет нужды подробно останавливаться на напряженности переживаемого момента, на фашистском движении, на событиях в Испании, на германо-японском союзе и подобных явлениях.

Все это, так же, как и выросшую как никогда опасность новой мировой войны, Вы, конечно, знаете гораздо лучше нас.

Но в то же время важно, что ни СССР, ни партия **НЕ ХОТЯТ ВОЙНЫ**.

Это общеизвестно и демонстрировалось неоднократно.

И в силу этого и СССР, и Коминтерн дают *положительную* оценку всем движениям, борющимся против войны, включая сюда, как это отметил 7-й Конгресс Коминтерна, и «пацифистские», и «религиозно-демократические» организации.

Однако, поскольку силы, рождающие войну, не случайны, а вызываются глубокими причинами — тем сложным узлом неправильных социальных и экономических отношений, которыми проникнуты современные государственные системы с их колониально-классовой эксплуатацией и подобными основами — совершенно ясно, что все силы, борющиеся против войны, но не несущие в себе нового, лучшего, свободного строя, не могут искоренить войну, а могут в лучшем случае лишь *временно задержать* ее.

Таким образом, вполне очевидно, что для истинного установления мира в человечестве необходима прежде всего замена насильственно-эксплуататорского строя с его колониально-классовой и национально-расовой политикой другим, свободным от насилия и деспотизма строем, действительно отвечающим остро выросшим демократическим требованиям миллионов трудящихся масс.

Это значит — необходим Мировой Переворот.

И ВОТ ТУТ-ТО И ВСТАЕТ ОСНОВНАЯ ДИЛЕММА — ВОЙНЫ НЕ НАДО, А МИРОВОЙ ПЕРЕВОРОТ НЕОБХОДИМ, ИНАЧЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ В МИРЕ МИРА.

Если взглянуть на эту задачу именно в разрезе отрицания войны, то становится достаточно ясно, какую огромную роль при этом должны сыграть те антивоенные движения, которые не только ставят своей задачей борьбу с войной, но *главное стремятся одновременно достичь нового, свободного строя, упраздняющего самые поводы к войне.*

С этой стороны, *далеко не безразлично, какие именно антивоенные течения будут преобладать в мире: отрицающие войну только для сохранения незыблемости старых устоев или те, которые, отрицая войну, в то же время всецело стремятся к проведению в жизнь нового, свободного строя, делающего невозможной войну.*

Ясно, что первые заняты совершенно бесплодным, вернее, вредным делом. Они подобны людям, продолжающим качать насос, но закрывающим выходную струю воды. Задержавшись, она только прорвется потом с большей силой.

Вторые же делают несомненно важное и необходимое дело.

Поистине можно с уверенностью сказать, что международный антимиитаризм, поднявшийся от лица всех, пробудившихся от деспотии и жаждущих свободы многомиллионных трудовых масс, есть самый страшный меч против надвигающегося чудовища войны.

Война станет невозможной, когда трудящиеся мира поймут свое единство и свои действительные интересы.

И вот именно к этой великой цели и направлены теперь, перед лицом растущей опасности войны, все стремления нашей общины-коммуны «Братский Труд» в том антимиитаристическом движении мирного коммунизма, которое мы изложили в

своей декларации «К трудящимся всех стран» и внесли в мировую жизнь, дав вместе с тем свое предложение созвать для укрепления этого движения и борьбы с войной Международный «Конгресс Мира и Свободы».

Дело это увенчалось успехом.

Как замечено выше, Интернационал Противников Войны, имеющий свои отделения во многих странах мира и ныне объединяющий то антивоенное движение, которое особенно широко развито среди сотен тысяч студентов и населения Америки (о чем сочувственно сообщали «Известия») — принял это предложение и наметил созыв такого, желательного нам «Конгресса Мира и Свободы» в июле 1937 г.

Однако сила и значение этого дела, конечно, и не в нашей коммуне, и не в Интернационале, а в самой идее свободы и мира, полностью отвечающей интересам народных масс, — в том отвращении к войне и рабству и острой жажде подлинного освобождения и мирного труда, которые так быстро растут теперь среди трудящихся миллионов, несмотря на все усилия и безумные приготовления к войне их поработителей.

Настоящим заявлением мы, конечно, вовсе не хотим делать каких-то противоположений или сопоставлений революционно-насильственных и безнасильственных, мирных способов.

Мы говорим здесь прежде всего только о фактической и практической сторонах дела.

Факт тот, что война нежелательна, и что, кроме революционных, в мире есть еще огромные *мирные* антивоенные движения, а среди них есть те, которые не менее революционных стремятся, хотя и мирным путем, но к новому, свободному строю.

Мы принадлежим к их числу.

И весь вопрос сводится к тому, какое же отношение теперь будет правильное со стороны Вас — людей, временно допускающих революционно-насильственные методы: то ли которое безразлично отнесется к тому, чтобы в мире господствовали фальшивые движения против войны, за спиной которых под словом «мир» только скрывается стремление укрепить и удержать старые устои, или то, которое перед буржуазным пацифизмом отдаст явное предпочтение развитию международного демократического антимиитаризма, который, как это имеется

в нашем случае, отрицая войну, в то же время отрицает и старый мир и стремится мирными, но радикальными путями к замене старого, насильственно-эксплуататорского строя — новым, свободным строем безнасильственного коммунизма?

В этом весь вопрос.

Нам кажется, что положительная сторона дела здесь ясна.

Важность работы над заменой буржуазного пацифизма радикальным демократическим антимилитаризмом — очевидна.

Еще в 1924 г., когда делегация мирных антимилитаристов, посетившая Вас, спросила Вас, тов. Сталин, как оцениваете Вы роль мирных методов борьбы с войной, Вы ответили нам, насколько я помню, почти дословно следующее:

«Признаю, что при всяком перевороте решающее значение имеет не меньшая часть населения, взявшаяся за оружие, а вся его остальная масса, которая своим содействием или противодействием решает дело».

И если это положение безусловно верно при всяком перевороте, то тем более оно вскрывает всю эту огромную роль, которую должно иметь радикальное антимилитаристическое движение мирного, свободного коммунизма в процессе назревающего теперь **МИРОВОГО ПЕРЕВОРОТА** и достижения во всем человечестве нового, свободного строя путем, не связанным с войной.

И вот этой работой мы и заняты.

Принимая во внимание все изложенные выше положительные стороны этой работы и ее серьезное значение в мировой жизни, мы надеемся, что Партия и Правительство СССР не будут оказывать нам препятствий и в нашей дальнейшей работе как по развитию и укреплению поднятого движения международного демократического антимилитаризма и мирного коммунизма, так и в подготовке созыва упомянутого Международного «Конгресса Мира и Свободы»; а также и к выезду на этот Конгресс представителей нашей общины-коммуны «Братский Труд».

При сем прилагаем копию нашего письма к секретарю Интернационала Противников Войны Р. Броуну относительно созыва намеченного «Конгресса Мира и Свободы».

О Вашем отношении к изложенному в настоящем заявлении, а также о практических сторонах вопроса выезда наших

представителей на названный Конгресс просим сообщить нам по адресу: Москва, 5. Лефортовский пер., д. № 7/а. Представителю с/х общины-коммуны «Братский Труд» С. М. Булыгину-Свободному.

Представитель названной общины-коммуны

С. БУЛЫГИН-СВОБОДНЫЙ

Москва

24 ноября 1936 г.

* * *

В Президиум ВЦИКа

т. М. И. Калинин

с/х община-коммуна «Братский Труд»,
находящаяся на территории Кожевниковского
района Зап. Сиб. Края, участок Льва Толстого

Уважаемый Михаил Иванович!

Мы хотим сообщить Вам, как проходит возврат имущества по известному Вам делу с/х общины-коммуны «Братский Труд».

В мае сего года мы уже писали и телеграфировали Вам в Президиум ВЦИК о том, как проходит у нас вопрос с возвратом семфонда и продуктового хлеба.

И в Крайисполкоме, и в РИКе в итоге наших переговоров нам отказали в возвращении взятого у нас осенью 1935 г. семфонда, также не выдали и продуктового хлеба, в котором мы нуждались, и всю зиму, как Вам известно, мы прожили почти на одном картофеле.

Госсуду мы, имея свой семфонд (хотя и увезенный от нас сельсоветом) и стремясь не основывать свою жизнь на государственном начале, не сочли возможным взять.

Чтобы не оставить приготовленные поля пустовать, мы, как уже писали Вам, произвели обсеменение полей теми семенами, которые у нас оказались, т. е. подсолнухом, маком, горохом, просом, гречихой и т. п. с тем, чтобы осенью полученный урожай с этих культур передать в общество через кооперацию на мирные и общепользные нужды общества.

По вопросам практики и подробностям предстоящей передачи нашего урожая обществу через кооперацию мы пишем Вам, Михаил Иванович, в особом заявлении.

Ввиду того, что окончательный отказ в возврате нам семян пшеницы выяснился не сразу, это все же отразилось на своевременности посевов на приготовленных под пшеницу полях других культур.

В частности, получились не совсем удачные всходы мака и проса, т. к. приготовленная под пшеницу земля в ожидании сева все же несколько подзасохла.

Сеять нам пришлось в тяжелых полуголодных условиях, питаюсь одним картофелем.

Так как картофеля при отсутствии хлеба идет на еду гораздо больше, чем при питании с хлебом, а в окружающем населении ощущалась нужда в семенном картофеле, то у нас явилась мысль заменить свой картофель в кооперации или колхозах на хлеб, а им (колхозам) дать семенной картофель.

Об этой мысли мы сообщили Пред. РИКа Борису, после согласования с которым некоторые колхозы произвели с нами обмен хлеба на наш картофель.

Таким образом, уже после сева мы получили таким путем много хлеба и смогли несколько улучшить свое питание.

С детским питанием у нас и до сих пор плохо: несмотря на давнишнее и многократное обещание Края, РИКа и сельсовета вернуть нам пять из взятых 16 коров (не считая 2 быков и 2 телок) до сего времени вернули на все 4 группы (несколько сот человек) только 2 коровы (бык, взятый у нас, находится и сейчас в соседней деревне Н.-Сергеевке, а 2 коровы наши в Кожевниках).

Дети же по-прежнему остаются без нормальной пищи.

Почему обещания остались здесь, вопреки решительным указаниям ВЦИК, только обещаниями, а не переходят в жизнь, — нам непонятно.

Но дети по-прежнему остаются без молока.

Также не подвигается дело с возвратом нам лошадей.

Несмотря на личное обещание, данное нашей делегации т. Грядинским еще 21 мая с. г., что дело это будет улажено, лошадей этих до сего времени не возвращают, хотя мы остро чувствуем недостаток в конской силе.

Не лучше обстоит дело и с возвратом отобранных домашних вещей. Еще весной нам объяснили, что нам должны вернуть имущество на сумму свыше 5 000 руб. Причем тогда же весной нам передали несколько пар разных туфель, несколько головных платков, немного мануфактуры и т. п. на общую сумму около 1 300 руб. (список вещей прилагаем).

Остальное обещали вернуть вскорости. Но вот прошло уже почти все лето и обещание это все же не приводится в исполнение.

Также не движается дело с возвратом пчел (12-ти ульев), хотя об этом говорил и т. Грядинский и пред. РИКа Борисов.

В чем тут дело и кто и как тормозит здесь предложенный Центром возврат, нам непонятно.

Видно, только, что дело вперед дальше обещаний не идет.

Однако нам все же хочется сказать Вам, уважаемый Михаил Иванович, что такое пренебрежение местных органов к Вашим указаниям нас весьма удивляет.

Кроме того, хочется передать Вам еще и следующие соображения.

Вам известны наши стремления жить и трудиться не только для себя, но и на удовлетворение мирных потребностей всего общества трудящихся.

Мы приветствуем оказанное Вами доверие к искренности нашего свободного коммунального труда.

Но невольно у нас встает вопрос: кому и какая теперь польза от того, что нас — земледельцев-коммунаров — лишили весной семян пшеницы и через это лишили возможности обсеменить пшеницей приготовленные поля?

Мы искренно трудились и хотим трудиться и для себя, и для нужд общества в таком важном и полезном для всех деле, как посевы хлеба, и вот нас все же лишили возможности посеять пшеницу на благо себе и людям.

Правда, мы посеяли на приготовленной земле другие культуры и не дали земле пустовать.

Но еще трудно сказать, как удадутся эти посевы.

Подсолнухи, мак, гречиха могут пострадать от летних и осенних морозов и не вызреть.

А с пшеницей дело было бы здесь верное.

И мы хотим сказать, что если наша жизнь и труд достойны доверия в Ваших глазах, то почему бы РИКу все же не вернуть нам отобранный у нас пшеничный семфонд, чтобы хоть не на этот, так на будущий год мы могли бы приложить свой труд в этом для всех полезном и нужном деле?

Земля здесь неплохо родит пшеницу, зачем же ей пусто-вать и пропадать нашему желанию приложить свой труд к этому важному и общепользному делу?

Так смотрим мы на этот вопрос и нам трудно усвоить смысл того явления, когда трудящихся земледельцев-коммуна-ров лишают их природного семфонда.

Хотелось бы получить и от Вас ясность и по этому вопросу и по вопросу возврата ранее упомянутого имущества.

Наши же желания неизменны: трудиться насколько хватает наших сил и возможностей, т. е. по нашим способностям удов-летворять мирные потребности свои и всего трудящегося об-щества.

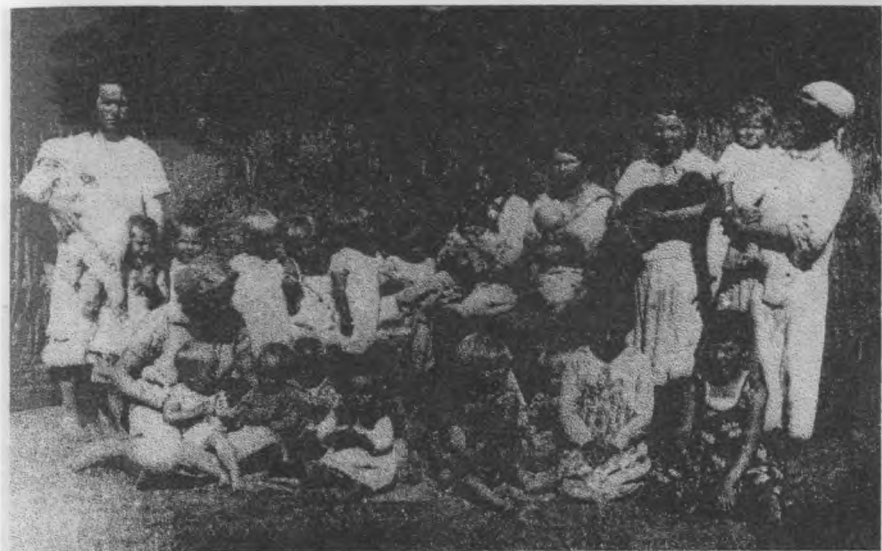
Члены с/х общины-коммуны «Братский Труд»

подписи

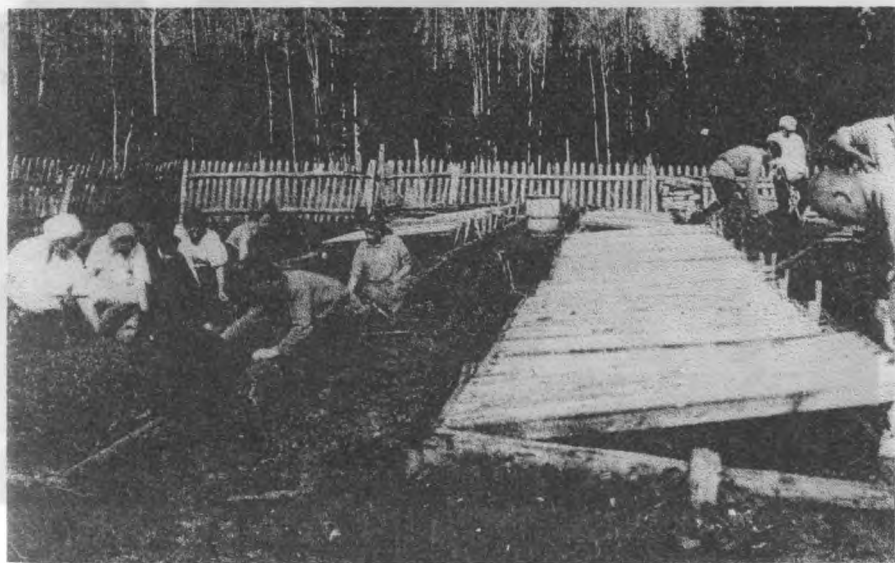
20/VII 36 г.



Работа на вейлке. Коммуна «Жизнь и Труд». 1934 г.



Детский сад коммуны «Жизнь и Труд». 1934 г.



Работа на парниках. Коммуна «Жизнь и Труд». 1934 г.



Семья И. И. Горбунова-Посадова



Слева направо:

первый ряд: Янов В. В., Чертков В. Г.; второй ряд: Алексеев А. А.



Семья Мазурина Б. В. 4. III. 1928 г.



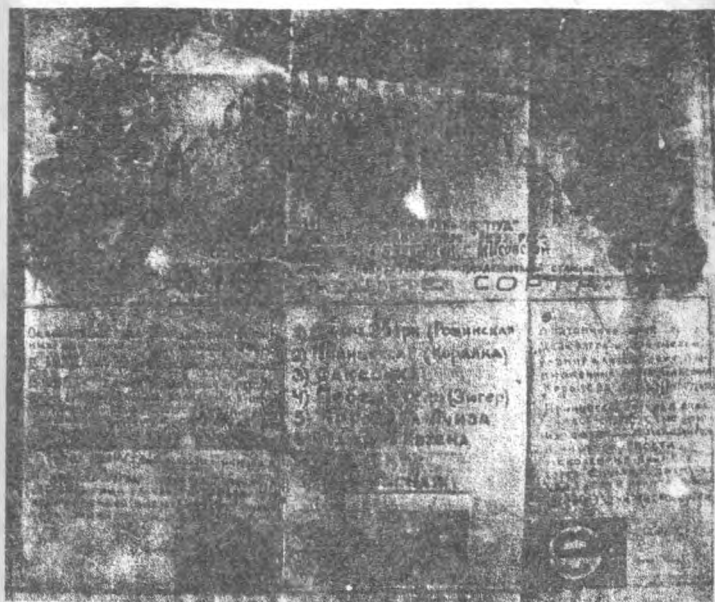
Учителя коммунарской школы. 1934 г. Слева направо:
первый ряд: Тюрк Гюнтер, Малород А. С., Горяинова А. А., Гуляев И. В.;
второй ряд: Толкач О. П., Савельева Е. П., Тюрк С. М., Тюрк Густав.



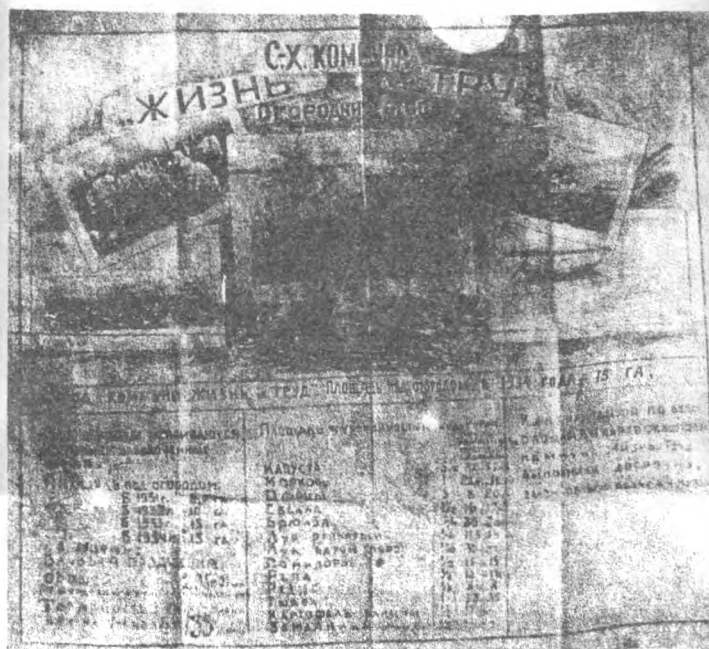
С. Тальжино, 1932 г. Слева направо:
Тюрк Густав Густавович, Тюрк Густав Адольфович, Тюрк Гюнтер Густавович.



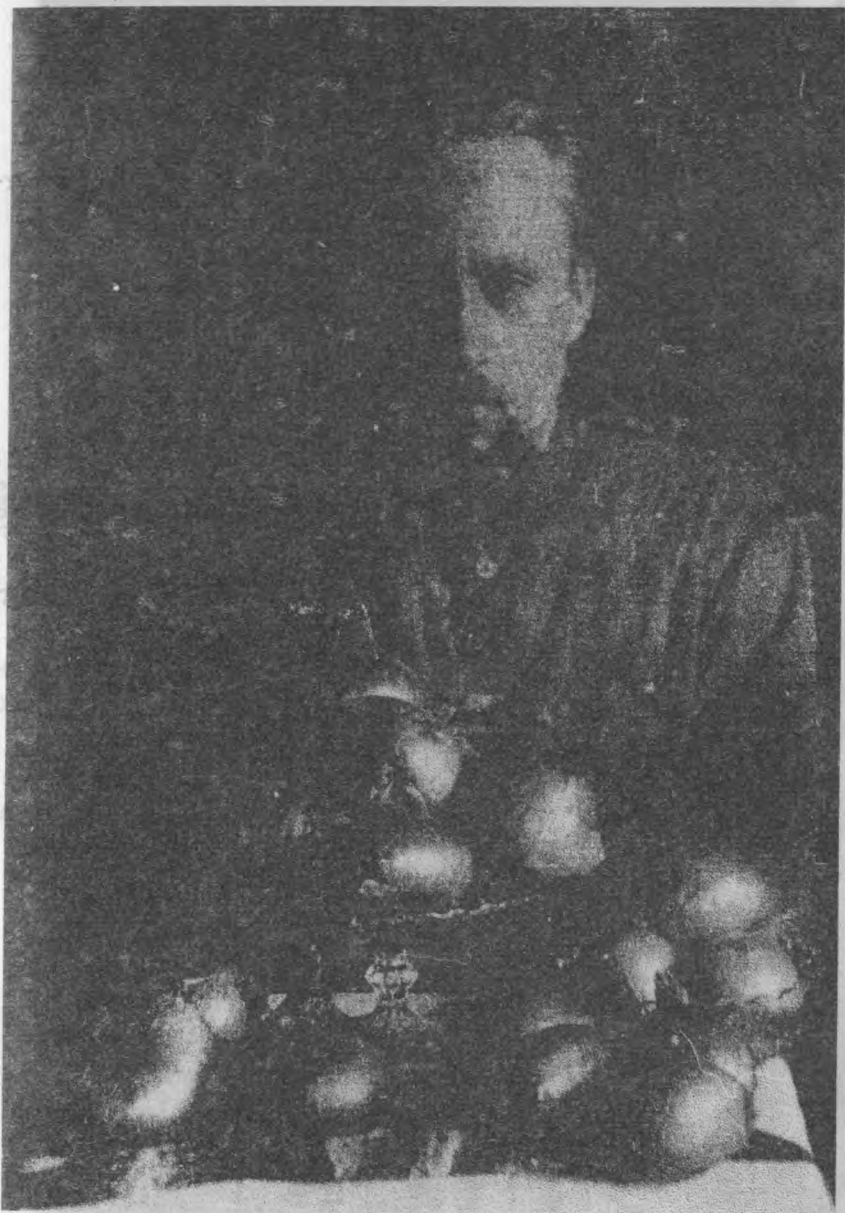
Добролюбов Иоанн
(псевдоним Жадаева Василия Харламовича, 1898—1941).
Коммуна «Всемирное Братство». 1934 г.
Пос. Толстовский, Кожевниковский район.



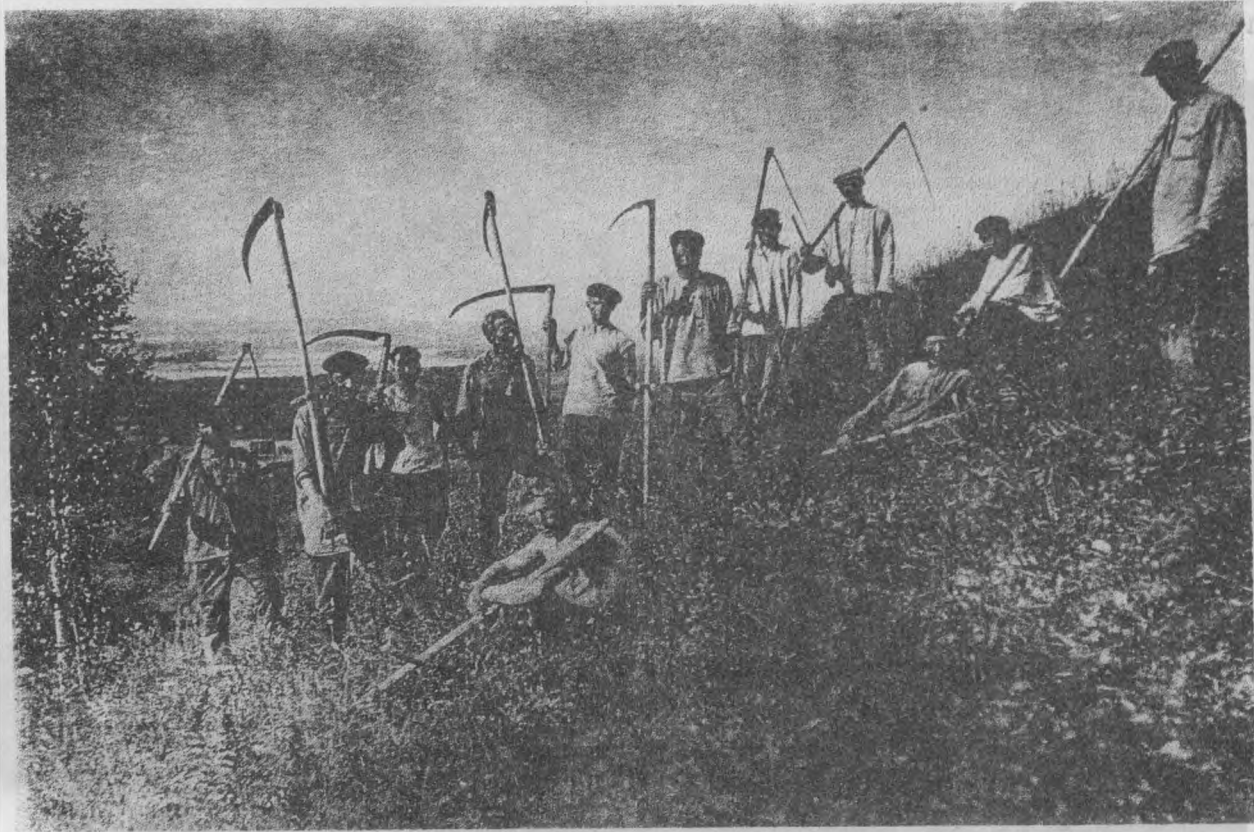
Стенд-таблица «Крупноплодная садовая земляника (клубника)»



Стенд-таблица «Огородничество»



Ответственный за выращивание лука в коммуне «Жизнь и Труд»
Алексеев Сергей Александрович



Косари. С. Тальжино. 1932 г.



Молотьба. С. Тальжино. Осень 1932 г.



Малород А. С. с учениками



Совет коммуны «Жизнь и Труд»

Слева направо: Кирин В. (расстрелян), Бормотов В. (расстрелян), Моргачев Д., Блинов С., Слабинский Н., Иванов Е., Наливайко А. (расстрелян), Шипилов А., Горяинов Н. (расстрелян)

Уважаемый Александр Ильич!

...Я не буду здесь говорить о всей Вашей книге, а остановлюсь на том, что мне ближе и знакомее — главе «Заметки о толстовцах». Про эти заметки никак нельзя сказать, что они написаны «добрым пером». Здесь явно сквозит желание дискредитировать в глазах читателей последователей учения Л. Толстого, да и самого Толстого. Научный исследователь здесь куда-то уходит, а автор показывает свои коготочки, раньше спрятанные в мягких лапках. Буду делать свои замечания в том порядке, как они появлялись по мере чтения Вашей статьи.

«Коммуны» — почему-то в кавычках. Это были сельскохозяйственные объединения с уставом коммун и артелей, зарегистрированным в земельных органах, так что даже для Вас это были коммуны без кавычек.

...В 1932 г. в Сибири в полном расцвете творческих сил жила большая коммуна (даже несколько) единомышленников Толстого, социальный состав которой был бедняки, середняки и вовсе безземельные, устав ее был зарегистрирован в земельных органах. Коммуна жила открыто, и если бы Вас действительно интересовали научные исследования жизни последователей Толстого, то лучшего случая Вам не надо бы и искать. Надо было бы посетить, посмотреть, побеседовать с живыми людьми, постараться их понять. Это не было сделано. Теперь этих людей нет и коммуны нет...

...Вы пишете как нечто не подлежащее сомнению, что толстовцы превратили в догму идеи социальной пассивности, «непротивления злу», «нравственного совершенствования» и т. д. И еще, что Толстой высказывался против объединения своих единомышленников в секту. Совершенно верно, Толстой был против секты, но и мы, его последователи, никогда не создавали никакой секты. Если нас называют толстовцами, а иногда и мы сами говорили так, то это вовсе не значит, что мы — секта, что мы скованы какими-то догматами. Мы руководствуемся не догмами, а разумом. Наше понимание жизни совпадает с пониманием Толстого, мы — его единомышленники, а как же рад был Толстой, встречая на пути единомышленника, как дорожил им; и мы дорожили друг другом, но мы — не секта и не партия.

Обвинять Толстого в социальной пассивности могут только люди, не имеющие представления о Толстом или желающие его

опорочить. Вряд ли в 19-м и начале 20-го века был в мире человек, так громко, так активно, так бесстрашно откликавшийся на все большие вопросы своего народа, да и всего мира, как Толстой. Распространяться об этом не буду: это достаточно отметил Ленин в своих статьях о Толстом. Да и каждый, познакомившийся с писаниями Толстого, поймет это сам.

Может быть, под социальной пассивностью Вы понимаете то, что Толстой отрицал политическую борьбу и не принял насильственную революцию? Да, Толстой не соглашался с такой революцией, но, во всяком случае, не потому, что он не желал блага рабочему народу, все его симпатии были на стороне трудящихся, а потому, что знал, что путь насилия не даст народу то, что ему нужно. Он считал насилие недейственным, не достигающим цели в борьбе за правду и свободу и, главное, противным человеческому достоинству.

...Когда шла первая мировая война 1914—1918 годов, война преступная, не нужная народу, миллионы людей всех наций с плачем, проклятьями, но подчинялись своим ничтожным, диким правителям и шли убивать друг друга, и социалисты в том числе, это что, была социальная активность? А в то время во всех странах были люди — единицы, сотни, тысячи, которые имели мужество открыто, не боясь смерти, сказать в лицо могущественным властителям: «Война нам не нужна, мы не пойдём!» Как по-Вашему, Александр Ильич, эти люди были социально пассивны? Но если бы все люди проявили такую «пассивность», войны могло бы не быть. Когда в 1914 г. единомышленники Толстого открыто выступили с воззванием против войны, это тоже была социальная пассивность? А когда весной 1931 г. сотни единомышленников Толстого снимались с насиженных веками мест с семьями, с малыми детьми, ехали почти без средств в необжитые места Сибири, под открытое небо с одной целью осуществить трудовую жизнь коммуной без «твое» и «мое», на основе взаимной помощи, равенства, без насилия — это тоже социальная пассивность? А если целая огромная страна Индия, не беря оружия в руки, смогла свергнуть многовековой гнет сильнейшей империалистической державы, это тоже социальная пассивность?

И вообще-то говоря, такие понятия, как социальная активность, наука, прогресс, техника, труд даже, еще ничего не говорят, если к ним не добавлено, в какую сторону они направлены — на благо людей или во вред.

Теперь о пресловутом непротивлении... Этим Толстой выражал свой протест, возмущение царствовавшим принципом насилия. Насилие положено в основу общественной жизни людей. Насилием одни люди заставляют других работать на себя. Насилием родители «воспитывают» детей и т. д.; и так это въелось в сознание людей, что когда человек говорит простую и ясную истину о том, что людям, если они считают себя разумными существами, надо отказаться от насилия во всей своей жизни, надо положить в основу уважение к каждому человеку, разум, свободу, а не кулак, то это кажется дико. Под непротивлением надо понимать не какой-то догмат, а такое духовное состояние человека, его сознания, когда он считает для себя невозможным применять к людям кулак и убийство. Ганди называл это — ненасилие. Насилие в настоящее время еще держится, но уже полностью дискредитировано. Ничего оно не достигает на пути людей к более нравственной, справедливой жизни...

16 февраля 1978 г.

Б. МАЗУРИН

ПРИМЕЧАНИЯ

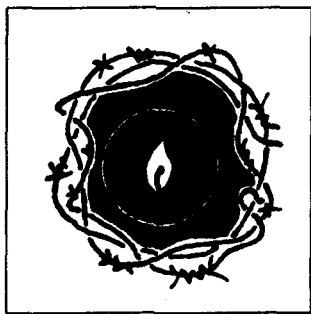
¹ Переписка о толстовских коммунах, — ф. 47, оп. 3а, д. 25.

² Так в тексте.

³ 1936 год.

⁴ А. И. Клибанов — историк, автор книги «Из мира религиозного сектанства. Встречи. Беседы. Наблюдения». М.: Политиздат, 1974; и др.

ВОСПОМИНАНИЯ



СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ РАССКАЗ О СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЯХ

Повесть посвящена событиям 1951 года, получившим широкую известность как в урало-сибирских старообрядческих поселениях, так и среди населения сталинских лагерей. По лагерным преданиям они были описаны А. И. Солженицыным¹. Нам стало впервые известно о них в 1965 г. в Москве со слов охотоведа, ставшего свидетелем этих событий. Позднее в археографических экспедициях мне довелось беседовать с одним из крестьян, арестованных во время этих репрессий. Недавно современный старообрядческий писатель Афанасий Герасимов, также пострадавший в 1951 г., доставил мне издаваемый текст, а также записал по моей просьбе собственные воспоминания об этих событиях.

В конце издаваемого текста традиционной древнерусской тайнописью, «цифровой литореей», зашифровано имя автора. Тайнопись расшифровывается: «Иерон». Это имя сибирского крестьянина Иерона Алексеевича Потанина, ныне покойного, также арестованного во время репрессий 1951 г., но сумевшего совершить побег.

Рассказ Иерона включен в состав первого тома обширнейшего трехтомного произведения, имеющего самоназвание: «История о отцах и пустынножителех, в последнее гонительное

время подвизавшихся в северных краях Руския земли, в пределах Уральской и Сибирской пустыни». На л. 2 об. приведена дата создания этого произведения: «в лето 7471» (1962/1963). Однако это лишь датировка одной из редакций сочинения. Протограф его был создан еще до событий 1951 г., а последние описанные в томе события относятся к концу 1970 — началу 1980 гг.: сочинение продолжало дополняться.

Первый том посвящен подвигам пустынножителей часоленного согласия старообрядцев, второй — жизнеописаниям пустынножителей. Третий том включает описание различных «чудесных событий». Рассказ Иерона Алексеевича, законченный 1 марта 1958 г., составляет 38-ю главу 1-го тома (лл. 90—103 об.).

Трехтомная рукопись является своеобразным патериком пустынножителей Урала и Сибири. Пустынножители, составлявшие его, не скрывают, что образцом для них были древние византийские патерики: Египетский (Лимонис) и Азбучный. Несомненно, что они учитывали и традицию старообрядческих писателей Выговского центра и, прежде всего, сочинения Семена Денисова «Виноград Российский» и «История о отцех и страдальцех соловецких». Подобно патерикам и «Винограду», «Урало-Сибирский патерик» строится из отдельных глав, каждая из которых посвящена одному пустынножителю или примечательному случаю, происшедшему с ним. Но есть и исключения из этого правила. Рассказ Иерона — одно из них.

В центре внимания авторов первого тома находится история наиболее известной и значительной из монашеских общин часоленных — Уральского скита, которым в XVIII в. руководили отец Иов и холоп Максим. Укрываясь от властей, скит этот в XVIII—XX вв. неоднократно менял свое местоположение. И каждый раз пустынножители осваивали все более глухие места, зачастую являясь там пионерами земледельческой культуры. Чтобы не привлекать внимания, община пустынножителей не раз разбивалась на несколько самостоятельных частей, и пути дальнейших миграций каждой из них могли быть очень различными. Но в главном ядре общины (а подчас и в некоторых периферийных ее частях) столетиями сохранялась традиция создания собственной письменной истории. Нам довелось впервые столкнуться с этой традицией в середине 1960-х гг., когда были начаты полевые исследования новосибирских археографов. В 1966 г. на юге Западной Сибири, в одном из дочерних скитов этой общины, руководимой отцом Палладием, нами был

обнаружен и затем введен в научный оборот рукописный сборник, содержащий главное историческое сочинение часовенных. Это было «Родословие часовенного согласия», созданное в 1887 г. на Урале тогдашним главой скита отцом Нифонтом на базе исторических и других сочинений общины XVIII в.² Урало-Сибирский патерик использует Родословие наряду с многими другими источниками. Среди них сочинения писателей XVIII в. Мирона Галанина, холопа Максима, произведения уральских краеведов XIX — начала XX вв., многочисленные послания и другие сочинения XIX—XX вв., в подавляющем большинстве своем ранее науке не известные. Использованы также дополнения для Родословия, сделанные преемниками отца Нифонта по руководству общиной отцами Саввой и Симеоном. Последний был руководителем общины во время ее разгрома в 1951 г. Патерик, подобно древнерусским житиям святых, часто ссылается на устные рассказы свидетелей описываемых событий. Главное ядро общины Нифонта перебралось с Урала в Сибирь, на реку Чулым еще в 1892 г. Когда в 1917 г. началось «смещение», часть пустынников перебралась в более глухие места Кольванской тайги, а часть уехала на Дальний Восток. Отец Симеон, ставший в 1928 г. вместе с отцом Миной во главе первой из этих частей, вскоре понял необходимость срочной миграции в еще более недоступные места. 3 марта 1929 г. отец Симеон закончил свою редакцию сочинения о конце света, начатого еще отцом Саввой. Достоинно удивления, с какой точностью крестьянский писатель, комментируя древнехристианские и древнерусские произведения о «последних временах», определяет основное содержание казарменного социализма «года великого перелома»: «все брашно (продовольствие. — Н. П.) уже находится так назвать под государственным контролем, и все источники производства продуктов частно запретили, да разве далеко стало, что на торжищи не купиш и не продаш».

21 мая 1936 г. община начала труднейшее переселение на восток, в бассейн Енисея. Оно заняло 4 года и проходило в 4 этапа, каждый по несколько сотен километров. В пути старательно обходили населенные места, избегая встречи с отрядами НКВД, которые разыскивали беглых зэков. Двое пустынников погибли в пути от голода.

На новом месте разбились на несколько скитов, постепенно вблизи поселилось несколько десятков крестьян-единолич-

ников, убежавших от коллективизации. Связи с внешним миром поспешили прервать, лишь изредка, как это было описано А. И. Солженицыным и подтверждено мне моими собеседниками, специально выделенный представитель монашеской общины обменивал на одном из сибирских рынков пушнину на необходимые охотничьи припасы.

Где-то осенью 1950 г. пустынные были обнаружены с самолета, а весной 1951 г., как это описано Иероном, был прислан отряд карателей, который сжег все скиты, крестьянские заимки и арестовал их обитателей. По рассказам очевидцев, в скитах погибли тогда около полутысячи древних книг. Рукопись «Урало-Сибирского патерика» чудом уцелела: скитские жители, согнанные в холодный амбар, сумели закопать ее там под землю; когда все постройки скита были сожжены, огонь лишь слегка опалил листы закопанной рукописи. Позднее она была найдена и переписана.

5 мая 1951 г. 19 мужчин и 41 женщина, захваченные карателями, были вывезены на плотках в «народное место», по дороге с плотов удалось бежать 2-м мужчинам и 4-м женщинам; по бежавшим стреляли из автоматов. Позднее доарестовали еще 14 человек крестьян, затем еще девятерых. Следствие в Красноярске велось немногим более года. По сведениям Иерона, по делу проходило 33 человека, осужденных на разные сроки от 10 до 25 лет. Они содержались в разных лагерях, по нашим сведениям — в Тайшете, на реке Чуне в Иркутской области, в Кожвинском районе Коми АССР; А. И. Солженицын называет Степлаг. Многие старообрядцы-часовенные держали в заключении голодовку, не признавая казенной пищи. В лагерях умерли отец Симеон и мать Маргарита. Остальные были освобождены в декабре 1954 г. Вскоре скитская община была возобновлена на новом месте.

Текст сочинения Иерона Алексеевича о событиях 1951 г. передается нами без изменений и сокращений, лишь в начале этого рассказа опущены две страницы, повествующие о проблемах преемственности руководства общиной после смерти отца Саввы. По просьбе некоторых из арестованных в 1951 г. все географические названия даются в сокращении.

Н. Н. Покровский

В начале в пределах реки Д... и его притоков в 7447 (1938/39) году первым исследователем и основателем сих мест бысть [...] отец Антоний с некими из братии, где последи множество населишася обоего пола старцев и стариц и неких из христиан, под покровительством и управлением отца Симеона до разорения обителей безбожными властью. Егда в пределах К... выше означенной местности временно проживающим старцем и старицам далее невозможно было пребывать, ввиду притеснения от властей умножения ради стекающагося народа, аще и поткнуша себе кущи для временнаго пребывания. Но егда обретеса место в притоках Д..., тогда подвигошася на переселение в сии места, аще и не во едино время вси, ввиду скуднаго питания сей малоплодной местности, более других холодной северный край, оставляху свои колибы и переселяхуся в сию малоплодную холодную страну, отдаленную большим расстоянием от мира, в глубокую тайгу, не боящеся глада и смерти, носяще крест пресладкого Исуса. Преселяхуся водным путем весной по открытию воды. В 7448-м году преселися в сии места отец Симеон с некими из братии и нецыи из стариц [...]

Тако же [...] пребыша мирно до наступления весны 7459 года, до опустошения и разорения и обителей сожжения безбожными суровыми безчеловечными властью. Аще и прежде сего с воздуха многое время назираху, а в сие время по земли шествующе явишася послании отряд безбожных варвар, со оружием и палицами, аки на разбойников, жаждуще во един бы час пожрети и истребити всех, но не имеху на се позволения, и невозможно было им всех скоро яти, яко разсеяни бяху, жилищам сокровенным по разным местам укрывающися и стези не имуще к жительству своему, яко мнозех без вожатых невозможно бе обрести. Егда же Божиим попусшением придоша до близу живущих стариц, бывших во известии от них на речке М. Т..., на пути елико кого обретаху мирян, возмогающих пленяюще, сих емляху с собою в путь, везуще с собою оружие и продукты питания; всех плененых впрягаху аки скота, хотяща и не хотяща, нудяху шествовати с ними, везуще сим потребная и стезю показующе, преди текуще на лыжах, яко зима бе, и уже к концу приходяше. Сии вельми спешно идуще, в малые дни великое расстояние пути придоша, не чуюху усталости, Богу вмале попустившу пострадати, а врагу сих вооружившу с великим тщанием и скоростью текуще на разорение стада Христова словесных овец.

В ночь на 23 марта 7459 года в среду 4-я недели святого и великаго поста неожиданно явися християноненавистный полк безбожных варвар к [...] смиренным старицам, многим уже почи-вающим, яко ночь бе. Сии варвари по указанию своего предводителя во вся проходы раступишася и окружиша, но никто же бе сопротивляся или бежа куда, но вси смирено пребываху во ужасе от незапнаго нашествия дикообразных во множестве варвар, не смеюще рещи какова-либо слова, мало последи несколько придоша в чувство, начаша глаголати. По первому требованию от старших отряда было дать им пищи, накормить всех пришедших близ 40-ти человек. Сие сотвориша смиреннии старицы, всех накормиша и напоиша. А место для отдыха они, зверонравнии богохульницы, избраша часовню, где по прибытии сразу же сия красоту обнажиша, святыя книги и иконы попираху и сожигаху; аще и не вси первее, но егда по отъезде вся сожгоша, келии и книги и иконы — разве аще негде Божиим благоволением ошаша или сокровени быша негде. Зде явная мерзость запустения творяшеся от них на месте святе, скверными своими руками всю святыню истребляюще, богохульными словесы и скверными неизглаголанними сквернословии насмехающеся и табачным дымом всюду обдыхающе, аки пси ненасытнии сего сосуще никогда же насытишася и аки мотыло смердяще. И прочая наругания и посмеяния неизчетная творяху над всеми обычаи християнскими и утварми церковными. Како стерпе милосердый Господь, за таковое беззаконие не казни их, не повеле земли пожрети сих живых! Великое милосердие Божие долготерпит о всем. Стражу поставиша и день и ночь стерегуще, еже бы никто никуда возмог убежати. Зде на Т... сотвориша главное место пребывания. Всех отвсюду кого емляху, сюда привождяху.

Во утрий день 23 марта зело рано пришедше к соседствующим старицам Флине, отстоящим 4 поприща, и сим объявлено было от старших отряда выселиться на Т... При помощи мирян старицы вместе с животными своими были выведены и перевезены человеческою силою вси в главный штаб, а кельи чрез несколько дней все были сожжены. Старицы собрани во едино место под стражу. Главный отряд состоял из 22-х человек, а остальные собрани были люди по дороге. Кои были взяты дальнаго разстояния пути, всех пустиша домой, а близуживущих крепко надзираху, да не убегнут возвестить прочим тамо

живущим и скрываются и не обрящут кого из старцев. Сие велики было для них печальным и недопустимым.

Посему крепко всех испытавше и истезавше, ово ласканием, ово страхом, не возмогоша обрести человека, самохотно ведущаго их ко старцем. Тогда сами поидоша и всех пленных с собою ведущи, оставльше некую стражу для охраны стариц. Но путь не ведяху, направления не можаху пойти. Сего ради среди пути избираху таковых, кто мог бы их довести. И обретесе таковой человек, глагола им: «Аще и вем ко старцем путь, но не поведу вас, да не буду предателем церкви Христове». В таком исповедании гнаху его пред собою, биюще без милости палицами, прменяющеся. Прейдоша дне путь, обночеваша.

Во утрии 27 марта в понедельник 5 неделю поста, аще и не хотяще, обретшеса близ стариц Валентины, направления пути ко старцем изменше, сих миновахом, а ко старицам Валентине внезапно заидохом. Зде зверонравный отряд безбожных варвар много лютости показа, озлобленный неудачным походом к старцем, многих стариц напугаша, порядки свои поставиша, много наругавшеса над святынею, красоту церковную обнажиша, якоже в начале сотвориша у стариц на Т..., зде больше показаша озлобления.

Оставльше стражу над старицами 28 марта во вторник, поидохом в поиски старцев; вышепомянутый исповедник, пребывая непоколебим во своем исповедании, глаголаше: «Не иду предавать церковь Христову с вами», они ж бияху его палицами без милости, яко взирающе и кричаще, убити глаголюще и всех нас, яко не ведем их, дающе направление на юг итьти и сами следующе сим направлением. Но аще со слезами и не хотяще быти предателями, Богу попустившу обретохомся близ старцев сим направлением.

Егда ж видеша обитания старцев безбожнии, тогда аки зверие дивии устремишася на них, един другаго погоняюще, со оружием на безоружных смиренных старцев наскочиша, ничто же таково чающих; елико обретше, всех взяша под стражу, допытывались старейших: отца Симеона, отца Антония и Александра, личности сих не ведуще. И егда по многом истязании нецыи из братии назвашася сими имени, каковы они требоваху, дабы избежать поисков сих старцев: зане имена сих старцев у них записаны, а личности не знают. Но не возмогоша сих укрыти. Отец Антоний обретесе сам зде взятым (глаголемо на

старине), а о отце Симеоне и Александре уведано бысть от неких старцев страшливых, яко инамо пребывают на новом месте.

И снова поиски открылись. Обретесе таков человек, страха ради приведе их к дверем келии и не ведеху, что zde есть жилище, понеже в земли вкопавшесе и незримо бысть отнюд. Но по указанию ведущаго сие укрытие ничто же возбрани, ни поможе укрытиса таковое многотрудное созидание и стези не имущее. 1-го апреля в субботу акафистову в вечернее время приидоша зверонравнии во обитель отца Симеона, обнощеваша, во утрии всех с собою поведоша ко старцем на старину во едино место, где находилось главное их начальство. А келии и всю святыню елико бысть древних святых книг и икон великое множество, все огню предаша (точию непрестольное Евангелие древней крупной печати и бисерныя ризы со святых икон содраша, с собою взяша), тако же и хлеб и овощи и все продукты питания, ничто же пощадеша.

Прежде сего времени многое нечто было сокрыто в снегу, даже и сами старцы сокрывахуся, а на сие время все изнесше наверх к жилищу принесоша и сами приидоша, аще и боящесе предположительно ожидаху таковаго нашествия, но уже тепло бе и вода нача являтися, но сами старцы еще хотеша воскресение пребыти и посем паки бежати по лесам укрыватиса, но не успеха: в сие время приидоша к ним безбожнии и взяша их, Богу тако попустившу. Точию два человека сокрышася из старцев: отец Тимофей и Макарий, не яты быша, а прочие вси из старцев яты быша и выведены на Т... в главное местопребывание безбожнаго отряда, где были весьма радостни безбожницы, яко обретше того настоящаго отца Симеона и всех прочих. Тако же и стариц по мале времяни всех во едино место собравше и стражаху крепко. А келии и всю святыню, книги, иконы и продукты и вещи все огню предаша, надругавшесе над священным местом и святынею. А еще многое безчинные воины женское празничное одеяние емляху, во своя влагалища наложиша. Животных всех по оскудении снега тоже сюда на Т... во едино место собраша.

Главари безбожнаго отряда были по фамилии Щербин и Валов и обыскатель народа и вещей лютый безбожний тиран Сафронов и словоиспытатель Соколов.

Впоследствии была объявлена от неких мать Тавифа с сестрами, скрывшимися негде. Поход в поиски сих был немно-

гими из отряда солдат с предводителем Софроновым и Нечаевым. Сей последний поход в поиски сих стариц совершался без нас, точию со старцами: миряне в то время находились на работе плотов по реке Д... Но слышахом от неких, како зверонравный безбожный тиран Софронов, кия козни не умысли над смиренными старцы, дабы сказали пребывание стариц и путь к ним и да ведут на место. Старцы не хотяще быти предателями, не хотяху показывати путь к ним, аще нецыи и вѣдяху путь. Един из старцев дерзновенно изрече: «Аз вем сих стариц, но не иду предати стадо Христово». Сей зверонравный (Софронов. — Н. П.) в ярости бияше первее толстыми палками, потом тонкими прутьями бияше без милости, потом вервию оцепив за тайныя уды влечаше без милости, дабы вел ко старицам (это был отец Израиль) и прочия многа истязания и томления новым исповедником содела, богохульная наругания и срамословия воздух оскверни скверноглаголением. Сии терпяху о Господе вся находящая на них напасти. Нецыи из старцев не были тако истязуемы, яко ж друзии, несколько усумнешася, видяще тако истязуемых, начаша соглашати искати, аще точно не все видяху сих стариц, но хождаху семо и овамо, разсматривающе ради страха, аще и чрез велию скорбь бе обаче хождаху, божиим попущением наидоша на стариц. Старцы просили канвой, чтобы внезапным нашествием не устрашить стариц и молиша Софронова не оказывать суроваго обращения. И так тихо помалу-помалу приидаша к келиям и вшедше в ня спокойно. Таковым приходом старицы мало устрашени быша.

По обыскании было объявлено всем собираться и выходить на Т..., где вси собрани уже быша старцы и старицы во едино место. И собравшеся поидоша, не могущих же иди старцы в нартах повезоша. По выходе из келий стариц обычно бысть все предано огню, разве что где возмогоша сокрыти, а на себе мало что возмогоша понести, оставшее все нещадно предаша огню.

И старицы Евгения и Маргарита в сие же время взяты быша и выведены, яко близ живущии со старицей Тавифой. Приход был властей к сим старицам 12 апреля в страстную среду. Четверток отдыхали, в пяток пошли с места, дорогой начевали две ночи, пришли на Т... в Христов день.

И тако вси воедино место собрани быша под стражу, потом избраша неких и отправиша на реку Д... к миряном на

строение плотов, большая часть людей оставлены быша на месте. Могущи строили плоты и здесь на Т... Приспе праздник Пасхи, всех изгоняху на работу и неволею творяху озлобление. По открытии воды соделаша плоты зде на Т... и на Д... и собравше мало точию не всех, как старцев и стариц. Из старцев ошастася два человека: вышепомянутые отец Тимофей и брат Макарий, а из стариц мать Анатолия с пятию послушницами, Божиим изволением покрываемы ошастася, в некоей сокровенной келие близ старицы Валентины пребывающих. А прочии вси волею или неволею объявлены быша и изведени из келий 60 человек, из них мужеска пола 19 человек и женска 41 человек. Но потом с пути плавания из того числа убегше мужских два человека и женских четыре. Оставшияся 54 человека были вывезены на плотях на Енисей в народное место. Половина из них были отпущены на свободу как менее значительных по определению безбожных, а другую половину: 13 человек мужских, из них 8 черноризцев и женских 14 человек, из них 12 черноризиц, были под строгой стражей отправлены в Красноярскую внутреннюю режимную тюрьму, за которыми более имелось подозрение от властей, яко предводящии людьми и для них неблагонадежными.

Здесь начались допросы и расследование от рождения и до сего времени, кто каков и откуда бысть и что имя ему и чесо ради последова на пустынное житие. И из мирян христолюбцев были вывезены, кроме скрывшихся, три семьи и одиночки, всего 14 человек, из них триех удержаша, а оставшии пущены быша на волю. И еще из христиан трие из других мест взяты быша в сие же время, и во едино место собрани и вси отправлены быша в тюрьму. Христолюбцев 6 человек — сим объявиша вину яко помоществоваху старцем и старицам.

И по многом расследовании и содержании в тюрьме один год и несколько дней сих 33 человека осудиша невинных неправедным судом, всех к лишению свободы и на работы сроком на 25 лет, инии же на 15 и на 10 осуждени быша.

И потом вси быша отправлены по лагерям на работы, нецыи и в дальния края, кого куда по имени властели определиша. Отец Симеон, отец Антоний и Александр, и еще нецыи из старцев и мирян и мнози из стариц были отправлены в Иркутскую область. В мае месяце 7460 года. А уже 5 августа 7461 года преставися отец Симеон, пребыв в заключении от начала взя-

тия два года и четыре месяца, мало пищи принимаше, в воздержании пребывая. В тюрьме варево не принимаше, и в лагерях тоже варево не принимаше, разве когда даваху крупу сам варяше. Оскуде здравием, яко и прежде сего здравием некрепок бе, изнеможе телом и впаде в недуг, объят его опухоль, и помалу предаде дух свой Господеву и прият могила неизвесная для нас многострадальное тело его в недра своя, погребен бысть тамо сущими погребатели на указанном месте. Сие мы слышахом чрез писменное сообщение с ним бывшего некоего сострадальца по лагерю, по имени Ивана, сообщившаго о его кончине сюда родственникам.

С великою слезною скорбию было слушать таковое печальное известие, что мы вси лишихомся такового светильника, сияющаго всему миру и всем нам делом и словом, могущаго научити и утешити во всех напастех. Вельми бо разумен и в писании наказан и мудр во всем быше, и в духовном и в телесном разсуждении несть сему подобнаго. Всех на путь спасения наставляше и поучаше словом и житием. И в сие время невозможно утешитися о лишении возлюбленнаго нашего наставника и учителя, даже солнце светит немилостиво и свет помрачися в очах, не видя и не слыша сладкия глаголы отца Симеона. Но се все не от нас бысть, Богу тако благоизволившу и восхотевшу пояти его к себе в место покойно от скорби на радость, от молвы в тишину, от труда в покой. А нас оставил сиротствовать в юдоли плачевном сего мира безбожнаго. Яко брань бе велика на нас от видимых и невидимых враг наших и всегда находимся во иступлении и желаем спастися, но враг запинаяет ны и в погибель низводит, и дел добрых не творим, в лености пребываем. Едина чаша всем предстоит, испити ея, смерть, никто же ея не минует, но грешным горька она, и не имущи конца мучение ожидает мя грешнаго. Но молю тя, отче святыи, помолися о нас грешных к милостивому создателю Богу нашему, да избавит нас вечнаго мучения. Мы веруем, что ты жив о Господе и слышишь наш лепет, все твои труды и потове незабвены пред Богом. Желаем мощи твои имети зде, но не возмогаем, жестокосердечнии власти не дают. Безбожие водворилось и царствует, и видится весьма близко и конец всему этому видимому миру. Все события по писанию предсказывают, и не знаем где укрытись от насилия врагов креста Христова. Помолися о нас, отче святыи, дабы Господь еще дал нам место тихо и безмолвно, во еже укрытись.

По раззорении и по освобождении бывшие люди, чада твоя, в сие время разсеяни по лицу земли, а еще нецыи и широким путем поидоша, в погибель ведущим. Но мнози ревнующе благому житию ищут престанища, аще бы хотя не во едином месте обрести возмогли. Благоволи и не забуди о сих.

Еще обратимся на прежереченная. Весть о кончине отца Симеона, егда бысть пропущена, тогда по нем пропето было и погребение. А еще при отъезде с Д... и выселению властью всех весной 7459 года 5 мая, выезде на плотях, прежде сего отец Симеон, чрез единого брата преподаде благословение на исполнение духовных нужд и управление над братиею отцу Тимофею, кроме еже не приимати на исповедь женский пол. И тако малое стадо христово словесных овец останахся в пределах Д... в велицей скорби и плачи и сетовании о лишении своих сподвижников и разрушения пустынного пребывания и сожжения до основания всего монастырского стяжания, паче же духовнаго, святых икон и книг. И себе не имуще пристанища, одержими боязнию, бегающе аки елени (зверие — *на полях*) от места на место, едва помалу в себе пришедше, собрашася вкупе вси, и посудивше о сотворшемся событии весьма печальном и реша: яко не без Божия промысла сицевое сотворися дело, исполнено великаго ужаса и смятения. И аще по Божию изволению се бысть, что нам много скорбети о сем: бысть искушение избранным его, яко злато в горниле, кто каков явится.

И мало утешение обретше, поткнуша себе кущи для пребывания, аще и немалое время ради опасности от воздушных надзирателей преходяще от места на место, носяще крест пресладкого Исуса, вся с радостью терпяху, под наставлением и управлением отца Тимофея и матери Анатолии, пребываху в теплых молитвах и мольбах к Богу со слезами о себе и о страждущих отцах и братии, матерей и сестр. Трудяющиеся в телесных работах, кормящиеся от трудов своих, всю печаль свою на Бога возложше, аще той попусти на ны бурю великую и скорбь, той же паки силен и укротити ю, и печаль в радость пременити, еже и бысть, по скорби радость велия явися.

По прохождении трех лет и 9 месяц, отнележе взяти быша старцы и старицы и христолюбцы безбожными, излися милосердие Божие за молитвы всех укрывавшихся и страждущих за

веру Христову. Идеже быша слезы, тамо радость велия явися в 7463-м году, зимой в декабре месяце вси отпущены быша на свободу восвоися, кто куда изволит поехать невозбранно, и вины не имущи на себе некоеже, и аки никогда же осуждени быша именоватися. Отец Симеон и мать Маргарита, сии почиша о Господе в заключении и в злострадании душа своя предавше, яко мученицы венцем победным от Бога венчани будут в день праведнаго суда Божия. А прочии вси оставшиися в живых старцы и старицы и христоролюбцы возвратишася. Аще и не вси на первое житие обратишася, но мнози нецыи изволиша пространное житие и широким путем пойдоша, ведущим на погубление. А инии, ревнующе по Бозе, евангельским путем изволиша ходити и на преднее житие сташа, аще и в разсеянии бяху, под наставлением елико возможно отца Антония, яко имущаго на сие благословение прежде от отца Симеона, еже управляти братиею и все духовные нужды исполняти старцев и стариц. И по разорении невозможно всем пребывати во едином месте, ради предостережения для пред идущаго проживания более безопаснее, изволиша разделитися.

И тако с Божиею помощию пояснихом мало нечто о старцах, и сих другопредатном благословении, начиная от преставления отца Савы, еще в Кольванской тайге жительствовавших с 7438 года, и кончая настоящим временем, 7465 и 66 годом. Какія произошли события и перемены за сие время, гонения и опустошения от безбожных властей, и всех крыющихся — уму не постижно. Но Божиим смотрением и строением еще остаются и пребывают, согласно святаго писания: Не имут бо скончаться грады Израилевы до втораго пришествия Христова.

Аще кто уведати хочет родословие и другопредатное сих благословение старцев начиная от Иосифа патриарха, да чет книгу «Родословную», а сие токмо дополнение ко оной, вкратце пояснихом. Самое нужное уяснить о другопредатном благословении отец наших, како оно и в настоящее время простирается и по сие время не пресякло — поясняется выше приведенном описанием настоящего сочинения.

По сем прошу прощения от отец и братии наших за все мои грубые ошибки, недоразумения и забвения. Истиннолюбно прошу исправить, что излишнее оставить и сократить, и недостаточное восполнить, ибо забвение и недоразумение надо всеми нами хвалится. Да воздадим благодарение о всем и да

речется от нас: Слава отцу и сыну и святому духу и ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Написана сие дополнение к книге «Родословной» в 7466 году, закончена 1 марта. Написано многогрешным и недостойным имени и звания, слагаемо численностию является: десятичное число и пятичное и сотое с семидесятим и пятьдесятые последи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 3// М., 1990. С. 266.

² Покровский Н. Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 30. Л., 1976. С. 165—180.

Т. Руслов

РАЗРЕШЕНИЕ СПОРА

— Не говорите мне о Солженицыне! Он представил в качестве типичного лагерника какого-то сермяжного Ивана, не умеющего думать ни о чем, кроме пайки. И это в то время, когда репрессирована была интеллектуальная элита страны, такие люди, как Вавилов, Эфроимсон, Тимофеев-Ресовский, Мандельштам, Заболоцкий...

— Ну, положим, не только элита. Большинство все-таки составляли как раз Иваны.

— Да, конечно, большинство. Но разве они были *типичны*?

Разговор происходил теплым августовским вечером в уютной гостиной Дома ученых Сибирского отделения АН СССР на импровизированном заседании Координационного совета областного общества «Мемориал», созванном по случаю приезда Асира Семеновича Сандлера, изобретателя узелкового шифра, с помощью которого он буквально на глазах у ничего не подозревавших бдительных стражей и вездесущих стукачей на протяжении всех своих лагерных лет вел дневник. По освобождении он расшифровал эти «записи» и опубликовал прославившую его книгу «Узелки на память». Спорили Асир Семенович и автор этих строк, грудью вставший на защиту Александра Исаевича. Впрочем, спор был вполне дружеским, каким он только и мог быть у самовара, под звяканье чайных ложечек.

— Уж если вы заговорили о *типичном*, то, конечно, «большинство» здесь ни при чем, надо говорить о мировоззрении, в чем видит Солженицын суть нашего строя. Для него Иван Денисович — это народ, глазами которого он смотрит не только на лагерь (или, как вы говорите: на пайку), а на все-все. И от его имени произносит приговор...

— Вот-вот — «все-все»... Лагерь — слишком большое явление, чтобы свести его к одному какому-то типу. Да и рано еще типизировать, нужны не вымыслы, а факты. Надо просто добросовестно описывать то, чему мы были свидетели, и не мудрствовать, не обобщать. Как Глеб Успенский. А Толстых среди нас нет. И напрасно Солженицын...

— А я как раз поставил бы Солженицына рядом с Толстым и Достоевским. Да и о чем спорим? Литература обобщает, типизирует всегда. И Толстые и Успенские. А уж у кого что получится — это зависит от уровня таланта, да еще от степени его соответствия уровню притязаний. Но главное — талант.

— Талант — да, конечно. Но только не обобщение! Обобщать — это дело критиков. А дело писателя — описать вот этого конкретного человека. И чтобы читатель увидел его как живого... Вот я вам расскажу. Такая... картинка с натуры.

Представьте себе: август 1950 года, срединная Колыма, +30 градусов в тени (зимой-то здесь и -50 и -55 градусов не предел). Бригада БУРа. Перекур. Несколько человек пристают к молодому — 22-23 года — туркмену: «Станцуй, Мамед, сбацай!» Кто-то подкатывает пустую бочку из-под бензина и, взобравшись на нее, выбивает ногами барабанную дробь. Мамед — обнаженный, худой, мускулистый торс, тонкая талия, вся фигура легкая, стройная, на голове красная повязка наподобие тюрбана — подходит к барабанщику и начинает выбивать руками новый ритм. Барабанщик после нескольких неудачных попыток наконец перенимает его, удовлетворенный Мамед произносит: «Танец Ахун-Бабая», — и начинается Танец. С большой буквы! Танец-поэма, танец-сказ. Самое удивительное, что зрители, не имея никакого хореографического образования, слова такого — хореография — не знающие, все понимают.

...Очень-очень давно. Ахун был тогда молод и силен, жил в горах, имел стадо курдючных овец (танец показал — мы увидели — овцы были не простые, а именно курдючные). Он взял себе в жены молоденькую девушку, красавицу (Мамед сделал какое-то неуловимое движение, и мы увидели ее: красавица,

чем-то похожая на Мамеда). Шло время. Ахун трудился от зари до зари, стадо его приумножалось. Приезжали покупатели, небольшую часть овец он продавал им. Жил не богато, но и не бедно. Но по аулу вдруг пошла весть: приезжают из города люди, отнимают у жителей скот, отнимают лошадей и отдают тем, кто ничего не имеет и работать не хочет. У Ахуна тоже отняли овец. Он сопротивлялся, кинулся за ружьем, но ружье отняли, самого его связали и отправили в город, в тюрьму. А из тюрьмы повезли далеко-далеко, за горы, за равнины, за моря и реки... Что-то изменилось в танце, и мы увидели Ахуна в лагере, на лесоповале. И как течет и течет время, и бессчетное число раз всходит и заходит солнце... У Ахуна выросла борода, он состарился, превратился в Ахун-Бабая. Но старший сын его не мог смириться с несправедливостью и поехал в самый большой город к самому большому человеку. Мы увидели хана, который, однако, не возлежит на подушках, а прохаживается по кабинету в мягких кавказских сапогах (на плечах большие погоны), курит трубку и дает указания — много-много указаний. Никто не смеет ничего возразить, все только низко кланяются и, пятась, уходят. Сыну Ахун-Бабая удалось встретиться с самым большим человеком. Тот выслушал его и отрицательно крутнул головой: «Нет!» И показал кулак: «Твой отец — кулак». Сын возмутился и сказал большому человеку, что он не прав. И тот выгнал сына Ахун-Бабая. Когда же он, возвращаясь, садился в поезд, его схватили, и — он поехал уже на другом поезде. Непостижимым образом мы увидели знакомые всем нам детали дальнего этапа, его ни с чем не сравнимые ситуации... И вот уже сын за колючей проволокой встречается с отцом и выслушивает его рассказ о пережитом.

Собственно, эта сцена и была «танцем Ахун-Бабая», давшем имя всему балету. Последний эпизод в нем изображал будущую смерть Сталина (дело, напоминая, происходит летом 50-го года). Как он все угадал! Как гроб вносят в Мавзолей, отодвигают Ленина и рядом кладут Сталина, как плачет народ, все плачут. (Все это в восточном колорите: этакий «шахсейвахсей», очищение от грехов, люди бьют себя кулаками и цепями по голове). Но вот люди поднимают головы, тюрьмы раскрываются, и оттуда выходят Ахун-Бабай с сыном. Но оба уже старики... И Мамед застыл с поднятым кулаком. А другая рука — распахивает дверь... Вот так. Выдумать такое никто не может. И я тоже...

Все молчали. Асир Семенович скромно помешивал ложечкой остывший чай. Но я все же не утерпел:

— А ведь вы этой новеллой опровергли самого себя.

— ?

— Очень просто. Вы описали великолепное художественное произведение неведомого нам танцора, а вовсе не документальный рассказ. И оказалось, что это *художественное* произведение выразило суть происходящего в стране точнее и полнее любого документа!

Асир Семенович был, кажется, готов уже признать свое поражение, но вдруг засмеялся:

— Все так, но в моем-то рассказе ни грамма вымысла нет. Я воспроизвел этот эпизод с *документальной* точностью.

— Э, знаете, любой поэт уверит вас, что он не сочиняет свои стихи, а лишь «с документальной точностью» записывает то, что ему нашептывает Муза.

Но тут течение сѳора нарушил В. С., бывший морской волк:

— Не слышали ли вы подробности события, о котором мне давно рассказал один моряк: в порт Ванино из США шел транспорт с заключенными в трюмах (1947 года, бывшие пленные). Условия содержания их были нечеловеческие; вспыхнуло восстание, заключенные стали штурмовать люки. Военный помощник успел расчехлить счетверенные эрликоны (крупнокалиберные зенитные пулеметы) и открыл огонь по повстанцам. Люки задраили, но заключенные стали таранить переборки. Тогда командование включило пожаротушение. Заключенных фактически сварили живьем. Командир корабля получил за эту операцию орден Ленина.

Асир Семенович давно уже перестал помешивать чай, но ответил не сразу, с неохотой:

— Факт этот был широко известен, но подробностей я не знаю.

Расходились молча.

ВЗГЛЯД ИЗ 1937-го: СУДЬБА ХУДОЖНИКА

(Из семейной хроники
Надежды Владимировны Сперанской)

Э тот курчавый юноша с широко поставленными светлок-карими глазами и узким подбородком появился на Бармелеевой улице у моего брата Андрея. Оба они после окончания семилетки поступили в художественно-промышленный техникум при Академии художеств. Андрей был восхищен и увлечен Марком Чаусовским как необыкновенным фантазером. «Представь себе, — говорил Андрей, — он берет спичечный коробок и рассказывает о характере его владельца подробно, будто знал его лично: как коробок измят или надломан, как исцирканы у него бока...» Со второго курса, когда техникум принял в основном промышленное направление, — это было в конце 20-х годов — Марк оставил его и стал оформителем выставок и музейных экспозиций. Я относилась к нему снисходительно: он был моложе меня на три года, у меня была дочка, и вообще я была взрослой, а он — мальчиком.

Я не знала меры его преданности, настойчивости, целеустремленности. В 1932 году он досрочно и добровольно пошел в Красную Армию и служил в Кингисеппе. Однако через год был освобожден по болезни — уже тогда давала себя знать язва желудка. После военного госпиталя, где он лежал на обследовании, Марк вернулся к своей жизни «свободного художника». Он стал моим спутником, терпеливым и веселым, постоянным участником моих походов и поездок.

Готовясь к поступлению в техникум (туда был экзамен по рисунку), Андрей занимался с художником Николаем Николаевичем Черновым, членом общества индивидуалистов. Впоследствии с ним стал заниматься и Марк. Он считал Чернова замечательным живописцем и внимательно прислушивался к его замечаниям, хотя часто они жестоко спорили.

Мы жили в разных концах: Марк с сестрой Шурой — в Басковом переулке, а мы с мамой — в Максимилиановском. (Сколько раз мерили мы шагами в «белые» или морозные ночи это расстояние!)

И вот Марк отправляется в Детское Село (так оно тогда называлось) и преспокойно идет от дома к дому, спрашивая: кто тут меняет на Ленинград? Люди не удивляются. Указывают ему тех, кто меняется. Марк вступает в переговоры, идет дальше. Только в одном месте он дал осечку — попал в детский дом. Так он дошел до Пролетарской ул. № 2. Здесь произошли очень длительные переговоры, которые закончились тем, что Марк (совершенно неизвестно как) склонил администрацию консерватории выпустить две семьи, проживающие в трех комнатах с кухней, в мою комнату. Так мы очутились в отдельной квартире, в центре города. На следующий год я перевелась в местную школу.

Еще до начала 1936 года Марк начал читать о Пушкине, перечитывать самого Пушкина — самозабвенно, как все, что он делал. Прочел Вересаева «Пушкин в жизни». Много ходил по паркам, по пушкинским местам. И задумал писать портрет Пушкина. Достал портреты, какие можно было, но они его не удовлетворяли. Раздобыл гипсовую маску поэта. Рисовал ее много раз, пока из мертвого лица не проступило живое, скорбное. Только когда «набил себе руку» — принялся за холст, за масло.

Мы постоянно переписывались с моим отцом. Мы писали ему обо всех семейных происшествиях, о замыслах Марка. Чаще — я, он — реже, но серьезнее, подробнее, глубже. Отец хранил эти письма и неожиданно прислал нам сделанные из них выписки под названием «История одного портрета». Я хранила эту книгу пуще зеницы ока все годы эвакуации. Положила ее в основу «Семейной хроники». А теперь она составляет часть книги о Марке, так как он живет в своих письмах к отцу и ко мне «оттуда».

Н. В. Сперанская

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА

МАРК. 9/V 1936 г. ...Сейчас очень много работаю над портретом Пушкина. Работаю впервые над образом в настоящем смысле этого слова.

НАДЯ. 14/V 1936 г. ...Марк, после серьезного опыта автопортрета, приступил к исполнению холста, который он сможет реализовать и положить этим начало своему настоящему профессиональному заработку, чтобы затем продолжать работать в этом же направлении. Так он сейчас работает над портретом Пушкина. Он проработал много биографического материала для уяснения образа Пушкина и изображает его в последние годы жизни. Это — образ человека, измученного интригами, двором, пошлостью и жестокостью, политическим режимом, но человека не сломленного, не сдавшегося; несмотря на боль — полного громадной жизненной силы.

В первом эскизе Марк не вполне добился выражения этого образа. Пушкин получился каким-то отошедшим от мира, ушедшим в себя. Но второй рисунок головы, законченный уже, — по-моему, вполне осуществляет замысел. Пришлось добиваться в музее разрешения сфотографировать кресло Пушкина. Это была целая эпопея. Мы сняли кресло с разных точек, но Марку хотелось сняться в нем самому, чтобы лучше уяснить себе потом положение фигуры. Садиться в кресло не разрешалось, так что мы должны были выждать, пока уборщица уйдет на минуту в соседнюю комнату, и Марк сел в кресло только на самый момент «нажатия» в той позе, в какой он хочет изобразить Пушкина. Посылаем тебе этот снимок. Но лицо Марка на нем изображает только напряженное опасение, как бы нам не помешали, да угрозу мне — чтобы я, несмотря на это, не уменьшила выдержки.

МАРК. 19/V 1936 г. ...Надя мне прочла из своего письма к Вам о своем отношении к Академии художеств. Должен сказать, что согласен и не согласен с ней. Мне кажется, что она переоценивает и мои способности, и возможности. Меня сначала это смущало, а теперь к этому привык, памятуя, что в этом случае Надя ошибается.

На днях я познакомился с художником И. В. Стребловым. Лет 30 тому назад он окончил Академию. Ученик Репина и Левитана. Был у меня. Отнес меня к категории таких работающих над собой художников, которым Академия ничего не даст,

а отнять — сможет. В его высказываниях сквозила мысль, чтобы я к себе учителей не подпускал, а шел бы сам. С этим я не согласен. Мне нужен руководитель, которому я мог бы доверять на все 100. Если же не на сто, то почти. Есть такой, но этот человек скульптор, а не живописец. И у него много можно взять, но он очень загружен работой и все время находится в Москве, хотя постоянное его жительство в Ленинграде. Окончательно я еще не укрепился в своем намерении поступать в Академию художеств. Мои сомнения объясняются тем, что, кроме отрицательного, в ней есть много положительного. Постоянная работа над натурой, обеспечение живописными материалами, многочасовой рисуночный режим, — все это очень важно для всякого художника. Всем остальным Академия меня не прельщает.

Сейчас работаю над кистями рук портрета Пушкина. Добиваюсь такого положения кистей рук, чтобы их «мимика» максимально совпадала с выражением лица... Пушкина я сплю и вижу. Бог ты мой, до чего его искажали, словно правды боялись!

НАДЯ. 25/V 1936 г. ...У Ладки занятия еще до 1/VI. Теперь все свободное время рыщет по паркам, собирает цветы, или играет в садике. Начала заниматься с бабушкой ботаникой.

У нас в саду красота неописуемая.

В огородке вошла редиска. Скоро будем рассаживать астры. Для нескольких клумб надо будет купить рассаду.

Ко мне приезжают иногда ребята из моего класса. Часто бывает один мой любимец, Юрка Петров. Он приезжает почитать «Илиаду», понаблюдать за муравьями и попрыгать с парашютной вышки.

Невероятно хороши эти ребята 15—16 лет! Если заслужить их доверие — можно сделать из них что угодно. Недавно в школе был вечер чтцов Пушкина. Ребята сами выбирали по своему вкусу, кому что читать. Чтцов было очень много, а число слушателей-ребят превзошло все наши ожидания. Это было внутришкольное мероприятие, устроенное преподавателями литературы. Я была приглашена в качестве жюри. Получила громадное удовольствие. Репертуар был разнообразнейший и иногда весьма неожиданный. После «Вступления к Руслану и Людмиле», «Зимнего утра», и т. д. вдруг два мальчика 6-го класса выступили с отрывком из «Фауста». Еще до вечера я спрашивала у их преподавательницы — зачем давать ребятам

читать такую вещь, но она мне ответила, что они настояли именно на этом отрывке, что он им страшно понравился, что они категорически отказались от чего-либо иного. Читали они вдвоем, 14-летние сопляки. Против моего ожидания, прекрасно справились; Фауст был слабее, зато Мефистофель (хотя неправильные логические ударения в некоторых местах явно указывали на непонимание им смысла некоторых строк) прекрасно дал почувствовать коварство и злорадство «нечистого». Откуда это у них — не могу понять.

Ребята старших классов читали главным образом из «Евгения Онегина»: письмо Татьяны, письмо Онегина, их объяснение и др.

Но самым замечательным был последний. О нем стоит сказать.

Паша Цыганков, 16-ти лет, ученик 8-го класса (не моего — параллельного), сын нашей школьной уборщицы. Живет в невероятных условиях, в дворницкой, где нет ни одного стула, а многочисленная семья сидит вокруг стола на кровати и подоконнике. Зарабатывает пилкой и ноской дров жильцам. Худющий, маленький, остроносый, совершенно белобрысый (что не вяжется с его фамилией). Физик считает его тупицей. По истории и литературе это — блестящий ученик. Много читает, далеко выходя за пределы школьных заданий, сам пишет стихи и страстно любит поэзию. Он выступил на вечере последним с отрывком из 6-ой главы «Евгения Онегина». Читал просто — говорил, ритмично и хорошо, осмысленно. Конец вечера, ночь после бала у Лариных, характеристика Зарецкого, вызов на дуэль, последний вечер Ленского у Лариных, дуэль... Он говорил перед немым классом не очень громко, как бы для себя. И вдруг мы поняли, что он действительно говорит для себя. Строка тянула строку, он плыл, плыл по их воле, забыв все, отдавался упорительному течению пушкинского ямба, улыбался, заложив руки за спину, откинув голову. Он дочитал до конца главы.

Аудитория требовала присуждения ему первой премии. Мы долго совещались, и пришлось присудить 2 первых премии, 3 вторых и 6 третьих. И то с очень тщательным отбором. (Премии — книжки классиков.) Я написала об этом подробно, так как этот вечер произвел на меня большое, очень радостное впечатление. Ребята научились любить Пушкина, они изучают его не по-школьному, а по-живому, с радостью и с теплотой.

Я очень жалела, что Марка не было на этом вечере. Не помню — почему-то он не мог прийти.

НАДЯ. 8 сентября 1936 г. ...Сегодня мы едем на лекцию Пумпянского «Пушкин и его эпоха». Это — изумительный лектор, и мы предвкушаем колоссальное наслаждение.

НАДЯ. 31 сентября 1936 г. ...Марк подыскивает работу к праздникам, она должна обеспечить мне зимнее пальто. Дома же все время работает то над Пушкиным, то сделал в парке несколько этюдов, уж больно хороши наши осенние парки. Вчера Марк пригласил к себе проф. А. Р. Когана, историка литературы, большого знатока Пушкина и его эпохи. Он живет в Пушкине. Марк пригласил его, чтобы показать ему своего Пушкина и выслушать его мнение по поводу композиции, замысла, так как колоритно портрет еще не закончен. Коган входит в комиссию по подготовке к Пушкинскому юбилею и в курсе всех готовящихся к этому сроку работ. Работой Марка он был чрезвычайно заинтересован. Пробыл у нас долго, детально анализировал не только замысел и работу в целом, но и буквально каждую деталь. Сказал, что это подлинно художественное произведение. Сравнил эту вещь с крупнейшими портретами Пушкина и характеризовал все так: портрет работы Тропинина — условно-поэтический; Кипренского — парадно-декоративный; Петрова-Водкина — призрачный; а этот — реальный. (Петров-Водкин изобразил Пушкина в кафе за столиком с Андреем Белым, читающим ему свои стихи. Этот портрет был послан на выставку в Америку и сейчас едет в Ленинград на выставку всех работ Петрова-Водкина.) На прощание сказал, что не ожидал от современного искусства такого произведения. Это, конечно, порадовало меня и Марка. Марк ведь совершенно лишен постороннего мнения, критерия, указания — кроме своих собственных домыслов, и такая энергичная (и исключительно авторитетная) поддержка очень ободрила его.

НАДЯ. 20 ноября 1936 г. ...Сейчас Марк целыми днями работает над Пушкиным, устроил у себя в комнате вдоль стены большой занавес, за которым прячет все свои холсты, там же стоит и «Пушкин». Марк очень доволен этим приспособлением, т. к. холсты предохраняются от пыли. Дневного света хватает от 10-ти до 4-х, и он работает до 8—9 вечера уже при электричестве. Так как работает все время сидя, то вечером гоню его прогуляться, если не слишком устала — иду и сама с ним. Погода у нас хорошая, свежая и сухая. Ладка моя цветет, очень упитанная девочка и отличается редкостным, жутким даже, аппетитом.

НАДЯ. 2 марта 1937 г. ...Вчера удалось, наконец, добиться хорошего впечатления с пушкинского портрета. Раздобыли панхроматические пластинки, светофильтр, сами смастерили зеленое стекло, экспериментировали, возились, и результаты получились вполне хорошие, этот снимок передает и характер портрета, и соотношение цвета.

В масле над этим портретом Марк работал с 29/V 36 г. по 31/I 37 г., кроме того был ряд подготовительных рисунков, изучение пушкинской иконографии, описаний его внешности современниками, чтение самого Пушкина.

Когда работа была окончена, все посоветовали выставить ее на открывающейся в середине февраля Пушкинской выставке.

Однако это оказалось не так легко. На пути к выставке непреодолимым препятствием встали 25 километров, отделяющие нас от Ленинграда. Холст велик и заключен в тяжелую раму, так что везти его в город невозможно. Надо, чтобы какой-либо эксперт приехал на место и дал заключение относительно возможности принять эту вещь на выставку.

Марк обратился в литературный музей узнать, от кого зависит прием вещей на выставку. Там ему любезно ответили, что от них, что это их прямая обязанность, что они в ближайшие дни пришлют специалиста посмотреть работу Марка.

Прошло несколько «ближайших дней». Марк вежливо напомнил о себе. Ему назвали точно число месяца (с 9/II по 11/II), когда у него будет эксперт. 13/II он обратился в Эрмитаж к руководителю Пушкинской выставки, но тот сказал, что выставка на днях уже откроется, что они заняты по горло, нет ни свободных людей, ни машин, и они сделать ничего не могут. Марк пошел в Ленинградский Комитет по делам искусств и поговорил с зав. изобразительным отделом Матусовым, тот обещал в ближайшие дни поговорить с людьми и прислать кого-нибудь.

Через несколько дней Марк напомнил ему о себе по телефону, и тот сказал, что «да-да, я прошу Радлова (председателя Лен. отд. Союза художников) заехать к Вам».

23/II Пушкинская выставка открылась, и Марк, совершенно не переносящий подобных разговоров, хлопот, просьб, напоминаний — заявил, что больше ничего не в состоянии предпринять.

Я пошла к проф. Когану (он живет недалеко от нас и все время с интересом и доброжелательно следил за работой Мар-

ка), и, рассказав ему всю эту гнусную канитель, попросила совета, как быть дальше. Он зашел к нам в тот же день вечером и дал Марку письмо к своему большому другу, культпропу Эрмитажа Черешкову, который, не будучи сам особенно важной шишкой, досконально знает всю эту выставочную механику, всех людей, все инстанции. (Перед открытием выставки Коган был в отъезде и теперь сам не мог как-либо существенно помочь Марку.) Мы вместе поехали к Черешкову, который оказался милейшим человеком и действительно дал нам массу важных сведений и советов. Прежде всего — советский отдел выставки «Пушкин в современной живописи» настолько слаб, что правительственная комиссия, принимавшая выставку, постановила отдел все время усиливать в случае нахождения хороших работ. Выставку мы в тот же день осмотрели, современная живопись утрачена. Все сколько-нибудь ценное находится в Москве.

Затем Черешков посоветовал Марку обратиться непосредственно к Радлову как к члену правительственной комиссии и председателю Союза художников. В случае же задержки с этой стороны, — к культпропу горкома, высшей инстанции в Ленинграде по подобным делам. (Обрати внимание, все это только для того, чтобы государственные учреждения, заинтересованные в выявлении сколько-нибудь ценных художественных произведений, изволили взглянуть на некую новую работу, хотя бы для того, чтобы забраковать ее.) От Черешкова мы поехали на открытие выставки художника Кибрика, приглашенные туда автором, симпатичнейшим человеком и хорошим художником, последняя его работа — иллюстрации к «Кола Брюньон», сейчас иллюстрирует Уленшпигеля. Кибрик — личный друг Радлова, вернее — приятель его и постоянный партнер по шахматам, и от него мы узнали, что Радлов в доме отдыха и вернется только 5/III (а это было 25/II), но заменить его может ответственный секретарь Союза художников — Круглов. На следующий день поехал к Круглову. Точно те же заверения «поговорить с людьми и прислать кого-нибудь».

После этого Марк просидел три дня дома, в течение которых мы корпели над получением хорошего снимка, чего и добились.

Сегодня Марк, захватив снимки, понесся снова в город, чтобы зайти сначала к Кибрику и узнать, на что можно рас-

считывать со стороны Союза художников. Кибрик видел «Пушкина» Марка и, кажется, одобрительно к нему отнесся.

Ну, тебе, наверное, надоело это бесконечное дело, и я кончаю о нем. Но, предвидя впереди еще много перипетий, я рассказываю тебе и об этих первоначальных шагах.

Когда Марк показал снимок в выставочной комиссии — ему обещали прислать машину за холстом сегодня, без всякой предварительной экспертизы. Ждем.

МАРК. 12/III 1937 г. ...Вам Надя писала о моей работе над Пушкиным. Мне как-то странно говорить о работе над ним в прошедшем времени. Больше к этому холсту я возвращаться не собираюсь.

Все усилия были направлены только на то, чтобы выявить (психологически) лик Пушкина в конкретно представляемых времени и обстановке... Было немало возможностей пользоваться эффектами цвета и рисунка... Только в работе, к которой предъявляешь большие требования, видишь подчиненность формы содержанию... Нужно очень много мучиться, чтобы по-настоящему это понять. Думаю, что тут не только важно понимать, но и иметь чувство реальности.

Трудности были всяческие... Пушкин — личность исторически существовавшая, а стало быть, для нас и реальная. Прибегать в работе над его образом к иконографии нельзя. Он там лжив. Маска его — большущая помощь в работе. Последний период его жизни (в возрасте около 37 лет) дает возможность ориентироваться на маску, трактуя его образ. (26-летний Пушкин Тропинина и Кипренского резко расходятся с маской Пушкина, учитывая даже 10-летнюю разницу.) Почему-то уверен, что синтетический портрет, лишенный крайней конкретности (чтобы-де, мол, не впасть в «узкую конкретность»), — не синтетический, а абстрактный. Хотелось довести его до максимального «момента» (вернее — «кратчайшего состояния»). Теперь, может быть, можно судить о верности характеристики, которую дал «моменту». Длительность работы над одной вещью имеет свои плюсы и минусы.

Слишком сливаешься с образом и перестаешь «отрицать» его для того, чтобы отойти и с другой точки зрения посмотреть на него... Теряешь «объективное расстояние», как говорят умные люди. Но сживаешься с ним в такой мере, что вряд ли допустишь лишнее или несвойственное (со своей точки зрения).

Рассчитывать на успех в такой трактовке не решаюсь. К Пушкину привыкли по портретам Кипренских.

Надя Вам писала, что сегодня, 12/III у меня будет смотреть работу пред. Лен. Союза художников Н. Радлов. Вы его, наверное, знаете по его карикатурам. Он был профессором Академии художеств до последнего времени. Ананий его слишком хорошо знает, так как долгое время был его учеником в Ак[адемии] Х[удожеств]. Он до того точно копирует радловскую манеру разговора, движения, жестикуляцию, что диву даешься... Когда Радлов стал говорить о работе, то, несмотря на важность для меня его высказываний, я едва сдержался, чтобы не расхохотаться... точно Радлов Ананию подражал. Как художника я Радлова не ценю. Он — не художник, но очень сильный эрудит в области искусства. И в области теории искусства делает такие ляпсусы подчас, что диву даешься... Срывы у него большие...

Сам он — автор портрета Пушкина... Снимок с его работы напечатан в «Резце» (кажется), в пушкинском юбилейном номере.

Первое, на что обратил внимание — это на волосы... «Не слишком ли светлыми Вы их написали?»... Похвалил руки... «Халат, знаете, слишком напоминает пижаму... Почему Вы ему не сделали обшлагов?» На это я ему сказал, что, кроме обшлагов, не сделал ему многое: не написал борт халата синего шелка, знаменитого пушкинского кольца-перстня, не написал и многое другое, что действительно имело к нему отношение... Затем он подчеркнул, что по рисунку голова «крепко, правильно, уверенно» написана.

После такой детальной критики он прозрачно распространялся «о привычке видеть Пушкина», как бы шутя заметил, что к портретам Пушкина теперь стали подходить, как к портретам вождей, что такая трактовка может вызвать, и скорее всего вызовет, недоумение пушкинистов, от которых зависит, в конечном счете, отношение к портрету... Сам же он подвел такой итог: большая работа над образом, уверенная техника (местами — очень интересная). Ну, я, кажется, расхвастался устами Радлова...

13/III у меня были и другие знакомые художники. Критика их была либо огульно похвальная, либо с незначительными замечаниями.

Из пушкинистов только Л. Р. Коган знает эту работу и следил за ней от начала до конца. Он — мой сосед. Считает, что это — «единственно реальный портрет Пушкина из всех известных ему старых и новых портретов».

Как видите, меня не только ругали и хвалили, но и пере-хвалили. Этого я не хотел бы и вовсе... Настоящей критики, по-моему, не было.

Пришло письмо с просьбой, чтобы я дал свой портрет на выставку пушкинского Общества. Звонил Радлову. Советует дать, так как эрмитажная выставка уже «остационарилась» (полтора месяца, как она уже экспонирована). Открылась она 23/II 37 г. Ученый секретарь О[бщест]ва просил приложить усилия, чтобы привезти холст на выставку. Говорил с ним неудачно: в выходной день по телефону. Нужную мне сотрудницу не застал, на эту сотрудницу он возложил доставку работы на выставку. Вот и все.

В своей работе я сам вижу очень много недостатков. Ми-рюсь с тем, что, несмотря на недостатки, донес свое представ-ление о Пушкине.

Надеюсь, что эта первая серьезная живописная работа про-рвет, наконец, кольцо постоянных материальных забот и поис-ков случайных заработков и даст возможность обеспечить себя профессиональной, творческой живописной работой. Перед Рад-ловым у меня был член художественного совета от Комитета по делам искусств. Посмотрев работу, он сказал, что доложит о ней Совету, который сможет дать мне заказ на уже начатую мной тему.

Он выразил уверенность, что Совет пойдет на это, так как сам он видит в работе многое, заслуживающее внимания.

МАРК. 14 марта 1937 г. ...Сегодня выяснилось, что за пор-третом приедут завтра либо послезавтра.

15/III 37 г. «Завтра» — это сегодня. Никто не приезжал. Меня предупредили об этом (что может не быть машины). Получили Ваше письмо к Наде. Она мне его прочла. Впечатле-ние у меня от Вашего письма большое. Вы просите Надю сообщить Вам отзывы о моей работе Н. Н. Чернова, Андрея, Аняния и матери.

Предоставила она мне это потому, что я лучше об этом знаю.

Аняний критиковал работу со стороны колорита. Не по-правилась, по-моему, ему работа. С очень многими его замеча-

ниями я вполне согласен, видя в целом ряде моментов колоритные недостатки. Он считает, что я сделал «колоссальный» шаг вперед в колорите со времени моего автопортрета. В чем сущность этого шага, я так и не понял из его критики. Думаю, что подобное утверждение сделано из известного чувства.

В отношении рисунка — отзыв его хороший. Композиции — еще лучший. Главное в колорите до него не дошло: колорит как один (главный) из элементов живописного произведения диктуется образом, а он, говоря о нем, отделил его от образа Пушкина. Получилась абстрактная критика... Сам «Пушкин» ему «очень» понравился. (Пути господни неисповедимы...)

Я сам вижу уйму ошибок (надо полагать, что их еще больше, чем я вижу), но Ананий акцентировал не главные недостатки, как я это понимаю... Живое, непосредственное в его (положительных) высказываниях было вот что: в Пушкине Ананий чувствовал что-то «обезьянье», и у меня в портрете он увидел эту ему представляющуюся черту в той мере, переступить которую было бы карикатурой на Пушкина, а дать ее меньше, чем у меня — значит не видеть этой черты в нем... Указал на мою «настойчивость» в работе...

Критика Н. Н. Чернова: «Живопись, Марк, чужда какому-либо содержанию... Живопись не знает, что такое «изобразительное искусство», это люди решили для посторонних целей использовать ее... Ваш портрет Пушкина — психологический портрет. Это — дело литературы. Видна Ваша работа над ликом Пушкина, но лик этот надо было искать не в маске Пушкина, а в букете роз... В букете Вы гораздо больше увидите жажду жить и невозможность жить, а это то, что Вам нужно сказать о Пушкине, Вы встали на путь Иванова, который своим «Явлением Христа народу» убил в себе живописца, не поняв природу живописи. Живопись есть стихия цвета... Краска как материал и холст как материал не терпит объемной формы. Они должны стать в результате обработки мастера-живописца эмоционально-чувственной поверхностью, дающей наслаждение глазу... и т. д. и т. д. и т. д.

В заключение: «...конечно, в наше время, время непонимания природы искусства такое произведение, как Ваше — нужно «им»...»

Я хорошо знаю Н. Н-ча, и для меня не составляет труда более или менее точно передать его отзыв. В данном случае я не импровизировал.

Никогда не слышал высказываний Андрея.

Мать. Считает портрет «очень убедительным». Себя же считает «некомпетентной в этих вопросах» и, узнав о Вашей просьбе написать отзыв (и ее отзыв), просила меня не писать, так как ей самой непонятно свое отношение к вещи. Пишу же я потому об ее отношении (беру на себя смелость подобного утверждения), что ее отношение мне представляется ясным. Дело в том, что ей не нравится на портрете сама техника письма (лессировка) и какая-то тусклость красок. В отношении последнего я с ней согласен, но «сие от меня не зависит», так как писал отечественными красками. Лессировками я добивался устойчивости цвета и все время имел в виду это качество. В процессе работы моей говорила, что в лице много пессимистичности, а под конец как-то по-своему поняла (и, кажется, верно) его состояние и согласилась с ним. Просила меня Вам написать, что А. Мгебров дал точно такую же оценку портрету, что и Вы. (Мгебровская оценка — «Пушкин в это время не мог быть иным».)

НАДЯ. 17 марта 1937 г. ...Ну, сегодня, наконец, портрет отправлен на выставку. За сегодняшний день пришлось переволноваться и утомиться едва ли не больше, чем за весь предыдущий месяц.

Изложу по порядку. Утром, когда мы еще сидели за первым завтраком, приехал из Ленинграда из Общества пушкинистов молодой пушкинист (фамилии уже не помню) на легковой машине за холстом. Марк только руками всплеснул и, схватив метр, побежал измерять машину, но о погрузке в нее портрета не могло быть и речи, рама 150x185 см необычайно массивная. Оба приуныли и поехали на почту звонить в город по телефону, чтобы выслали грузовик. Но им ответили, что грузовика сейчас достать невозможно и чтобы они попытались раздобыть его в Пушкине. На почте оказался грузовик, но шофер выходной, вернется часа в 2 и тогда его немедленно пришлют к нам.

Однако решили, что нет гарантий прибытия этого шофера, и вышли на шоссе (за квартал от нас), ведущее в Ленинград, по которому все время снуют машины, в надежде поймать порожняк, идущий в город и заинтересованный в несложном заработке. Наконец какой-то военный обещал приехать к нам в 4 часа, когда повезет в Ленинград какие-то валенки.

Вернулись они домой, потолковали о выставочных делах, пушкинист сказал, что ему необходимо сегодня доставить ра-

боту Марка, т. к. 20/III на выставке будут представители прессы, наиболее интересные работы должны быть сфотографированы и опубликованы, должны появиться статьи.

Покормила я их. Проходит 2, 3 часа, встревоженные, они снова выходят на шоссе. В это время приходит шофер с почты. Я бегу на шоссе, встречаю пареньков, зову их срочно домой.

Шофер говорит, что почта берет за машину в час 20 руб., да и он хотел бы заработать 20 руб. Начинают высчитывать, за сколько времени можно съездить в город, выясняется, что не менее двух с половиной часов с погрузкой и разгрузкой. Итого 70 руб. Пушкинист не располагает таким капиталом, и Пушкинское общество не имеет таких средств. Долго они судят-рядят и наконец, прощаются с шофером скрепя сердце. А так как уже 4.30 минут — снова идут на шоссе. Через несколько минут является военный с машиной. Я прошу его подождать, а сама бегу на шоссе. Парней моих нет нигде. Побегав туда-сюда, я, расстроенная, возвращаюсь к дому, совершенно уверенная, что военный не согласится ждать. Однако он очень приветлив и спрашивает только, не украдут ли валенки во дворе, если поставить туда машину, пока он и шофер обогрются и выпьют немного. Я с радостью соглашаюсь, обещаю им закуску и хлеб, бутылка у них с собой.

Только они собираются ввести машину во двор, как появляются Марк и пушкинист, ведя грузовую машину. После коротких объяснений эта машина уезжает, военный с шофером благополучно водружаются у меня в комнате, пушкинист на улице сторожит валенки, Марк кончает упаковку картины, я угощаю, чем могу, неожиданных гостей.

Наконец около 7-ми часов погрузили машину и уехали. Я легла отдохнуть, так как устала до самой последней, невыразимой степени.

Марк вернулся поздно, тоже адски утомленный, но очень удовлетворенный — портрет повесили в прекрасном месте, исключительно выгодно по отношению к свету как дневному, так и электрическому. Кроме того, холст, громоздкий в его маленькой комнатушке, там — в просторном помещении сжимается, концентрируется, чрезвычайно выигрывает при рассмотрении с большого расстояния.

О дальнейшем напишу незамедлительно.

НАДЯ. 19 марта 1937 г. ...Хочу написать тебе немного о Марке. Каждый шаг его на творческом пути сближает нас все

больше. Каждой мыслью своей он делится со мной, и замыслы его вырастают у меня на глазах, меняются, развиваются, начинают воплощаться или, как теперь Пушкин, завершаются. Одно время обдумывал портрет Верхарна, не имея однако в виду приступить к нему немедленно. Сейчас он думает о большом холсте многофигурной композиции на тему «Военный совет». Он давно уже задумал писать на современную тему и именно на военную. Писала ли я тебе, что летом была в лагере ОСОАВИАХИМа? Один раз я приезжала из лагеря домой на выходной день. Военная гимнастерка оказалась мне так к лицу, и была я в ней так «женственно-мужественна» на взгляд Марка, что он решил писать мой портрет в военной форме, а потом решил сделать меня центральной фигурой картины. Очень много думает об этом образе. Страшно рад был, найдя у Пушкина в стихотворении «Выздоровление» образ женщины-воина, величественный и лирический. Замысел психологический — изображается оперативное совещание группы командиров на каком-то участке фронта, принимающее решение для немедленного его боевого осуществления.

Идея картины — Красная Армия — оплот мирового гуманизма. Трудно рассказать об этом в немногих словах. Со мной Марк делится этими мыслями постоянно то о композиции, то о свете, то о психологическом замысле. Сейчас вопрос стоит так, что если Союз художников обеспечит для этой работы контракт (на основании отзыва Совета о Пушкине), то Марк целиком посвятит себя ей. Если же нет, то — будет ли куплен Пушкин, чтобы обеспечить примерно год его работы. Если же ни то, ни другое — придется вести работу очень медленно, отдавая время и силы побочным заработкам. Пока это не ясно, но я очень надеюсь на один из первых двух вариантов. Очень уж тяжело (да еще с Ванькой) перебиваться от одной моей полочки до другой с крайне несистематическими подкреплениями от Марка за счет кино или праздничных «халтур», что идет, обычно, на квартиру, обмундирование, срочные расходы. А еще тяжелее видеть, как Марк постоянно озабочен этим, как ни минуты почти не может совершенно спокойно, беззаботно работать, отдаваться своему замыслу.

...О замыслах своих Марк ни с кем не говорит и всегда осуждает художников, распространяющихся о предполагаемых работах. Он считает, что о работе можно говорить только тогда, когда она сделана, до этого же все разговоры о «твор-

ческих замыслах» до отвращения напоминают ему болтовню и хвастовство.

МАРК. 1 апреля 1937 г. ...Дела мои выглядят так (по порядку): После того как работу мою отправили на выставку, ее смотрел специально выделенный для этого человек от «Ленизо» (художественного объединения), который дал (уж слишком) хороший отзыв о ней, представив меня художественному совету, как «серьезного мастера». Во время осмотра же он спросил меня, чем я думаю заняться сейчас. Я поделился с ним своими мыслями о композиции на военную тему. То, что я ему говорил, ничего общего не имеет с тем замыслом, о котором я Вам писал (с Надей в центре). Это в результате намека его на то, что работу «необходимо» написать к сентябрю, чтобы она могла быть выставлена на выставке «XX лет Октября». Дать согласие, имея в виду известную Вам мысль — я не мог, конечно. Но у меня была другая мысль, без «психологических глубин», и я поделился ею. Сводится она вот к чему: написать небольшую композицию — «Летчики перед полетом». У нас в Детском находится Ленинградская авиабаза, что в значительной мере подсказало мне эту мысль. Тем охотнее за нее взялся, что она даст в известном смысле отдых или передышку от психологического образа. Представитель Ленизо ухватился за эту идею (это происходило 26/III) и предложил мне к 29/III 37 г. представить «предэскиз», который, в случае хорошей оценки худож. совета, должен будет мной разрабатываться в эскиз... Три дня сроку... Нет — два дня, так как разговор происходил в конце дня... Худож. совет должен был состояться 29/III.

Мне показалось невероятным, что за эти 2 дня я должен буду еще добывать кожанку для натуре и то, что получится, представить на рассмотрение ленинградской профессуры. Высказал свои сомнения, но был успокоен тем, что решение предэскиза может не носить характера отдельной вещи...

Была — не была: согласился.

Юра был командирован к Андрею за кожанкой, и на следующий день с утра Юра представлял из себя манекен в пилотке (в которой я хожу), в кожанке, с португеей через плечо, а вместо бурок или краг были применены веревочки... они стягивали штанину на его ноге у ступни и под коленкой. Общий вид был довольно-таки забавный. Юра был мною предупрежден, что в силу сложившихся обстоятельств он будет позировать, а

я рисовать — до потери сознания. К счастью, никто не валялся без сознания, т. к. я делал эти наброски быстро.

Сделал 4 наброска по задуманной композиции, но без компоновки, выяснив их будущие взаимоотношения. На следующий день мне предстояло эти фигуры «завязать» композиционно. Помешало одно сволочное обстоятельство: пошла кровь из носа. Надо же! Все меры были приняты — от полумер до кардинальных (мордой под кран). «Истекал кровью» с 10-ти утра до половины первого. Потом немного кружилась голова, потом решил, что мне всего не сделать в оставшееся время. Стало быть, так нести.

До начала худ. совета показал «представителю», и он советовал показывать. На совете он доложил о своем просмотре моей работы на выставке и, дав отзыв о ней, упомянул, что и Н. Э. Радлов (он председательствовал) тоже видел ее на выставке. Тогда Н. Э. Радлов поправил его, сказав, что он специально ездил в Детское для просмотра работы. Это, видимо, произвело (неожиданное) впечатление на совет. Мне предложено приступить к работе над эскизом и даже составлено «отношение» в Пушкинскую авиа часть с просьбой от Союза художников предоставить мне возможность работать над необходимым типажом и над зарисовками на аэродроме.

Сегодня я ездил в Союз за этой бумагой, и мне предложили следующие условия: в случае утверждения эскиза — 750 руб. единовременного аванса и 1 000 руб. в месяц. Щедрость эта и понятна: все деньги вычтутся из той суммы, какую дадут за вещь. Спросили, сколько мне необходимо монет для приобретения материалов. Я назвал 350 р. Директор объединения просил выписать для меня 500 р. Трогательно, а главное, бумажку в авиа часть дали. Договоренность в авиачасти у меня уже есть, но не хватало этой проклятой бумажки.

Теперь ход открыт. Не осрамиться бы. Постараюсь эскизы и фрагменты к ним делать быстро. Если в авиачасти все будет хорошо, то работа пойдет быстрым темпом. Так мне кажется, и хочется этого. Завтра пойду в авиачасть.

5/IV пушкинистами будут обсуждаться работы, представленные на выставке. То, что меня будут крыть — в этом нет у меня сомнений. В газетах я не встречал никаких отзывов о работах на этой выставке.

Когда «представитель» осматривал работу, то люди, имеющие отношение к этой выставке, прочли нам отзыв о моей

работе, написанный экскурсией педагогов ИЗО (выставка в Доме учителя) архиввалебного содержания. А один отзыв представляет из себя образец лаконичности: «Необходимо создать общество по спасению Пушкина от Чаусовского». Остальные отзывы положительные.

Еще о работе. Мне предложено до 25/V сдать эскиз. Постараюсь сделать это к 29/IV, об этом выше забыл упомянуть.

НАДЯ. 1 апреля 1937 г. ...Дела Марка идут прекрасно, он тебе о них писал. Срок представления Марком эскизов на худсовет — 19/V, после чего он получит регулярное обеспечение, я не сомневаюсь, что эскизы его будут приняты (о чем он категорически запрещает мне говорить и очень сердится за мою уверенность).

МАРК. 10 апреля 1937 г. ...Один из устроителей Всесоюзной Пушкинской выставки в Москве Н. П. Ациферов на днях был у меня и просил послать фото моей работы в Москву в выставочный Комитет, возглавляемый А. Эфрос[ом] и И. Грабарем. Думаю, что из этого дела ничего путного не выйдет, т. к. у этой публики есть непостижимая точка зрения на искусство нашей эпохи.

Обсуждение работ, выставленных на Пушкинской выставке пушкинистами и художниками, назначено на 17/IV. О результатах сообщу.

МАРК. 13 апреля 1937 г. ...Добился от военно-воздушного начальства права на работу в условиях военного аэродрома. Возможно, что местное начальство (авиачасть) будет всячески мешать работать. Это видно хотя бы из того, что нач[альник] политотдела, сохраняя тон подчиненного, так разговаривал с нач[альником]ком военно-воздушных сил ЛВО (первый — Богачев, второй — Кропачев):

Б. — Мне бы очень не хотелось, чтобы эта работа была проведена в моей части по мотивам, Вам известным.

К. — Мало ли чего нам очень не хочется — нужно художнику предоставить возможность эту работу сделать.

Б. — У нас засекречены машины и люди.

К. — Всюду засекречены.

Б. — Но ведь можно художнику работать в соседней с нами части, там все-таки не так.

К. — Аэродром у вас общий. (Обращаясь ко мне: итак, свяжитесь с тов. Б., согласовывайте с ним и приступайте к работе.)

Б. — Но я не могу ему дать работать сейчас!

К. — Так через 10 дней дайте ему возможность приступить к работе.

Результат моих хлопот, как видите, очень сомнительный. Он есть, но... Сами можете судить о положении моих дел в смысле «напористой» творческой работы.

НАДЯ. 17 апреля 1937 г. ...Несколько часов назад я вернулась из роддома с сыном. Ладка необычайно нежна. Я очень счастлива. Марк совсем одурел от восторга. От Яки получила поздравительную телеграмму следующего содержания: «Горючо поздравляю, дорогие мои, и Вас, и особенно мальчика, так блестяще сумевшего выбрать родных, родину, время. Хочу видеть вас и скоро увижу».

МАРК. 21 апреля 1937 г. ...Вы уж простите меня, Владимир Николаевич, что несвоевременно сообщаю Вам об обсуждении выставки (было 17/IV). Итак, об обсуждении.

Прежде всего о составе собравшихся на обсуждение. Из пушкинистов я не знаю никого по фамилии, но было их там много. Было много представленных на выставке художников. Из журналистов был Ромм. Президиум состоял из двух пушкинистов, художника Павлова, представленного на выставке, и Ромма. Председательствовал, кажется, Оксенов — ученый секретарь Пушкинского общества.

После вступительного слова председателя слово было предоставлено Ромму. Он начал с того, что журналисты в своей практике применяют следующий метод — по прочтении статьи стараются забыть имя автора, каким бы оглушительным именем он ни обладал, и если статья не осталась в памяти целиком, то тот журналист не ошибается, кто такую статью бросит в корзину... Признавая этот метод жестоким, он не мог ему отказать в правильности. Будучи смолоду и до своих 52 лет журналистом, он ни разу не отказывался от этого правила. Уподобив выставку журнальным материалам, ему пришлось загрузить корзину, оставив на столе одну вещь — мой портрет.

Это заявление вызвало «рябь» в зале. Что мне понравилось в его выступлении, это верно понятая мысль портрета. В последующих хвalebных выступлениях это не совсем чувствовалось.

Выступила пушкинистка (организатор выставки) с несколько, я бы сказал, истерической речью о том, что «художникам надо работать так над образом, как работает Чаусовский, дерзать нужно так, как дерзает тот же Чаусовский».

Слово предоставлено было мне для того, чтобы я рассказал о работе над образом. Выступил и говорил только о работе без единого интерпретирующего слова.

Следующее выступление было тоже хвалебное, а дальше уже пошло вперемежку с «контрой», утверждавшей, что в Пушкина я вложил много своих черт (личных — портретных), что это сходство со мной вряд ли на пользу портрету и т. д.

Во всяком случае — от «контры» я ожидал более тяжелых наскоков, чем эти. Интересно: если бы мне нужно было выступить, то какие бы другие мотивы появились к отрицательной критике портрета?

Найти со мной большое сходство портрета — это то, чего я никак не мог предвидеть.

Больше всех меня удивил председатель, который взял на себя труд подытожить все высказывания. Наговорив всяких лестностей в мой адрес («Эта работа делает честь нашей выставке», «С удовлетворением отмечаем, что работа сама по себе так остро дискусируется»), он стал излагать свою точку зрения. Выходит так, что я «своей задачей поставил бросить вызов академической школе» (?), что «в решении формы» я «пошел по пути... натурализма и эстетства»... (?). Кончил он тем, что «необходимо расширить базу» обсуждения моей работы, что «эта работа должна быть предметом отдельного обсуждения».

А после был концерт. Вот и все.

Сейчас много работаю над «Летчиками» с натуры. Завтра с утра иду на аэродром писать самолет. Завтра — день командирской учебы, и летчики позировать не смогут. Подготовка к 1 мая оторвет их от моего дела. Буду это время работать над самолетом и пейзажем.

Пока все.

НАДЯ. 5 мая 1937 г. ...У нас чудная весна, сады и парки как будто покрыты кружевной зеленой накидкой. Немое восхищение охватывает на каждом шагу, куда ни глянешь.

Марк все время работает в авиачасти, но, хотя проводит там целые дни, слишком много времени пропадает даром: то натура его улетает, то на аэродроме такой ветер, что срывает и уносит холст, и масса других задержек. Однако он упорно хочет закончить эскизную работу к 19/V — к заседанию художественного совета.

НАДЯ. 28 мая 1937 г. ...Дела Марка обстоят так. 21/V Пушкина просматривал Совет ЛениЗО (орган Союза художников, занимающийся приобретением работ, изданием их, словом — коммерческий отдел Союза). Совет из отборнейших авторитетов. Впечатление очень хорошее. Совет постановил вынести эту работу на обсуждение расширенного Совета при Ленсовете. (Это — Совет, занимающийся творческими вопросами, организацией выставок и т. п. Этот именно Совет должен утверждать эскиз Марка.)

Весь Совет 29/V будет посвящен только этой работе как единственной из всех пушкинских работ как на московской, так и на ленинградской выставках. Но сегодня Марк ездил в город и оказалось, что, в связи с перевыборами как союзных, так и партийных органов, Совет откладывается на неопределенное время. Марк на все махнул рукой, заказал подрамник 200x266 см и подыскивает на лето помещение для работы, так как его комната мала для такого холста (14 м²). В процессе работы над эскизом замысел его изменился. Первоначально предполагалась жанровая сцена — группа летчиков перед полетом. Сейчас же фигуры летчиков по своей мощи, монументальности — переросли жанровый бытовой характер, стали героическими, эпическими. В этом направлении Марк и хочет разрабатывать картину, небо, тучи, землю, сами фигуры, дать «современных богатырей». Работу предвкушает с наслаждением. Эскиз прекрасен, но Марк страшно приbedняется, говорит, что это ужас, убожество и на грош не соответствует его замыслу.

МАРК. 3 июня 1937 г. ...Назрела масса вопросов к Вам в связи с замыслом картины психологического характера. «Перед полетом» композиция не психологическая. Мне хочется после Пушкина несколько отдохнуть от этих «глубин» с тем, чтобы вновь взяться за психологическую вещь, по поводу которой у меня уже назрели вопросы к Вам.

Надя немного писала Вам о «Детчиках». Сейчас я уже приготовил для них полотно размером 2 м x 2 м 66 см. Думалось все время, что для работы над таким полотном потребуются большее помещение, чем у меня, и более светлое. Мне было сказано в ЛОССХе, что найденное мною помещение для работы над «Летчиками» они будут оплачивать. Такое помещение в Детском и подыскал, но... передумал: решил писать в своей комнате, несмотря на всяческие отсюда трудности. Мне кажется необходимым иметь вещь, над которой работаешь, все время

у себя перед глазами или за занавесом, чтобы в любой момент можно было бы ее видеть, работать над ней. Если работа будет находиться где-то, кроме жилья, то это уже плохо. Конечно, речь идет не о всякой работе, а о работе, в которой искомый образ находит свое выражение в самом процессе работы.

На эту композицию смотрю как на вещь, которой должен сделать шаг вперед как живописец. Если этого движения не будет, то нельзя браться за психологическую вещь, которую задумал делать после этой работы.

Мысль «Летчиков» претерпела эволюцию: сначала задумал их в плане жанровой вещи, а переросла еще ненаписанная вещь в эпическую. Отсюда недоразумение с эскизом. Эскиз я не показывал худож. совету, и было бы хорошо его не показывать. В авиачасти, где я подбирал типажи, просмотрел почти 1 500 человек, из которых выбрал четверых. Стоящие ребята. Ясна цель — дать образ летчиков, для которых проявление героизма является делом обычным, будничным, их «профессией» в некотором роде. «Богатырями современности» должны быть мои летчики. Вот и весь сказ о них.

Художник Платунов (старик) этот эскиз видел, растрогался и обещал мне загрузить холст по известному ему рецепту. Рецепт он мне давал, и я его уже проверял на холстах — замечательный грунт. Платунов же грунтует, как пожилой бог с большим производственным стажем. Числа 5/VI он придет ко мне. Он будет с моей помощью грунтовать, а мне — учеба.

Сегодня случайно встретился с проф. А. Р. Коганом (о котором Вам уже писал в связи с работой над Пушкиным). Дня 4 назад я был в Л[енингра]де по делу и видел его проезжающим в трамвае. Увидав меня, он, улыбаясь, мне зааплодировал. Сегодня он мне объяснил, в чем дело: на днях он, возвратившись из дальней командировки, успел услышать в Ленинграде толки о моей работе (мне как-то неловко было расспрашивать его об этом, сам он не называл фамилий). Поздравлял меня с тем, что «даже те, кто обрушивался на работу с резкой критикой, вынуждены ее хвалить». Говорил об остроте положительной и «нападающей» критики и что все, вместе взятое, не случайно. Сам он горячо поздравил меня.

Пушкинское общество, на котором было обсуждение выставки, решило преподнести мне высказывания выступавших о моем портрете. Они мне показали и протокол обсуждения моего портрета.

ОБСУЖДЕНИЕ

портрета А. С. Пушкина работы М. Р. Чаусовского

Работа т. Чаусовского вызвала оживленный обмен мнениями на обсуждении выставки Пушкинского общества в доме Учителя 17/IV 1937 г. При этом наметились две противоположные линии оценки этого произведения.

Одни из выступавших (В. Ф. Широкий, З. А. Петрова) указывали на то, что в работе над портретом Пушкина художник должен опираться на существующие «канонические» изображения поэта (Кипренский, Тропинин), а не вносить свое толкование образа Пушкина, как это пытается делать т. Чаусовский. По мнению некоторых выступавших, работа т. Чаусовского страдает условностью метода и не соответствует принципам социалистического реализма.

М. И. Соломонов высказал мнение, что при работе над образом Пушкина художник должен консультироваться «не с Тропининым и Кипренским, а в первую очередь с самим собой».

В ряде выступлений был отмечен значительный интерес, представленный работой т. Чаусовского. «Эта работа наиболее запоминается, в ней есть новая мысль», «перерастание портретных рамок в картину большого психологического напряжения» (Г. М. Ромм), это «вещь внутренне пережитая — редкий случай в портретах Пушкина» (И. А. Боричевский), «здесь видно творческое дерзание, которое было свойственно и Тропинину, и Кипренскому, создавшим также свой образ Пушкина» (Н. В. Кузнецова).

Некоторые товарищи отметили автопортретные черты в работе Чаусовского.

Председатель собрания И. А. Оксенов в заключительном слове, подводя итоги обсуждения выставки, отметил оживленные споры, вызванные работой т. Чаусовского, и провел параллель между этим произведением как своеобразной реакцией против академизма в пушкинской иконографии и работой русских художников «передвижников».

Наибольший упрек, который можно сделать т. Чаусовскому, — это упрек в натурализме, приводящем к своеобразному эстетизму. Тем не менее работа т. Чаусовского остается крайне интересной работой, заслуживающей широкого обсуждения даже в том случае, если правда художественная в ней не вполне совпадает с правдой исторической.

Ученый секретарь Пушкинского общества

И. А. ОКСЕНОВ



М. Чаусовский. Портрет А. С. Пушкина

МАРК. 13 июня 1937 г. ...Худож. совет должен быть 19 мая, но по случаю перевыборов это дело не состоялось и было перенесено на 29-ое, потом на 9/VI, теперь говорят, что неизвестно, когда будет худ. совет Ленсовета. Уже давно перестал думать об этом совете и решил работать над «летунами». Холст загрунтован, успел высохнуть, нанес рисунок, а теперь буду работать над рисунком неба (самое сложное в рисунке).

На 4 летчиков смотрю только как на работу для цвета. Главное — колорит. Если справлюсь, то возьмусь с более легким сердцем за большую вещь, которой посвящу не один год работы. Что будет нового — сообщу сразу же.

МАРК. 1 июля 1937 г. ...За последние дни обстоятельства складываются так, что чего-то обещают мне в ближайшие дни.

Предрешать ничего не хочется. «Глава» просил позвонить ему из Детского в 12 ч. дня. Сейчас я нащупываю композицию «Летчиков» перед полетом. Что-то будет? Работаю, конечно, над большим холстом, а не над эскизом.

НАДЯ. 12/VII 1937 г. ...Дела наши без перемен. Совет, от которого зависит и приобретение Пушкина, до сих пор откладывается буквально со дня на день. Ответ всегда один: в конце шестидневки. Затем — в начале следующей шестидневки. Потом обязательно в конце этой шестидневки. И опять в начале следующей — непременно и т. д., как «у лопа была собака». В конце последней шестидневки, т. е. 10/VII Марку сказали, что в первых числах следующей шестидневки — 13—15/VII — обязательно и бесповоротно будет совет. Но я уже смотрю на эти обещания без всякой надежды, — они тянутся 2 месяца.

«Летчиков» Марк ведет уже на холсте и надеется закончить их значительно раньше намеченного срока (годовщины Октября). Работает страшно напряженно, интенсивно, нервно. За год похудел на пуд. В связи с отсутствием за последние месяцы какого-либо заработка у Марка мы дошли до крайне печального материального положения.

НАДЯ. 17 июля 1937 г. ...Марк усиленно работает над рисунком ткани. Для живописной работы над холстом у него нет натуры — комплекта летческого обмундирования. Небо, облака, землю — он подготовил, а с обмундированием такая трагикомедия: очень строгая кара за использование его не по прямому назначению (а летческое особенно ценно — 2 000 руб. гос. цена комплекта), так что никто не решается письменно распорядиться выдать его. Марк дошел до окружного командо-

вания военно-воздушными силами, и отказать ему не могли, так как он пишет картину по заданию Ленсовета. Каждый посылал его к сверхначальству (выше, кажется, один только Ворошилов), и каждый начальник отдавал нижестоящему устное приказание выписать комплект, но каждый нижестоящий боится брать на себя ответственность, надо идти еще выше и т. д. Штаб командования в истерике. Марк тоже. Он требует, чтобы на ходатайстве от Союза ему наложили резолюцию «выдать», либо — «не выдавать», и тогда он будет действовать по линии обкома партии, но ни запретить, ни разрешить никто не решается, и после поездок в город Марк возвращается обессиленный. Трудно представить, когда это кончится. Сегодня ему сообщили, что Пушкина хочет приобрести Русский музей. Может быть, тут что-нибудь выйдет, т. к. худ. совет соберется — «по всей вероятности, на будущей шестидневке».

НАДЯ. 25 июля 1937 г. ... На 24/VII была назначена комиссия Русского музея для просмотра на предмет приобретения лучших работ ленинградских художников, в том числе и Марка. Я сказала себе, что если 24/VII вопрос не разрешится положительно — я попрошу у тебя денег.

Оказалось, что это — объединенная комиссия Русского музея и Московского Комитета по делам искусств. Ждала вчера Марка со страшным нетерпением, но вернулся он все же безрезультатно, т. к. комиссия работала вчера и будет работать сегодня (при закрытых дверях, конечно), а результаты должны быть официально сообщены завтра. Деньги же мне нужны до 1/VIII до зарезу — накопился громадный долг за квартиру, некоторые неотложные долги, расплата за ремонт кухни, да и жить нечем.

Ты знаешь, что Марк пишет «летчиков», и ему обещали платить за эту работу ежемесячно. После бесконечных проволочек оказалось, что эти заказы (к выставке 20-летия Октября) розданы Ленинградским Комитетом по делам искусств художникам без обеспечения средствами. Это повлекло за собой крайне бедственное положение художников, взявших заказы, что грозит срывом выставки, и сейчас руководство Комитета (глава его — Рафаил) обвинено во вредительстве и арестовано. Поэтому-то и злосчастный худ. совет, который является заказчиком, не собирается до сих пор, и средства его закрыты. По линии этого заказа обещают деньги в начале августа. Боже мой, как паршиво! Еще никогда не переживала такого адского лета.

НАДЯ. 30 июля 1937 г. ...Марк вернулся из города удрученный до последней степени. Была комиссия Ленсовета (не худсовета), закрытое заседание, на котором присутствовали только секретарь Ленсовета, новый председатель Комитета по делам искусств — некто Цильштейн, директор ЛениЗО Катуркин и в качестве эксперта — скульптор Манизер. Из художников допустили только Марка. Результат комиссии Русского музея: музей сейчас не имеет денег. Результат комиссии Ленсовета: работа интересная, но дискуссионная. Таким образом близкое опасение провалилось. В начале августа якобы должны быть деньги под ведущуюся работу.

Ух, как тяжело. Ну, у меня отпуск кончается, и с 15/VIII буду получать очередные полочки. Надеюсь, что к твоему приезду выправимся.

НАДЯ. 1 сентября 1937 г. ...Марк халтурит все время, над картиной сейчас не работает совершенно. Сделал тут одно оформление в Пушкине, за которое вместо обещанных 500 руб. ему заплатили 250. Сделал обложек для журналов рублей на 500, но заплатят тогда, когда обложки будут утверждены Горлитом к печати. Взял заказ на антирелигиозный плакат на 1 500 руб., получил 25 %, работу думает закончить к 15/IX. Кроме того, я уже начала получать зарплату, т[ак] ч[то] неопасно.

НАДЯ. 10 сентября 1937 г. ...Марк работает над своим плакатом. Вчера у него были 4 руководителя ЛОССХа (главные начальники), которые объезжают художников, чтобы ознакомиться с состоянием работ к выставке «20-летие Октября». Очень удивились и огорчились, что «летчики» не будут готовы к выставке, работу эту одобрили и советовали продолжать. И удивлением своим и советом страшно разозлили и расстроили Марка. По неуравновешенности своей и «недостатку хладнокровия» он впал в черную ипохондрию и для успокоения взял Иванку и отправился в парк. Эти прогулки всегда так освежают и умиротворяют, что возвращаешься после них как бы омытый какой-то росой.

НАДЯ. 9 октября 1937 г. ...Марк сдал антирелигиозный плакат к выборам в Верховный Совет, и плакат был принят и одобрен Горлитом, как вдруг вышло новое правило — все политические плакаты перед выходом в свет просматривает сам Сталин.

Новая судьба плаката выяснится на днях, а пока заключен новый договор на тему «Бдительность». Марк начал его 5/X, а

13 /X рассчитывает сдать. Получается очень интересно, обязательно сфотографирую и пришлю. В перспективе теперь систематическая работа над плакатами.

Сейчас авансы за плакаты да оплата ранее сделанных обложек для журналов дали несколько прийти в себя после летнего безденежья. Дома благодетельная атмосфера интенсивной работы и материального отдыха.

МАРК. 28 октября 1937 г. ...Если посмотреть в целом на то, что сделано, то это — Пушкин. Сейчас Союз художников поставил вопрос о его представлении на выставку к 20-летию Октября в Русском музее. Крепко сомневаюсь, чтобы это получилось: начальник Комитета по делам искусств против его приобретения, а с ним и директор Русского музея. Союз настаивает на выставлении его. Я же держусь абсолютно нейтрально — будто меня и вовсе нет. Так лучше. У них драка. Этому я рад. Начата работа над «Летчиками», но сейчас отложена на неопределенное время. Оказывается, Ленсовет никакого заказа Союзу художников не делал. Масса художников на этом деле обожглась. В Союзе — кутерьма. Все это прошло не без арестов и объявления кое-кого врагами народа. 7 месяцев не получал от Союза ни гроша. Хватит. Взятся за политический плакат. На этом участке пошли большущие строгости. Все то, что проходит через ИЗОГИЗ и относится к политическим плакатам и историческим материалам, после принятия Московским ИЗОГИЗОМ — лично просматривает Сталин. Я сам наметил темы для плакатов и дал к ним подробные аннотации. Два плаката сделаны. Если они пройдут в печать, то это еще не решает неотложного. В предвидении этого наметил себе программу на зиму, а может быть и на весну (как пойдет работа). Решил сделать серию плакатов, вскрывающих сущность фашизма, шпионажа, диверсии, вредительства, фашистской агентуры в СССР. К задуманной серии разработал пока 17 плакатов. Все они уже аннотированы. Аннотации с письмом послал в НКВД. Если они не задержат с ответом, то представляю их в ИЗОГИЗ для заключения договора на работу. Не уверен, удастся ли заключить договор на все 17 плакатов сразу. Может быть, придется заключать договор на каждый в отдельности по мере представления работ. Возглавляющий ЛениЗОГИЗ (т. Кондратьев) весьма положительно отнесся к моей затее. Как пойдет дальше — увидим. Жизнь все-таки — лучший учитель. Если из 20 плакатов только 10 пройдут в печать — это будет блестяще.

На 1-ый плакат сумма была 1 500 руб., на 2-ой — 2 000 руб. Над 1-ым работал 7 дней и ночь, над 2-ым — 10 дней. Срок работы над эскизом и оригиналом — 1,5 месяца, ИЗОГИЗ дал для 2-го плаката 2,5 месяца и просил тремя днями позже заключения договора сделать его в 10 дней. Пришлось работать по 18—19 часов в сутки. После сдачи 2-го плаката засел писать аннотации к серии. Отправил их и... заболел. Грипп, кажется. Сегодня уже лучше себя чувствую. В связи с намеченной работой никак не обойдусь без «лейки», стоит же она, сволочь, 704 руб. Если к этому присовокупить стоимость увеличителя, то совсем весело получается. Скорее бы получить за сделанные (если пропустит Москва) и обеспечить себя необходимым для работы. Всю эту работу мыслю себе как средство для работы над большим задуманным полотном, о котором уже писал Вам.

НАДЯ. 27 декабря 1937 г. ...У Марка сейчас есть работа по устройству литературной выставки в филиале лектория. Работа все время тормозится то нехваткой строительного материала, то столярная работа задерживается, так что у Марка много времени уходит на «простой» и, хотя он работает над натурой дома во время вынужденных перерывов, эта волокита его крайне удручает. Хочет снова приступить к своим заброшенным «летчикам».

НАДЯ. 6 января 1938 г. ...Посылаю фото с первого плаката Марка на тему из доклада Сталина: «Трудящиеся сами не должны допустить поповщину в Советы». Плакат хвалили, хвалили, но так и не печатают, хотя и говорят: «Очень хороший плакат, необходимо продвигать». О плакате со змеей получил ответ, что плакат «сделан не в современной манере».

Он работает, как вол, делает на мой (да и на всех) взгляд превосходные вещи, их хвалят и... больше ничего. Он в страшно подавленном настроении, начинает чувствовать себя «лишним человеком», просвета буквально не видно. Единственный заработок дает ему тупая шрифтовая работа для выставок, на которую он убивает массу времени: целыми днями пишет и вырезает буквы.

НАДЯ. 27 января 1938 г. ...Я занята так, что бывают дни, когда я провожу в школе все время с 8 утра до 12 ночи, не заходя домой, хотя живу в 15 минутах от школы. Разные обязательные и сверхобязательные политзанятия, производственные совещания и педсоветы сыплются, как из рога изоби-

лия. Первое полугодие меня как кормящую мать освободили от всех нагрузок, и я наслаждалась прямой своей работой — преподаванием. Теперь же как стена навалилась — нет времени готовиться к урокам. Из-за такой нагрузки на мать уж поневоле перешло все хозяйство и идет не блестяще.

«Везенье» Марка продолжается: лекторий, которому он сделал большую работу по двум выставкам, в общем на 1 300 руб., дал ему только по одному договору аванс в 150 руб. больше месяца назад и теперь задерживает деньги на неопределенный срок, т. к. на соответствующем счету у него не оказалось средств. Урывками Марк работает над «летчиками», которых хочет сделать к юбилейной выставке Красной Армии в виде небольшой (45x60) акварели. Думает закончить к 19/II. Он написал аннотации к задуманным им политическим плакатам. Это было уже несколько месяцев тому назад. Бродя по инстанциям, они попали в культотдел горкома. Марка вызвали туда и спросили — чего он собственно хотел, чтобы осуществить эти замыслы. Он ответил, что хотел бы иметь на них заказы, но не хотел бы иметь дела с руководителями ИЗОГИЗа, которые ничего так не боятся, как политических тем. Ему сказали, что обсудят этот вопрос, посмотрят уже сделанные им плакаты и предложат заведующему ИЗОГИЗом заключить с ним договор. Чего лучше?

Сегодня Марк получил предложение представить в горком какую-либо сделанную работу для ознакомления. Плакат с попом он продал антирелигиозному музею, а антифашистский плакат ему до сих пор не возвращен. Он грозит ИЗОГИЗу подать на него в суд с требованием уплаты договорной суммы, ИЗОГИЗ посылает истерические запросы в Москву, куда плакат был отправлен на просмотр, но оттуда ни ответа, ни привет. Потеряли его, что ли, или присвоил кто-нибудь? В таком случае Марку должны будут уплатить договорную сумму с большой, конечно, волянкой, но самое неприятное то, что сейчас нет на руках ни одного оригинала. Придется представить фотографии. А они дают очень бледное представление о плакатах, которые Марк делает удивительно чисто, даже странно, что это сделано рукой, как будто напечатано удивительно сочно, такая чистота и точность.

Антипоповский плакат Марк считает неудачным и сам не любит, даже не хочет никому показывать, а снимок с другого очень мелкий, невзрачный.

МАРК. 17 марта 1938 г. ...Дела мои, Владимир Николаевич, даже не скверные — их у меня вовсе нет. Я был слишком наивен, когда предполагал, что наша действительность, жизнь, все люди нуждаются в таком возбудителе духа, как живопись. Не знаю — нуждается ли она в этом, но я нуждаюсь и очень, очень сильно, быть может, не имея достаточно данных, чтобы быть творцом.

Оттого, что я тысячи раз буду твердить себе это «очень», — у меня не прибавится основания мириться с тем, с чем нельзя мириться. Вывод, который я искал, — нашел: пойти хоть в дворники, и с полным сознанием своего внутреннего права заниматься своей живописью. С какой целью? Эгоистической: только для самого себя сделать свою жизнь содержательной. Что значит содержательной? Средством искусства создать себе ту жизнь, которой был бы удовлетворен.

НАДЯ. 28 марта 1938 г. ...У нас дома последние дни очень весело, Марк нашел совершенно неожиданную работу — в нашей местной пушкинской газете «Большевицкое слово». Он у нас — корреспондент. Марк обследует работу разных пушкинских учреждений и пишет об этом статьи. Работой его очень довольны, правда, он отдается ей с необычайным жаром. Две статьи уже напечатаны, три находятся в работе — об организации постоянного театра в нашем доме культуры, о детдоме маленьких испанцев и о работе Дома пионеров. Изучение этих вопросов было необыкновенно интересным, особенно знакомство с испанским детдомом. Словом, работа интересная. Платят построчно. Хотя Марк работает очень интенсивно и производительно, — не знаю еще, как это выразится материально. Ему говорят, что до 500 руб. в месяц, но я думаю — дай бог, 300 руб. хотя бы.

НАДЯ. 5 апреля 1938 г. ...Последние месяцы в местных газетах — «Ленинградская Правда», «Красная» и других, а на днях в московской «Советское искусство» — отчаянно ругали руководство ЛениЗО и ЛОССХ (Лен. отд. Союза художников) за коммерческий дух, зажим молодых талантов, бюрократизм и многие другие грехи. Тут я пристала к Марку, чтобы он потребовал в ЛениЗО письменную мотивировку отклонения «Пушкина» с выставки и отказа обсудить его в Союзе. Тогда ему немедленно заявили, что обсудить работу они не отказываются и могут поставить обсуждение 7/IV в специально для этого созданной живописной секции ЛОССХа. Значит, послезавтра,

тот обещал быть. Начало было год тому назад, посмотрим, каково будет продолжение. Тогда обсуждение происходило в художественном совете, состоящем из профессуры, дающем вещам оценки в коммерческих интересах ЛениЗО. Теперь обсуждение должно быть в творческом коллективе ЛОССХа, значит, будет и молодежь. Я жду этого с волнением.

НАДЯ. 15 апреля 1938 г. ...Прежде всего о Пушкине. 7/IV (в день рождения сына) мы отправились в ЛОССХ на заседание живописной секции. Оказалось, что это всего 6—7 человек, жюри для просмотра картин членов ЛОССХа для выставок и не членов — для приема в члены.

В выставочном зале стоит несколько десятков холстов. Просмотр происходит без авторов. Только Марк присутствует (и я), т. к. его вещь обсуждается по просьбе начальника ЛениЗО, знаменитого Катуркина. Секция состоит из нескольких желчных стариков и развязных юношей. Начинают с Марка.

Глава секции обращается к Марку с вкрадчивым вопросом — с какой собственно целью тот хочет узнать мнение живописной секции. Марк отвечает, что ему хотелось бы выслушать творческое обсуждение своей работы, и он думал, что заседание секции будет более широким. Гм... а не намерен ли он использовать мнение секции с коммерческой целью? Аргументировать им при продаже холста? Нет, он этого не собирается делать. [Значит,] он хочет поместить эту картину на выставку? Или вступить в члены ЛОССХа?

Отрицательный ответ на оба последних вопроса окончательно сбивают с толка секцию и укрепляют ее в мнении относительно коммерческих целей консультации. На этом они не дадут себя провести. Они видят хитреца насквозь. Поэтому один из них находит идеальный выход из положения — он говорит: «Творческое обсуждение не входит в наши функции. Единственное, что мы можем для Вас сделать, — это высказать Вам наше частное мнение. Но имейте в виду — абсолютно частное, ни к чему не обязывающее. Вас интересует наше мнение?»

«Да, конечно».

Члены секции очень довольны найденным выходом и начинают высказывать свое «абсолютно частное мнение». Их высказывания можно свести к следующим репликам:

«Да, работа совершенно не профессиональная. Никакой анатомической правильности. Голова непропорционально велика. То есть она настолько велика, что этот торс кажется про-

сто смехотворным. А лицо — разве может быть такой подбородок при такой верхней части лица? Чудовищное искажение действительности... При таком массивном плече совершенно отсутствует тазобедренная часть, ведь ему же не на чем сидеть. С живописной точки зрения — тоже вопиющая безграмотность, к чему такое избитое сочетание зеленого (спинка кресла) с красным (халат)? Лоб провалился. Глаза выскочили вперед. Лицо вывернуто. Маска искажена. О сходстве и говорить не приходится... Впрочем, мы спешим — у нас уйма дел на сегодняшний вечер. Мы Вам дружески высказали свое впечатление... »

Группа отходит к соседней стене, где висят сухие, яркие, похожие на аппликации картины неудачного подражателя Дейнеки.

Около Марка остается один грузный старик. Старик говорит Марку: «Эта работа мне нравится. Но она не будет иметь успеха, так как у Вас слишком своеобразное представление о поэте. Я знаю эту работу, я был в жюри по отбору работ на юбилейную выставку. Эта потому и не была пропущена, что Пушкин тут слишком мрачен, демоничен. Кроме того, спорен слишком светлый цвет волос. В общем, Ваше представление Вы передали с большой силой. Хорошо написаны руки... » Затем он сказал, что ему пора идти, и направился к выходу. — Разве Вы не член секции? — «Нет, я не имею к ней никакого отношения». — Простите, как Ваша фамилия? — «Чепцов».

Это — старый художник и большой авторитет. Секция продолжала переходить от работы к работе. Мы отправились домой.

Все это было так фантастично, так дико, что скорее можно было назвать все это восхитительным, чем возмутительным. Нам было странно и смешно. Теперь Марк возьмет «Пушкина» домой. Нужно будет уладить вопрос с его доставкой обратно в Пушкин.

Я, кажется, писала тебе, что возвращенный из Москвы без ответа плакат со змеей попал, наконец, в Ленинградский горком для окончательного заключения. (Марк, между прочим, писал в Московский ИЗОГИЗ с просьбой сообщить ему причину отклонения плаката, но ответа, конечно, не получил.) Горком мариновал эту работу несколько месяцев. Не желая перечить Московскому ИЗОГИЗу, он в то же время не мог найти в плакате никакого политического дефекта. И вот Марк получает из графической секции ЛОССХа приглашение явиться на

обсуждение его плаката. Значит, горком сплавил плакат со своих плеч туда, дабы иметь возможность избавиться от него если не по политической, то хоть по технической линии.

Марк пошел в ЛОССХ, заявил, что он вовсе не просит обсуждать его работу, и забрал ее к величайшему конфузу секретаря, который был обязан сообщить результаты обсуждения.

Сначала я ругала Марка — ведь работа безупречная, к ней буквально нельзя придраться. Но Марк, смеясь, сказал: если работа прислана из горкома с намеком, что она забракована Москов[ским] ИЗОГИЗом, то вывод предрешен и незачем подвергать себя и свои работы лишний раз rasterзанию.

Посмотрев, что такое живописная секция ЛОССХа, и представляя себе, что графическая секция является вторым сапогом этой «чудной» пары, я больше ничего не хочу, не хочу, чтобы Марк вступал в этот «чудный» союз.

НАДЯ. 16 мая 1938 г. ...Марк успешно действует на фронте газетном. Меня также принуждает к литературной работе. Я сдала в ДетГИЗ обработанную ассирийскую сказку (со слов Анания), на днях должен быть ответ. В его же литературных подвигах я ему никогда не помогаю. Если иногда мне и случается дать ему какой-либо совет, то он, бедняга, скрепя сердце, доказывает мне всю нецелесообразность моих предложений, так что отсутствие во мне газетно-очерковых дарований доказано с очевидностью.

МАРК. 30 мая 1938 г. ...Вы спрашиваете, что же в конце концов с Портретом? Он находится сейчас в запаснике ЛениЗО. Оттуда его должны доставить обратно мне на квартиру как вещь непригодившуюся.

Что ж в итоге, в результате всей работы?

Много было шуму и «за», и «против», а когда дошло до начальника Комитета по делам искусств (некоего Цильштейна), то он просто заявил, что это — «Пушкин-пессимист... У Вас неверное представление о Пушкине... Во всяком случае портрет дискусионен...» На этом поставили точку. Какое дело такому руководителю до каких-то конкретностей, следствием которых является данный образ, когда мы — оптимисты, а у меня Пушкин не улыбается. Кончено.

Я испытал на себе участь многих художников, не желающих халтурить. На протяжении 15 месяцев каждое утро встречал вопросом: можно ли еще сегодня работать или нужно бросить уже осязаемый образ — близкий, трепещущий вопло-

щением, и судорожно искать побочный заработок — «халтуру», «однодневку» — хотя бы писание лозунгов... Ежедневно, ежечасно вставал вопрос — как с семьей прожить день?

Подобный искус выносить дальше невыносимо. И я вынужден на неопределенно долгое время оставить живопись, и — при всей страстности моего влечения к ней, ощущая в себе возможности настоящего творчества в этой области, я пошел на другую работу. Как Вы знаете — я теперь газетный работник.

Станным и совершенно невероятным кажется, что в Советском Союзе масса художников поставлена в еще гораздо более тяжелое положение, чем был поставлен я, и именно художников, всем существом своим преданных делу и не желающих идти по линии наименьшего сопротивления. Многие из них погибли.

Вахромеев, участник гражданской войны, впоследствии окончивший Академию художеств — способный художник — долго наведывался в Союз за помощью. Наконец получил 500 р. и... в тот же день умер от истощения. Факт настолько чудовищный, что выглядит неправдоподобно. Вахромеев был лишен всяких средств к существованию. Диманд — способный художник, окончивший Академию художеств, хотел работать над большими образами. Не вынес материальных тягот — бросился в Фонтанку. Купцов — художник. Чувствовал себя на неверном творческом пути, хотел выправить его, но ему в этом не помогли — не до него было... плюс невыносимые материальные тяготы — повесился...

Возникает вопрос: почему же так?

Из всех искусств самое отсталое в нашем Союзе искусство — живопись. Самая безобразная система руководства в этой области. Необходима корневая реорганизация всей постановки дела. Пока что у нас главным «критерием» в оценке живописных произведений является не единство формы и содержания, а «актуальность тематики». Ясно, конечно, что этот «критерий» нашими руководителями официально не признается, но практически он царствует всюду. Слово «содержание» тут даже употребить нельзя, т. к. оно выражает образное начало произведения. Приходится писать самое распространенное слово — «тематика».

Что получается? Художники в бесконечных вариантах пишут «актуальные» картины, где большей частью изображают наших вождей. Художник Лякин написал картину — «Киров на

охоте». Чем, как не «хлесткой тематикой», объяснить тот факт, что художник, абсолютно не ставивший перед собой образных и живописных задач, абсолютно не справившийся с образом тов. Кирова, получает от ЛенИЗО много тысяч рублей? Эта игра на симпатии народных масс к нашим вождям оказывается весьма «хлебным» делом.

Другой художник пишет групповой портрет, где тов. Киров выступает с трибуны XVII съезда партии. Это не наш Миронич. Живописи там никогда не было, и тела изображаемых людей поразительно напоминают дерево, покрытое лаком. Такая вещь принимается с большущим гонораром. «Успех» подобной вещи, как уже писал — «в хлесткой тематике»: изображен весь состав Политбюро ЦК..

Это отсутствие образности относится не только к портретам наших вождей. Конкретных примеров можно привести тысячи — тысячи подобных полотен уже написаны, и за них получены десятки миллионов рублей. Страшно то, что подобное явление уже стало традицией.

Основой для наших художников должен стать вопрос выразительности образа. Тогда достижения технические приобретут колоссальное значение. Прежде чем предъявлять художникам требования образного порядка — нужна большая работа в печати по вопросу *выразительности образа* на конкретных примерах творчества мастеров прошлого. Акцент — на мастерах эпохи Возрождения. То, что сейчас уделяется много внимания, в связи с юбилеями, творчеству больших русских мастеров (Репин, Суриков, Крамской) и величайшему — Рембрандту, мне представляется прекрасной идеей, отданной на претворение в дрянные руки. Это скорее похоже на поминки по великим мастерам, чем на усвоение их богатейшего опыта. Пишут, да не о том, что помогло бы нашим художникам взять от этих мастеров. Восприятие наследия идет опять-таки не дальше техники живописных приемов. Упускается из виду, что техника великих мастеров — производное от их образов. Не в техническом манерничании заключается богатство больших мастеров, а в силе их образных обобщений, поэтической пронизательности.

Художественный образ может найти свою наиболее выраженную характеристику только тогда, когда он доведен до максимальной конкретности. Синтетический образ у нас не исключает конкретность, а базируется на ней, утверждает ее.

В центре внимания должен быть художник, а всяческие комитеты, комиссии, начальники по делам искусств и пр. — для художников, а не наоборот, как это у нас в действительности. Необходимо изменить распространенный среди «руководителей» взгляд на живописца как на ремесленника. Художник тот, для кого ремесло лишь средство выражения наших общественных идеалов и достижений.

В настоящее время большинство художников в идейном смысле влачит приспособленческое существование, лишенное активного отношения к нашей действительности. Нужно поломать существующее руководство и «самообразовавшуюся» систему работы с художниками. Необходимо самыми решительными мерами уничтожить базарный, торгашеский дух в наших союзах, несовместимый с подлинным творчеством. Этот торгашеский дух чудовищно унизил достоинство нашего художника.

Нужно предвидеть, что какая-то часть художников, столкнувшаяся с новыми требованиями к живописи, почувствует себя несостоятельной и отстранится от живописи. В этом ничего прискорбного не будет...

Я не собираюсь утверждать, что критериев в оценке живописных произведений нет. Они есть. Но их нет в практике руководства изобразительным искусством. Отсутствие критериев в оценке живописных произведений создает почву для произвола, базарного, торгашеского духа среди художников, подхалимства и для разочарования. А самое главное — без этих критериев не может быть искусства, достойного народа, строящего социализм.

[Н. В. Сперанская излагает хронику дальнейших событий.]

14/Х 1938 г. родился второй сын — Михаил. Поиски заработка. Эпизодические заказы на оформление или портреты. Не прекращая работы в газете, Марк поступает в октябре 1938 г. на машиноремонтный завод токарем, а затем работает там же техническим нормировщиком. Воеет со всем, что считает несправедливым и на заводе, и в своей газетной практике. На увещевания — не вмешиваться во все дела, какие встречаются на пути, — отвечает: «Если не я — то кто же, если не сейчас — то когда же?»

22/X 1940 г. Марк арестован. Ушел из дому и не вернулся. Несколько дней не могла ничего о нем узнать — и в милиции, и прокурор гор. Пушкина утверждали, что им ничего не известно. Только после того, как пришли с обыском, узнала, что он в Ленинграде.

Стену, вставшую вокруг него, не пробить.

25/III 1941 г. вынесен приговор Особого Совещания, Марка и Герловина к 8-ми годам исправительно-трудовых работ с отбыванием наказания в Воркутинских лагерях.

31/III 1941 г. — свидание. Барьер, решетка. Марк смотрит на меня с улыбкой, говорит негромко, медленно, но с такой повелительной силой, как будто гипнотизирует меня, хочет внушить мне, запечатлеть во мне каждое слово... «Нет. Не хлопчи. Не обжалуй. Заклинаю тебя — не делай этого. Это может принести тебе страшный вред, это может погубить тебя и детей. Мне это не поможет... Я сам позабочусь о себе... Поклянись, что выполнишь все, что я говорю. Слушайся меня. Я знаю, как надо поступать...»

Это было последнее, самое последнее свидание.

22/VI 1941 г. началась война и наши бесконечные скитания, которые окончались — на том этапе — 11/X 1941 г. в маленьком городке Молотовске.

ПИСЬМА МАРКА «ОТТУДА»

29/III 41 г.

Родная! 25/III мне объявлен приговор Особого Совещания (без суда) — 8 лет исправительно-трудовых работ с отбыванием наказания в лагерях Воркуты Архангельской области. 28 марта меня перевели в пересыльную тюрьму — Ленинград, Константиноградская ул., д. № 6, где мне обещали свидание с тобой... Я нахожусь в 4 корпусе, камера № 31. Здесь уже меня предупредили, что свидание дадут скорее тогда, когда ты привезешь мне продовольственную передачу и тут же подашь заявление с просьбой о свидании. Жизнь моя, я осужден без конфискации лично принадлежащего мне имущества и без последнего поражения в правах. Я написал в финчасть Внутренней тюрьмы УГБ УНКВД ЛО две доверенности, чтобы ты получила мои золотые часы «Мулинет» (ручные мужские) № 182 800

и вторую доверенность на твоё имя на получение всех моих вещей в моей комнате. Написал заявление в Секретариат Особого Сопровождения (в Москву) о перемене мне северных лагерей (Воркута на самом побережье Белого моря) на лагерь в Средней Азии ввиду моей болезни. Решение Секретариата может застать меня в этапе или уже в Воркуте. Здесь, в пересыльной тюрьме, мы будем недолго — 8—10—12 дней самое большее. Мне можешь писать сюда по адресу: Ленинград-167, почтовый ящик, № 24, 4/31, Чаусовскому М. Р. Сообщи этот адрес Шуру и Мише (через Шуру), но тебя, сердце мое, жду на свидание. Обними наших детей и береги себя! Береги себя и детей, любовь, жизнь и сердце мое... Я сделаю все, чтобы помочь тебе, помочь нашим детям. Замени им меня. Я знаю, я верю, что ты это ты... Я жизнь свою сохранию только для вас, мои родные. Передай всем родным мой горячий привет. В день твоего и Ладиного рождения я был с вами. Пиши часто. Из лагеря напишу. Свободной переписки не лишен. Мне нужен вещевой мешок большой, кружку металлическую и ложку.

1/IV 41 г.

Родная Надюня, на свидании я старался не терять ни минуты и все же много не сказал. Люблю моих родных, моих единственных, незаменимых. Думаю все время о вас, дышу и живу вами. Вчера я тебя видел и всем существом вбирал в себя твой ясный лучистый свет, твоё дыхание, твой голос, взгляд, всю-всю тебя ношу в себе.

Вчерашние полчаса свидания были для меня зарядкой на все время разлуки. Но нет, никакой разлуки нет, эта разлука только мнимая, на время этапа. Я буду каждую секунду с тобой, буду писать тебе и получать твои письма... Это счастье! Я бодр как никогда. Может быть, только сейчас я узнал впервые ещё неизведанное мной: я узнал любовь, которая долговечнее времени, не знающую терзаний разлуки... Моя любовь к тебе смеется над расстоянием, разделяющим нас. [...] Мама, свет ты мой, очень прошу тебя: люби меня, но пусть твоя любовь будет несколько меньше моей, настолько меньше, насколько это нужно, чтобы сохранить себя и жить. Живи для себя, для детей, для тех, кому ты вся жизнь. [...] Когда ты соскучишься по мне — возьми на руки наших детей, и ты увидишь мой лик, а

захочешь поговорить со мной, от меня услышать — возьми листки мои и прочти. Свет мой, мне было легко прожить здесь полгода, так как мы не разлучались. Меня окружает много народа, и те, с которыми я соприкасаюсь, очень хорошо ко мне относятся. Почему? Недавно я догадался о причине этого: они ничего не знают о моей любви, а все, к чему я прикасаюсь, пронизано этой любовью... Ну и пусть не знают...

Среди заключенных ходят слухи об амнистии к XXV годовщине Октября. Мне кажется, что срок 8 лет мне так или иначе скостят на меньший. Ни на одну секунду не сомневаюсь, что я по отбытии срока приду к тебе сильным, здоровым, верным тебе во всем и до конца. [...] Когда я приеду в лагерь и сообщу мой адрес, ты мне будешь писать очень часто... Меня интересует здоровье твое, детей, отца, матери, Шуры, Коли, Андрея, Вали, Михаила, Марины — всех. Приезжали ли Надя с Магдой? Как они живут? Я хотел бы получить письма от вас всех. [...]

Неукоснительно выполни все, что говорил тебе 29/III 41 г. и писал отсюда, но письмо, кажется, было сумбурное. Это письмо, м. б., последнее из этой пересыльной тюрьмы. Дальше будет видно. При малейшей возможности буду писать в пути этапа. Много вещей оказалось лишними. Мы с Герловиным сложили их в общий тюк и сдали администрации. Ты знаешь телефон сестры Герловина, от нее ты получишь лишние вещи. За присланное спасибо, сколько любви ко мне в этих вещах.

Шура, сестренка ты моя родная, как ты осунулась, похудела, исстрадалась. Так был рад видеть тебя, слышать твой голос. Родная, не надо плакать. Если хочешь облегчить мою участь — еще больше люби Полинку, Колю, Надю — и мне хорошо, легко, радостно. Ребята, живите дружно и легко, без надрыва. Когда я обоснуюсь в лагере — будете много и часто писать мне. Обнимите Мишу, Марину. Целую много всех вас. Надя, успокой отца и в письме расцелуй отца и Наталью Вениаминову за меня.

Марк.

М. б., завтра мы выедем в этап. Надя, целую тебя много, жадно. Люблю тебя, как никогда раньше. Мы все время вместе! Ни минуты разлуки!

Как много бодрости, света и силы!...

Береги себя и детей!

Твой Марк.

3/IV 41 г.

Любимая, бесценный друг мой на всю жизнь. Вчера я отослал тебе письмо, а сегодня спешу использовать возможность еще написать. Наконец-то я получил твое письмо от 1/IV. О, друг мой ненаглядный, сколько радости ты прислала в маленьком конверте! Ты... Дети... Все здоровы! И я здоров, светик ты мой! Я не обманываю тебя насчет своего здоровья. После больницы, где я пролежал 24 дня в исключительно хороших условиях, я чувствую себя превосходно! Я забыл тебе сообщить, что меховую куртку я возвратил для вас обратно сразу же, как только ее внесли после вашего ухода. Вещами необходимыми я снабжен вполне. Имеющееся у меня, кроме продуктов, составляет солидный мешок. Вещи не нужны, свет мой ясный. Это — большая обуза. Моих ботинок мне должно хватить до лагеря, а там, в случае надобности, я попрошу. Я совершенно спокоен за детей: ты с ними. Если хоть частица твоего ровного и ясного света проникнет внутрь наших детей — я спокоен за них.

Солнце мое, недавно у Байрона я встретил простые, очень простые строчки:

Весь мир за тебя отдать я не в силах,
Но тебя за весь мир не отдам никогда.

Дети... Толстый, веселый детик... «Покази». Ванюшка мой родной. Он, кажется, слишком мой. Вот ему бы больше ясного и ровного твоего света. Прошу тебя ради нашего Вани: ни на йоту не уделяй ему внимания больше, чем остальным детям. Будь с ним мягка, ласкова, но неукоснительно требовательна. Родной мой сынок, как много о нем тревожусь. Больше всего я спокоен за Мишутку. [...] Пусть дети помнят меня — мы будем жить вместе. Скажи Ване, что я приеду домой тогда, когда он будет ходить в школу. Может быть и раньше, но об этом ты ему не говори.

Твоя работа по составлению словаря меня страшно обрадовала. Это блестяще во всех отношениях. Умница! Это мост к переводческой работе.

Вещей мне не нужно. Спешу на проверку. Если что и будет нужно, так это галеты. Нас могут в любой день отправить в этап.

Целую много...

Твой Марк.

5/IV 41 г.

Бесценный друг мой! Только что получил твое письмо от 3/ IV, которое мне подарило радость, силу, мужество, еще больше укрепило веру в нерушимость нашего счастья. Нет слов выразить тебе мое восхищение тобой, твоими планами на ближайшие годы, твоими мыслями и действиями. Свет мой, ты пишешь, что приедешь ко мне, когда я прибуду на место. Узнаю тебя, друг мой. За что и почему мне дано иметь другом тебя? Не предпринимай ничего, пока я тебе не напишу о возможности свидания. В отношении места лагеря трудно что-либо сказать, пока намечены Воркута Архангельской области. Во всяком случае я буду держать тебя в курсе дела. Из писем моих ты уже знаешь, что ни ложки, ни кружки, ни мешка мне не надо. Все это уже есть у меня. Из вещей мне ничего не нужно. Если есть возможность — достань мне побольше конвертов, хотя и их я могу здесь купить. Очень хорошо бы иметь кружку из пластмассы, а также пластмассовую посудину для масла. Это не металлическое, и есть возможность хранить у себя эти вещи. Только что узнал, что много конвертов и бумаги передавать не надо. Пришли конвертов 10 — не больше. Прошу тебя добиться у начальника нашей тюрьмы еще одного свидания со мной. Может быть, тебе это удастся во время передачи мне продуктов. Дружок мой, не сердись на меня, когда я прошу тебя, умоляю не отнимать для меня продукты у детей... Пойми меня, мой дружок дорогой. Этого нельзя делать. Ты помнишь, как наш Ваня любит булку с маслом, печенье. Как Миша смакует эти вещи, а на толстом личике его — само блаженство. Как Ладуська любит полакомиться. Я не могу даже определить ту смесь чувств, которые переживал, получив от тебя первую передачу. Солнышко мое, пришли мне необходимое, но передачей меня не мучай... [...]

После свидания с тобой и с Шурой я почувствовал себя несказанно хорошо, но вскоре пожалел, что все время свидания говорил я, вам так мало пришлось говорить. Понимаю, что это было неизбежно, а как хотелось слушать тебя и пить твой голос... Если ты добьешься еще одного свидания, то я услышу тебя. Но если свидания не будет, то каждое твое слово звучит у меня с первого нашего свидания. Несмолкаемой музыкой они будут звучать мне везде и всегда... [...] Мы не успели насладиться друг другом досыта, как не успеем насладиться и тогда,

когда с тобой и детьми буду жить неразлучно. А это будет так и, конечно, меньше чем через 8 лет. Но когда бы это ни было,

Ты различишь сквозь сердца бой
Огромной радости ликующие клики.

[...] Письма твои я храню, каждая строчка дарит мне силу, каждое слово твое мне бесценно. Проси Шуру, Мишу, Марину, Колю — всех наших писать мне сюда, пока я здесь. Конечно, не настаивай на этом и дважды об этом не напоминай. Я заранее их оправдываю, люблю их от этого не меньше.

Спешу закончить письмо и — на поверку.

Я бодр, здоров, крепок, какое счастье жить для вас, мои дорогие, единственные, бесценные.

Не порывай связи с Шурой. Вид ее на свидании был ужасен.

Укрепи ее, милую, моей бодростью, моей любовью к ней — укрепи ее мной.

Может быть, завтра я еще напишу.

Целую любимую мою, желанную.

Марк

9/IV 41

Солнышко мое родное! Сейчас получил два твоих письма от 6/IV и от 7/IV — 2 письма сразу. Это такая радость для меня, что я все время чувствую себя рядом с тобой... [...] Ты обещаешь писать мне о всех пустяках, будешь писать мне дневники. Мама, это не «пустяки», — это воздух, которым я дышу.

Друг мой, ты рвешься ко мне — хоть на край света, лишь бы быть рядом со мной... [...]

Не надо смертельно бояться Средней Азии, независимо от того, пошлют меня туда или нет, — не надо бояться, когда ты думаешь обо мне — ты не можешь бояться. Буду писать тебе всегда и везде, где только это возможно.

Я чувствую себя прекрасно — здоров и бодр. Мне так легко — я получил твои письма...

В ожидании отправки нас в лагерь у меня здесь произошли изменения: меня попросили художественно оформить несколько стальных газет. Работаю я в прекраснейших условиях — окружен хорошими людьми; работая целый день в необычных для меня условиях, я забываю обо всем на свете, и только одно

рвется во мне наружу: хоть бы моя ненаглядная видела меня вот сейчас — рисующим, пишущим, компанующим. [...] Пребывание мое в этой тюрьме будет кратковременным. Сколько здесь мы еще пробудем — неизвестно, но все же пробудем еще. Сейчас пиши мне по адресу: Ленинград, 176, п/я 24, 4/24^а. Питаюсь я сейчас чудесно — все у меня есть. Что мне может понадобиться, тем я вполне, вполне обеспечен. Больше того: у меня есть пар 5 белья, много носков, полотенец, платков — всего не перечислишь. Продуктов у меня много, хватит их надолго, а если и не хватит, то есть деньги — будет возможность прикупить продукты. Я знаю, что тебе радостно что-либо сделать для меня, а мне держать в своих руках тобой сделанное.

10/IV 41 г.

Вчера мое письмо было прервано: меня вызвали оформлять стенгазеты. С жадностью набросился на работу и чувствовал твою радость. Сейчас я пришел к себе и засел за это письмо. Любимая, вплоть до дня отбытия я буду рисовать, писать, монтировать и т. д. Как это хорошо! Отношение ко мне здесь прекрасное, самочувствие такое же. Те, кто побывал в лагерях, — предсказывают мне там безбедное существование. Надя моя, ты бросила курить и очень хорошо сделала: ты больше сбережешь себя для себя, для детей, для меня. Я к табаку еще не прикасался и определил его в дорогу. Табаку еще прикупил, и до прибытия в лагерь я куревом вполне обеспечен. У меня здесь накопилось много сухарей, есть галеты, табак, конфеты, масло, шпик, колбаса, сыр, яйца, яблоки и пр. Все это в чудовищных размерах, так как Самуил Абрамович тщательно наполняет мой рюкзак и дорожный мешок всем существенным, что ему передают родные. Пересланные тобою по почте 100 рублей получил.

Еще раз прошу тебя запомнить: если тебе придется туго материально, продай книги и мои часы. Если сможешь продать портрет Пушкина — продавай. [...] Я радуюсь с тобой твоей работе. Ведь это — моя мечта, о которой я не решался говорить с тобой часто, опасался, что это будет нервировать тебя, как «желанное, но несбыточное». Сегодня не было раздачи писем. Будет завтра. М. б., получу твое письмо... Сейчас кончаю писать и иду спать... [...]

Детик, фотографии можно прислать мне сюда письмом. Об этом я узнал только что и рад этому несказанно. Вложи фотографии детей и свою карточку. Целую.

Марк.

Будь здорова, бодра, полна уверенности. Отправились в этап.

Люблю тебя и живу тобой.

8/V 41 г.

Солнышко мое ясное! Самое главное — я абсолютно здоров, болей никаких; за все это время у меня даже намек не было на обычные мои недомогания. Надюня, я это пишу не для успокоения только, а так, как есть на самом деле. Родная моя, я тебе писал в последнем письме из Ленинградской пересыльной, что уже там я работал художником и находился в исключительно благоприятной обстановке. Сейчас я могу тебя еще раз порадовать тем же: карандаш, краски — вот пока моя работа. Здесь в Кожве меня используют как художника, а об отношении ко мне начальства я могу сказать — *самое* хорошее.

Ты помнишь о моей к тебе просьбе на нашем последнем свидании (да не будет оно последним)? Я просил приготовить посылку и по первому моему письму выслать мне масляных красок, кисти (щетинные и беличьи), всю папку с чистой александрийской бумагой (для рисунков), льняное масло — сколько сможешь достать. [...] Вложи в посылку все холсты по размеру этюдника; карандаши мне нужны все и всякие: сангина, уголь — побольше; кнопки, стиральную резинку (штук 20); бритвы безопасные для точки карандашей — штук 5; широкий мастехин и узкий; 3 широких и 3 средних флейса.

Меня пугает одно: хватит ли у тебя денег на покупку красок так, чтобы не отнимать насущные у тебя и у детей? Хотя ты мне писала и говорила о дополнительных своих заработках, но я все время думаю о том, как ты живешь с ребятами на одни свои заработки... Светик мой ненаглядный, самое-то главное я сейчас только вспомнил: вы мне можете писать сюда любое количество писем, а я могу писать одно письмо в месяц. Пишите мне по адресу: Коми АССР, Кожвинский район, станция Кожва, п/о Кожва, Кожвинский лагпункт Воркутстроя, мне. По этому адресу мне можно писать, повторяю, сколько угодно — корреспонденция на получение не ограничена.

Мама, я полон надежды на встречу с тобой, хотя разрешение на это от начальника ГУЛАГа абсолютно необходимо. Т. к. с этой стороны у тебя может быть задержка, то умоляю тебя, родная, не отчаиваться... За меня будь спокойна, даже мысли не допускай, что со мной может что-либо стрястись дурное.... В посылку обязательно вложи фотографии детей и свои. Ты, конечно, порадуешь Шуру моим письмом. Твои письма я сохранил, и строки так живительно действуют, как жень-шень в новеллах. Напиши мне о себе, о детях. Обязательно пиши о Ладе. Свет мой, ты можешь воспользоваться возможностью отправить мне, кроме «художественной посылки», и обыкновенную — продуктовую. Если у тебя будет возможность прислать мне галет или белых сухарей на «особые» деньги — как ты меня уверяла в письме, — сделай это. Не думаю, чтобы посылка была легковесной — разбей на 2 или 3 посылки и вышли сравнительно одновременно. Пусть Шура поможет тебе в отправке посылки, у нее, наверно, есть возможность урвать на это время. Расцелуй ее. Пусть пишет мне. Жду писем, посылки. Надя, убеди меня в том, что ты спокойна за меня. Сделай это.

Твои несколько писем-дневников, полученных в пересыльной, я храню, как зеницу ока. Как часто вспоминает меня Ваня? Что он уже говорит? Что нового лепечет Миша? Каковы взаимоотношения в семье, на работе?

Свет мой, я хочу, чтобы ты из самого факта получения этого письма и возможности отправить мне посылку поняла, что отношение ко мне со стороны начальства действительно отличное, что мне здесь не так уж плохо. Еще и еще прошу тебя не беспокоиться за меня, моя родная. Порадуй этим письмом всех родных, которых я люблю и обнимаю. Целую крепко-крепко.

Марк.

17/II 42 г.

Любимый друг мой!

Только сейчас я получил сразу две открытки и твое письмо от 18/XI 41 г. Твоя открытка от 12/VII 41 г. из деревни Семеново-Белоглазово и открытка от Шуры от 18/VII 41 г., где она сообщает, что ты с детьми в Тихвине. Какое счастье, что ты с детьми, вместе с отцом, Нат. Вен. и Сережей! Какое

счастье, что я получил эту весть от тебя, друг мой ненаглядный, незабвенный, любимая, единственная! С 5/VII 41 г. я нахожусь здесь на руднике Б.-Инта. Адрес мой теперь такой: *Коми АССР, Усть-Усинский район, п/о Косью-Вом, п/я 223/10, рудник Б.-Инта. Мне.* Спешу тебя успокоить относительно себя. Самочувствие у меня хорошее, бодрое, ясное. Сколько бы времени ни прошло с момента нашей разлуки, меня ни на минуту не покинет это настроение, так как я полон надежды не только на возвращение к тебе и к детям своим, но верю в относительно скорое свое освобождение. Здесь я работаю, как и в Кожве, художником при культурно-воспитательной части лагпункта. Эту зиму я переносу очень легко, т. к. тепло одет. Я давно, даже не помню когда, не был так тепло одет зимой, как сейчас. Могу тебя порадовать еще тем, что имею для работы и жилья отдельную комнату, что по здешним условиям является роскошью. Помнишь: мы друг другу дали слово сохранить себя для радостной встречи! Я держу свое слово — иначе быть не может. Из твоего письма я вижу, что ты живешь детьми и они приносят тебе столько радостей. Надюня, я не могу описать тебе своей радости, когда читаю, что Мишутка уже «гавалит» стихи, любит сказки, и вообще проявляет себя, как сын, достойный своей мамы. И это Миша! Что же говорить о Ване?! Родная моя, если бы ты знала, сколько радости доставляет мне каждое слово об этих родных карапузах. Трудно мне представить себе Мишу, обещающего «обжаловать» перед отцом твои несправедливые действия! Как сейчас вижу его на диване. Ты лежишь, а он сидит на диванном валике, лукаво щурит глазенки, грозит малюсеньким пальцем, быстро встает и «бухается» во весь рост рядом с мамой... Ваня тоже в восторге от этой проделки. Но то было время его мимических забав, а теперь он уже и правильно произносит многие слова. Вот это я уже себе не представляю! Помню только, что после слова «мама», с которым он обращался и ко мне, он однажды произнес: «покази», но так, что произношение не поддавалось никакой транскрипции. Письма я храню и часто их перечитываю. Строчки о тебе, о детях никогда не становятся для меня уже читанными, знакомыми, которые можно только пробежать взглядом. Сейчас, когда ты получишь это письмо, то отвечать будешь уже без чувства неуверенности, что письмо не дойдет до меня. Поддерживаешь ли ты переписку с Шурой? Где она с Колей и ребенком? Что с Андреем и

Валей? Где мать? Где Мария и Михаил? Я всегда с тревогой думаю об отце. Не верится мне, что состояние его здоровья «удовлетворительное», как ты об этом пишешь. [...] Обними и поцелуй отца и Сережу... Надя, родная моя, почему ты так мало и так лаконично пишешь о Ладе? В письме ты пишешь, что Ладуська учится в 9 классе. Мама, подумай только: Лада, наша Лада, уже почти накануне окончания полной средней школы! Ведь дальше... Университет... Хочет ли она учиться после школы? Ну, кроме того, что ты напишешь подробности, я надеюсь получить от нее письмо, из которого узнаю, как она живет, чем увлекается, о чем мечтает и где сообщит мне подробно о своих наблюдениях за своими братьями-карапузами. Думаю, что к твоим наблюдениям она прибавит немало своих. Лада, милая, обязательно напиши мне, о чем я прошу. Опиши мне свой день «от подъема до отбоя». Ладуська, в письме не забудь написать мне, какие книги читаешь и что тебе понравилось из прочитанного. Я за эти полтора года прочел очень много новых книг и перечел знакомые уже.

Должен сознаться тебе, что только теперь впервые прочел Шиллера: «Разбойники», «Дон Карлос», «Коварство и любовь», «Орлеанскую деву», «Марию Стюарт» и др. более мелкие его вещи. Но особенно мне понравилась его трилогия — «Лагерь Валленштейна», «Пиколомини» и «Смерть Валленштейна». Очень хорошо тебе расскажет мама об истории того времени, когда происходит действие. Обрати внимание, что каждая часть этой трилогии и читается, и смотрится на сцене как законченное произведение, самостоятельная вещь, а когда их читаешь в той последовательности, как я указал, то видишь их теснейшую связь между собой. Это действительно гениальные произведения. Обязательно прочти и напиши мне свое впечатление.

У меня накопилось уже много «северных» впечатлений, о которых я тебе напишу в следующем письме. Самое лучшее, что я прочел о Севере — это научная и в то же время автобиографическая книга — Фритиоф Нансен. (Издана в 1940 г.) Эта толстая книжица читается как увлекательнейшая беллетристика и очень верно передает своеобразие природы. И здесь есть много такого, чего нигде не увидишь. Об оленях, нартах, собачьих упряжках, северных народностях и прочем, вплоть до северного сияния — я знал, как ты, по картинкам и описаниям,

а когда увидел собственными глазами, то заметил, что есть разница между тем, что увидел и что прочел.

Обязательно пришлите ваше фото. *Обязательно!* Надя, свет мой, какое счастье, что мы знаем друг о друге и можем писать. Писать теперь мы будем часто и много. Целую всех вас крепко.
Твой Марк.

[На полях:]

Подробнее о своей работе я напишу по получении твоего письма. Если можешь — пришли мне курева и ничего больше. Опиши подробно переселение из Пушкина в Молотовск. Это бывш. гор. Пермь? Тогда почему Кировской обл., а не Молотовской?

10/IV 42 г.

Надя, друг мой, милая моя помощница, бесценный товарищ мой, опора детей моих и сердца моего, неугасимый светоч мой, любовь и жизнь моя! [...] Родная моя, я получил сразу все (или почти все) письма, какие ты мне адресовала в Кожву. Передо мной их целая стопка: тут и открытка, написанная в поезде, где ты ехала с детдомом и с нашими мальчиками, и письма до эвакуации, и открытка-ответ, огромное письмо с детскосельскими фотографиями ребят... твоя фотография, снятая для удостоверения. Всего 9 корреспонденций, которые я получил в стационаре, где я сейчас нахожусь на излечении. Родная моя, мне ничего не стоило бы соврать тебе, написать, что здоров, не болел, но я не нахожу в себе ничего, что помогло бы мне соврать тебе, так верно чувствующему другу моему. Хорошо, что я уже совсем выздоравливаю и могу тебе писать об этом. До января 42 г. я чувствовал себя хорошо и работал здесь художником, как и в Кожве, но стал чувствовать себя неважно и был положен в стационар 30/I 42 г. Сначала опишу то, что было до стационара. Живу я здесь на руднике Инта в исключительно хороших условиях: отдельная комната, любимая работа, прекрасное отношение ко мне со стороны тех, с кем приходилось иметь дело по работе. Что касается климата и теплой одежды, то на этот счет могу тебя уверить, что до стационара я был одет в найтеплейший ватный костюм, а валенки у меня такие, что лучше не бывает. [...] Знай, друг мой, что я тепло одет, и не волнуй себя этим больше. Здесь, в стационаре, я нахожусь почти в таких же условиях, что и в Лен[инградском]

рентгенологическом ин[ститу]те. Рентгена здесь нет, это — правда, но все остальное есть. Лечит меня очень опытный врач, и о лучшем я не мечтаю. Здесь взялись за лечение мое основательно. А вот то, что вы, мои бесценные, тепло одеты и материально обеспечены — от сознания этого у меня просто дух перехватывает. [...] Передо мной два последних твоих письма — от 6 и 11/II 42 г. Они меня больше всего радуют. Какое счастье, что ты с детьми живешь вместе с отцом, Нат. Вен. и Сережей. Ни о чем я так не мечтал, как о том, чтобы в суровые дни войны вы были вместе. Как-то предельно ясно я вижу комнату с русской печью, перегороженную занавеской, с «кабинетом» отца. Вас я вижу всегда вместе со мной. И это не случайно. Уже то, что за хорошую работу я могу быть досрочно освобожден, достаточно, чтобы приблизить час нашей встречи... [...]

В твоих описаниях ребят столько верности и простоты, что я моих сынишек вижу... По репликам, играм, разговорам я вижу, что ты им передаешь не только свою любовь ко мне, но и создаешь у них ощущение, что я реально присутствую между ними. [...]

Сообщи, что знаешь о всех родных. Целую мою ненаглядную, любимую.

Твой Марк.

Мне бы очень хотелось сделать сюрприз для моего врача: достать ему что-либо из необходимой ему литературы — специальной, медицинской. Вот список ее. Если отец сможет что-либо достать — вышли на мое имя. Наиболее важное — отмечено большим количеством птичек.

11/IV 42 г.

Отправку письма задержал именно из-за этого списка. Этот врач — Евгений Петрович Дарич столько сил, внимания и любви вложил в то, чтобы избавить меня от моей хвори, что и мне хочется чем-нибудь очень хорошим ответить ему, а я знаю, что они, врачи, в здешних условиях нуждаются в специальной литературе. [...]

Вот мне принесли твою открытку от 15/X 41 г., что нашему Мишеньке исполнилось 3 года. А «3 дня назад» в Молотовск приехали отец с Нат Вен. и Сережей. Хотя я знал о том, что вы

живете вместе — это снова было для меня радостью... Ладе ты посвящаешь очень лаконичные строки, и я продолжаю тосковать по ней с каким-то особо тяжелым чувством. Напиши мне о ней. Целую всех.

Марк.

14/IV 42 г.

Друг любимый мой! Пользуюсь случаем писать тебе. Я уже писал, что нахожусь в стационаре. Здоровье мое восстанавливается не по дням, а по часам. Скоро и совсем поправлюсь и вновь возьмусь за свою любимую работу. Все это время я не расставался с карандашом и кисточкой. Даже здесь, лежа в стационаре, мне приходится кое-что делать для стационара. К занятиям своим я для разнообразия присовокупил резьбу по дереву. Это доставляет массу удовольствия. Очень интересен процесс работы, когда предварительно надо сделать эскиз — рисунок, в котором необходимо передать барельефный и горельефный характер вещи. Получается словно снимок с уже готовой резьбы по дереву. Пишу о барельефно-горельефном характере вещи потому, что сейчас работаю над портсигаром: земной шар пронзен папиросой, от которой «дымом» начинается слово «закурим». Дерево березовый наплыв. Работа медленная из-за крепости материала и отсутствия нужного инструмента — делаю перочинным ножом, но меня очень занимает и развлекает. Пусть тебя не удивляет, что я занялся этим делом, и, ради всего святого, не думай, что это в какой-либо мере заслоняет от меня живопись. Мне по работе приходится выполнять такие вещи, что ты вряд ли представляешь себе. Например, перед Новым годом я был вызван начальством, и мне было предложено оформить новогоднюю елку. За 4 дня пришлось сделать свыше 200 игрушек и, сверх того, всякую елочную мишуру. Правда, мне в помощь дали 3-х человек, но изготавливать образцы игрушек пришлось самому... В этом отношении моей не только помощницей, но и руководительницей была... ты, мой бесценный друг: в этой работе я использовал твой опыт и вкус в игрушечном деле. На сей раз Дед Мороз получился более совершенным, т. к. физиономия была сделана из папье-маше и ее можно было хорошо разукрасить. Особым успехом пользовались наши гуси, лебеди, аисты... а впрочем, «отдавая должную похвалю» всем игрушкам, выделяли из

всех... балерин. Нужно сказать, что балерины эти были яблоком раздора не среди детей во время раздачи игрушек, а среди взрослых мужчин еще до того, как они попали на елку... Когда мне поручали сделать елку, то мне казалось, что она выйдет куцей из-за отсутствия блестящих игрушек, елочных цепей и свечей, а вышло несколько иначе, чего я сам не ожидал. Некоторые работники химической лаборатории настолько пошли мне навстречу, что... сами выдували из стекла затейливейшие фигуры, все эти стеклянные формочки делали зеркальными, серебрили, приготовили несколько «блестков-посыпов», как мы их называли (под серебро и золото), и т. д. Так удалось сделать серебряную звезду, которой была увенчана вся елка. Что до елочных свечей, то их не было, а были маленькие электролампочки. Правда, лампочек было всего штук 20, но они были и на елочке, которую держал в руках Дед Мороз... Чтобы сказать об этой елке все, надо сказать, что «гвоздем» ее был живой Дед Мороз, одетый в соответствующие шапку и шубу из белой ваты, обильно посыпанные серебряными блестками.

15/IV 42 г.

Сегодня меня навестил мой начальник, и пришлось этот день поработать над оформлением эскиза к 1 мая. За это время, что я находился в стационаре, работа наша стала вдесятеро интереснее и материально богаче. Начальник беседовал с моим врачом относительно моего «изъятия» из стационара (я себя относительно хорошо чувствую), ввиду крайней нужды во мне при подготовке к 1 мая, но доктор ему отказал в этом. Сейчас закончил основной эскиз оформления, а завтра сделаю остальные два. Ожидаю прихода моего начальника, отдам ему эскиз, это письмо и текст телеграммы тебе. Вот видишь, сколько дел будет сделано за один день.

Сейчас, когда ты получишь мою телеграмму, ты будешь писать на мой новый адрес, и письма будут доходить скорее.

Поцелуй за меня наших ребятишек, отца, Нат. Вен. и Сережу.

Целую тебя много, крепко.

Марк.

19/IV 42 г.

Любимый друг мой, Надюня моя бесценная!

Сейчас отправляю тебе телеграмму и письмо. Буду надеяться вскоре получить от тебя ответную телеграмму и буду твердо уверен, что ты знаешь, наконец, мой нынешний адрес и то, что я здоров.

На Молотовск я уже отправил 2 письма, но думаю, что телеграмма обгонит письма и твой телеграфный ответ будет наибоыстрейшим.

Надюня, свет мой, я тепло одет и в одежде вообще не нуждаюсь.

Если у тебя есть или будет возможность мне что-либо прислать, то пришли курево (лучше всего — махорку). Самочувствие мое хорошее. Пиши мне чаще, друг мой, мама моя милая...

Целуй за меня детей наших, отца, Нат. Вен., Сережу. Я все время неразлучен с тобой. Разве ты этого не чувствовала? Мама, солнце мое, теперь, когда ты получишь мою телеграмму, ты будешь писать мне часто о себе, детишках, работе, обо всем, чем вы живете.

Я полон веры в скорую нашу встречу, друг мой, любовь моя. Главное — береги себя для радостной нашей встречи!..

Радость моя, спешу отправить это письмо и телеграмму.

Целую вас всех крепко и много. [...]

Твой Марк

Мой адрес: Коми ССР, Интинский р-н, рудник Б. Инта, п/я 223/10. Мне.

9/V 42 г.

Милый, родной друг мой! Наверное, уже скоро меня выпишут из стационара, так как самочувствие мое хорошее, хотя я переведен с диеты на общий стол. Ем абсолютно все и абсолютно никаких болей. Мне даже не верится, что я ем черный хлеб. А какой он вкусный! [...]

Послал тебе из стационара 3 письма, это — 4-ое. Кроме того, я послал телеграмму с сообщением интинского адреса. Все это направил тебе из стационара и не уверен, отправлено ли это без всяких проволочек. Сейчас отправляю это письмо и дам текст телеграммы. Представляю себе твою радость, когда

ты прочтешь, что я чувствую себя здоровым, совсем здоровым!.. Теперь бы мне получить от вас весточку, что вы, мои родные птенцы, здоровы... Мама, родная, как ты себя чувствуешь? До сих пор мне казалось, что ты здорова и вся ушла в работу и заботу о детях. За последнее время я все чаще, когда думаю о тебе, цепенею при мысли, что ты больна. Вернее — не больна, а все время недомогаешь. Чем? Скорее напиши мне о себе. Напиши о наших малютках, о Ладочке. Как вы сейчас живете? Наши малыши растут, наверное, не по дням, а по часам. Сейчас, я думаю, лексикон Вани обогащается так, что стоит об этом писать? А как Миша? Наш Мишуня должен быть очень мил и забавен. Как бы мне хотелось поглядеть на их физиономии — как они выглядят сейчас... Если у тебя есть возможность сделать в Молотовске фото и прислать их мне — сделай это. Надеюсь, что в сравнительно недалеком будущем увижу вас своими глазами, своими руками обниму каждого и всех сразу.

Молотовск... Думаю, что в этот город я приеду как досрочно освобожденный. Я верю в это, и потому город Молотовск для меня особо притягателен. Ты пишешь, мама, что это бывший Нолинск. Прости мне мое невежество, но я даже представить себе не могу, где он находится. Если это тот город Молотовск, что находится под Архангельском и где находятся судостроительные заводы, то почему он Кировской обл.? Напиши мне подробно о нем, есть ли он на географической карте? Что ты смотрела последнее время в кино? Что интересного читала из художественной литературы? Наша библиотека за последние дни внезапно разбогатела. И это накануне моей выписки из стационара. Сейчас я узнал, что вот с час назад закончили оборудование сцены в только что отстроенном здании, где будет столовая и наш клуб. Значит, по выходе из стационара меня ожидает любимая, интересная работа. Хотя мне и в стационаре пришлось поработать с красками и карандашами, но это, конечно, не то, что работа в обычных условиях. Скорей бы приступить к оформлению клуба.

Что тебе, светик мой, написать о себе? Пока что все идет гладко, хорошо. Думаю, что так будет до момента моего освобождения из лагеря.

Я уже тебе писал, что материально я обеспечен. Затирает иногда с куревом, но это м. б. явление преходящее. Но если вздумаешь мне что-нибудь прислать, то курево — первое. Ког-

да я буду уверен, что письма мои доходят до тебя, то буду писать гораздо чаще.

Дружно ли живут Ванюша с Сережей? Мне кажется — Сережа теперь должен быть особенно интересен, если только не очень-то чувствует себя пупом земли. Мама, получаешь ли ты письма от Шуры и других? М. б., ты от матери получила вести? Многое я уже знаю из твоих писем, но хочется знать больше.

Сейчас уже 9/V... В воздухе пахнет весной... Дни стали длинными, светлыми, а ночи — короткими и бледными... Скоро ночи совсем исчезнут и на смену им придет неугасающий день. Все теплее и теплее воздух. Весна. Она везде, и здесь, хороша. Лучше всего она там, где мы с тобой встречаем ее вместе. Много ли весен прошло с расставания нашего? Две... Скоро таких весен не будет! Мама, милая, живи этой надеждой, как я ею живу. А встреча наша придет сама собой, придет обязательно, неизбежно. Самое главное — я повторяю твою просьбу ко мне — не теряй ни на секунду воли к жизни; знай, что это — наши дети, наши встречи, наша дальнейшая жизнь, полная радости, счастья... Пиши мне, дружок, часто. Судя по датам, я получаю, пусть с запозданием, все, что ты пишешь. Пиши мне, мой соколик, пиши, мой ненаглядный, бесценный дружок, мама моя и моих детей, думка моя единственная, мечта моя ясная...

[Н. В. Сперанская:]

С мая 1942 г. мои письма Марку стали возвращаться с приклеенными к ним листочками, с надписью: «Адресат не существует». Или: «Адресат выбыл неизвестно куда». Или же просто: «Адресат выбыл».

МОЕ ПИСЬМО ПРОКУРОРУ СССР

27/VI 42 г.

Товарищ прокурор, всегда тяжело, а сейчас, в дни войны — невыносимо — ощущать тяжесть ошибочного обвинения.

Я пишу о своем муже — Марке Рафаиловиче Чаусовском. (Осужден по статье 58 у. к.) Он — художник. Ему 31 год. Вся жизнь этого человека связана с жизнью нашей страны, каждый

ее шаг, успех, достижение — он переживал как свои личные. Это — человек прекрасной, светлой любви к своему искусству, к родине, к людям. Со всей горячностью он добивался того, чтобы сделать живопись совершенным орудием воздействия на человеческую психику — помочь людям осознать через искусство его радостное могучее устремление к социализму, показать Человека нашего мира, сегодняшнего дня. (Все его работы остались в г. Пушкине, у меня сохранились немногие снимки с них и его письма — высказывания Марка об искусстве, о своей работе.)

Семья, дети, неумение работать «на заказ» заставляли его нередко искать заработок совершенно вне живописи. И всюду его инициатива, какая-то трепетная, личная заинтересованность во всем — делали его одним из самых неутомимых, активным работником в любом коллективе. Так работал он литсотрудником в газете «Большевицкое слово» (Пушкинская районная газета, редактор Строганов), так работал он токарем, а затем техническим нормировщиком. (На з-де дор. машин треста НКВД в г. Пушкине.)

Поверьте мне — эти деятельные горячие руки, эта мыслящая, светлая голова, это открытое, любящее сердце — нужны, очень нужны нашей родине, где много еще таится в углах равнодушия и эгоизма. (Я живу эвакуированная, с тремя детьми, в маленьком, очень маленьком и далеком городе, и тут, вдали от фронта и от связанного с фронтом производства — так много рутины, косности, равнодушия!)

Это нужно, это необходимо, чтобы вы познакомились с делом Марка, поймите это!

Только недавно я разыскала его и получила от него письмо. [В нем нет] озлобления. Он проболел всю зиму, но счастлив, что продолжает работать художником. Но нельзя же, нельзя, чтобы такой человек, не только наш, но один из лучших наших людей (я понимаю, что говорю), из-за недоразумения, ошибки или небрежности — был осужден.

Вот данные о нем: Чаусовский Марк Рафаилович 1911 г. рожд. Жил в г. Пушкине Лен[инградской] обл. Арестован 22/X 1940 г. 25/III 1941 г. ему объявлен приговор Особого Совещания — 8 лет испр-труд. работ с отбыванием наказания в Воркутинских лагерях. В [енингра]де содержался в тюрьме НКВД на пр. Володарского 4.

«28» сентября 1942 г.

№ 13/А-26468

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских Соц. Респ.
Москва, Пушкинская ул.
д. 15-а Телефон № _____

Гор. Молотовск, Кировской
области Ярославская ул. № 38
гр. СПЕРАНСКОЙ
Надежде Владимировне.

Поданная Вами жалоба о пересмотре дела осужденного
Чаусовского Марка Рафаиловича рассмотрена.

Оснований к пересмотру дела не имеется.
Жалоба Ваша отклонена.

Прокурор Отдела по спецделам
Прокуратуры СССР

ТАМАЗИН

ПИСЬМО АДАРИЧА

9/IV 43 г.

Получено 13/V 43 г.

Уважаемая Надежда Владимировна!

Я Ваше письмо получил и долго думал над ответом, поэтому только и не отвечал Вам. Вначале я даже воздерживался от ответа, но потом решил Вам написать, хотя этот ответ и будет для Вас очень печальным. Ваш муж умер в Адзьва-Вам, а причина смерти мне неизвестна, и описать подробно дальнейшее течение болезни в силу этого я не могу. Вопрос: является ли причиной смерти заболевание, по поводу которого он лежал у меня, — я сомневаюсь. Быть может, причиной смерти явилось другое заболевание.

Что касается вопроса сообщения об его смерти, то я даже сам хорошо этого не знаю. Сам же я, понимая Ваше состояние, решил написать Вам об этом, дабы не оставлять Вас в неизвестности.

Простите мне за задержку Вам ответа и поймите меня также, что отвечать на такое письмо с истинным ответом далеко не легко.

ИЗ ПИСЬМА, ПЕРЕСЛАННОГО МНЕ ШУРОЙ

[Александрой Рафаиловной Чаусовской, сестрой художника]

26/VII 43 г.

Получено 18/IX 43 г.

Я знаю, Вы с нетерпением ждете от меня письма, в котором я должна сообщить Вам о судьбе Вашего брата. Я переживаю тяжелую утрату вместе с Вами, ибо мне хорошо знакомы переживания при потере близких, дорогих существ.

Ваш брат, Александра Рафаиловна, Чаусовский Марк Рафаилович, 1911 г. рожд., урож. гор. Херсона, УССР, художник, осужден Особым Совещанием НКВД 25/III 41 г. за контрреволю[ционную] деят[ельность] к 8 годам ИТР, умер 16/VIII 42 г. от порока сердца и язвы желудка — это мне ответил Интлаг на запросы, которые я сделала при получении Вашего письма с просьбой помочь Вам.

Мне хорошо известно, что значит получить такое известие о брате. Но ничего не сделать. Рано или поздно все равно пришлось бы узнать об этом, но жаль того, что так погибают молодые люди, как пришлось погибнуть Вашему брату. Вы меня должны понять. Я Вас прошу об одном — не вздумайте меня благодарить за мои запросы. Это для меня ничего не составило: ни трудностей, ни хлопот, но ответ, который я получила, взволновал меня, ибо я не знала, как начать говорить Вам о этом. [...]

[Н. В. Сперанская:]

Это письмо я получила от Шуры много позже.

Вскоре меня вызвали в местное отделение НКВД и сообщили под расписку «устно и совершенно секретно», что Марк Рафаилович Чаусовский умер 16/VIII 1942 года. Это был ответ на все мои запросы.

Хорошо, что письмо Адарича пришло раньше, и эту щемящую весть я [впервые] услышала не из холодных казенных уст.

В 1944 г. мы с детьми вернулись в Ленинград, еще затемненный, еще израненный. Я вышла замуж за Виссариона Ивановича Феоктистова, одним из замечательных качеств которого было то, что он не ревновал к прошлому, не изгнал Марка из нашей семьи, и усыновив мальчиков, оставил им, по их желанию, отчество и фамилию.

Портрет Пушкина, казалось, разделил судьбу своего автора, и о том, что он существовал, знает и помнит лишь несколько человек. Все попытки узнать о судьбе портрета оставались безрезультатными. В начале 1966 года я прочла описание пушкинского портрета работы Марка. Мне удалось без труда связаться с автором книги (Юрием Окуневым) и убедиться, что он действительно видел один из тех снимков, которые я в свое время отсылала друзьям.

Этот эпизод убедил меня в том, что портрет Пушкина, созданный Марком Чаусовским, — не только семейная реликвия: лишенный красок, уменьшенный до размеров фотокарточки, он продолжает жить и волновать людей, помогает проникнуть во внутренний мир поэта, печалит и радует. Я сделала множество отпечатков с сохранившегося негатива (негатив сделан с одной из немногих сохранившихся фотографий) и давала их всем, кого интересовал и волновал этот портрет.

Один из режиссеров Ленстудии телевидения — Александр Анейчик — стал готовить передачу о портрете Пушкина работы Чаусовского и наметил ее на 2/VI 1967 года. Это и было то предпринято по совету Ираклия Андронникова в надежде, что откликнется кто-либо из видевших портрет, знающих его следы. Но цензура телевидения ужаснулась такой «мрачной затее», и передачу отменили.

В начале 1968 года радиоочерк о портрете написала Галина Марковна Бельская. Он был передан по радиостанции «Маяк» в программе «Юность» 5/IV 1968 года в 22 часа 35 минут. Передача повторялась несколько раз, но на нее никто не откликнулся.

РАДИООЧЕРК Г. М. БЕЛЬСКОЙ

К о р р. Недавно поразил меня один рассказ. Может быть, Вы читали его, называется он — «Только вечер», автор Юрий Окунев. Вот отрывок из него:

Ч т е ц (под музыку). ...И вдруг на стене она заметила портрет. Наверно, это Пушкин? Скорее всего, репродукция с какого-то неизвестного ей портрета. Она подошла, вгляделась, отдалилась на несколько шагов и вдруг почувствовала, что нужно подойти и снова посмотреть, пока не станет ясно, что же

произошло. Вроде бы ничего особенного не случилось... Но ведь за одну минуту она узнала о Пушкине, о его трагедии больше, чем за многие годы. Ошеломленно спросила: КТО художник? ГДЕ подлинник? Оказалось, что картина погибла в дни блокады в Ленинграде, художника нет в живых. Она несомненно видела *такого Пушкина* впервые. Выражение глаз, черты лица были скорее неожиданными, чем «традиционно-пушкинскими».

Поэт сидел в кресле в своем кабинете ночью, почти на рассвете. В этот день должна была состояться дуэль. Глаза его широко раскрыты. Он напряженно смотрит и думает: убьет ли его Дантес или он убьет Дантеса, — все равно затравят, не простят. Конец. Выхода нет.

Это был не портрет в рамке, а окно, в которое надо немедленно постучать. Сейчас Пушкин вздрогнет, резко поднимется: «Кто там стучит?»

...То, как изобразили поэта Тропинин, Кипренский и другие художники, может быть, по мастерству и выше, но какое ей сейчас дело до мастерства выдающихся художников, если *этой*, неизвестной ей художник, впервые *так* рассказал о Пушкине — человеку, попавшем в беду безвыходную, неотвратимую.

...И вдруг она подумала: «А ведь у каждого из нас свои отношения с Пушкиным!» И она сказала себе: «Это — мой Пушкин! Вот и встретились!» К этому ощущению ее привели не книги, не исследования, не картины великих мастеров, а вот эта небольшая, в простой рамке репродукция.

К с р р. Прочитанное произвело на меня такое большое впечатление, что мне захотелось обязательно узнать: что это? Вымысел ли автора? Или рассказ о реально существовавшем портрете? А так как говорилось, что картина была в Ленинграде, то я стала искать...

И вот однажды я встретила с одним нашим ленинградским художником, заведующим реставрационным отделом Русского музея, Бриндаровым Ананием Борисовичем и, поделившись с ним впечатлениями о поразившем меня рассказе «Только вечер», опять спросила: нет ли у него оснований думать, что такой портрет реально существовал?

— А Вы знаете, по-моему, здесь имеется в виду необычный и шумевший в тридцатые годы портрет Пушкина, выполненный молодым художником Марком Чаусовским, — рассказал Бриндаров.

Б р и н д а р о в. Да, помнится мне, всех тогда поразили этот портрет. О нем много спорили... Он был экспонирован на одной из ленинградских выставок в столетний юбилей поэта. Фон портрета — темновато-серебристый. У Пушкина рыжевато-каштановые волосы. Поэт сидит в кресле: в его позе и энергия, и огромная внутренняя скорбь и сосредоточенность. Очень выразительно написаны руки — это как бы самостоятельный портрет. А ведь Вы знаете, что писать руки — самое трудное. Так вот здесь руки — это как бы самостоятельный портрет — они сомкнуты... Они — говорят!

Портрет очень насыщен, эмоционален. Его забыть — невозможно! Мне кажется, в рассказе, о котором Вы говорите, имеется в виду именно этот портрет. Марку Чаусовскому было тогда 25 лет, и весь темперамент своей неистовой юности, свою необыкновенную нежность к поэту он вложил в своего Пушкина.

К о р р. Ну, а где же сейчас портрет, какова его судьба? — спрашиваю я у Бриндарова. К сожалению, он не знает. Но в Ленинграде, — говорит он, — живет Надежда Владимировна Сперанская, вдова Марка Чаусовского. Наверное, она знает больше.

И вот я встретилась с Надеждой Владимировной.

Да, мои поиски оправдались! В своем рассказе Юрий Окунев имел в виду именно этот портрет поэта. Вот и его книга с этим рассказом и дарственной надписью Надежде Владимировне Сперанской. А вот и фотография самого портрета, которую бережно хранит жена художника. Я жадно вглядываюсь в нее. Пушкин... Безрадостно-горестно-мудрый... Поэт за несколько часов до смерти. Во всем облике — и жажда жизни и невозможность жить...

Надежда Владимировна, расскажите еще о портрете!

С п е р а н с к а я. Этот портрет — дело всей жизни Марка Чаусовского, жизни, которая оборвалась так рано: он умер во время войны, в 1942 г. Марк писал этот портрет в 1936—1937 годах. Он жил этим портретом. Сохранились его письма той поры. Вот он пишет: «Сейчас работаю над кистями рук Пушкина. Добиваюсь, чтобы их «мимика» максимально совпала с выражением лица. Пушкина я сплю и вижу».

Марк много работал с посмертной маской поэта. И наверное, большое значение имело то, что мы тогда жили в городе Пушкине, где все дышит памятью о поэте.

К о р р. Но вот Бриндаров рассказывает, что Пушкин на этом портрете был рыжеволос. Это как-то не совпадает с нашим обычным представлением о поэте.

С п е р а н с к а я. Да, тогда это очень всех поразило. Марк написал Пушкина голубоглазым. Это тоже показалось странным. Но Чаусовский очень внимательно изучал все воспоминания современников о поэте. Вы помните, — у Вересаева в его книге «Пушкин в жизни» сказано, что у него были золотистокаштановые волосы!

К о р р. Надежда Владимировна, в рассказе говорится, что портрет погиб. При каких обстоятельствах? Осталась ли копия?

С п е р а н с к а я. Копии не было. Осталась только фотография. Но я верю, что портрет жив. Когда началась война, я с детьми эвакуировалась в Кировскую область. В доме оставалась моя мать. И когда пришли фашисты и стали выселять оставшихся в Пушкине жителей, она вырезала портрет из рамы, нагнула на палку, упаковала в бумагу и сделала надпись порусски и по-немецки: «ПОРТРЕТ. ПРОСЬБА НЕ УНИЧОЖАТЬ». Этот рулон она оставила в опустевшей квартире и уехала. Только в феврале 1945 года я побывала в Пушкине. Наш дом не был разрушен, но сильно поврежден, сломаны окна, двери... В груде мусора и кирпичей мне удалось найти несколько рисунков Марка, письма, детские школьные дневники. Но ни портрета Пушкина, ни массивной багетной рамы... А дом пожаром не тронут. И до сих пор продолжаются поиски портрета. Но они ни к чему не привели.

К о р р. А Юрий Окунев, как он узнал о портрете?

С п е р а н с к а я. Мне случайно попала эта книга. Я тогда была очень поражена, взволнована... Сомнений быть не могло: это о портрете Марка! Я написала автору рассказа. Оказывается, он действительно имел в виду портрет, который знает по сохранившейся у немногих наших друзей фотографии.

К о р р. (на фоне музыки). Но вдруг случится такое чудо — и эту передачу услышат те, кто что-нибудь знает о судьбе портрета? Немыслимо, чтобы человек, хоть однажды встретившийся с Пушкиным Чаусовского, мог забыть его!

ИЗ ЗАПИСОК С. А. ГЕРЛОВИНА

[Эти записки составил для меня Самуил Абрамович,
отдавая долг памяти Марка]

С. А. окончил исторический факультет университета осенью 1939 г. и был направлен на работу в город Миасс на Южном Урале. Но врачи посоветовали ему для работы гор. Пушкин, поскольку еще в университете у него обнаружился туберкулез. Начальство не возражало. Город Миасс тоже. Сестра сняла для С. А. комнату в гор. Пушкине, и он зажил счастливой жизнью молодого учителя, — считался хорошим знатоком истории и хорошим педагогом, был в восторге от своей работы, уйму времени проводил в школе и «сеял разумное, доброе, вечное»... Тут мы и познакомились с С. А.

Примерно через год оба [С. А. и мой муж] были арестованы по одному «делу». С Марком я пыталась переписываться. Потом узнала, что он умер. О Герловине ничего не могла узнать. Соседи говорили: «Да, их младший брат за что-то сидит, но мы ничего не знаем»... Только после 1956 года, когда меня вызвали в городскую прокуратуру, я узнала адрес Герловина и написала ему. Он ответил. Вскоре приехал в Л[енинград] с женой Любой и двумя детьми. Наша дружба возобновилась. Правда, С. А. потерял право преподавания истории. Но он много думал, многое переоценил.

Некоторые эпизоды он рассказал моему сыну Михаилу, так что тот знает о жизни отца в заключении больше, чем я. Уезжая в Москву, я просила С. А. написать мне то, что он помнит о совместной его жизни с Марком в лагерях. И он обещал мне это.

АРЕСТ И ДОПРОС

Приближался роковой день — 19 октября 1940 года.

Внутриполитическая обстановка осложнялась: война с Финляндией окончилась, был заключен мир, но в Европе полыхала «странная война». Мы дружили с Германией. «Дружба» была беспокойной. К нам с визитом приезжали фашисты. Наши деятели ездили в Берлин. Происходило какое-то сближение — были запрещены антифашистские фильмы. В газетах сообщалось о досрочной доставке зерна в Германию, появились статьи пронемецкого содержания. Сообщалось о военных успехах вермахта, о подводных лодках. В одной статье задавался риторический вопрос: «А где же Большой флот?»

Появились и зловещие признаки трещин «дружбы» — мы подписали договор о взаимопомощи с Югославией, а Германия оккупировала эту страну. Нас даже не пригласили на конференцию придунайских государств.

Однажды целая страница «Правды» была посвящена репортажу с английской радарной станции.

Один за другим следовали жестокие законы — тюрьма за прогулы и опоздания, запрещение переходить с работы на работу по собственному желанию, ускоренный метод судопроизводства за мелкое хулиганство, повышение цен на 60 %, очереди за хлебом.

Тюрьма, наказание стали угрожать каждому.

Совсем недавно говорилось, что наш народ дисциплинирован, проникнут сознанием общности, что мы самые, самые, самые...

Все предвещало грозные события, но некоторые меры были чересчур жестокими и несправедливыми. Обстановка была тяжелой, душная.

Все это волновало и служило предметом обсуждения и осуждения.

...19 октября 1940 года меня вызвали с урока по телефону и предложили зайти к уполномоченному НКВД в Пушкине по окончании работы. Когда я пришел по названному адресу, мне сказали, что мне надлежит явиться в Большой дом, в бюро пропусков, где мне выдадут пропуск к человеку, который желает меня видеть. Необходимо иметь при себе паспорт. Время явки предложено установить самому. Паспорт мой был в прописке, я еще не обедал и ответил, что смогу явиться часам к семи. Это время устроило моего собеседника.

Пишу столь подробно, чтобы засвидетельствовать, как далек я был от мысли о близости беды. Одно меня поразило — когда я говорил с уполномоченным, он перевернул лист бумаги, на котором писал, чтобы я не мог прочесть написанное. Этот жест недоверия меня покоробил: никакого любопытства к его писаниям у меня не было. Затем я пообедал в столовой, взял в ЖАКТе паспорт и решил зайти к Недельскому — взять у него книгу «Записки о галльской войне» для своей родственницы. Вины за собой я не чувствовал, никакой беды не предвидел и рассчитывал пробыть в Большом доме самое короткое время.

Дома у Недельских была няня с детьми, хозяйева должны были скоро вернуться, и я решил подождать. В это время пришел Марк Рафаилович. В разговоре я сообщил ему о своем вызове в Большой дом. Он любопытно высказал предположения о причинах вызова. Я думал, что вызывают меня как свидетеля — были арестованы несколько студентов университета, в том числе мои знакомые. Он высказал предположение, что вызов связан с моим заявлением в РК комсомола и последующим моим исключением. Больше мы к этому вопросу и не возвращались. Марк Рафаилович не придавал серьезного и тем более рокового значения моему вызову. Сам он зашел к Недельским занять денег. Я предложил ему выручить его своими деньгами. Он согласился и в свою очередь посоветовал взять нужную книгу самовольно, пообещав разделить ответственность за нарушение приличий. Затем он пошел проводить меня к поезду, и по дороге мы с ним оживленно говорили об идеологических истоках фашизма. Марк Рафаилович говорил о ницшеанстве, о реакционнейшей идее национализма, приправленной словом «социализм».

...Ни слова о вызове, ни признака чувства опасности...

В поезде я встретил тогдашнего директора Дома пионеров. Он иначе воспринял сообщение об адресе, куда я следую. Он изменился в лице, закашлялся, вышел на площадку и не вернулся ко мне. Я задумался... Подумал, что надо зайти к Абраму Кричевскому. Он был моим ближайшим другом по университету. Ведь могут спросить про него. Я поехал к нему. Он расстроился и высказал мысль, что дело выглядит очень скверно. Он посоветовал быть сдержанным и готовым к худшему... Он проводил меня, мой дорогой друг!

Когда я предстал перед следователем, и он мне задал вопрос: «Какие инструкции вы получили от Чаусовского?» — я вполне искренне рассмеялся. Я не мог себе представить, что Чаусовского можно обвинить в чем-либо контрреволюционном, что я как-то связан с ним на подспынной основе, что в отношениях между нами может быть применено слово «инструкция».

«Что вы знаете о контрреволюционной деятельности Чаусовского?» Я ответил, что сама постановка вопроса мне кажется невероятной. Меня спросили, когда я его видел последний раз. Я ответил, что давно. Почему я солгал, я и сам не могу дать себе отчета. Я быстро исправился, но в руки моего обви-

нителя попал козырь — вы лжете, вы скрываете, а скрывать и лгать мне было нечего и не для чего.

Первый допрос продолжался 56 часов. Много за это время произошло... Допрос резко разделился на две части. Сперва разговор шел в рамках законности и принятых приличий. Меня спрашивали, я отвечал. Мне говорили, что я и Чаусовский являемся государственными преступниками, и я этому поверить не мог, тогда мне говорили, что мы рецидивисты, и этому я не верил. Мне угрожали, что поместят в камеру с крысами. Я уверял, что подобной меры в советском правосудии нет. Мне сулили годы тюрьмы, а я уверял их, что они шутят. Меня спрашивали о моей работе в школе, в РК комсомола, о знакомых в Пушкине, и я отвечал...

Следователи менялись, уходили, приходили новые, меня отпускали думать в коридор, кормили, а я все не мог понять, в чем состоит «преступная деятельность» моя и Чаусовского. Наконец мне сказали, что я потерял их доверие, что могу идти домой с горьким сознанием невыполненного долга перед государством и могу вернуться сюда, когда моя совесть проснется. Затем мне сказали, что в бюро пропусков мне дадут справку, что я провел в Большом доме сутки, выписали пропуск и вернули паспорт.

Я двинулся по длинным коридорам Большого дома. Однако путь мой был недолог. Следователь, запыхавшийся, взъерошенный, догнал меня, отобрал пропуск, паспорт, посетовал на свою природную доброту, что чуть было не выпустил опаснейшего врага на свободу. Мы уже шли не рядом, а он меня вел, мы уже не шли, а бежали, и он меня подталкивал, он уже не говорил, а рычал. Взмыленные, мы вернулись в прежнюю комнату, но налет благопристойности, законности безвозвратно исчез. Тон допроса стал грубым, угрозы сыпались, как из рога изобилия, голос был повышенным, кулак находился в опасной близости от моего носа...

Наконец взыл и я. «Да чего вы от меня хотите? Что вам надо? Вы хватаете невиновных людей, повторяется «ежовщина»! Этого следователь выдержать не мог. «Ежовщина» — термин «злейших врагов». Свои чувства ко мне он выразил, покарал меня десницею.

Он выпил воды, расстегнул ворот рубашки с видом измученного человека — он нуждался в оказании помощи! Когда я

вытирал кровь с лица, он уверял, что я нарочно расцарапал лицо. Он эти приемы знает!

Прошло еще время, появлялись новые персонажи с мрачными лицами. Они предрекали мне скорое разоблачение и долгий срок заключения. Один из них сообщил, что в одной из камер находится матерый враг Чаусовский. Он пойман и доставлен. Скоро наступит час расплаты!

Когда же они убедились, что я решительно не понимаю, чего им от меня нужно, то стали спрашивать, о чем мы с ним говорили, не высказывал ли он антисоветские мысли или кто-либо из моих знакомых, не высказывал ли, наконец, я. Конечно, я слышал, что за разговоры людей наказывают, но я никак не связывал разговоры с понятием «деятельность», а также не слышал, что наши разговоры попадают в разряд «антисоветских».

Следователь стимулировал мою память записями некоторых наших разговоров. Я сказал, что не считаю эти разговоры антисоветскими. Они просто критические. Он и ухватился за это: «Вот и расскажите об этих критических высказываниях, а мы их квалифицируем сами». Так примерно шел разговор.

Здесь-то и сказалась моя слабость. Я рассказал о наиболее критических высказываниях Марка Рафаиловича. Он критиковал некоторые законы как чрезмерно жестокие — уголовную ответственность за прогул и опоздание и главным образом характер кампании по применению этого закона, когда судили за прогулы, вполне объяснимые с человеческой точки зрения. Не нравился нам и договор с Германией за то, что он приводил к некоторому сближению идеологий. (У нас строится социализм, они строят национал-социализм.) Я высмеивал подхалимаж, процветавший повсеместно и принимавший уродливые формы. Эти мои показания записывались охотно. Когда же я говорил, что Марк Рафаилович — честный и искренний патриот, что он считает Советскую власть своей родной, что он марксист — это вызывало их раздражение, передразнивание моих слов, крики и «внушения».

Немногое, что мне удалось заставить записать в протокол положительное, в обвинительном заключении выглядело в виде многоточий, а то и просто игнорировалось.

Меня расспрашивали о разговорах, которые велись во время «сборищ». Мое удивление таким названием наших служеб-

ных встреч или встреч, связанных с семейными торжествами, было пресечено. Следователи читали доносы о некоторых наших общих разговорах с Надеждой Владимировной, Погребняковой, Марком Рафаиловичем, Недельским, Пушкаревой. Записи были подробные. Некоторые из них были верными, некоторые — искажены. Размышляя об авторе этих записей, я пришел к выводу, что им была Пушкарева Лариса Константиновна. Путем сопоставления лиц, участвовавших в различных разговорах в разных ситуациях, я пришел к выводу, что неизменным участником их была она. Впоследствии мы с Марком Рафаиловичем обсуждали этот вопрос и согласились в том, что это так...

Наконец наступил момент, когда был поставлен вопрос «Расскажите о своей контрреволюционной деятельности». Эта часть допроса прошла довольно гладко и быстро. Теперь я уже знал, что означает слово «деятельность», и быстро рассказывал о своих разговорах. Книга «Хранить вечно» находилась на столе у следователя, и он подсказывал мне то, что я за давностью времени забыл. Автором сего труда был Филипп Крицын — коллега по университету.

Почему я так безропотно давал показания не в свою пользу?

1. Я был комсомольцем, и мне прочно была внушена мысль, что учреждение, где я нахожусь, самое справедливое, самое беспристрастное из всех возможных, что оно заботится о благополучии не только всего общества, но и каждого из нас. Действия моих мучителей я считал плодом их инициативы и плохого выполнения своих обязанностей. Попадет эта галиматья в руки подлинного чекиста — и все это наваждение рассеется как сон. Бедный чудака, я не представлял себе, что все шло нормально и все выполнялось по утвержденной инструкции.

2. Рассказав о критических замечаниях, высказанных Марком Рафаиловичем, я не считал себя вправе скрывать что-либо о себе.

Как и все в нашем мире, допрос подошел к концу, и я предстал перед очами высокопоставленного ромбоносца. Это был представительный мужчина с седой головой и мудростью на челе. Располагался он в просторном кабинете, обставленном с роскошью простоты, до сей поры неизвестной мне. Неподалеку от полированного стола находился небольшой сейф, подоб-

ный алтарь. К нему вела красная ковровая дорожка. На маленьком столе было около десятка телефонов, и один из них — красный.

Мой следователь тянулся перед этим товарищем, как змея перед укротителем. Ромбоносец говорил со мной, прочитывая бумагу, поданную следователем на подносе, и, наконец, изрек, что я человек опасный для государства и должен быть изолирован. Мои возражения он отмел одним словом: «Забрать!» Следователь извлек меня из кабинета с великим проворством. Затем он позволил себе посочувствовать мне и Марку Рафайловичу и повел меня во внутреннюю тюрьму — Шпалерку.

Первое впечатление — решетка, железная дверь и нежелание переступить порог. Раздумывать не дали. Все проделывалось быстро, где словом, а где и жесткой рукой. Сознание неволи — обыск, когда не сам ты выворачиваешь карманы, а посторонний человек лезет к тебе в карман и обшаривает все. Много обысков («шмонов») мне пришлось пережить, но того, первого — не забуду.

Второе сильное ощущение несвободы — зайдя в туалет, я искал запор... Запор был снаружи. Тяжелейшее впечатление...

Дальше сон и дикое пробуждение... Меня разбудили и... предъявили ордер на арест и обыск. Оказывается, до сих пор меня «ловили». Обыск был произведен в мое отсутствие. Капитан, производивший обыск, сказал, что он ничего предосудительного не нашел и не рассчитывал найти, а посему меня и не возили домой... Обнаружили они великое множество театральных билетов, что дало возможность следователю поставить впоследствии глубокомысленный вопрос: «А не назначались ли вами явки в театре?» Фарс! И он, и я понимали глупость такого вопроса, но...

Наконец я предстал перед следователем, который должен был вести следствие. (До сих пор я был во власти оперативного отдела.) Вид у следователя был плюгавый, но он был хитер и искушен... Он предъявил мне обвинение в контрреволюционной агитации и участии в контрреволюционной группе.

Сломленный предыдущим, я признал свою вину, хотя и был немало смущен известием, что я — участник группы, а также, что я «уличен непровержимыми уликами и доказательствами». Я поинтересовался, кто же участники группы, но мне

напомнили, что вопросов я задавать не могу, что я должен сам назвать участников «группы», что все они находятся в тюрьме.

О чем же шли наши беседы со следователем? Участники «группы» — Надежда Владимировна, Недельский, Пушкарева, Погребнякова, Брюхненко и, уж конечно, Марк Рафаилович. Все это мы «установили» в результате «перекрестных допросов», «неопровержимых улик», «прямых доказательств», «чистосердечных признаний». Следователь не особенно скрывал своей скуки и безразличия.

Он говорил мне, что ему интереснее «беседовать» с Марком Рафаиловичем, чем со мной, что он ему интереснее как личность.

Из рассказов Марка Рафаиловича. Вопрос коснулся итогов войны с Финляндией. Официально было названо число раненых во время этой войны 10 000 чел. Количество было явно преуменьшено, и все жители Ленинграда это видели, видел это и следователь, но оспаривать официальной цифры не стал. Он просто сказал, что раз официально объявлено 10 000, то остальное от лукавого и является клеветой и контрреволюцией.

...Во время допросов следователь прохаживался с Марком Рафаиловичем по кабинету, и они «беседовали», иногда даже официальной записи не велось... Обязательно записывалось время допроса. Однажды я обратил внимание на то, что время это преувеличено. Я спросил следователя, зачем допускается подобная неточность. Вопрос ему не понравился, и в явном раздражении он сказал, что включает сюда и то время, когда меня ведут из тюрьмы и обратно. Впоследствии я узнал, что время допроса оплачивается особо, и следователь был заинтересован в его продлении. Об этом он тоже рассказал Марку Рафаиловичу. Меня этот вопрос занимал, потому что следователь уж очень болезненно реагировал на мое недоумение.

Интересовал следователя и вопрос о том, все ли было прилично на «сборищах», не скакали ли мы в обнаженном виде. Я не мог понять смысла этого вопроса. Когда я рассказал Марку Рафаиловичу об этом курьезе, то он мне сообщил, что следователь поведал ему, будто «контрреволюционные группы» грешат ново-эпикуреизмом, и он был обязан и у него спросить эту нелепость...

...С помощью «пособия» и моей дурацкой наивности удалось установить роль каждого участника «группы» и степень

его виновности. Занимали следователя и моя жизнь, и «контрреволюционная деятельность» в университете. Много он не добился — то, что написал ему Криницын, да я подтвердил. Кое-какую поддержку следователь получил от Леонида Павлова. Это был мой товарищ по ФЗУ. Так как он дал «обличающие» меня показания, то с ним была проведена очная ставка.

В такой постановке я участвовал впервые, и она мне запомнилась. Леонид был напуган и держался, пожалуй, с излишней «ненавистью». На мое приветствие он не ответил, свои показания изложил бойко, ничего особенного не сказал, и я поблагодарил его за правдивость. Следователь спросил о причинах моего доброго расположения, и я ему ответил, что вот и Павлов не сказал ничего заслуживающего внимания и сверх того, что я уже сообщил. Мне и весело. Подойдя ко мне поближе, следователь посулил мое веселье прервать в ближайшем будущем. Последовал провокационный вопрос ко мне: «Что вы знаете о контрреволюционной деятельности Павлова?» Я ответил отрицательно... В комнату в это время вошел прокурор. С ним я уже был знаком. За некоторое время до описываемого события я был вызван к следователю. В комнате находился человек, одетый в полувоенную форму. Он отрекомендовался заместителем городского прокурора. Спросил — нет ли у меня претензий. Я заявил о «некорректном» обращении со мной на начальной стадии следствия. Он мне ответил, что это — обычная клевета «врагов народа» на незапятнанную репутацию чекистов.

Перелистав «Дело», он задал вопрос: «Почему вам не нравится договор с Германией?» Я ответил, что хотя бы за свою антисемитскую политику Гитлер не заслуживает ни доверия, ни уважения. Прокурор стал поучать, что Гитлер избран немецким народом и является поэтому законным представителем государства. Затем он высказал такую идею, что во имя строительства коммунизма можно пожертвовать интересами одного народа. Я возразил, что идет кровавая расправа, и я такого марксизма не признаю. Он мне объяснил, что я вполне достоин того места, где нахожусь, и он приложит все старания, чтобы мое перевоспитание было полным, а для этого потребуется много времени. [...]

Предстояла очная ставка с Марком Рафаиловичем. Я не без тревожных мыслей ждал этой встречи. Мне все казалось,

что я был причиной его несчастий. Механика чудовищной машины НКВД была мне незнакома, а она была довольно проста: кого они хотели осудить — осуждали. В этом случае и невинный анекдот о невежественном школьнике превращался в грозную улику и являл собой контрреволюционное действие. Встреча на очной ставке произошла. Марк Рафаилович отпустил себе бороду, похудел, но сохранил живость, и глаза его по-прежнему блестели.

Встретил он меня широченной улыбкой. Он понимал мое состояние и всячески показывал своим поведением, что не сердится на меня. Сидел он у стола следователя, мне был приготовлен стул поодаль, в комнате находились следователь и еще два человека. Следователю явно не нравилась дружелюбная атмосфера, воцарившаяся в комнате. Он не скрывал, что дружелюбные улыбки не соответствуют моменту и сменятся горькими слезами. В «деловой» манере мы ответили на вопросы, «поставленные на обсуждение». Содержание разговора я не помню, и не в нем была суть для нас. Все это была комедия, разыгранная на трагических подмостках. Понимали это все присутствующие.

Разногласий у нас не возникло, только Марк Рафаилович просил подтвердить, что при таком-то разговоре отсутствовала Надежда Владимировна. Окончилась деловая часть. Попытались мы провести и художественную, поговорить между собой. Следователь резко пресек эти попытки, поиздевался над нашим миролюбием и велел нас увести. Вышел я из комнаты следователя в более спокойном состоянии, чем входил, многое выглядело проще, чем казалось, но и это было неверно. «Простого» — нет...

Чтобы закончить с этим, скажу, что Марк Рафаилович вовсе не был в восторге от моего поведения на следствии, как это изображал во время очной ставки. Я не был его «погубителем», как мне казалось, но и «здоровья» у меня не оказалось. Марк Рафаилович сказал мне позднее, когда мы встретились, что мне следовало быть сдержаннее. «Я-то на вас не показал» — таковы были запомнившиеся мне его слова...

Через некоторое время я был вызван в комнату следователя, где мне предложили ознакомиться с пухлым томом дела... Чтение продолжалось часа 3—4 и было захватывающим по

своему содержанию. Многое я перечитывал, над многим размышлял. Вызывало все это тягостные мысли... [...]

ТЮРЬМА И ЛАГЕРЬ

[...] После следствия меня перевели в «Толмазов переулочек» — эта часть тюрьмы почему-то так называлась.

Возле двери камеры на полу лежали постельные принадлежности — матрац, одеяло, простыня, подушка. Меня это несколько шокировало, в одиночке было опрятнее. На полу вповалку спали заключенные. Я спросил — где же мне лечь, конвоир показал ногой. [...]

Людей я испугался. Стриженные, одетые в рвань, они тяжело дышали, крихтели во сне. Запах стоял кислый. Один человек проснулся, поглядел на меня и произнес: «Шампион. Родину продавал? Курить есть?» Китаец. Милейший человек. Но это [я выяснил] впоследствии. А сейчас неожиданное слово, необычная внешность, полутемное сводчатое помещение...

Много новых лиц, много рассказов, много впечатлений, но... происходит то, что бывает со многими — не веришь невыдуманности ситуаций. Они неожиданны, смехотворны и трагичны. Многому не веришь, потому что все это чудовищно. Вера, глубокая вера, — внушенная, воспитанная вера в непогрешимость самого непогрешимого органа Советской власти...

А жизнь идет. Кого-то везут в суд. Приходят новые. К людям присматриваешься, они изучают тебя. Люди разные. Иные понимают мое недоверие, некоторые сердятся. Необходимо время. Однажды меня вызывают «с вещами» и ведут в корпус, где расположены одиночки. Вводят в камеру. Душа в пятках — новое следствие? Не сплю, ворочаюсь. В камере — молодой парень, явно не расположен к общению с новичком. Утром обратил внимание, что возле батареи парового отопления — черные сухари. Возникла догадка, что здесь был Марк Рафаилович, ведь он не ел черного хлеба — язва желудка. Замечаю и второй признак его пребывания — изящные шахматные фигурки, вылепленные из хлеба. Осторожно выпрашиваю, и, судя по описанию внешности прежнего жильца, им был Марк Рафаилович. Сосед рассказал, что он заболел и, очевидно, отвезен в больницу.

Днем я был проклят много раз и отведен обратно, в «Толмазов переулок». Произошла ошибка! По принятым правилам однодельцы никогда не должны встречаться и, верно, наши личные дела находились где-то рядом. «Там», где ты изолирован, оторван от всего, даже такое происшествие, даже такие сведения весьма интересны...

Время тянется, дни идут однообразно. «Знатоки» уверяют, что суд будет скоро, но ничего утешительного не советуют ждать. Это скорее интуиция, чем знание — все они жалкие дебютанты в жизненной трагедии. Роли наши усердно строчатся — и роли невеселые.

Наконец наступает и мой час. Кто тут на букву «гы», команда — «с вещами». Ясно, что суд, но почему ночью? Идет усиленное движение — много народа ведут вниз. Заводят в комнату, где вдоль стола — лицом к ним — стоит наш брат. Крики конвоиров — «не глазей» — не могут возыметь действие, мы глазеем и даже шепчемся. В воздухе слово ОСО. Я слышал, что это — судилище, но считал, что это — клевета на советское правосудие, и вовсе не ожидал встречи с ним. А встреча произошла. Вместо убеленных сединами судей, которые тщательно, со знанием разберутся в моем деле, вместо сурового, но справедливого прокурора, благожелательного защитника и, наконец, трогательного «последнего слова», — я предстал перед невзрачным лейтенантом, который протянул мне четвертинку бумаги, где было написано, что я осужден по формулировке АСД (антисоветская деятельность) на 8 лет ИТА с отбыванием в поселке Воркута. Я пролепетал: «А что значит АСД, ИТА?» Лейтенант зло процедил: «Когда совершал преступные действия, не ожидал такого конца? Наш суд скорый — справедливый. Антисоветская агитация. Сапогом тебя по языку. А ИТА узнаешь за 8 лет».

Так я из подследственного стал осужденным, заключенным. Одним и тем же числом были осуждены человек 200. Таким образом стало ясно, что это суд скорый.

После ознакомления с «прелестным» приговором я был препровожден в большую камеру, где царил великое возбуждение. Любая определенность лучше неопределенности, люди остаются людьми даже в этих условиях.

Через пару минут после прихода в камеру я встретился с Марком Рафаиловичем. Он уже был здесь и ожидал меня.

Встреча была самой дружелюбной, мы обнялись, поцеловались. Появились слезы. Он повел меня к своему «месту», где-то на полу. Там был приготовлен кусочек пола и для меня. Люди кругом галдели, одни плакали, иные смеялись, но все были возбуждены, взволнованы. Некоторые ссорились. Никто не обращал внимания на соседей, и мы могли говорить с Марком Рафаиловичем беспрепятственно и откровенно.

Как и перед очной ставкой, я чувствовал себя неуютно из-за своей несдержанности. Марк Рафаилович сказал мне совершенно ясно, что понимает меня, что ситуация была слишком сложной, и здесь легко было растеряться. Клеветы он не усматривает, — сказал он с лучезарной улыбкой, — но и правду не всегда полезно говорить. Он предложил забыть весь «эпизод» и стал рассказывать о себе.

Он был арестован 22 октября и тоже мучительно долго подвергался первому допросу. В допросе его участвовало много лиц. Одному из них он посоветовал находиться вне досягаемости его (М. Р.) руки, когда он говорит неуважительно о Надежде Владимировне. Марк Рафаилович говорил, что готов был привести свою угрозу в исполнение, и ему поверили. «Они» его уважали и за искренность, и за силу, и за какую-то особую непосредственность, составлявшую его обаяние. Он мне говорил, что следователь во время допроса вел себя неофициально, беседовал с ним, прохаживаясь обнявшись по кабинету, угощал его обедом, зная о болезни желудка, что многие вопросы они решали именно таким дружелюбным образом. Жизнь показала, что не очень следует полагаться на слова этих товарищей, что свое дело — добиваться обвинения арестованных и именно путем самооговора — они проделывают, используя все методы и способы, но даже при этом я знаю, что они уважали Марка Рафаиловича.

Через пару дней после описанного я был вызван к следователю. Там было много народа — и оперативники, «поймавшие» меня, и следователи, допрашивавшие меня, и вовсе незнакомые хари. Вызвали меня затем, чтобы поглумиться надо мной. Стоял я перед ними в жалком виде, брюки все время сползали из-за отсутствия пояса, пиджак был измят — я и спал на нем, и укрывался им. Они торжествовали свою победу, вспоминали мои слова, когда я говорил о своей невинности (ведь то, что они считали виной, я не считал виной), вот они меня разобла-

чили, и я, их классовый враг, поборник империализма, стою перед ними в жалком виде. Кто-то из них сетовал, что я съел много советского хлеба, что я получил образование за счет государства, но его утешили, что за 8 лет я все забуду. Все они были огорчены, что в этот период Особое Совещание не может дать больше 8 лет, а ведь было время, когда оно могло осуждать и на большие сроки...

Был вызван на «собеседование» и Марк Рафаилович. Он рассказывал, что обстановка была иная — он сидел, и беседа шла серьезная. Они тоже праздновали победу, но не грустили уж так открыто и грубо. Но это было через пару дней, а тогда мы лежали на полу и разговаривали без конца о пережитом. Мы много говорили о Надежде Владимировне. Он запомнил все, что говорилось о ней в материалах дела, мы восстанавливали в памяти все эпизоды, где она упоминалась. Ни на минуту его не покидала мысль: «Как они там?» Несмотря на краткий срок пребывания в данном обществе, у него уже появились друзья, и я им должен был подтверждать, что Надежда Владимировна — замечательная женщина, и умница, и красавица, и характера расчудесного... Может, чересчур открыто, неуместно, но было так и он был таким!

Было решено — мы постараемся быть вместе, не разлучаться, тем более, что в его приговоре упоминается поселок Воркута. Наивные чудаки — мы предполагали, что этот поселок на севере — нечто вроде Шушенского, где будем распивать чай и трудиться на благо родины. Труд нам казался тяжелым, но совсем не таким, каким он был! Обстановка же и вовсе не та! Слово «поселок» казалось нам уютным. Жалкие наивные мечтатели! [...]

Марк Рафаилович не считал себя заслуживающим столь сурового наказания. Он собирался писать о пересмотре дела. Ведь обвинительный материал, собранный против него, был совсем жалким. Это дало повод прокурору в 1956 году сказать моей теще, что столь пустого дела он не встречал. Он пригласил было его и меня к себе, но узнав, что Марка Рафаиловича нет в живых, а я далеко — эту мысль оставил. Я не считал себя вправе обжаловать приговор и действительно никому и ничего не писал. Марк Рафаилович говорил, что его семья — коллектив и интересами этого маленького коллектива он пренебрегать не вправе. [...]

Пересыльная тюрьма... Огромная камера, челсвек на 150, но в ней «проживало» не менее 500—600 человек. Режим более мягкий, но... «Администрация» камеры — староста и свора прихлебателей. Цель этих людей — побольше продержаться в пересылке. «Прелести» лагерной жизни они испытали, они — из рецидивистов. Вели себя в камере нагло, занимали лучшие места, жили вольно, хотя кругом была теснота неимоверная, отбирали продукты, вещи. Сопротивлявшихся запугивали. Если кто отказывался выполнять их приказания, они поднимали дикую брань, шум и угрозы. Тех же, кто мог устоять — они принимали в свою среду или оставляли в покое. Они опасались жалоб на свою «деятельность». Тюремная администрация знала об их похождениях, но они обеспечивали «порядок», а ценой этого «порядка» никто не интересовался. «Порядок!»

Отбой — в 9 часов. В 7 часов начинается укладывание. Забираются под нары жители нижнего этажа. Укладываются на полу, подстелив под себя свои пожитки. Поперек центрального прохода укладываются нары, под эти нары «устраиваются» жители того же первого этажа. На них сыплется мусор, а могут посыпаться и жители II—III этажей, ведь здесь все не прочно... Потом укладываются жители второго этажа и, наконец, третьего. Там душно, воздух тяжелый, но... вольготнее. Там «аристократы». Все время возникают ссоры, шум, иногда ссоры переходят в драки. Ночью шум возникает довольно часто. Ведь люди живые и возникает потребность выйти... А в этой камере подавляющее большинство — новички.

Марк Рафаилович активен. Он мирит ссорящихся, защищает обиженных. В углу — драка. Он спешит туда и через некоторое время возвращается оживленный, но из носа капает кровь.

Рассказывает, как разнимал драку, и его хотели ударить головой по челюсти снизу, удар, от которого сыплются зубы, но он этот прием знает и обезвредил злокозненный удар. Вскоре появляется его противник, здоровый бородатый парень. Он дружелюбно и весело обсуждает с Марком Рафаиловичем перипетии схватки, хвалит силу и ловкость своего противника и предлагает переселиться из-под нар поближе к «солнцу». Таким образом, он признан «своим».

Вот «гонят» в баню. Гонят потому, что в тюрьме это — процедура не из приятных: мало тазов для мытья, мало воды — и она или совсем горячая или очень холодная. Спешка, толкот-

ня, затрещины. Всех гонят, а нас с Марком Рафаиловичем — меня как его друга — приглашают помыться после всех, в более спокойной обстановке. Конечно, и будучи «признанным», Марк Рафаилович не прекращает своей деятельности борца за мир и справедливость.

Вот вызывают нас на свидание, конечно, порознь. Наших родных оповестили и сообщили, чтобы они позаботились о теплой одежде для нас. Возвратившись со свидания с Надеждой Владимировной, Марк Рафаилович лег на свое место и долго-долго лежал. Уже поздно ночью он мне рассказал подробности свидания. Свидания горького, свидания перед разлукой...

Он отлично понимал, что картина благополучия, нарисованная Надеждой Владимировной, неправдоподобна, но восторгался мужеством своей жены и воспрянул духом...

Приближался праздник Первомай. Возникла потребность в художнике, способном оформить стенгазету «Крепкие стены — стальные решетки» (как мы ее назвали). Марк Рафаилович берется за это дело. Он рисует в Красном уголке. Заявив, что ему необходима моя консультация, он и меня привлекает в Красный уголок, где нас кормят и где чистый воздух, как минимум. Оформление газеты нравится начальству. Приходят разные чины и чмокают губами. Огромная, во весь лист, цифра «1» и слово «май» написаны очень красиво, и силуэты Кремля, и праздничные колонны. Марк Рафаилович доволен — в его руках краски и «свобода творчества». Он способен был забываться и испытывать радость даже здесь. Вообще он редко предавался унынию. Ему все хотелось видеть, и многое виделось в радужном свете. Ему хотелось поделиться и лишней ложкой баланды, и своим оптимистическим настроением со мной. Я был для него представителем далекого мира свободы...

Не помню — были ли еще свидания с родными. Вещи мы получили. Каждую он тщательно рассматривал, вспоминал ее происхождение, пытался установить, кто ее дал. (Ведь в те времена купить необходимую вещь, да еще теплую, было мудрено.)

...Начали читать длинный список вызванных на этап. В нем значились и наши фамилии. Пребывание в тюрьме было тягостным, отвратительным, и нам хотелось перемен. Ноги пухли, появилась одышка, бесполезные разговоры иссушали мозг.

Идет погрузка в товарные вагоны. Конвойных много, на крыше вагона пулемет, овчарки готовы вцепиться в горло, команды подаются отрывисто, подкрепляются тычками. Обыск производится самый тщательный. Среди нас было несколько «бывалых», и они преспокойно провезли через все препоны ножи, карты, весь свой воровской инвентарь. [...] Мы ехали дней 18. Тесно, холодно, продукты есть, но все время мучает жажда. [...]

Лежим рядом на нарах. Ведем нескончаемые разговоры — о следствии, о жизни на воле, о людях родных и знакомых. Мы детально анализируем все обстоятельства и именно тогда устанавливаем авторство Пушкаревой. Марк Рафаилович говорил об ее отвергнутых симпатиях к нему. Мы не испытываем особой ненависти к ней — она была жертвой обстоятельств. Конечно, личная обида и могла сыграть какую-то роль, но главное — «спрос рождает предложение». Было высказано предположение, что возникла реальная угроза в отношении Недельского, и Пушкарева выручала его.

Однажды у Марка Рафаиловича в пути возникла острая боль в желудке. Я оказал ему посильную помощь. Он высказал мне столь большую благодарность, что она вовсе не соответствовала оказанной услуге. Здесь, конечно, сказалось многое — и перенесенные вместе страдания, и прежнее знакомство, и одиночество каждого из нас. Случай этот еще более сблизил нас...

Прибыли в Котлас. Дальше железная дорога не была построена. Через Печору строили мост. Природа необычайная — в мае снег лежит нетронутой целиной, холодно, а солнце греет сильно, можно загорать.

Помещение — бараки. Количество их не счесть. Дня за два до нашего прибытия произошла грандиозная драка, здесь было полно уголовников. Для усмирения применили оружие, видны были пятна крови, развороченные бараки, общее возбуждение еще не улеглось.

Некоторые заключенные по утрам умывались снегом. Марку Рафаиловичу захотелось испытать этот способ утреннего туалета, но оказалось холодновато — нужна тренировка, а мы ведь еще и ослабели.

Пробыли мы вместе в этом лагере недолго, несколько дней. Марка Рафаиловича оставили как художника. Его попытки оста-

вить меня там же успехом не увенчались. Ему пообещали, что пробудет он недолго в этой командировке, а потом будем жить вместе. Конечно, это был обман и даже не очень коварный. Система не выполнять обещания была автоматическая.

Расставание наше было трогательным. Мы по-братски разделили наши запасы продовольствия, пообещали не терять друг друга из виду и принять все меры, чтобы воссоединиться.

Я проделал 200 километров пути пешком, затем месяца два находился в месте, именуемом Воркута-вом, затем меня везли баржей вверх по реке Воруте. Так прошло еще месяца два. [...]

Месяцев через шесть я попал в Воркуту-угольную. Сейчас же стал искать Марка Рафаиловича. Я узнал, что он находится в 5-ом районе. Там были небольшие шахты. Какую работу он выполнял, я не узнал, а может и забыл.

В 1942 году Марк Рафаилович был переведен в больничный городок. Затем последовало известие о его смерти.

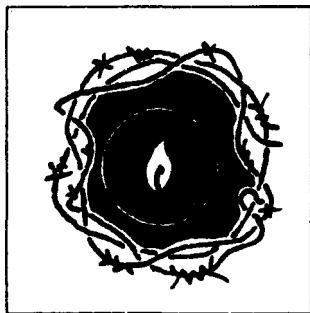
После отбытия наказания на Воркуте я был сослан в город Балхаш. Там я работал кассиром на Балхашмедьзаводе.

Уже в 1956 году, незадолго до моего отъезда в Ленинград, в кассу пришел получать деньги рабочий, литовец по национальности. Я с ним заговорил. Он был санитаром в больничном городке в 1942 г. Я спросил его о Марке Рафаиловиче, и он мне ответил, что Марк Рафаилович умер, что он был свидетелем его смерти.

Прошло 30 лет. Много ушло из памяти, но впечатление самобытного образа Марка Рафаиловича не может исчезнуть.

Импульсивный, жизнерадостный, предельно искренний, ищущий правды — таким сохранился в моей памяти этот яркий человек.

**СТИХИ
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПРОЗА**



Г. Тюрк

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Гюнтер Тюрк — поэт. Непризнанный. Необласканный. Неизвестный. Никто бы и не узнал о нем, если бы не А. Т. Тюрк, сохранившая его стихи. Необходимо было еще подвижничество А. Г. Бабакишиева, разыскавшего Анну Терентьевну в Ташкентской области и уговорившего ее передать стихи Гюнтера Тюрка обществу «Мемориал». Потребовалась также кропотливая редакторская работа с ними В. И. Каледина, любившего стихи Гюнтера Тюрка, многие из которых имели пропуски слов, были оборваны, некоторые — без начала и конца. Очень немногие датированы самим автором. Небольшие подборки стихов Тюрка впервые были опубликованы в журнале «Наш современник» (1990, № 10) и в альманахе «Возвращение памяти» (Новосибирск, 1991).

Судьба Гюнтера Тюрка — типичная судьба поэта в России. Прожил всего 39 лет, и годы его зрелости пришлось на самый мрачный период российской истории — период сталинизма. Удивительно еще, как в тех условиях могло сохраниться столь чистое поэтическое восприятие мира, как у Гюнтера Тюрка. Этому во многом способствовали идеи Л. Н. Толстого, которые почитались и которым следовали в семье Тюрков.

Гюнтер Тюрк родился в Москве 1 января 1911 г. Его отец Густав Адольфович работал врачом Кремлевской больницы. Погиб в 1937 г. на Соловках.

В 1928 г. Гюнтер окончил Московский электрофизический техникум, а его брат Густав Тюрк — астрономо-математический факультет Московского университета. В 1931 г. оба брата переехали вместе с одной из толстовских коммун Подмосковья в Сибирь на необжитые земли, выделенные ей в Кузнецком округе Сибирского края (коммуна «Жизнь и труд», материалы о которой публикуются в настоящем альманахе). Братья, как и все в коммуне, занимались сельскохозяйственным трудом и, кроме того, преподавали в коммунарской школе.

В 1936 г. в толстовской коммуне «Жизнь и труд» были проведены первые аресты. Среди арестованных оказался и Гюнтер Тюрк. Он прошел Новокузнецкую, Томскую тюрьмы и Мариинские лагеря. Тюремное заключение его продолжалось почти три года, и все это время он не переставал сочинять стихи, многие из которых были записаны им только после освобождения. Тюрьма и лагерь оказались губительными для его слабого здоровья. От смерти его спасло, пожалуй, лишь то, что условия жизни заключенных в Мариинских лагерях были более щадящими, чем в других (особенно в северных) лагерях: мягче был климат, труд был, в основном, сельскохозяйственный, — не рудник и не лесоповал. На Колыме Гюнтер Тюрк не продержался бы и года.

В 1946 г. после отбытия 10-летнего срока он был отправлен на 5 лет в ссылку в г. Бийск, где особенно тосковал по Москве. 24 марта 1950 г. он умер от чахотки.

В настоящем выпуске читателю предлагаются три тематических подборки стихов Г. Тюрка: условно их можно определить как стихи из пейзажной, философской и «тюремной» лирики.

И. В. Павлова

I. «ХРАМ ВЫСОКИЙ И ЧУДЕСНЫЙ...»

* * *

В спокойствии широком отдыхает
Дорога. Спят поля и дальний лес.
Как благовест, плывет и потухает
Мерцающее марево небес.

Окрашены последними лучами
В багряно-изумрудные тона,
Березы с вдруг притихшими грачами
Поражены: такая тишина!

Как будто храм высокий и чудесный
Невидимо природой возведен.
Хор ангелов вверху толпою тесной
Поет с листа божественный канон.

А я — внизу, охваченный волнением
Пред ликом умирающего дня,
Слежу за надвигающейся тенью,
Которая накроет и меня...

* * *

Над обрывом, подмытым теченьем реки,
Без опоры, без ласки любимой руки,
Омертвелые корни почти на виду,
Обнаженные ветви, как в латах, во льду —

Так стоял он, открытый для ветров и вьюг,
Обращенный ветвистою грудью на юг,
И темнела вершина, качаясь во сне,
С неотступной мечтою о близкой весне.

Но весна проливалась холодным дождем,
Пролетала на север гусиным копьём,
Проплывала, как льдина, по темной реке
И лежала, не тая, на мокром песке.

Лишь с трудом пересилив морозную дрожь,
Наконец он поверил в любимую ложь.

Понемногу теплел, веселел, зеленел,
И ликуя над ним жаворонок звенел,

И широкого неба блистала лазурь,
И бродила по телу блаженная дурь,
И клубились, как розовые облака,
В нем надежды на будущее. Но река,

Обделенная лаской, не зная тепла,
Нет, такого позволить ему не могла!
И тогда, устоявший под натиском вьюг,
Он с подмытою глыбой обрушился вдаруг...

Под обрывом лежит он, ветвями поник,
Только корни торчат, словно замерший крик.
Ничего уже нет — ни надежд, ни обид.
Только плещутся волны, да ветер гудит.

* * *

Среди нагроможденья льдин,
Там, где застыла мгла немая,
Смиранный раб, я жил один,
Лишь гласу вечности внимаю.

Но не хватило силы мне.
Я стал искать себе подругу.
И шел в морозной тишине
Все дальше к солнечному югу.

Пришел я в царство знойных ласк
И пряно дышащих растений,
Но голова моя зашлась
От ядовитых испарений.

И вот, изведав душный плен
Страстей, и радостей, и горя,
Я получил за них взамен
Тоски необозримой море.

И вновь один, гляжу я вдаль,
На север простирая руки,
А ненасытная печаль
Мне горшие готовит муки.

II. «КОНЧАЕТСЯ НАВЕК МОЙ ХМУРЫЙ ДЕНЬ...»

* * *

Я притупленно-равнодушный весь.
Во мне теперь одна моя усталость.
Мне б отдохнуть. — Хотя бы только малость.
Я, никому не видный, лягу здесь.

Что мне теперь людская злоба, спесь? —
Прошла обида. Боль еще осталась,
Но и она проходит, — эка жалость! —
О если б сон смежил мне веки днесь!

Кончается навек мой хмурый день.
Пробилась вспышка солнечного света,
Но и ее перекрывает тень.
Ну что ж, все хорошо. Претензий нету.

Жизнь — благо, да. И Бог, конечно, благ.
Все правильно. Но мне не надо благ.

* * *

Проснулся — и в свете сознания внезапно увидел
Весь ужас и всю высоту моего положенья.
Я словно лунатик, очнувшийся ночью над бездной,
По краю которой бесчувственным шел истуканом.

О жизни! Для чего ты дана мне и что ты такое?
Зачем эта тьма покрывалом тебя облакает?
Зачем широко не открыты глаза ежечасно?
Зачем этот сон неизбежный тупого забвенья?

Вот звезды, которым я зимнею ночью молился,
Вот милые руки, что так меня робко ласкали,
Вот брат, вот отец — все любимые лица и тени,
Так ярко, так близко — и так невозвратно далеко...

Горит, догорает мучительно жгучее пламя,
В беспомысленном темном виденья опять угасают...
О жизни! Понимаю твою повседневную серость:
Под ней, как под пеплом, таишь ты небесный огонь.



Прийти в этот мир ниоткуда,
Волшебному принцу под стать,
И жить в ожидании чуда,
И мир осчастливить мечтать —

Чтоб в истину ложь не рядилась,
Чтоб сгинул последний злодей,
Чтоб в жизни навек утвердилось
Всеобщее братство людей.

Когда же с издевкой жестокой
Ничтожество тысячи дел
Укажет мечте одинокой
На рабства всеобщий удел,

Когда вместо воли, простора —
Подстилки гнилое рядом,
Когда и крылатому взору
С земли улететь не дано,

Тогда понимаешь, что каждый,
Кто здесь свое тело таскал,
Такою же мучился жаждой,
Такого же счастья алкал.



Тут не поможет ни истерика,
Ни сила в грубом кулаке:
Прикован я, как лодка к берегу —
И на цепи, и на замке.

Зовет огнем вечерним хижина:
Иди домой, поешь и спи!
Но сердце — камень, что недвижимо
Лежит один в большой степи.

Не плыть мне в связке по течению
Плоты несущую рекой!
Стихи мои, вы сплошь — мучение
При обреченности такой.

* * *

Мои одинокие боли
В безмолвных стенах затая,
Подруга ты мне поневоле,
Тюремная клетка моя.

Ты днем наполняешься глухо,
Как шорохом крови из тьмы,
Едва уловимую слухом
Размеренной жизнью тюрьмы.

С подъема, еще до рассвета,
И до окончания дня,
Как юная муза поэта,
Ты не отпускаешь меня.

Ты слышишь мольбы и проклятья,
Но, грубостью не смущена,
Лишь крепче сжимаешь объятья,
Прощая мне все, как жена.

А ночью, когда в исступленьи
Рыдаю, не выдержав, я,
Как нянечка выздоровленья,
Ты ждешь моего забытья.

С мечтами, как стая снежинок,
С тоскою, как злая змея,
Твой раб я, твой ревностный инок,
Тюремная келья моя.

Но изредка в сумрачной тени
Твоей, словно осенью клен,
Восторгом немим озарений
Бываю я преображен:

Со всем примирен и утешен,
Свободен от мук и утрат,
Как солнечный зайчик, безгрешен,
Как вольная ласточка, рад.

В БОЛЬНИЧКЕ

Лежу один на койке.
Устал глядеть в окно.
Никто не знает, сколько
Прожить мне суждено,

Поесть баланды, каши,
Соленого питья
Попить из слезной чаши
Земного бытия.

Порой взгляну на лица
Товарищей-больных,
И сердце затомится,
Как от какой вины.

От ужаса страданий,
От стонов по ночам
Оно болеть устанет
И, как будильник, станет,
Навеки замолчав.

А на соседней койке,
Вчера еще живой,
Теперь лежит покойник,
Накрытый с головой, —

От скверны прирожденной
Излеченный навек,
Навек освобожденный
Счастливый человек.

Ему уже не надо
Печалиться о том,
Что и его, как падаль,
Зароют, и потом:

Какое ему дело,
Где будет догнивать
Отторгнутое тело,
Чужое, как кровать?

Теперь он, дух свободный,
Предстал на Божий суд,
А труп его холодный
Шестерки унесут.

Они закосят завтрак,
Положенный ему,
И подождут до завтра:
Еще помочь кому?

Готов? У нас недолго!
А кто ты был живой —
Никто не знает толком.
Побрызгали карболкой,
И стонет уж другой.

* * *

Когда-то был я полон грез,
Тоски по девичьему взору.
Средь лунной белизны берез
Дивился звездному узору.

И что ж — оглох я и ослеп?
Я красоты не замечаю!
Мне всех красот милее хлеб,
Его лишь жду, и чту, и чаю.

В мечтах — не мать и не жена,
Не образ друга, не злодея...
Течет голодная слюна,
Моим вниманием владея,

И нет ни радостей, ни мук,
Ни сил душевных, ни желаний —
Желудок, как большой паук,
Избавил сердце от страданий.

Он закатал его в комок,
И высосал, и до растленья
Довел, и вот теперь на мозг
Распространяет вождельенья.

Остатки разума тая,
Лежу поруганный, бесправный,
Поверженный в борьбе неравной...
О, неужели это я?!

* * *

Из года в год все те же нары
С ночной неволей грязных тел,
И я на них с тоскою старой
Состарился и поседел.

Из года в год глухим забором
Всечасно скован каждый шаг,
И ветер с яростным напором
Рябит в глазах, свистит в ушах.

Глаза я снова закрываю.
Трепещут крылья слабых рук.
Рыдает, бьется птичья стая,
Не в силах улететь на юг —

Туда, где волн лазурных нега,
Где блещет неба бирюза...
А ветер мне песком и снегом
Сечет закрытые глаза.

* * *

Знали все, что будет этот взрыв,
Что погибнут эти острова.
Почему ж не плакали навзрыд?
Почему не никли, как трава?

Почему, тела и души в грязь
Погрузив, как свиньи, на боку
Наслаждались жизнью, не боясь
Хищника, готового к прыжку?

Но взметнулась хищная волна,
Налетел неумолимый шквал
И весь день с рассвета дотемна
Над землей той гневно бушевал.

И остались жалкие клочки
И немного выживших людей —
Робких, словно в школе новички.
Смел и зол лишь спасшийся злодей.

И на тех оставшихся клочках
Люди вновь построили дома.
Меж людей — ученые в очках,
Меж домов — высокая тюрьма.

А всех выше высится дворец,
Гордость тех забывчивых людей,
И, как встарь, в нем царствует подлец —
Не убитый бурею злодей...

* * *

Сердце болит... О, как сердце болит!
Как воспалившаяся ножевая
Тайная рана, не переставая,
Сердце болит...

Люди, скажите, зачем — и кому —
Это страданье великое нужно?
Окна в решетках и каменный ужас
Камеры... Непостижимо уму!

Не от того ли, что были всегда
Авеля дети и Каина дети,
Ложь и насилие были на свете,
Боль и бессилие, зло и вражда?

Каина дети, я вас узнаю,
Рыцари братоубийственной злобы,
Жизнь на планете растлившие, чтобы
Мир переделать во славу свою!

Ясен ответ. Но и ясен мой путь:
Сердце мое из винтовки прострелят.
Милая, плачь в одинокой постели! —
Ясен мой путь.

С. И. Панфилов

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИВАНА

Зенин Иван Афанасьевич — потомственный русский крестьянин. Время рождения — 15 апреля 1911 года. Через два года Российская империя достигнет пика в развитии промышленности и сельского хозяйства. Еще через год грянет первая мировая война. Миллионы людей, потерявших разум, пойдут под барабанный бой убивать себе подобных. И, как возмездие за грехи отцов, обрушится Октябрь.

«Отцы наши ели виноград, а у нас оскомина». Это — Лев Толстой. Русские мыслители — философы, писатели — предупреждали, писали пророческие статьи, романы. Они остро чувствовали приближение катаклизма, тектонического сдвига временного пласта Истории.

«Но вскоре вместо вина упьются кровью, к тому их ведут...» Это Федор Михайлович Достоевский вещал устами старца Зосимы. Все слышали. Но не прислушались: реакционер. Пошли навстречу «грядущему». Или это фатализм? Предопределение? Прошлого нельзя изменить. Нужно познать и запомнить. Было. Все было.

Перелистаем годы. Ленин умер. Остались его соратники. С. Есенин писал:

Для них не скажешь:
«Л е н и н у м е р !»
Их смерть к тоске не привела.
.....

Еще суровой и угрюмой
Они творят его дела.

(Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»).

В стране — нэп. Ивану Зенину 14 лет.

Сейчас встает вопрос о народных корнях. Кто мы? Откуда? Зачем живем? Что потеряли? С чем остались?

Иван Афанасьевич помнит свои корни. Прабабка — Прасковья Васильевна. Родилась в 1817 г. в Рязанской губернии. Там же дед, бабка, отец, мать. Рязанщина — самая Россия. Но в конце XIX века пошло поветрие: в Сибирь! Там — земля. Там — воля. И двинулись крестьяне на скрипучих телегах по долгим, как песня, дорогам. Снялись и Зенины. Добрались до Сибири. Осели в деревне Зимовье. Рожали детей. Работали.

А в 1925 году решили переехать в новоотстроенный поселок Лихановский. Ближе к пашне. Дали крестьянам по декретам землю. Трудились. Вселились девять душ в избу. Стали обживать на новом месте.

Земля-землица. Матушка. Мечтали о ней русские крестьяне. И вот она: твоя, кровная. Дружно впряглись Зенины в работу. Сеяли пшеницу, овес, просо, гречиху, лен. Труд был в радость. Дед-умелец сделал молотилку, два плуга. Хозяйство налаживалось: семь лошадей, четыре коровы, овцы, свиньи, куры.

Видели вы руки крестьян-трудыг? Кора мозолей, каменные. Кто бросил в людей булыжник: куркули, мироеды, мелкобуржуазная стихия? Удобно скрываться за формулировками: классово чуждый элемент. Люди. Понимаете? Просто живые люди. Человек, который безумно хочет жить, потому что однажды пришел на эту землю, полюбил и назвал родной. Но грозно поднимается указующий перст дирижера: «Это — враг народа!» Народа, кровной частью которого был, есть и будет русский пахарь-мужик.

В 1928 году пошел Иван Афанасьевич, тогда по-простому — Ванька, в село Огнева Заимка учиться кузнечному делу. Дело хорошее, нужное. Чего молотом не помахать, когда здо-

ровье, как у бычка? Семь километров от Лихановского. Для парня такая дорога, как выдох.

Но уже поднимались черные крылья, близилось ледяное дыхание «великого перелома», уже выхватывал стальной клюв выборочно жертвы.

Как-то осенью этого же года прибегает в Огн-ву Заимку односельчанин и к Ивану.

— Ой, Ванька, беда!

Дышит загнанно и смотрит глазами смерти.

— Да ты что, как бесенок, пугаешь? Говори!

И вывалил вестник на Ивана боль — хватил, как дубиной. Что, мол, приехали из Зимовья до вас четверо. Один милиционер. Трое — в штатском. И пошли громить. Забрали богато: хлеб, скот, плуги, бороны. Осталось: изба, лошадь и корова. А остальное — метлой.

Опустились руки у Ивана. За что? Но собрал силу в кулак и пошел рысцей до Лихановского. Обида прожигала. Плакал: ограбили, ограбили.

Пришел во двор. Ничего нет. Мамай пролетел. Погромили. Зашел в избу, а там как будто похоронье: сидят, воют в голос — отца забрали!

Вот тебе и земля. Вот тебе и воля. Молотилка есть, плуги-бороны, лошади, коровы. Значит — зажиточные. А это уже контрреволюцией пахнет. Никак нельзя допустить богатства на Руси. Захлестнет мелкобуржуазность, затопит навозом, загубит сытостью святую революционность пролетариата. Не до мировой революции будет. Дай Бог овсянку и гречку с молоком расхлебать.

Плачь — не плачь, а жить надо. Засобирались в Черепаново узнавать про судьбу бати-кормильца. Вызнали, что судить его будут, дату объявили. Приехали. Вход был свободный, но побоялись Зенины входить в помещение, где отца-трудягу винили за его мозоли, казнили, как несознательного. Темные. А вдруг и нас погребут? Заглядывали в открытую дверь суда, выхватывали стальные слова прокурора и судьи, опять прятались. Вздыхали, плакали.

Дали отцу относительно мягко: два года трудовых лагерей. Отбывать срок на Новосибирском кирпичном заводе. Жить в бараках. Но ни вышек пока, ни колючей проволоки. Прощай, батя! Бывай здоров! Бог с тобой!

Зиму 28-го, весь 29-й жили, как пришибленные. Пить-есть надо, а где взять, если амбары пусты? Ходили, побирались. Люди тогда еще не закалились душой. Бога помнили и заповеди божьи: «Возлюби своего ближнего, как себя самого!» Подавали, делились. Кто картошки, кто хлеба, кто капуста. Да коровка выручала. Так и перебивались. Да отец время от времени напоминал весточкой: «Жив, здоров». Вот и лучик, вот и радость.

Январь 1930 года был семье Зениных, как нож. Но теперь не им одним: начался перелом. Ломали хребет России, долбили соль земли — крестьянство. Пришли председатель сельсовета, милиция. Важные, государственные — власти.

— Выходите из дома, сучье семя! Конфискация!

— В Нарым поедете — в ссылку!

Документы? Ордер? Какое там. Кто спрашивал тогда о законности, о правах человека? Кто поретивей — брал оглоблю, топор, самопал. Смирные — вешали носы. Но избавь Бог от того, чтобы я бросил в несчастных камень. Есть другие — ссученные властью, безнаказанностью. В хромовых сапогах, полушубках, папахах. Сытые, сильные, наглые.

Собрали пожитки, вышли на мороз. Дом заколотили. Пригодится власти.

Забрали начальники корову, лошадь. Сказали — ждите!

Пошли Зенины по соседям:

— Примите, Христа ради!

Приняли из милости.

Утром явились архангелы.

— Собирайтесь, подлюги!

Забросили в сани прабабку. Деда с бабкой. Остальных — на своих двоих погнали в Черепаново. Стужа, ветер, неизвестность. Есть два мешка сухарей, сало, словно ниточка к жизни. Люди наподавали. Зачтется добрым душам.

Добрались до Черепанова. Подъехали к зданию клуба. Очаг культуры. Но оказалось: временная тюрьма — параша, нары. Народу — битком. Шло великое переселение. Великое, как все в Советском Союзе, начиная с гражданской войны. С поклажей в тюрьму не пустили, мешки остались во дворе.

Сидели, горюнились.

На следующий день объявили сборный этап. Люди засуетились, засобирались, повалили гурьбой во двор. Дед вместе с Иваном взял под руки прабабку. Не ждала, не гадала древняя,

что судьба обернется волком. Вышли на солнце. В небе оно — огромное, кровавое. Всем светит: и палачам, и жертвам. Снег скрипит, мороз дерет, ругань, гомон.

Навстречу начальник милиции. Фамилия — Веревкин. Посмотрел угрюмо на деда, на старуху, на Ивана. Сказал, ухмыляясь:

— Мы — гуманисты. Мертвых с кладбища не высылаем. Старуху — в клуб.

Дед заплакал. Как мать бросишь? Своими руками — в могилу. Стоят. Веревкин медленно достал из кобуры наган и навел — сначала на деда, потом на Ивана.

— В клуб!

Повернулись. Повели под дулом. А что сделаешь? Только вякни — съешь пулю. У Веревкина гранитное лицо «гуманиста». Такой долго раздумывать не станет. И по ночам спокойно спит, как бревно. И совесть его не тревожит, потому что нет ее. Где была, там кол вырос.

Зашли в клуб. Мать посадили на нары. Задохнулись от горя — и быстро, быстро, скособочившись, на воздух. Осталась прародительница помирать. Не дома, под иконами, по-русски, с умиротворенной душой, а скрючившись на досках, среди горя и ненависти.

— Трогай! — зычный голос.

Хлопнули бичи, дернулись лошади, заволновалась колонна, колыхнулась, пошла, скрип, снежок.

Начальник конвоя Жуков — в санях, валяжно, развалясь. По бокам и в хвосте колонны — стрелки. Парни-здоровяки. Не казенные, не «энкаведешники», а от сельсоветов набранные. Идут, на ссыльных поглядывают. Жалость не жалость, а дело делать надо. Попал в псы, так сторожи. И отказаться — поджилки трясутся. Сегодня от конвоирования увильнешь, завтра сам под конвоем потопашь. Э-хе-хе. Жизнь наша зэкова.

Шагает этап. Добрались до деревни Медвецк. Здесь заночевали. Утром — дальше. Прошли село Ургун, Черноречкино. Потом — через Искитим в сторону Бердска.

Морозен январь, лют-крут. Загудел ветродуй, поднялась жестокая вьюга. Снег слепил глаза, сек без пощады. Люди изнемогали, валялись от усталости, теряли друг друга. Многие сбрасывали с саней вещи. Лишь бы самому примоститься, остаться живым. Пропадай добро, не жалко.

Шли в колонне и беременные бабы. Идет бедная, задыхается, держится двумя руками за живот. И вдруг: закатыт глаза, застонет люто, время пришло. Природа ведь не спрашивает, где ты: в избе, на теплой лежанке или на этапе — в мороз, пургу. Визжит роженица, мается. Втиснут ее на сани между людьми. Всправляйся, как хочешь. И вот он: теплый, красный комочек — будущий строитель радостного далека — вышел на свет из материнского лона. Мякнул несколько раз и заледенел. Не пригодился. Суровый страж берет на руки трупик и топит в сугробах. Авось лисицам или волкам достанется. А мать — истерзанная, с надорванным сердцем, медленно истекает кровью, и отходит душа мученицы вслед за чистой душой ребенка. Где Вы, Федор Михайлович Достоевский, писавший о слезинке безвинно замученного ребенка? Сколько раз перевернулись в гробу? Но икнулось ли хоть разок революционерам, губившим детей и матерей ради торжества идеи? Вряд ли...

Протаранили Бердский бор. Вот и Бердск. Здесь роздых. Замерзших, умерших — сдать по описи, чтобы головы сошлись: отвечать за потерю неохота. Бухгалтерия. Собрались вокруг ссыльных жители. Кто-то кричит, смеется:

— Так и надо вам, сволочам-кулакам, мироедам — в Нарым, в Нарым!

А сам пьян, как дым. Стоит, качается. Горько, горько слушать, когда безвинно. Летят камни, летят. А ты — молчи, утирайся. Но вздохнет старушка:

— Несчастненькие!

Загорюнится молодлица, хмуро сдвинет брови мастеровой. Кто-то из толпы протянет руку:

— На!

Соль, хлеб, вареная картошка.

Из Бердска — в Новосибирск. Перешли Обь по льду в районе Бугринской рощи. И дальше. Сегодня здесь пляж, зона отдыха. Вспомните, купающиеся, загорающие, январь, 30-й год. Толпа мужиков и баб: обмороженные, усталые, голодные. Может, здесь, под березами, торопливо закапывали трупик новорожденного? Может... Вспомните, вспомните, что здесь шло Горе Земли Русской. Услышите!!

Но все проходит. Пригнали в Нарымский край. Этап разби-ли на партии и разогнали по селеньям. Живите, кайтесь.

Семью Зениных и семью двоюродного брата из шести человек определили на постой к справному хозяину. Отвели овечий

хлеб: загнали и продержали восемь дней без вывода, словно в карантине. Грязь, вонь, скученность, тоска. Потом потихоньку начали выпускать, хотя были настоroje. Охрана — уже из войск НКВД — бдила. Иван сразу решил: «Мне здесь не жить. Уйду!»

Как-то в марте хозяин засобирался в Новосибирск. Бегал, выносил мед, масло, грузил на подводу. Мука нужна.

— Поезжай с ним, — сказала мать Ивану, — муки купишь.

— А деньги?

Мать вздохнула, зашарила рукой в мешке. Вот оно: одеяло из собачьих шкур — крепкое, теплое. Бросила Ивану.

— Продай!

Хозяин долго ерошил мех, мял шкуру.

— Червонец.

Иван закивал. Пуд муки стоил червонец.

Тронулись. Доехали рысью до окраины, и вдруг хозяин натянул вожжи:

— Тпру-у! Давай, парняга, уходи с подводы. Вон — конвой. Не хочу за тебя пропадать.

Спрыгнул Иван, метнулся к близкому пригону, а хозяин хлестнул сивок.

— Эй, жги, наяривай!

Припал Иван к щели в стене, буравит глазами, стережет конвой, а военные вдали прошли. Вдохнул облегченно скрыт-ник, смахнул пот: пронесло. Огляделся. Рядом, у стенки лыжи стоят. Взял Иван, обулся и погнал вслед подводе. Давай, Бог, ноги. Срезал по целине, догнал хозяина.

— О, да ты крученный-верченый. На одном месте не ушибешь! — удивился мужик. — Влезай!

Ночевали в деревне у знакомых. Мужика привечали, потчевали. А Иван сидел, как чумовой, возле порога. Ничего ему не поднесли. Глотай слюни. Поднялся, вышел в сенцы от искушения. И вдруг увидел на полке печеный хлеб. Булка, словно тарелка. Такой хлеб варганили из отходов — скоту давать или собакам. Иван воровато оглянулся и начал подкрадываться. Страшно: вдруг застукают — сразу прихлопнут. Но голод — волк. Схватил Иван хлеб, а он крысами обгажен, густо помету. Но до гадливости ли, когда желудок стонет? Смахнул крысиный кал, пихнул хлеб за пазуху. Мерзлый. Но в тепле оттаял. Стал Иван щипать по кусочку и жевать — слаще лакомства

показалось. Так и щипал дорогой потихоньку. Боялся, чтобы хозяин не засек. Сигнал бы.

Приехали в Новосибирск. Хозяин подогнал подводку к магазину — масло и мед на муку менять.

— Давай, Ивашка, червонец. Мучицы куплю для матери.

Иван отдал. Попросил:

— Привези. Не обмани. А я не вернусь. Пойду отца искать.

Мужик руганулся:

— Пропадай, мертвая душа!

Завернул Иван за угол. Стоит. Один. Изгой. Что делать? Решил к знакомым заглянуть, порасспросить об отце. Знал Иван, что отпускают родителя изредка в город, в увольнение. Писал об этом он. Побрел. Вот и дом. Дверь нужная. Постучался Иван. Открыли ему. Встретили. Но угощать не стали. Иван, конечно, напрашиваться не стал. Время дорого.

— Как до лагеря добраться?

Объяснили, что пойдешь так-то и так-то. За Собачьим двором — лагерь. Если заплутаешь, то встречных порасспрашивай — язык есть. Они наведут.

Вышел Иван на улицу. Опять один. Опять, словно волк травленный. Тоска. Тяжело. Вздохнул Иван и подался на поиски. Поплутал немного, но вскорости вышел к избе, где помещалась лагерная контора. Сердце екает, но идти надо. На крыльце — военные. Идет Иван, словно к пропасти. Ноги — чугуны, язык засох. Но хватило мочи.

— Скажите, можно с заключенным Зениным перемолвиться, весточку передать?

Военный — добрый. То ли пообедал хорошо, то ли деньги получил, но откликнулся беззлобно, вежливо:

— Идите в N-ный барак, вон — под горкой. Зенин — там.

Полетел. Вошел, поздоровался. Зэки начали зубоскалить:

— О, ядрена-матрена. Пополнение.

— Да нет. Я до Зенина. Сын.

— Батька твой за едой пошел. Жди.

А тут и сам заходит. Ужин несет в котле. Удивился.

— Каким ветром, сынок, откуда?

— Так и так, — говорит Иван. Рассказал одиссею.

— Ладно, сынок. Потерпите. Бог терпел и нам велел.

Оказалось, что отец все знал. Односельчанин прислал весточку, «обрадовал». Потужил старшой, но собрался с духом и написал жалобу, что несправедно поступили с семейством. Ушло



Зенин
Иван
Афанасьевич

письмо. Теперь хочешь не хочешь, а жди ответа, как соловей лета. Что там впереди: казнить или миловать? Бог знает...

А пока решил Иван в Лихановский подаваться. Набрали ему кое-какой пищи, вручили сумку: двигай! Попрощался сын с отцом, зашагал.

Пришел на вокзал. Денег нет, билеты не купишь, а ехать надо. Видит: состав на Черепаново. Огляделся. Никого. Махнул на тендер в углярку. Схоронился.

Чух-чух! — тронул паровоз, побежал, Иван обрадовался, что едет, расслабился.

— Это кто тут?

Кочегар стоит, смотрит подозрительно на Ивана. Тот взмолился:

— Довези!

Смилоstinивились. Разрешили. Но — в работу запрягли. Отработай, покидай уголек. А Ивану — что? Засучил рукава: шурум-бурум! Вылез на станции. Теперь — домой. Двадцать километров. Эх, мать твою за ногу. Да еще в неизвестность. Пошел.

Прошагал пятнадцать, осталось пять. Свернул с дороги в сторону. Прошел Черную Сыру — возвышенность. Поселок —

рядом, километра полтора. Но ночь уже глубокая, мрак. Заночевал в лесу. Утро проспал, поднялся — свет. И поселок видно. Родина. Глянул Иван, заныло сердце, заплакал:

— Что я кому сделал? Почему должен хорониться, людей страшиться?

Но успокоился. Достал еду из сумки, подкрепился. Нудно вечера ждать. Лег на снег, свернулся, уснул.

Поднялся — темнота. Ближко огоньки окон горят, манят: покойно, тепло, сытно. На окраине сродный брат живет. Была не была — к нему. Родная кровь, авось не сдаст. Прокрался, стукнулся. Дверь оказалась не запертой. И, как леший, в горницу. Родные за столом. Узнали, испугались.

— Откуда взялся, лишенец?

Поведал все. Думали-гадали: что делать? Не гнать же брата. Спрятали: ночуй. Утром вышел Иван к братану:

— Смотрите на меня!

Измощенный, грязный, тело — чирьи, струпья. Холщевые штаны к телу приросли. Страдалец.

Затопили баню. Достали дегтю. Отпарили, содрали материю, смазали раны дегтем. Хорошо, сладко, благостно.

Так и остался Иван в поселке, жил на птичьих правах, прятался то у брата, то у тетки Лексы, то у доброй души — сопоселянина. Днем на чердаке кукует, ночью выходит на волю воздухом подышать, ноги размять. Эх, жизнь барсучья.

Но нахлынул май. А с ним — радость. Отцова жалоба достучалась до железных сердец. Рассмотрели — постановили: Зениных несправедно репрессировали, восстановить в правах. Поплыла бумага в Лихановский сельсовет, в руки председателя. Он — активист. Фамилия пролетарская: Голец. Не захотелось ему Зениных в правах восстанавливать. То ли зуб на них заимел, то ли думал, что Советская власть, то есть он, Голец, зря не репрессирует, но запрятал председатель бумагу в мощный сейф, не достанешь.

Но был у председателя секретарь — Лаврентий Митрофанович Сай. Оказался он строптивым. Правдолюбец, что ли? Нашептал он родственнице Зениных, что восстановили семью в правах, оправдали. Нужно их из ссылки вертать. Бумага есть законная: подпись, а главное — печать. Обрадовалась бабка, донесла Ивану, чтобы письмо матери написал, предупредил. Иван и отписал. Через некоторое время приехали. Встретились.

Как? Что? Оказалось: ушли самовольно, не спрашивая позволения. Значит, недегальщики. Документов нет.

Посмотрели на разоренное гнездо, погоревали. Стали у сродного брата жить. Вскоре от батьки письмо получили: освободился. Но в Лихановский не поедет, рана свежа, не зарубцевалась обида на беззаконников. Звал своих в Новосибирск.

Засобирались. Но вдруг заявляются из Зимовья судебный исполнитель и милиционер.

— Здорово, беглецы-гулены! Без вас Нарым плачет, а вы здесь брюхо нагуливаете. Выходи с вещами!

Иван не оплошал. Пропадай, моя деревня! Хуже не будет. Метнулся из дому, никто ахнуть не успел. Парень рискованный. Убег. Преследовать не захотели. Черт с тобой! Все равно когда-нибудь на крючок подцепят.

Видел Иван, как семью выводили. Опять мука. Ведь есть же бумага. Но нет. Надсмехался председатель, толкнул в яму. Погибайте.

Шли Зенины под конвоем. Возврат. Охрана — один милиционер и говорит матери:

— Слухай, жалко мне вас, кроликов. Бегите, куда хотите. Я скажу, что заспал. Авось не расстреляют.

Побежали. Шли стороной, опасались. Вышли на поселок Владимирский. Здесь остановились. Мать известила Ваньку: вернулись.

Иван понимал, что оставаться в Лихановском — значит себе яму копать. Радость за мать и страх за будущность смешались и породили одно желание: в Новосибирск, к бате. Собрался Иван опять к людям — с протянутой рукой и мешком:

— Подайте!

Набрал и муки, и денег. Вызвались и доброхоты-проводники. Забрали семейство, ночью довели на лошадях до станции Посевная, купили билеты, посадили на поезд, напутствовали добрым словом.

В Новосибирске нашли отца. Горе сошлось с горем. Но отогрелись, отмякли душой. Надо жить. Осенью 30-го года подались на строительство железной дороги в районе станции Инская. Там брат работал поваром, отец плотничал.

Иван слезно молил брата, чтобы тот рискнул: сгонял в Черепановский отдел милиции и поспрошал про документы Зениных.

Брат смотрел на Ивана и говорил, словно винулся:

— Не могу, хоть убей, — боюсь! Вы — беглецы. А я с коготком увязну. Загребут меня — сторю!

Иван чуть на колени не бухается:

— Спаси.

Дрогнул родич, согласился.

Приехали в Черепаново. Зашли в милицейский архив. Брат в дверь толкнулся. Иван в коридоре.

Начальник серьезный.

— Вам что, гражданин?

Шапку с головы — в руке, словно уголь.

— Мне бы справку о Зениных. Восстановили в правах или нет?

Приносят папку. Не спеша перебирают бумажки.

— Ага, вот она. Восстановлены. Напишите заявление, я вам выдам.

Ох, мороки!.. Сочинил, крючок бумажный.

Помотались, пока заявление состряпали. Но вот она: справочка. Сразу крылья выросли. Человек.

Иван — в Лихановский к председателю сельсовета. У Гольца чуть кровь не хлынула от возмущения.

— Ты откуда, черт?

Иван справку из милиции показал, но в руки не отдал: не верю. Голец хотел покуражиться, но секретарь испортил обедню. Принес постановление. Все. Круг замкнулся. С документами вышел Иван на улицу — свобода. Чуть не запел. Но — домой, к родственникам.

Зажили без опаски. Иван устроился на почту, потом перешел к отцу, плотничал.

В Лихановском жизнь повернулась по-другому. Организовали колхоз. Работали на общественном поле. Рабочих рук не хватало. Летом 31-го года заглянул к Зениным председатель колхоза, был проездом. Предложил:

— Желаете — идите в колхоз. Примем.

Ивану давно мечталось о земельке. Точил изнутри крестьянский корешок, тянул на родину.

— Поеду! — решил, как в воду.

Вернулся. Поселился у сродной сестры Ульяны. Работал на косилке, жнейке. В январе 1933 года женился. В 1934-м родилась дочь Валя. Купил избушку, перебрался. В 1936 году жена

подарила вторую дочурку — Веру. Ивана послали от колхоза на курсы счетоводов. Отучился. Стал работать учетчиком. Но близился 1937. Вспомнят Ивану и коров, и лошадей, и Нарым, и побег из ссылки. Все припомнит железная бухгалтерия.

27 октября 1937 года за ним приехали. Утро было обычное. Не почувствовал Иван черта за левым плечом. Оделся и знакомой тропкой пошел на работу. Возле конторы — бортовая машина. Меченая крупно: КПЗ. На крыльце — председатель. Иван — весело:

— Что за КПЗ?

Председатель зловеще ухмыльнулся:

— Будет кому-то КПЗ. Заходи!

В конторе за столом, словно коршуны, два следователя. Милиционер — водитель.

— Вы Зенин? Поедете с нами в Черепаново, в заготконтору. В документиках что-то напутали, гражданин.

Все. Екнуло сердечко. Отгулял парень, отпанствовал. Не знал Иван, что в ход пущена человекорезка, что он — только травинка.

Вывели. Забрались в кузов. Отгородили Ивана бортом машины от вольной жизни.

— Ложись! — приказал следователь.

Лег Иван на доски ничком, затих.

Следователи по бокам, словно в клещи взяли.

Поехали. Не пришлось и с женой попрощаться, детишек обнять. Не положено.

Приехали в Черепаново. Шофер подрулил прямо к отделу милиции.

— Пошли!

В дежурке арестанта обыскали. Начались унижения. Стоишь, словно пенек, а чужие руки выворачивают карманы, а ты только глазами хлоп, хлоп.

— В камеру!

Загремели ключи, отворились со скрипом двери, открылся провал, словно в преисподнюю, дорога в ад. Какой круг: первый, второй? Кто считал? Сошлись все круги в один, захлестнул он, словно удавка, города и веси, души, хрипишь, хочешь сорвать, чтобы глотнуть свежего воздуха, но толкают в спину:

— Проходи! Не задерживайся!

Камера тесная. Народу много. В основном мужики-крестьяне средних лет, в самой силе, пахари. Ни кроватей, ни нар.

Окна забиты досками, фанерой. Духота, вонь. Возле входа — деревянная бадья — параша.

Зашел Иван. Окружили. Кто? Откуда? Что на воле? А что расскажешь, когда горло перехватывает: то да се. Подошел староста камеры. Буркнул:

— Новенький, пройдешь пропуску. Сегодня у параша переночуешь!

Так началась для Ивана страшная жизнь. Свернулся на голых досках возле параша, глаза прикрыл, — сон бы, чтобы забыться! Но бич арестантов — вши, клопы. Стада, табуны, колонны. На свеженького — ох, ох, ох!

Утром парашу вынесли. Прогулка 15 минут. Из соседних камер, смотрящих во двор, кричали женщины:

— Здорово, мужички! Вши есть? Нас заедают!

Через день вывели на допрос. Молодой следователь. Доведительно выпросил анкету: кто, когда родился и т. д. Потом что-то долго писал, составляя протокол. Вопросов не задавал. Когда закончил, приказал:

— Распишись! Да не читай, не читай!

Иван взял бумажку, руки тряслись. Что там? Вдруг расстрельный приговор? Следователю показалось, что Иван слишком долго держит протокол. Вырвал. Зло зашипел:

— Распишись, быстро!

Иван обмакнул перо в чернильницу, и, как нарочно, густая капля чернил упала на бумагу, расплылась, заляпала.

Следователь взвился, матюгнулся:

— Нарочно, падашь, гадишь! Чтобы протокол не приняли!

Схватил со стола пресс-папье и, сильно размахнувшись, двинул Ивану в бровь. Он повалился на пол, окровавился. Кровь бежала щедро. Молодчик подскочил и заработал ногами: а-та-та! Пинал в грудь, в живот. В лицо не метил. Наконец, насытился, остыл. Вызвал врача:

— Перевяжи этого негодяя!

На следующий день:

— Зенин, на допрос!

Следователь — другой, пожилой, солидный.

— Ну-те-с, повторим.

Опять вопросы, опять протокол.

— Читать будешь? Нет? Распишись.

Подписал, не читая. В камере предупреждали советчики: не прекословь, хуже будет.

После недели две не тревожили.

Кормили слабо: шестьсот граммов хлебушка на день — не царского, баланды граммов пятьсот в обед — воды с мерзлой капустой. Веселись.

15 ноября подняли утром, выстроили во дворе. Милиция с собаками. Здоровые битюги, видно, что мяцом перебиваются. Рычат, клыки мощные: палец в рот не клади — по локоть отхватят, на человека натасканы.

Погнали к железной дороге. В тупике стоят тюремные вагоны: «стольпин». Загнали, растолкали по камерам. Поехали. В Мариинске — остановка. Выгрузили из вагонов, поставили на колени. Наверное, чтобы острее свою вину почувствовали. Стоят на снегу, а начальство ведет по списку:

— Такой-то? — Здесь! — А куда ты денешься?

Пересчитали. Сошлось. Повели в зону-пересылку. Здесь Иван встретился с братом Николаем, которого арестовали 29 октября, в день рождения комсомола.

Баракы в зоне, словно курятники. Крыши земляные, щели. Нары двухъярусные, голые доски. Но всем не хватало места. Кто-то под нары забирался, кто на полу. Кормили еще хуже. Мисок не было. Крутись, как хочешь. Кто под черпак с жижей подставлял шапку, кто полупальто. Уголовники щемили. Просидели в пересылке три дня. Потом — баня. Вещи прожаривали от вшей. Поплескались. На выходе из бани стояли два стола, за которыми восседали «энкаведешники».

— Фамилия? — Зенин. — Десять лет заключения! Распишись! Следующий!

Конвоир. После объявления приговора — на станцию. Погрузили в товарняк с двухъярусными нарами, повезли на восток. Ехали тридцать двое суток. В вагоне — человек шестьдесят. Давали немного сушеной рыбы, хлебушка и ведро воды. Жажда мучила больше голода. Со стенок вагона обирали катышки льда. Грязные, замурзанные. А в рот положишь — прохлада, водичка.

Доехали до станции Известковая. Конечная. Ночь, мрак. Построили, повели в лагерь. Утром, когда рассвело, осмотрелись и ужаснулись. Рядом с лагерем — штабель голых трупов. Высотой примерно с двухэтажный дом.

Зима, мороз... Доходили быстро. Особенно южане. Хорошили просто: взрывали мерзлую землю аммоналом. В котлованы сбрасывали мертвяков и заваливали ледяными комками. Где

они, эти безымянные могилки? Кто укажет место? Крестом ли, камнем отметит, панихиду отслужит, слезу уронит. Или уже не стало слез, вымерзли души?

Стали выкликать на этап. Строить железнодорожную ветку Известковая — Ургал. Иван попал с братом Николаем. Пошли по просеке к месту работ. На месте появились бригадиры. Стали расписывать по специальностям. «Говорящие орудия» — так, кажется, называли рабов в Древнем Риме. Выходит, что история повторяется.

Началась работа: укладывали шпалы, тянули рельсы. Все вручную. Да и к чему техника, когда рабочего скота — вволю?

Жили в палатках. Пошел мор. Весь день работа: рвали выемки для шпал, грузили в вагоны породу. К вечеру тех, кто еще мог шевелиться, заставляли собирать умерших. Палки перевязывали тряпками — вот и носилки. Накладывали трупы, несли в лагерь. Там сваливали в сарай.

Пошли мрачные дни срока. В 39-м году пришло горькое письмо: «Наша дочка Валя ослепла!» Слово ножом по сердцу.

Она заболела корью. Нужно было везти в городскую больницу. Мать пришла в контору с поклоном: дайте лошадь. Отвечают:

— Нет.

— Ребенок погибает. Почему не выручаете?

— Тебе сказали: для тебя нет лошадей. Не приходи, а то отправим к мужу.

Стала бояться. Все возила на себе: и дрова из лесу, и корм для коровы. Ивану расхотелось жить. Решил покончить. Но походил, успокоился. «Я сгину. А как жена будет? Нет. Тянуть лямку. Сколько смогу. А вдруг — выплыву».

В 1939-м сняли с Ивана 58-ю статью. Навесили другое звание: КР, т. е. контрреволюционер. А нехай. Лишь бы срок не прибавили.

Грянула война. Строительство дороги свернули. Зэков погнали на лесозаготовки. Рельсы, которые укладывали, пришлось содрать и отправить на фронт, где шел ремонт путей. В лагере объявили набор на передовую. Кто мог работать — тех заворачивали. Записывали доходяг или злостных отказников от работ. Штрафные батальоны армии Рокоссовского получили пополнение.

Стало еще трудней. Выработка на человека была огромная. Пилить лиственницу. Кто выполнял норму — шестьсот граммов

хлеба. Нет — триста. Баланда. Частенько вместо хлеба давали сухари. Две штуки на день. Вместо баланды — сушеную капусту.

Летом приходилось добираться до места работы на лодке. Однажды погода выдалась скверная. Дождь, сильный ветер, волны. Но начальству главное — работа. Хоть помри. Поплыли. Огромная волна ударила в борт, лодку перевернуло: а-а-а-а! Крики, вопли. Людей разбросало в стороны, начали тонуть. Иван стоит на берегу, видит: человека выносит на берег. Он схватил шест, протянул:

— Цепляйся!

Потерпевший барахтается, силится к шесту подплыть. Наконец, вцепился мертво. Иван закричал: силенок маловато. Но напрягся, вытянул. Мать честна! Командир взвода охраны. Посмотрел на Ивана зверем, но ничего не сказал, ушел. А ночью будит Ивана дневальный вместе с бригадиром:

— Вставай! Дежурный по вахте тебя поджидает. Сейчас к тебе благодарность прилетит — за труд и за подвиг.

Поднялся Иван. Время к двенадцати ночи подбиралось. Самая жуть. Был в лагере обычай: если заключенный чем-то сильно досаждал начальству, то его приводили на вахту именно в этот час. Распахивали двери в ночь и приказывали:

— Беги, куда глаза глядят!

Смотрел человек удивленно вокруг. Но сочувствия не встречал. Рядом — камни. Вернее — палачи. Бежал, петляя, падал. Сердце в горле — толк-толк; ужас — жить, жить. Но в спину: бах, бах. Веселятся охотнички. Наконец, попали. Рухнул. Подходят и, для верности, в упор. Готов, скотинка.

Привели Ивана. Командир взвода рубанул с порога:

— Ты зачем меня хотел утопить?

— Я тебя спасал! — выдохнул Иван.

— Спаса-а-а-л, — протянул начальник, — нет, ты убить меня хотел. С дубинкой подступал.

Охранники перемигиваются:

— Что с ним чикат? Вывести за ворота. На волюшку. Ха-ха-ха!

Иван заплакал. Смерть. Закричал. Почему помиловали? Загадка.

Зимой — снова лесоповал. Люди ослабли. Утром немощные не выходили на работу. Оставшихся собирали по зоне. Слово, как удар: «сачки». Брали за руки, волокли к вахте. Там — изолятор. Печей нет, стужа. Закрывали. Утром кричали:

— Живые есть?

Кто выходил, выползал, тому бросали пайку: триста граммов. Были побег. Отчаявшиеся: пан или пропал. Или в побег, или в петлю. Шанс грел сердце, а вдруг? Но далеко ли уйдешь по тайге? Спыхватывались быстро. Среди охраны был один — любил ходить в погоню. Брал солдат и собак. Вперед. Догоняли. Тащили в зону, били. Потом начиналось действие. Заключенных выстраивали во дворе: смотрите, сучьи дети! Выводили беглеца и спускали волкодавов: ату! Рвали сильно. Погибал человек.

Ночью в бараке холодно. Мерзнешь. Почки слабые. Необходимость — в туалет. Какой-нибудь бедолага приоткрывает дверь и зовет:

— Конвой! Нужно до ветру!

Не откликаются. То ли не слышат, то ли нарочно молчат, поджидают. Не выдерживает. Бежит сам. Вдруг — крик:

— Стой! Ложись!

Бегут. Выстрел в воздух. Приходит начальник с вахты:

— В чем дело?

Показывают.

— Самоотход.

Начальник пинает расprostертого на снегу. Потом приказывает:

— В изолятор!

А это почти верная смерть.

Пробыл Иван с братом Николаем в лагере до лета 1943 года. Летом заболел малярией. Поместили в лазарет. Лечить — не лечили. Нечем. Да и с кормежкой неважно. Отлеживайся. Недолго. Выписывали быстро. Но оклемался. После выписки перевели в другой лагерь. Слышал Иван, что брат Николай умер зимой 1944 года, не сдюжил.

Ивана взяли на лесовозку. Он — колхозник. Любил лошадей, не покалечит. До него на вывозке работали рецидивисты-уголовники. Жили они в отдельном бараке. Любовью не отличались: не только к животным, но и к ближнему. Тем более — к политическим. Убивать надо: шпионы.

Помните: Ф. Достоевский, «Преступление и наказание», — мужик убивал конягу? То же самое было и в лагере. Правда искусства и правда жизни пересекались. Нагружали воз бревнами. Знали, что не потянет. Плевать.

— Но, пошла!

РОФСР
Министерство юстиции
Новосибирский
Областной суд

отд. спецчасть

22 июля 1961 г.

№ 231е/61

г. Новосибирск ул.
Калинская № 1 тел. 3-16-14

Копия

дубликат

С П Р А В К А

Дело по обвинению Зенниа Ивана Афанасьевича, 1911 года рождения, осужденного бывшей тройкой УНКВД Новосибирской области 5 ноября 1937 г., до ареста работавшего в колхозе "Прогресс" Черепановского района Новосибирской области.

Пересмотрено Президиумом Новосибирского областного суда 13 мая 1961 года.

Постановление быв. тройки УНКВД Новосибирской области от 5/Х1-1937 года, постановлением Президиума облсуда от 13/У-1961 г. в отношении Зенниа отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Справка выдана в связи с реабилитацией для представления в Советские Государственные органы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА

(МАНЯШИН)

Печать.

Не тянет лошадка. Берет возчик дрын и: на! — по ребрам, по хребту. Забивал.

Запрягся Иван. Стал возчиком.

Запомнился ему печальный случай. Послали его за хлебом для бригады: двадцать пять мужиков ждут. Пошли вдвоем. Подали ящик для хлеба в окно хлеборезки. Хлебник быстро отвесил норму. Двинул полный ящик обратно. Приняли. И вдруг кто-то резко ударил ногой по ящику сбоку. Выбил. Пайки вывалились. Налетели заключенные-шакалы. Похватали бригадный хлеб, рассыпались. Было в зоне такое.

Пришлось всей бригадой ходить за хлебом. Каждый брал свою пайку: из рук в руки. Но и это не спасало. Слабых обирали. Играли в карты. Компания рецидивистов. Играли на руку, сообща. Мошенничали. Кто-то из новеньких садился играть, соблазнялся. Случалось, что выигрывал и, прервав игру, уходил в барак.

— Играй дальше!

— Не хочу!

— Так не делается.

— Да пошли вы...

Ночью счастливого рубили топором. Жестокость порожидала жестокость.

Но однажды рецидивистов собрали. Составили этап и отправили. На Колыму. До лагеря докатились слухи, что этапников посадили на пароход и утопили. Практиковалось такое.

В 1946 году Иван заболел дизентерией. Измучил кровавый понос. Подумалось: «Вот и конец приходит».

Но — счастье. В лазарете встретил знакомого. Он работал при кухне. Говорит:

— Я тебе принесу рыбы соленой штуки две. Съешь ее, но воды не пей!

Наелся Иван рыбы. Воды не пил, перемогался. Все внутри перегорело. Выздоровел.

Чем-то Иван нравился начальнику лазарета. Он сказал:

— Оставайся. Будешь работать. Я договарюсь.

Плотничал. Ремонтировал окна, двери, полы. Кроме того, заставили возить воду для пекарни и столовой. Лошади часто болели: сап косил. Выходит, что не одни люди страдали. Больных лошадей забивали. Ветеринары заставляли сжигать трупы. Но для заключенных забитая лошадь — как приварок. Обдирали тушу, мясо отделяли, а что похуже — несли на костер:

потроха, головы, копыта. Мясо отмачивали. Обвязывали проволокой и опускали в ручей. Ночью дежурный варил конину. Утром ели, макая мясо в соль.

Иван погорел на этом. Принес мясо в барак. Вдруг санитарная комиссия. Видят: в тумбочке — мясо. Как? Почему? Не положено заключенному сверх пайка. А то разжиреет, обленится. Записали фамилию. Закончилась работа в лазарете. На следующий день пошел Иван лиственницу пилить. Что было дальше — туман. Спас конец срока. Прозвенел звонок. Отпал десятилетку.

28 октября объявили Ивану Афанасьевичу Зенину, чтобы он готовился к освобождению. Не поверилось. Думал, что еще век впереди. Может, врет? Нет, верно. Домой отправили с конвоем. На пересылку. Станция Бира. Возле вокзала — барак. В нем ютилась партия освобожденных. Ждали билетов. Пришлось помыкаться. Но все утряслось. Поехали. Добрались до Инской. Пришел к бараку, где жили родственники. На крыльце стоял человек. Присмотрелся Иван — да это же брат, Михаил! Но худой, изможденный, страшный. Узнал и Михаил брата. Обнялись. Зашли в комнату. В комнате — мать...

Начались долгие грустные рассказы. Отец умер. Михаила забрали в трудармию. Он работал на лесоповале. Надорвался. Сделали операцию, вырезали полжелудка. Вскоре после встречи Михаил скончался.

Погостил Иван у матери, поехал в Лихановский. Добрался. Зашел в избу. Дома. Люди набежали. Расспросы, рассказы. Невесело.

Не захотел идти Иван в колхоз работать. Боялся. Вдруг старое повторится? Заберут ни за что. Уехал с семьей в Безменово. Устроился на железную дорогу — путейцем. Оформили по справке об освобождении, без прописки. Обратился Иван к паспортисту:

— Пропиши!

Он:

— Без разрешения начальника милиции — не могу!

Поехал Иван в Черепаново. Зашел к начальнику милиции. Веревкин. Живой. Лицо прежнее — «гуманиста».

— Что вы хотели?

— Прописаться. Оформиться на работу.

Взял Веревкин справку.

— Так, так. Не пропишу я вас, гражданин Зенин. Опасный вы элемент.

— Что же мне делать?

— Можете ехать в Сузун. На лесоповал. Там прописка не нужна.

Вышел Иван из кабинета. Зарезал Веревкин. В душе чувство: висишь в воздухе между небом и землей. Мрак. Хотел Иван под поезд лечь. Но опамятовался: семья.

Вернулся. Жене ничего не говорил. Жили. Работали. Выручил случай. Кто-то сказал, что на станции Посевная есть паспортист. Можно рискнуть. Взбодрился Иван, поехал. Зашел к паспортисту. Протянул справку. Он прочитал ее и подает назад:

— Не могу без разрешения начальства.

В кабинете находился участковый милиционер. Перехватил справку, прочитал. Повернулся к паспортисту:

— Надо прописать!

Шел Иван легко, бодро. В голове мысль: «Есть Бог. Есть!» Как иначе расценить счастье?

Жил до 1953 года, словно на динамите. Но в знаменательный день заглянул в контору. Из репродуктора плыл траурный голос диктора:

— Умер Сталин!

Вокруг сидели, всхлипывали. Иван Афанасьевич осторожно притворил дверь. Пошел в ларек. Попросил продавщицу:

— Двести граммов водки.

Выпил. Помолчал. Сплюнул.

На этом закончились поминки по Мяснику.

Началась другая жизнь.

А. И. Красовский

ИНВАЛИДНЫЙ ДОМ

ОЧЕРКИ ИЗ ЖИЗНИ
ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

1. ПРЕИСПОДНЯЯ

Весной 1942 года негодный для фронта одноглазый учитель Ильинской семилетки Глеб Красильников на шкрабьей четырехсотке¹ сильно мучился от голода, исхудал, ослаб, потерял сон. Когда появились крапива и щавель, он стал есть их пудами в течение всего свободного времени. Щавель ел прямо на корню, таясь от деревенских жителей. Боялся, что скажут: учитель голоднее собаки — собака сдохнет, но щавель жрать не будет... В начале лета на таком пасеве подкараулил его директор индома и парторг сельсовета Карманов. Сообразив что-то свое, он взял Глеба к себе в инвалидный дом на работу счетоводом, по совместительству. Привел он Глеба на кухню и сказал поварихе Дарье Ивановне:

— Вот Глеб Иванович, учитель. Он будет у нас счетоводом. Корми его.

— Слушаюсь, — с легкой иронией ответила пожилая повариха и налила Глебу миску самодельной ржаной лапши.

Инвалидный дом стоял недалеко от школы в роскошной лесной местности, в бывшем имении господ Левкоевых, около маленькой деревеньки Пузыри, исчезнувшей еще в предвоенные годы. Предназначался он для надежного убежища стариков и старух от тягот последнего пути в земной жизни. И, несмотря

на бедствия первых лет войны, государство не ослабляло своих забот об этих людях. Каждому отпускалось по 400 г. хлеба на день, сверх того приварок в виде крупы и масла, сахар, даже чай. Старикам полагались обувь и одежда, приличная времени и сезону года. И когда голодный Глеб попал к ним, он, будучи учителем, не мог не позавидовать их сытой жизни, какой она представлялась ему в первые дни.

Но это было только первое и ложное впечатление.

Вряд ли в то тревожное для начальства время кто-нибудь делал глубокие экономические исследования жизни инвалидов. Но в уме прикидывал едва ли не каждый, кто близок был к этому делу. И выводы получались — поразительные.

Какую помощь получал инвалид от государства? Хлеб 400 г на базаре стоил 80 руб., и по этой цене его покупали колхозники. Кусок пиленого сахара стоил 10 руб. По нормам питания инвалида — два куска — это выходило еще 20 руб. в день. Столько же стоили граммы чая и полсотни граммов крупы. Плюс к тому — спички (35 руб. коробок), мыло, керосин (200 руб. стоили пол-литра), плюс ботинки, валенки, галоши, брюки, юбки, платья, телогрейки, пальто, полагавшиеся к выдаче раз в полгода, а то и чаще. И набегало рублей 300 на голову в день по базарным ценам. Это полагалось инвалиду от государства. Сверх того при доме было свое подсобное хозяйство и в нем 25 га пахотной земли, с десятков лошадей, столько же коров, вдвое свиней, вдвое овец, да сорок пчелосемей на пасеке. И государство не брало с этого хозяйства ни зернышка, ни клока сена, ни стакана молока. Освобожден был индом и от налогов, и от госпоставок, и от закупок, от которых пусто становилось во всех деревнях. Все государство оставляло для инвалидов: и рожь, и картошку, и молоко, и мед, и свинину. Добра получалось много, все оно за год расходовалось и, если разложить эти расходы на всех 80 стариков и старух, то выходило еще рублей по 300 в день на каждого по базарной стоимости. С двадцати пяти-то гектаров одной ржи получалось тонн 10, значит 10 000 кг. А один килограмм стоил до 200 руб. То есть — около 60 руб. на человека. Да картофеля столько же, да молока, да меду, да свинины... Выходило, что инвалид получает от государства добра на 500 руб. в день, или — на 15 000 в месяц!

И высшего образования не надо, чтобы сосчитать это. Сразу — сравнивали: кто еще получает столько?

— Глебка, учитель, — говорил директор индома Карманов, — ребят чему-то все же учит, и то получает семьсот рублей. О себе уж не говорю: хоть какой я, а все же директор. А сколько получаю? Пятьсот. На что уж государственный человек Георгий Николаевич Пальцев, секретарь обкома в Иванове, и тот столько не получает, даже с пакетами! Генералы столько не получают! Куда ж выше-то? А наш Коська каждый месяц хапает по пятнадцать тыщ. А что с него толку? Вонь одна! Иной хоть когда-то человеком был, а этот дураком родился, дураком живет, а такую уйму получает в месяц.

Действительно, Коська был настоящий дурак. Летом его заставляли пасти свиней и за это платили 30 руб. в месяц по ведомости. В ближайшую выплату Глеб дал ему одну красную бумажку — тридцатирублевку. Костя обиделся, заплакал и, сколько можно было понять, обиделся именно на Глеба.

— Ма-а-а-о! Ма-а-а-о! — плакал Костя.

Дураки и глухонемые обозначали директора жестами, рисующими толстую его физиономию. Глеб надул щеки и показал Косте на особняк директора: ступай, мол, к нему, он столько тебе велел платить.

Костя плакал и с той же обидой глядел на Глеба.

— Ма-а-а-о! Ма-а-а-о!

В толпе, окружавшей стол в бараке, где работал Глеб (конторы в индоме не было), кто-то догадался и сказал Глебу:

— Разменяй ему тридцатку-то, он и будет доволен.

Глеб взял его купюру и дал ему три десятки. Костя повеселел. Он с радостью перекладывал их с руки на руку.

— Сепель мо-га! А то се она! — смеялся он («Теперь много, а то что одна!»).

Глеб подумал и забрал у него три десятки. Костя испугался и во все глаза уставился на Глеба. Когда же он получил тридцать рублевок, которые не мог пересчитать, он захохотал и преисполнился самой искренней радости.

— Мо-га! Мо-га! — орал он и побежал из барака, пряча свои сокровища, на которые не мог бы купить даже коробку спичек.

Остальные 79 обитателей дома, если и не были идиотами, то не годились ни на какое дело. В прежней жизни они, в большинстве своем, никогда не поднимались в общественной иерархии выше дворника или ткача.

И вдруг им — маршальское жалование! За что? Для чего? К тому же дом находился в окружении деревень, где люди выращивали хлеб, картофель, выхаживали коров и ничего не получали ниоткуда. Наоборот, отдавали еще несметные количества того, что трудом и потом добывали от своего хозяйства, и сами подчас оставались ни с чем. Отдавали и мужиков своих почти всех безвозвратно. А тут, гляди-ка: и чинов нет, и никакого не начальство, а получают без всякой заботы государственное добро, да еще сколько, — по 15 000 в месяц!

И создавалось общественное мнение, что все эти дураки, старики и старухи никак не достойны получать больше генерала. И сами инвалиды понимали, что они — дармоеды и что обходятся они непомерно дорого для обедневшей казны. И многим из них делалось стыдно. Держали они себя, как в чем-то виноватые... Некоторым исключением были лишь раненые солдаты, которых из госпиталей не могли отправить на родину, занятую немцами, и посылали в инвалидные дома. Таких в бывшем имении Левковых было человек восемь. Они со своими обрубками и култышками претендовали на все привилегии, но они же и противопоставляли себя всей основной массе идиотов, стариков и старух, еще сильнее подчеркивая их не по заслугам большие расходы без всякой пользы в будущем и без всяких заслуг в прошлом.

Вполне естественно, что этим общественным мнением весьма быстро и ловко воспользовалось приставленное к инвалидам начальство. Девять десятых того, что им причиталось, оно забирало себе, соблюдая неписаное правило относительно общественного характера распределения и частного характера присвоения. Маленький мирок инвалидного дома разделился на два полюса: на обогащавшееся меньшинство в лице директора и нескольких инвалидов — и подыхавшее с голоду большинство, 80 обреченных на скорую погибель стариков, старух и идиотов. На крови этих несчастных, на сокращенных годах их жизни, на преждевременной их смерти полдесятка людей жирело, пьянствовало, развратничало, покупало регланы и растило поколение будущего начальства. Люди, объедавшие стариков и калек, спокойно глядели на то, как они голодали, корчились в агонии, как от их трупов расползались вши, водившиеся в индومه тысячами, — а потом хоронили их обязательно в гробах, чтобы ушли на тот свет «честь честью».

...Декабрь 1942 года. Утро. В домике директора чуть слышно приемник пищит «Интернационал». Предраассветная темнота и мороз под 30° с ветерком. У двери в столовую стоит очередь в ожидании завтрака, в ней человек десять стариков и вполтину старух. Завтрак начинается в семь часов, но они не спят всю ночь, — лежать им надоедает, для разнообразия они не прочь постоять у дверей кухни, поглазеть в окна на печной огонь, да понюхать запахи, да поспорить, заодно и поссориться. В индоме вообще-то очереди не нужны, каждый получит свое между семью и девятью часами, но люди за многие годы привыкли к очередям, они и теперь без очередей не мыслят своей жизни.

Одеты все плохо, обуты того хуже, иные в домашних туфлях. Больше же донашивают свое, в чем приехали в индом, что справили когда-то (иной раз — и при гнилом капитализме). Ветер раздувает лохмотья, мороз проникает, кажется, не просто в тело — а в самую душу. Коченеют людишки. Иные не выдерживают и уходят греться, благо до барака всего шагов тридцать. Уходя, занимают очередь:

— Я за тобой. Попомни!

А когда возвратятся, их не пускают:

— Да ты и не стоял-то здесь сроду.

— Бесстыжие твои глаза, — спорит уходящий дед, — что ж, по-твоему, я вру?

— А пошел ты...

Иной раз и уйдет дед. А бывает — полезет на свое место, права качать. Его вытолкнут, упадет в снег. Ругают его, но тунут...

Мимо проезжают бабы из соседней деревни — в город, на базар за хлебом насущным, в обмен на картошку. На минутую другую придерживают лошадь. На всем многокилометровом пути не встретят они человека, а тут — смотри, сколько! Как ни темно, а бабам видна рвань на инвалидах, слышна их ругань, догадываются и о драках.

— Бедненькие, бедненькие, — жалеют бабы иссохшие остовы людей в грязных тряпках: не маршалами с 15-тысячным жалованием выглядели они, а убогими нищими, какими испокон веку славилась Русь.

Ветер дует, мороз становится злее, но очередь стоит. Тысячники стоят, без пяти минут миллионеры, каких не бывало на земле господ Левковых... Да и сами-то господа Левковы отродясь не владели сотнями тысяч, со всеми их угодами и

прочей частной собственностью. Но, странное дело, расходуя всего каких-нибудь две-три тысячи в год, Левкоевы и сами жили как люди, и людей вокруг себя кормили. В очередях у них, во всяком случае, никто не стоял. Даже понятия об очередях не имели. Тут же ни конца, ни начала не разберешь: и сотни тысяч сыплются на каждого, и вши лезут на извечно голодную шкуру, и тряпки нет, чтобы прикрыть дыру возле задницы на штанах.

Пожилая толстая повариха Дарья Ивановна, полуголая, прямо от печки, отворив дверь, выкатилась на улицу с кочергой в руке:

— Уже стоите, маршалы, енералы! — с презрительным весельем крикнула она нищей братии. — Комарики не покусали бы, ваши благородия! На ручках цыпочки не завелись бы! Корью не заболели бы!

Деды, хихикая, с радостью проходили в теплую столовую, где на одном из столов даже горела керосиновая лампа. А Дарья Ивановна, пробежав шагов десять по снегу, грянула кочергой в висевший на дереве железнодорожный буфер. Старики прозвали этот железный звук благовестом: благая весть — еда готова!

Заслышав звон, поднялись остальные деды, бабки и дураки. Солдаты — спали. И глухонемые спали, первые насельники Ильинского индома с далеких довоенных сытых времен, казавшихся им райскими днями. Жили они в деревянном верхнем этаже над кухней. Их также уведомила Дарья Ивановна, постучав этой же кочергой в потолок кухни. Побежали, поковыляли, поползли в кухню полураздетые полулюди, — иные в трико, как спали, иные без шапок. Глухие, которым требовалось пройти всего шагов пять по снегу, прибежали даже босиком.

Кроме кухни, где, видимо, раньше находилась усадьба Левкоевых, было еще три постройки. Напротив через дорогу стоял директорский домик. А рядом с кухней помещался двухэтажный грязный дом, битком набитый самыми старыми стариками и самыми глупыми дураками. Этот дом за его крутые лестницы и за множество насекомых прозвали Вшивой Горкой. Напротив него стоял одноэтажный барак для наиболее привилегированных инвалидов. Внутри он разделен был на две половины — женскую и мужскую. А в сенях была еще боковушка, где поселились солдаты.

Из всех домов, кроме директорского, направлялись люди в столовую. Быстро заняли все столы. Как обычно, за спинами сидевших образовались очереди. Выстоявшие целый час на морозе старики теперь сидели и испытывали настоящее блаженство, — должно быть, не меньше, чем выигравший сражение генерал, ожидающий от военного начальства заслуженных почестей... А может быть, и большее. С какими, скажите, наградами, с какими почестями можно сравнить тарелку супа? Лишь скот или зверь, не мудрствуя лукаво, просто сжирает все, что ему удастся добыть. Человек же, когда ест, испытывает весьма сложные психические состояния.

Еще стоя на морозе, деды и бабки заранее переживали предстоящее им удовольствие. Оказавшись в тепле, они почувствовали, что у них есть ноги и руки, есть пальцы на руках и ногах. Боль возвестила им об их конечностях. Боль усиливалась, от ступней поднималась к коленкам, к пояснице, пальцы ныли и не слушались, но люди знали, что скоро эти страдания, достигнув предела, начнут стихать, и тогда с каждой минутой настроение будет подниматься, душа — молодеть, захочется лишний раз шевельнуться... И в это время подадут завтрак.

Оттаявшие деды уже спорят:

— Сегодня опять ржаная каша.

— Будет врать-то! Вчера была каша, значит седни — картошка.

Не сомневались уже, что будет картошка, но вопрос был в том, сколько картошин — две больших или три маленьких?

В кухне случилась какая-то заминка. Деда радовались случаю посидеть в теплой столовой, да еще при свете лампы. Наконец, с большими подносами, полными белых горячих картошин, вышли помощницы Дарьи Ивановны, эвакуированные из Калининской области девушки, вышла и сама Дарья Ивановна. Споры прекратились. Повариха продолжала шутить:

— Кушайте, женихи милые, угощайтесь, невесты богатые! — и стала раскладывать перед каждым по две картошины величиной с кулак. Прибежал завхоз Иван Егорович Муханов, присоединился к поварской процессии и начал указывать поварам на «работающих инвалидов»: возчиков, конюхов, скотников, уборщиков, дворников, чистильщиков картошки. Им давали по три картошины, и они с гордостью взирали на двухкартошечных бездельников, которые платили им молчаливой завистью, легко переходившей в ненависть.

— Подумаешь, работник! Снег покидал — и сидит, хвалится.

К полученным картошинам относились по-разному. Одни сразу их съедали. Таких презирали за неприличную невоздержанность. Чаще всего это были молодые идиоты, вечно голодные и далекие от сложных расчетов. Но большинство осторожно припрятывало картошины, все три, или две, или хотя бы одну. Это была материальная ценность, и на нее всегда имелся большой спрос. Из нее можно было сделать деньги, да еще с маленькими «деньгами-прим». Короче: это был капитал. Голода одной картофелиной все равно не утолишь, жизнь на двадцати граммах крахмала не спасешь, а прибыль потеряешь. Великая вещь эти «деньги-прим», и вряд ли когда-нибудь их удастся искоренить. Ведь иной дед вечером помрет, ему уж далеко за 80, но утром он будет с выгодой менять картошину и получать радость...

Соли в столовой не полагалось, но кто съедал завтрак, приносил ее с собой в узелочке. Иные припасали и кусочек вчерашней порции хлеба. За картошкой давали чай, — неизменную Белую Розу, но горячую, — и наливали в кружки, выдававшиеся в постоянное пользование. «Чай» пили все и часто просили повторить. В этом обычно не отказывали.

Позавтракав, старики торжественно шли «домой», т. е. к своей постели, и несли кружку кипятку, а кто не съедал — и картошку. На постели завтрак возобновлялся со свежим удовольствием. Здесь ели, раздетые до нижнего белья. Начинало светать. Душа была наполнена свежими впечатлениями. Здесь же начинались и меновые операции. Картошку продавали на деньги — рубль за штуку. Меняли на табак — на одну закрутку. На хлеб. А часто просто — картошку на картошку. Как всякая торговля, этот обмен преследовался. Надзирал за порядком И. Е. Муханов и делал облавы. Зная об этом, старики торговали из-под полы — так уж принято — и были неуловимы.

В морозные дни не вели открытых работ. Трудоспособные тоже сидели дома, оставаясь без заработков. Одни ложились спать, другие молча сидели на своих постелях, немногие шли очистить крыльцо от мочи, намерзшей за ночь.

К девяти часам приходил Глеб в барак, где жили солдаты. Там, на половине стариков, стоял его стол, и в нем находилась вся бухгалтерия. Старикам нравилось, когда приходил Глеб. Он приносил кое-какие новости. К Глебу заходил поздороваться

Муханов. Иногда появлялся и сам директор. Заходили кладовщик, кастелянша. Являлась культурница, приносила газеты недавней давности. Их читали вяло, радости в них было немного. Потом их делили и раскуривали — главным образом солдаты.

Около полудня со двора являлся какой-нибудь дед и объявлял:

— Хлеб привезли!

Все вставали, одевались, шли в кладовую и там выстраивались в очередь. Гришка Тимашук — кладовщик, солдат-танкист с выбитым на войне глазом — резал хлеб длинным ножом и, не вешая, совал очередному дураку или деду. Самым разумным он давал кусок побольше, граммов на триста, самым глупым и забитым доставалось меньше ста граммов. Делал он это решительно, быстро и молча. Если кто пробовал выразить недовольство, Гришка вскидывал голову, поднимал нож с узким полуметровым лезвием и смотрел на крамольника живым и вставным глазом. Если бунт не прекращался, Григорий открывал рот. Это всегда кончалось не в пользу бунтаря.

— Отходи, курва, с музыкой! — зычно орал он на какую-нибудь Потехину, дошедшую до маразма ткачиху, коммунистку, устроительницу колхозов, 25-тысячницу.

— Я не допущу обвеса! — истерически взвизгивала бывшая активистка.

— Чего орешь? — гаркал ей в ответ кладовщик. — Кто тебя, курву, обвешивает? Кому ты, сука, нужна? Подходи, следующий!

Сзади стоят десятки инвалидов. Они знают, что спорить бесцельно. Потехина всех задерживает.

— Гони ее, старую дуру!

— Чего с ней калякать, со стервой!

И оттесняют крамольницу, и снова Гришка оделяет сотками и двухсотками тех, для кого получает из Головкинского сельпо по 400 граммов на день.

Хлеб, как и утрешнюю картошку, едят, берегут, меняют и еще сушат. Едят — обязательно. Хоть 50 г, но съедает каждый.

С часу до трех дня — обед. Обед едят, пожалуй, все. Принято считать, что, если не поешь, ног таскать не будешь. Дают два блюда. На первое — самодельная ржаная лапша, довольно густая. Миску надивают не меньше чем до половины. На второе, как и к завтраку, — ржаная каша или картофелины,

реже картофельное пюре. Иной раз еще перепадала добавка лапши. Тогда деды очень довольны бывали. Придут в барак, лягут и икают для удовольствия, хвалят лапшу до самого ужина. И невдомек им, что на эту лапшу в котловом листке списано 30 кг муки, 16 кг свинины, да на кашу 40 кг ржи и 8 кг сливочного масла, которое только по документам «проводилось» через склад, фактически же в левкоевских домах даже и не бывало. Невдомек им, что Дарья Ивановна, подписывая ту котловку, плакала, потому что получила 3 кг муки, 800 г сала и 4 кг ржи, а масла не видывала. Не первый десяток лет кашеварит добрая старуха. С детства приучена жалеть людей. Презирает она грязное отребье рода человеческого, но жалеет их, — все же христианские души. Сумела она тремя килограммами муки и восьмью сотнями граммов сала насытить 80 голодных желудков, сообразила прибавку. Как это сделала — Бог знает. На то и дока была в поварском деле: и людей кормила, и себе оставалось. И деньги у нее были, да с новой властью давно прахом пошли. Горевала сперва, а потом забыла за делами, за огнем, за паром, за сковородками, за котлами...

Зимний ужин старались закончить до темноты. В пять били в буфер, к шести кончали кормежку. Старики еще не обсудили обед — и на тебе! Уж звонят к ужину. Давали опять по две или по три картошины, но без чаю. Списывали же в день по 200 кг картошки, списывали чай, мед, конфеты, сахар, даже какао. Многие котловые листы заставляли Дарью Ивановну подписывать, не читая. Закроют книгой весь листок и говорят: подписывай! Плачет, но подписывает.

После ужина наступало томительное безделье на целых полсуток. Огня нет. Радио в те поры не было. Темнело в пять. Спать не хотелось. Мучил многодневный, многомесячный голод. Кусали насекомые. Давило однообразие. Развлечением была топка печи. Дров не жалели.

— В лесу живем. Нам ли дрова экономить! — говаривал сам директор Карманов.

В семь затопляли печку. Руководил делом инвалид Иван Венедиктович Рудков. В 1904 г. он воевал в Цусимском проливе и попал в плен к адмиралу Того. И сейчас он чувствовал себя возле печки, словно близ корабельной топки на крейсере в дни молодости. Всякий инструмент был у него: ловко орудуя молотком и клиньями, он разбивал огромные плахи и кидал их в раскаленную печь. Тихо напевал:

— Наверх вы, товарищи, все по местам!

Открывал печь, кидал дрова и продолжал:

— Последний парад наступа-а-ает... Врагу не сдается наш гордый «Варяг»...

Снова открывал, шевелил дрова и, закрыв, заканчивал:

— Пощады никто-о-о не жела-а-а-ет!

После 1917 года эту песню тогда еще не пели, и на Рудкова смотрели с опаской: ишь, мол, черт его возьми, что вздумал петь! Но в глаза сказать боялись — востер был на язык, матерился через полслова.

Вонь от печки, тишина, темнота, тепло. А на улице снег ровень с крышами, мороз, в лесу деревья трещат. Где-то воют, лезут на обледенелые брустверы, замерзают в окопах... А здесь — тепло, уютно, спокойно. Часам к девяти сжигали до полукубометра дров — и закрывали печь. С этого времени всякое общение заканчивалось — каждый погружался в себя, стараясь уснуть. Но в этих утомительных стараниях ни у кого не было надежды на успех. Пробовали разговаривать, — не умели. Получалась лишь ругань.

— Ведь у меня в Калининe два своих дома стояли, — начинал вслух вспоминать старик Комиссаров, 80 лет (в индoме его называли: Калининский). — Жил хорошо. Всех сынов, да внуков, да правнуков у меня 92 человека, все люди хорошие, ученые.

Это задевает соседей. У них никогда собачьей конуры не было, не то что домов. В большинстве это были ивановские ткачи-пролетарии, «их величества — рабочий класс», завистью точимые, весь свет готовые по миру пустить, чтоб всем одинаково тошно было. Братства они вообще не знали, потому что никого родных не имели. Сами никому грошом не помогли и ждaть ни от кого доброго слова не смели.

— Чего ж ты здесь-то место занимаешь? — шипят такие старику Комиссарову. — Шел бы к свои сыновьям да внукам.

— А чего мне идтить к внукам? Я своим домом буду жить. Отобьют мои дома у немцев, вернусь в Калинин, и пушай тогда внуки ко мне приезжают, а я всех накормлю и напою до отвала.

Не выдержат пролетарии, злобно отрежет кто-нибудь привычное:

— Сволочь, кулак!

Калининский не раз слышал это слово. Но нервы у него стальные, и он спокойно и даже ласково отпаривает:

— А ты дурак!

Разговор таким образом обрывается. Наступает тишина. Минут через десять раздаётся хриплый голос:

— А Котельниково держится. Я ведь там был. Ехать надо через Фастов. Помидор, помню, там было видимо-невидимо...

Это вслух думает о предместьях Сталинграда старик Черкасов, в прошлом расходчик Владимировского архиерейского дома, иеромонах о. Иоанн. Как он попал в инвалидный дом — неизвестно, но прошлое свое он не объявляет, держится скромно, работает дармовым писцом в сельсовете и избегает ссор. Никого не трогает — и его не обижают. Его словам обрадовались.

— Дай-то Бог, — сказал один из дедов, бывший дворник во Владимире.

— Зимой завсегда немцам туго, — добавил другой дед.

— Не любят они русской генерал-зимы, — поддержал третий.

Показался этот разговор обидным бывшему комиссару Пятой армии времен гражданской войны Комендантову, мужику крепкому, но парализованному: правая половина тела у него бездействовала, язык не слушался. Уверял он всех, что какой-то офицер (слово «офицер» в те годы не употреблялось в Красной Армии, оно означало белого офицера) заразил его сифилисом, подсунув ему большую блудницу. С того сифилиса получился у него и паралич. Медичка Шура специально смотрела его и уверяла, что никакого сифилиса у него нет и не было.

— Г-г-г-а-ад! — заорал он на говорившего о немцах. — Ты га-а-ад!

Дальше последовали непечатные ругательства, отрывистые, разорванные на слога, но очень злые. Комендантов при этом надувался, кровь бросалась ему в голову, он краснел и потом долго не мог прийти в себя, но лежал тихо. С ним и остальные замолкли. Кто-то в одном белье и босиком пошел на крыльцо. Слышно было, как струя жидкости течет на обледенелый снег у крыльца. В коридоре висели ходики. Стрелки были не видны в темноте, но деды научились их ощупывать. Придя в барак, дед покашлял, потоптался, сказал:

— Ну и стужа! Градусов больше тридцати.
— Час-то который? — спросили у него.
— Кажется... десятый... или нет? — вспоминает он.
— Болван ты, в десятом еще печка топилась, — говорят ему.

— Значит, одиннадцатый, — гадают старик.
— Значит, ты дурак, — объясняют ему, и дед не оправдывается.

Встает другой старик. Идет туда же. Вернувшись, сообщает:
— Половина одиннадцатого.

Никого это не устраивает. Всем хочется, чтоб было больше, чтоб скорее завтракать, а тут всего половина одиннадцатого. Через минуту идет третий дед и приносит уточнение:

— Тридцать пять одиннадцатого.

Смиряются и ждут утра. Тут течение времени как бы останавливается. Плетутся на крыльцо дед за дедом, и сообщения почти повторяются:

— Сорок минут одиннадцатого.

— Сорок три минуты. Сорок пять минут.

Пробуют угадывать погоду на завтра. Тема нейтральная, никого не задевает, и некоторое время старики мирно обсуждают приметы: четверть луны, садилось ли солнце в облако, дул ли сиверко. Но скоро Калининский резюмирует:

— Глупости все это. Эка чепуха — угадать погоду! Да что вы в ней смыслите-то! Кака будет, така и будет, а вас не спросят.

Старый ткач Мягков не стерпел:

— Кулак и есть кулак.

И опять смолкли, и опять тоска. Снова бегут на крыльцо, где начинает расти ржавая ледяная гора. Узнают время:

— Четверть двенадцатого...

Дверь в каморку, где обитали солдаты, находилась возле самых часов. Солдатам давали лампу, они убивали скуку картами или костяшками домино или баловались с местными девками, забредавшими к ним иногда. Ложились часа в два. Жили — замкнуто. Считали себя выше прочих. Стариков за людей не признавали и скрывать это находили излишним. Проявляли бдительность: искали врагов.

Однажды они подсмотрели, как старики ощупывают стрелки часов. Было около часу ночи. Солдаты наскоро довершили очередного «козла», погасили огонь и поставили стрелки ча-

сов на десять минут седьмого. И замерли в ожидании. Их военная хитрость удалась на славу. Минут через десять после начала «операции» вышел очередной дед на крыльцо. Потом подошел к часам. Долго ощупывал стрелки, оказавшиеся на неожиданно счастливом месте, и, придя в барак, объявил:

— Братцы, а ведь время-то — двадцать пять седьмого!

— С ума сошел, — завопили деды, — только что Мягков ходил, было пять минут второго, а у тебя полседьмого!

Пошли двое дедов, ощупали часы:

— Полседьмого!

Комендантов озлился:

— С-с-вол-лочи! Н-не верят!

— Что ж, надо вставать, — решил кто-то и стал одеваться.

Услышали старухи — тоже зашевелились. Минут через пятнадцать, с кружками и банками, отправились деды и бабки к полукаменному дому и выстроились в привычную очередь за шесть с половиной часов до открытия столовой. Солдаты заливались хохотом. Не вытерпели: зажгли огонь. Деды же еще больше уверились, что наступило утро и что люди встают ему навстречу...

Смутила их пустота в кухне. Сходили за Дарьей Ивановной. Всполошилась повариха, решила, что проспала. Пошла за помощницами в маленькую домушку у бани. Пришла, — а те еще и не ложились, у них гости-солдаты, прибежавшие туда верст за десять. Вернулась Дарья Ивановна, вспылила, матерные слова непечатные вспомнила, обругала стариков, прогнала домой «паралешных».

Пришли деды, понять не могут: на часах — третий час ночи. Стали вспоминать Мягкова — прав он был. Комендантов же всех сбил с толку, и крыть ему было нечем. Сначала он бесился от злости, а потом... заплакал. Как баба. В этом плаче было его спасение, а то хватил бы его новый кондрашка.

Днем только деды узнали, кой леший морочил их всю ночь. Не утерпели солдаты — все рассказали. Рассказывая — показывались с хохоту.

Летом жизнь в инвалидном доме разнообразилась полевыми работами и лесом. Лес подходил к постройкам, и старики бродили там с утра до ночи, собирая грибы, ягоды, какие-то коренья, щавель, крапиву. У каждого была подобранная на помойке консервная банка, и каждый раскладывал маленький

костер, на котором делал себе варево. Многие варили картофельные очистки. Их не хватало, за ними следили и расхватывали чуть не с лету. Все, кто мог, обязаны были работать на пахоте, на бороновании, на прополке, на уборке. За это платили и прикармливали, повинуюсь жесту указующего перста Ивана Егоровича Муханова. Особенно заботились о косцах, — им давали есть почти досыта.

Многие инвалиды нищенствовали по окрестным деревням. Это не запрещалось. Зимой Костя-свинопас был свободен от работы и после завтрака шел в соседнее Митрошино. Не входя в дом, он становился под окнами и, сняв шапку, пел:

— Оце нас, исе еси на небеси...

Пел он плаксиво, надрывно. Бывало, что вынесут ему картошину, иной раз и лепешку, а осенью — малинки горсточку.

— Пасиал — скажет Костя и пойдет дальше.

А бывает, что и никто не выйдет к Косте, и идет он от дома к дому втуне, терпит голод, глотает слюну. Сначала не очень скупилась «зажиточные колхозники», потом давали все меньше и меньше, а ноги у нищего «миллионера» становились все слабее и слабее. И стало ему уже не под силу дойти до Митрошина, да простоять, да пропеть «Отче наш». И стал Костя промышлять на помойке вместе с другими «миллионерами». В эту пору как раз перебирали картошку в хранилище и выбросили с центнер гнилой, — между ними и мороженую. Мороженую повыбрали, кто поумней, а голодный Костя набросился на гнилье и съел его с полведра. Раздуло Костю. Лежал он, стонал, плакал. Явилась местная медицина в лице Шуры, участковой медички, опекавшей индом.

— Чего жрал, признавайся? — спросила медицина.

— Катоску, — простонал Костя.

— На помойке? — продолжала диагностику медицинская наука.

— Да, — тихо отвечал больной, сопровождая стоны плачем.

— По грехам тебе и мука, — заключила помощница смерти и пошла просить себе молока, которое полагалось по уговору за медпомощь инвалидам.

Через два дня Костя умер. «От паралича сердца», — записала Шура. «От дистрофии» писать было нельзя, считалось, что дистрофия может быть только при капитализме. А ведь

Костя мог бы жить и до сего дня, было ему в год смерти не больше 25 лет, был он здоров, никому не делал зла, мог бы еще пасти свиней и радоваться такому пустяку, как тридцать рублей-вок...

Обычно к человеку, только что умершему (чаще — к умиравшему), приходило начальство: завхоз Муханов, кладовщик Тимашук. Прибегали солдаты. Всем интересно было посмотреть, как будут уползать вши с мертвого тела. Если умиравший долго не отходил, наблюдатели теряли терпение и матерились. Карманов никогда не участвовал в таких увеселениях.

Умирали не каждую неделю, человека три-четыре в месяц. Продолжительность жизни в индоме не превышала двух лет. Когда Муханову говорили, что такой-то заболел, он всегда отвечал:

— Спаси Бог, не помрет!

Выживали — редко. Уходили же на тот свет разными путями: от истощения, от туберкулеза, от пневмонии, от болей в животе с корчами, от почек. Шувалов умер по-особому: он сошел с ума и требовал выстроить всех солдат на молитву. Его увезли в город, и он кончился вне дома. Не пришлось поглазеть солдатам, как из него лезут вши. «Контингент», однако, не сокращался: взамен выбывших приходили новые с путевками Ивановского облсобеса.

Похожие один на другого, как тараканы, безликие изможденные инвалиды не все, однако ж, были одинаковы. Среди массы вечно жующих и ищущих жвачки опустившихся полулюдей находились твердые духом старики, способные подняться много выше сдавившей их мерзости.

2. СИЛЬНЫЕ ДУХОМ. КОМЕНДАНТОВ

О его прошлом известно было только то, что он служил в кавалерии Пятой армии в должности комиссара, что у него не осталось родных и что, лишившись трудоспособности после паралича, он сделался никому не нужным, и его спровадили в инвалидный дом. Областное начальство, у которого он был на виду, постаралось только выбрать ему лучший индом, которым считался Ильинский. Комендантов получал письма от жены или от дочери, но что в них было, никто не знал, — он скрывал

это. Вообще он был молчалив, да и произнести мог всего несколько слов — язык ему не подчинялся. Лет ему было вряд ли за пятьдесят и выглядел он богатырем, несмотря на полное бездействие всей правой половины тела. Однажды, месяца через два после приезда, он проходил мимо участка, где раскорчевывали молодой березняк, чтобы расширить площадь огородов. Десяток инвалидов уже с неделю выковыривали березки и осинки, а работе не предвиделось конца. Подковылял к ним Комендантов, шутя ухватился здоровой рукой за обнажившийся корень осины, напружинился, покраснел, разогнулся — и выбросил дерево четыре метра высотой. С улыбкой взялся за второе, потом без передыху за третье... К ужину он очистил всю делянку. Обтер руку о штаны и сказал разинувшим рты работягам:

— В-вот так надо!

И довольный, заковылял к своему бараку, — а за ним, взмахнув мощными крылами, полетела слава силача и победителя.

Сила воли у него была огромная. В этом он, может быть, был непроявившимся гением. И вся эта гигантская воля была отдана коммунизму, его победе, отчаянной борьбе за него. Личные желания для него словно не существовали. Голод, который гнал дедов ковыряться в помойке, он презирал. Вшей он не мог успешно бить одной рукой, и они сжирали его могучее тело, но он умел их не замечать. Голодный и вшивый, Комендантов счастливо засыпал с сознанием, что он не зря родился на свет, потому что сделался атомом коммунизма, причем Победившего и Побеждающего коммунизма. Это была его колыбельная песня, под которую он мог спокойно спать на своем жестком топчане, покрытом грязным соломенным матрацем.

Давно он мучился от своей никчемности после паралича, даже плакал ночами. Наконец, сам попросился на работу.

— Работа дураков любит, — сказал по этому поводу завхоз Муханов и тотчас послал его на кухню чистить картошку.

Комендантов любил подчиняться начальству: пошел на кухню. Там усадили его в общий круг других чистильщиков, наслаждавшихся кухонными запахами. Дали ему нож. Всем было интересно, каким образом комиссар сможет одной левой рукой обрить картошину. Комендантов зажал картошину в коленях, но она от прикосновения ножа сразу выскочила и покатилась.

Деды молча нахмурились. Но гнусный хохот танкиста Тимошука нарушил их молчание. Комиссар выпрямился, ярко покраснел и сказал, мучаясь злобой на самого себя:

— Св-в-во-лочь!

Потом взял палку и ушел под хохот дураков, счастливых от своего превосходства.

Пробовали пристроить его в овощехранилище перебирать картошку. Это дело у него пошло, но очень медленно. В середине зимы начальство решило повысить бдительность и прежде всего усилить охрану государственного добра. Директор сам пришел в барак к Комендантову и попросил его взяться за «настоящее» дело. Вторым сторожем назначили его соседа в том же бараке, слепого ткача Мягкова, спавшего на соседнем топчане. И стали они через ночь дежурить на морозе, от ветра охранять казенную собственность. Мягков не выдерживал и заходил греться в барак. Комендантов же такое дело считал дезертирством, полуголый мерз всю ночь и ни на минуту не покидал своего поста, выжидая коварного недремлющего врага обязательно с золотыми (царских времен) погонами под телогрейкой, надетой для маскировки. Он отморозил нос и мочку левого уха, и они у него почернели, но комиссар не сробел, не сказал никому, не обратился к медичке.

Он понимал, что за 60 рублей, которые ему платят, нельзя купить двух коробок спичек, что одна картошина утром сверх общей нормы и одна вечером не спасут его от голода. Но мысль, что он служит родной идее, родной партии, родной власти, — не только подогревала, но распяла его изнутри непостижимым, ему одному ведомым счастьем.

Несколько дней он присматривался к Глебу. Потом спросил с тревогой в лице:

— Комсомолец?

— Да, — ответил Глеб.

Комендантов громко захохотал, не имея сил скрыть свою радость, и одобрительно забормотал:

— Вот-вот-вот! — это означало: очень, очень хорошо.

С тех пор он одаривал Глеба восторженным, каким-то лучистым взглядом...

Он жил тем, что во всей стране — советская власть, что в деревнях колхозы, что партия одна и владеет всем и всеми, что газеты все коммунистические, что пролетариат всего мира пой-

дет и уже идет по нашему пути, что мы сильнее всех, умнее всех, лучше всех... Он гордился, что во главе индома стоит коммунист Г. Е. Карманов и что выше него все должности занимают коммунисты.

Нельзя сказать, чтобы он не видел многих непорядков, чтобы хоть иногда не замечал, что многое делается просто по-воровски. Но для того и посажена ему в мозги крепкая мысль о пережитках капитализма: их много, но они обречены на гибель, не в них суть, и вообще они — не явление, они только факты, безусловно, нежелательные и, к сожалению, не сразу истребимые. Конечно, лучше бы без них, да и почему-то много их стало, так много, что людидохнут... Но — к черту это все! Ведь это же мелочи. Ну, в самом деле: что такое дохлый Коська в сравнении с фактом свержения самодержавия?! Смешно даже сравнивать.

Неудачи на фронте мучили его жестоко. Зато как радовался он сообщениям о наших победах! Особенно торжествовал он после гибели немцев под Сталинградом и пленения Паулюса. Да хоть и совсем бы можно ничего не есть — читать бы и читать о победах коммунизма повсюду... И он просил перечитывать все патриотические места в газетах по многу раз. Кто только придет из грамотных — он сейчас же:

— Проч-ти!

Знал наизусть весь текст и в самых радостных местах заранее орал:

— Вот! Вот! Вот! Ха-ха-ха!

Или в адрес побитых немцев:

— Т-т-так им и надо! Ха-ха-ха-ха!

К концу зимы 1942 — 1943 года сил у Комендантова поубавилось, исчезла бодрость комиссарская, которой, думал он, не будет износа. Придет с ночного дежурства, ляжет — и к обеду вставать будто лень. Пустяк вроде — дойти до столовой, она рядом, а кажется ему, что Северный полюс — и тот ближе.

Однажды, в теплый майский день 1943 года, придя на работу после обеда, Глеб увидел на лице Комендантова слезы. Не станет комиссар плакать без серьезной причины, да еще на людях.

— Что с вами? — обратился к нему Глеб участливо.

Комендантов молчал, слезы еще сильнее потекли по небритым щекам. Раздались его неумелые, неровные и страшные вопли, которых не мог он удержать и которых стыдился. Ко-

миссарское ли дело — рыдать в голос? Стали спрашивать — молчит, злится, ругается.

— П-пошел на хрен! — окрысился он на Калининского деда, пытавшегося его успокоить. Спустя время, когда об нем все позабыли, Комендантов подвинулся к Глебу (его топчан стоял у бухгалтерского стола, за которым сидел Глеб) и сунул ему газету, которую принесла в барак и прочитала вслух культурница К. Г. Букреева.

— Н-н-на, п-прочти, — сказал Комендантов, придвигая мятый лист к лицу Глеба.

Глеб быстро просмотрел страницу и понял, о чем рыдал комиссар: на одной из полос было сообщение о роспуске Коминтерна.

— Вы об этом? — спросил Глеб, указывая на текст.

— С-с-сволочи! — сказал Комендантов, выражением лица подтверждая догадку Глеба.

— Кто сволочи? — машинально спросил Глеб.

Комендантов молчал. Рыдания снова подступали к его горлу, но он пересилил себя и на этот раз сдержался, повторяя ругательства и заливаясь слезами.

Сколько жило в индومه инвалидов, сколько обслуги, сколько заходило разных людей — и почти никто из них не радел о Коминтерне, мало и знали о нем, никто не плакал, ни один человек даже бровью не повел. Были ли рыдающие в тысячекilометровом радиусе от кармановского индома? Едва ли. В индومه же горько плакал вшивый комиссар Комендантов — и не мог утешиться.

Недолго после этого продержался Комендантов на своем гордом презрении к голоду. Он как-то сразу отощал и слег. Сначала Мягков приносил ему хлеб и картошку, но и сам он почему-то сразу начал слабеть, слег — и тоже ждал чужой помощи. Комендантов слабел еще больше, а вскоре и умер в беспомощности и бреде, громком и нецензурном. Надо думать, что мучился он от голода очень жестоко, потому что тело его было большое и еще молодое, и каждая клетка непрерывно расходовала энергию и требовала еды. Еды не было. Он тяжело страдал, до боли сжимая ставшие ненужными зубы. Но ни разу никто не слышал от него стоны или жалобы, и ни лицом, ни взглядом он не давал повода догадаться о его страданиях.

Так, задолго до срока, погиб редкий человек, всю свою сознательную жизнь ярко горевший красным факелом больше-

визма, и сколько он мог бы зажечь этим пламенем других сердец! Но заколотили его в гроб и отвезли на Старинский погост.

3. СИЛЬНЫЕ ДУХОМ. МАТРОС РУДКОВ

Еще заметней над голодным убожеством тех страшных дней возвышался герой Цусимы Иван Венедиктович Рудков, по прозвищу Моряк или Матрос. Уже в день приезда в Ильинский индом успел он познакомиться и поговорить едва ли не со всеми обитателями Преисподней. Вечером в столовой он громко орал слегка сиповатым голосом, обращаясь к напуганным дедам:

— Черта ли вам надо, туды вашу мать? — Матерные слова заглушали все немногие остальные и подавляли стариков.

Голодные деды обиделись:

— Эк ругатель какой! — и ушли к себе на Вшивую Горку.

Матрос нашел других слушателей и заматерился к ним:

— Ишь, чего захотели, растак вас и разэдак! Несли бы вам ... на блюдечке!

Устроился он как-то сразу в углу «штабного» (где была бухгалтерия) барака, и через несколько дней вдоль стены аккуратно и строго — по системе — было развешено многое множество слесарных инструментов, словно они с неба прилетели и сели на положенные им места. Разместил он все в своем закутке так хозяйственно, будто жил в нем целую вечность. Там не было ничего лишнего и имелось все нужное умелому слесарю. Старики-соседи отнеслись к нему холодно. Калининский сказал:

— Матерится за каждым словом — слушать тошно.

Мягков не смог не огрызнуться:

— А ты не слушай!

Матрос в бараке никого не трогал, без нужды не матерился, но на всех глядел колючими глазами из-под густых бровей.

Зато его сразу полюбили солдаты. Зазывали к себе, давали вина. Он балагурил с молодежью, рассказывал много, хлестко, метко, будто бритвой резал. Начальство тоже отнеслось к нему с вниманием: Муханов обрадовался возможности ремонта сельхозинвентаря. И не ошибся. Матрос нашел старую полуразвалившуюся кузницу, поправил ее и приступил к ремонту... Рабо-

та у него не валилась из рук. Он напевал «Варяга» и чинил лопаты и грабли, отбивал косы, паял посуду, поправлял плуги, бороны, телеги, пустил бездействовавшую до него сеялку. Похоже было, что приехал не пятидесятилетний седой инвалид, а энергичный специалист-механик.

Вскоре прошел невероятный слух: Матрос отказался от ужина и велел отдавать его прачке. Небывалое дело! Любой не только инвалид, а и начальник в те страшные годы съел бы десять ужинов, Матрос же отдал свой единственный — и притом на все дни. У морально нечистоплотных людей, каких было большинство, единственной причиной здесь считалась блудная связь. Но она никак не прилипала к старому, вечно занятому Матросу, да тем более с немолодой некрасивой прачкой, имевшей обожженное лицо с ярко-красными пятнами и полосами. Сколько холостых баб повсюду! Нашел бы себе не такую кралю. А если не любовь, то что же тогда кроется в поступке Матроса?

Как-то в обед сидел Матрос в столовой, и туда пришел кладовщик Гришка Тимашук, держа на руках директорского внука, сына Аллы, у которой Гришка открыто жил в любовниках. Народу было мало, кончали обедать солдаты.

— Здорово, Моряк, — сказал Гришка.

И добавил:

— Когда будешь жениться на прачке Аксюшке?

Спокойно, но громко огрызнулся Матрос:

— Иди на ... и не воруй хлеб! — и уставился на вора колючими глазами.

Наглец был Гришка, но тут почувствовал себя так, будто холодная змея заползла ему за пазуху.

— А ты, курва, видал? — возразил он трафаретным способом всех кухонных воров.

— Видал, распротак твою мать! — заорал Матрос. — Вместо четырехсот граммов получаю от тебя, от гада, по двести пятьдесят в день!

Перекинул Гришка директорского младенца с правой руки на левую, подошел к Матросу, уже размахнулся было — но тут же опустил руку: через стол сидели шестеро солдат, и четверо из них встали, чтоб осадить негодяя. Гришку они ненавидели.

И вдруг все словно прозрели: поняли, что есть на свете прачка Аксютка, что у нее трое детей дошкольников, да еще

мать старуха и что получает она на всех одну порцию баланды из столовой, да обворованный хлеб от Гришки. Кипятит она вшивое белье без мыла, сушит и гладит его с утра до ночи, и тому рада, что хлеба хоть сколько-то дают, да землянку выкопал ей Алеша Второв, лесоруб с раскосыми глазами, и из землянки ее не гонят. А до этого — жила в деревне, там и запах хлеба забыла. Детей на руках принесла в Левкоевское имение — сами идти не могли от слабости. Пожалел Ерофеич — спасибо ему. Но пожалел, а тут же и забыл про Аксютку. И в индоме не помнила она, когда сама ела, но ребят сколько-то кормила: картошки выменяла, грядки сделала. Ребятишки с бабушкой в лесу ягод, грибов набирали, благо лес начинался от порога землянки. Аксюта несколько раз в город ходила тайком за шестнадцать километров, там ягоды продавала, покупала хлеб и даже сахару несколько кусочков — порадовать детисек...

Не раз она хотела жизнь порешить, чтоб не мучиться. И никто всех этих мучений не видел — каждому до себя. А Матрос сразу увидел, кому тяжелей всех. И ужин отдал! И все индомовцы поняли, даже начальство застыдилось.

— Вот чего, — сказал директор Карманов поварихе Дарье Ивановне, — пускай прачка получает питание на каждого, кто у ней в семье.

Сейчас, спустя двадцать шесть лет после тех страшных дней, живет где-нибудь лейтенант, командует ракетной батареей, любит небо и цветами сирени, с балкона ловит в ночном небе блеск наших спутников — и невдомек ему, что радостями своими он обязан матерщиннику Матросу, который, прежде чем сложить свои косточки на Старинском погосте, успел спасти от голодной гибели троих малолеток в кармановском вертепе.

После того печального развлечения, которое называлось завтраком, Матрос сидел на своей постели, курил толстую закрутку самосада и отчаянно матерился по поводу не порядков в индоме. Потом надевал сильно потертую кожаную куртку, кепку — и уходил в кузню к большой радости тихих дедов, которые говорили что-нибудь вроде:

— Ну, примус выключили... — и с удовольствием, громко и зательно зевали.

После обеда Матрос немного дремал, а потом работал в кузне до ночи. Никогда он не торопился, но работал споро.

Однажды за обедом тот же Гришка Тимашук опять пристал к Матросу:

— Моряк, а ты почему за столом всегда снимаешь шапку? Верующий, наверно, мать твою ... ?

— Верующий, — ответил Матрос, и на этот раз не выматерился.

— Богу молишься? — с презрительным превосходством в голосе уточнил допрос кладовщик.

— Молюсь, — так же отчетливо и так же скромно исповедал свою веру Матрос.

— Во! Растак твою мать, — удивился Гришка и вышел вон.

Когда и где молился Матрос, не знал никто. Ничем он не обозначал свое богомолье, но, видно, верил крепко и глубоко, целомудренно и бережливо.

Как-то раз возле открытой двери кузницы, где напевал песни и стучал железками Матрос, остановилась проходившая из города баба.

— Здравствуйте, — сказала она, явно желая начать деловой разговор.

— Здравствуй, — подняв на нее голову Матрос. — Что скажешь?

— Нам бы вот чугунок починить. Последний намедни прохудился, совсем не в чем варить.

— Неси! — коротко сказал Рудков.

К вечеру принесла баба полведерный чугунок. В днище была дырка, от нее пауком шли трещины.

— Когда прийти-то? — спросила женщина.

— Посиди здесь на травке.

Он взял зубило, послунял его лезвие и в несколько минут вырубил все «больное» место в днище чугуна.

— А теперь мы его залатаем, — весело объявил мастер крестьянке, любовавшейся его работой.

Порылся он в каком-то ящике, достал плитку алюминия, примерил к днищу, отрубил от плитки нужный кусок и ловко вклепал его в косые и заостренные края дыры в днище.

— Вот и вся недолга, — сказал Иван Венедиктович.

Дырки действительно не было, на ее месте блестела алюминиевая заплатка.

— Сейчас мы проверим его на огне, — сказал Рудков, плеснул в чугунок ковшик воды из кадки, поставил его в горн, стал раздувать огонь мехами. Потом закурил и присел на верстак.

— Сколько же вам платить за работу? — спросила женщина, радостно удивленная возрождению чугуна.

— У тебя корова есть?

— Есть, слава Богу.

— И молоко дает?

— А как же! Ведь сейчас лето.

— Ребятишек-то у тебя много ли?

— Трое. Все в школу ходят — маленьенькие.

— Вот что, хозяйка, четвертинку молока принеси мне за работу.

— Чтой-то вы! Четвертинка-то чуть поболее стакана. За такую-то работу — и так мало! Трехлитровую бы бутылку за чугунок — и то мало... Ведь как намаялись, без мала всю зиму тряпкой дыру затыкали... А какой толк от тряпки в печке?

— Бери свою посудину, — сказал Иван Венедиктович, снимая с огня кипящий чугунок, в котором нигде не было признаков течи. — Лет двадцать будешь варить в нем.

Поздно вечером две девочки принесли Ивану Венедиктовичу литр молока, стоивший на базаре 80, а то и сотню рублей.

Двух дней не прошло — и в кузницу к Ивану Венедиктовичу побрели бабы и подростки из окрестных деревень, потащили ему в починку всякую всячину: ведра без дна, утюги без крышек, самовары, швейные машины, деревенские часы-ходики... И редко кого отсылал мастер назад, не будучи в силах обрадовать чудотворным своим ремонтом. Это был какой-то гений слесарного мастерства. Редко он оставлял у себя вещи надолго. Больше все делал с ходу.

Всякой деревенской еды ему приносили всегда больше, чем он просил.

— Зачем мне лишнее? — рассуждал Матрос. — Только зависть будет, да начальство станет прижимать, чтобы с ним делился. А на черта оно мне сдалось? Да едри его душу мать!

Пробовал Матрос отдавать свои излишки истощенным дедам в самую голодную Вшивую Горку. Получалась только распря: не могли деды поделить продукты Матроса, дрались даже. Гришка же, кладовщик, еще сильнее урезал в хлебе тех стариков, которые «обжирались» подачками от Моряка.

— Хватит тебе ста граммов хлеба. Пускай тебе Моряк молока даст: сегодня ему из Алферова полведра притащила Зинка Кислова.

Стар, сед, тощ, строг был Моряк. Он носил усы и в кожаной куртке и в кепке был похож на плакатного рабочего образца 1917 года, вздымающего красный стяг с надписью «Вся власть Советам!» Несмотря на седину и худобу, на него заглядывались многие бабы, — понимали, что в работе он артист, что в крестьянском хозяйстве такой мужик стоит побольше, чем дюжина молодых лодырей. И одна бабенка к нему посваталась:

— Иди ко мне в дом жить, — сказала она Матросу прямо и просто, по обычаю военных лет. — Живу я одна, сын в армии, на мужа пришла похоронка. Дом у меня пятистенный, корова, овцы, пороса, курочки, — нежно закончила она.

— Что ты, баба, — возразил Матрос ласково. — Какие мы женихи? День цветом, неделю вянем.

— Горд ты больно, вот что, — не унималась самозваная невеста. — И мне бы в доме хозяин был, и тебе был бы покой. Какая у вас тут жизнь? Пока на ногах, еще как-нито живешь, а свалишься — сразу голодом тебя заморят. Кто за тобой ходить станет?

— Всю жизнь я холостяком прожил. Не пойду к тебе грешить перед смертью, — защищался Иван Венедиктович, с уважением принимая разумные доводы почти агрессивной невесты.

Сам того не желая, он еще более распаял бабу, и, оглядевшись, она зашептала:

— Слушай-ко: хлеба у меня на всю войну хватит — пусть дураки дерутся хоть десять лет. Еще сам запасал — в колхозе кладовщиком был, Царство ему Небесное.

Думала баба своим бабьим умом, что против такого соблазна никто не устоит. Зря, что ли, говорили: хлеб всему голова. В голод же хлеб делается дороже золота. Берегла она этот свой довод напоследок, уверена была, что сразит он жалкого седого Матроса наповал, и что победно поведет она его в свой богатый дом, накормит там, на печи отогреет, в баньке отмоет — ведь человек-то не то что золотой, — брильянтовый...

— Курва! — заорал Матрос, едва сдерживая поток морской ругани, недаром всем миром заимствованной из русского словаря. — Мироеды вы с твоим мужиком, живоглоты, кровососы! Убирайся, откуда пришла!

Для устрашения он схватил метровый кусок пруткового железа и замахнулся на женщину. Она отошла шагов на десять, горько плача от обиды, повернулась и сказала:

— Какие ж мы мироеды? Мы никогда кулаками не были, муж политруком воевал и погиб. За что ты меня так?

— Проваливай... — беззлобно огрызнулся Матрос.

Женщина та оказалась права — злой правдой... Полтора года прожил Рудков в индоме, и ни одного дня не было, чтобы он не работал молотком, — тем и кормился, да и других кормил. Но как-то зимой, в начале 1944 года он простудился в своей кожаной курточке. Полежал бы день-другой — и может, все обошлось бы. Но Иван Венедиктович, как всегда в своей жизни, ходил в кузню, застудился еще больше и получил крупную пневмонию.

Одиноко лежал он в своем уголке под рашпилями, ножовками, паяльниками. Он стонал, захлебывался кашлем, материл медичку Шуру, называл ее помощницей смерти. Но, по сложившейся традиции, все глухи были к чужим страданиям, и редко кто-нибудь приносил ему ржаной лапши или остывшие картошины из кухни. Но пойдет ли впрок больному холодная лапша? Молочка бы ему тепленького, соку клюквенного, слова ласкового!

Глеб подошел к его постели:

— Как, Иван Венедиктович?

— Хреново, — отвечал он сквозь стоны. — Валяюсь, как чурка с глазами, растак твою мать...

Ни камфору ему не давали, ни компрессов на грудь не ставили. Где-то в далекой проклятой Америке уже изобрели пенициллин. В наших обкомовских «богатых» больницах у начальства лечили пневмонию сульфидином... В инвалидном же доме не было даже йода или аспирина — стоили они безумно дорого и обязательно утекали на базар.

Боролась жизнь со смертью в теле Рудкова одиннадцать дней до кризиса, и никто ничем не помог больному. На двенадцатый — смерть одолела.

Осталось после него много несделанных дел, много баб с детьми без чугунков, без швейных машинок, без ведер. И никто больше не умел починить их, а «умельцы» не хотели пачкаться из-за нищих, которым нечем было заплатить за труд по страшным ценам того жестокого времени.

4. ИНДОМОВСКИЕ ВОРЫ

Известно, что при длительном голодании люди, за редкими исключениями, опускаются до воровства всего, что можно

съесть. Воровали и инвалиды. В середине дня привозили хлеб из Головина, — инвалиды получали свою, урезанную кладовщиком порцию, несли ее в барак и там съедали, — каждый по-своему... Ест, например, дед Каширин, отламывая и мусоля маленькие кусочки, чтобы продлить удовольствие. А рядом владимирский дворник Климов уже давно сожрал всю пайку в один прием — и теперь алчно смотрит на чавкающего беззубого соседа. Отнять бы у него хлеб. Но — не отдаст, драться будет... Значит — лежи и смотри.

Вдруг Каширин почувствовал приятные позывы очистить кишечник. Неделю он ждал такого счастья. Он огляделся, незаметно сунул хлеб не в тумбочку и не под подушку, под тюфяк — никто там не найдет, — и поспешно вышел. Следивший за ним бывший дворник Климов залез под топчан, пошарил под тюфяком соседа, вынул хлеб и сожрал его там же — в пыли и грязи — под топчаном. Потом вылез и притворился спящим, сладко чувствуя под сердцем прибудную пайку Каширина. Минут через десять-пятнадцать Каширин вышел из нужника счастливый, радостный, помолодевший — и медленно направился к бараку, сладострастно думая о недоеденном хлебе под тюфяком. Не найдя хлеб, он визгливо, по-бабьи заплакал, запричитал:

— Это безобразие! Ничего нельзя оставить. Я буду жаловаться... — В прошлой жизни он был каким-то мелким служащим и ругаться как следует не научился.

Собралось несколько дедов, стали спрашивать:

— А чего это ты прятал хлеб?

— А куда бегал?

— А зачем?

Поднялся хохот, слышались шутки... А несчастный дед все плакал и искал хлеб, в десятый раз переверачивая тюфяк и тряся в нем пыльную соломенную труху.

Были, однако, в индоме и настоящие жулики, из-за которых голодали, вшивели и прежде времени умирали старики и старухи. Таким червяком в яблоке был прежде всего директор индома, полновластный его владыка Геврасий Елевфериевич Карманов, имя которого редко кто мог произнести правильно — и звали то Варламовым, то Харламовым, иногда просто Гришей, чаще же всего Ерофеичем, и он никогда на эти пустяки не обижался, хотя держался с достоинством. Родом он был,

как и Глеб, из-под Суздаля, воевал в первую мировую на румынском фронте, умел бегло читать и писать, знал сельское хозяйство, по-мужицки любил лошадей, имел некоторый административный талант и ненавидел бюрократов. Никогда он не повышал голос — но все слушались его с первого слова. Матерился почти исключительно на лошадей, которым, вероятно, это даже нравилось. Никогда не имел не только кабинета, но и письменного стола, — надо полагать, для того, чтобы не быть привязанным к месту и тем самым обюрократиться. Просматривая в бухгалтерии входящие бумаги, он читал только облсбесовские и из Госбезопасности, остальные же рвал, не читая. Дела решал с ходу, на пороге своего особнячка, словно удельный князек, — а то и на конюшне, где наслаждался запахом лошадей и проверял заодно работу своего конюха, старого поляка инвалида Радлова.

Карманов был всегда свободен, ничего не делал, дело же около него всегда шло в нужном ему направлении. Точно так шло и воровство, и мор старичья. Несправедливо было бы умолчать и о том, что Гришу любили окрестные учительницы и вообще едва ли не все холостые бабы, а он, со своей стороны, любил их взаимно и очень активно, так что у многих родились отличные дети, похожие, как две капли воды, на своего производителя. В войну советские патриоты работали за двоих и за троих, и Гриша занимал еще должность секретаря парторганизации сельсовета, состоял депутатом этого же Совета и согласился быть избранным в председатели самого бедного, самого, тогдашними словами, «отстающего» Лысковского колхоза имени Ленина, соседнего с индомом. При всем том у Ерофеича в индоме не было ни партгруппы, ни комсомола, ни месткома, ни соревнования, ни стенгазеты... А захоти он — все это могло бы быть не хуже, чем в любом другом учреждении: энтузиастов хватало. Иные старички, перед тем как сдохнуть, плакались друг другу, что задолжали по партвзносам...

Кармановская метода воровства давала ее автору более полумиллиона рублей дохода в год (по рыночным, конечно, ценам). В те годы — да и не только в те — сосуществовали две экономики: государственная, с низкими довоенными ценами, но при полном отсутствии товаров сверх мизерных норм отпуска по карточкам, которых не получало большинство населения, и — частная или рыночная экономика для всех без ограничения, но с безумно высокими ценами из-за огромного спроса

при сильно ограниченном предложении товаров, поступавших из казенного сектора через жуликов.

Сам Ерофеич ничего не крал своими руками. Но, исполняя его приказания, крал кладовщик Гришка Тимашук. Ворованное списывали бухгалтер Пашка Крылов и счетовод Глеб Красильников. Гришка в прошлом был танкистом, был ранен, потерял один глаз, попал в индом. Тут он приглянулся дочери Карманова Алле и сделался ее любовником при живом муже, находившемся на фронте. В военные годы отношения с любовниками во многих семьях сделались одной из форм родства, точнее — свойства. Тимашук понравился Ерофеичу большой физической силой и непробиваемой наглостью — при полной покорности ему, Ерофеичу. Директор сделал любовника своей дочери кладовщиком и исполнителем воровских поручений, — очень, впрочем, несложных. И — закутилась машина...

Награбленное Карманов прежде всего сжирал. Не один, конечно. Супружескую верность он не берег, но дом и семья были для него святыней. За столом у него чавкало десять ртов, считая дочерей, сноху, Тимашука, жену и внуков. Ели помногу, жирно и неопрятно. Ерофеич шутил:

— Жрите досыта — я ведь не зря ворую все Божии дни и чертовы ночи.

Сюда уходило до половины добычи. Главные же траты шли на соблазны и на взятки вышестоящему начальству.

К примеру — зайдет к нему старый приятель, одетый в новое комиссарское кожаное пальто реглан. Блестит, лоснится кожа на спине, на рукавах, поскрипывает в поясе.

— Сколько? — спросит директор.

Сказал бы приятель: «полмиллиона», — послал бы его Карманов куда подальше. Но приятель скажет:

— Двадцать пудов сала — и ухожу без пальто. Оно останется висеть на твоей вешалке.

— Ты что, осатанел? — возразит Карманов, но сразу попросит: — Дай-ка померить.

На приятеле пальто висит, как на пугале. А Карманов, кругленький, толстенький, пузатенький, — как натянет пальто — оно в самый аккурат, все складки расправятся. Поглядится в зеркало: «Вот это так директор! Не хвост собачий».

— Так сколько? — спросит Карманов, будто и не расслышал цену, названную всего пять минут назад.

— Двадцать пудов, — стоит на своем приятель.

— Чего двадцать-то?

— Чего! Известно — не снегу в зимнюю стужу.

— Нет, брось, ты давай по-серьезному, — дурачится Карманов, но пальто не снимает.

— Да ведь не мое оно, — оправдывается приятель. — Когда шел сюда, хозяин сказал: двадцать пудов. И уступить не велел.

— Поди скажи своему хозяину: десять, — предложил Карманов.

— Мне что! Пойду скажу. Только назад вряд ли приду.

— Да это кто продает-то? Ледовской, что ли?

— Не все ли тебе равно. Только через две недели ты его и за сорок пудов не купишь. Ты посмотри, товар-то какой!

...Через неделю Карманов оставляет пальто у себя, пообещав пятнадцать пудов свинины.

Внизу, из окон его дома, видны бесчисленные людишки, которые, как муравьи, спешат по улице Ленина, и никто не помышляет о дорогих вещах, самое большое — о поллитровке керосина или льняного масла за двести рублей. А на третьем этаже кирпичного дома двое деляг от рыночной экономики заключали сделку на 480 тысяч — на крови инвалидного старичья, которое, уходя на тот свет, будет образцово клясть Гитлера за свои недожитые годы.

— Не ворованное ли пальто-то? — спросит еще Карманов.

— Какова свинина, таково и пальто, — резонно ответит посредник.

Не привезти вору свинину? Можно бы — в суд не подаст. Но тогда никто не станет верить Карманову в тех «деловых» кругах, от которых зависит его благополучие, тогда ничего он уже впредь не купит и сам ничего не продаст. Приходилось возить. И самолично возил, и с Гришкой посылал. Не просить-стать... Своя рука — владыка. И вот приезжает он к себе в индом («в Пузыри», — любил говорить Ерофеич, — так называлась находившаяся поблизости деревенька, недавно снесенная). Будит Гришку, приказывает:

— Отвези двести сорок килограмм свинины!

И выносит Гришка из кладовой мешки с разрубленными тушами, закапывает их в сено на санях и отъезжает быстро — пока дом спит, а слепой сторож Мягков греется в своем баракке... И справку даст Гришке Ерофеич на всякий случай — от

Лысковского колхоза, с подписями, с печатями. Что, мол, раненый воин-инвалид везет излишки колхозной свинины в количестве 240 кг в город для продажи на рынке. Любой патруль отдаст честь такому «колхознику» и откроет ему шлагбаум... В Лыскове же лет десять и в помине поросят не было.

На хорошие, нужные вещи дальновидный Ерофеич не скупился. Понимал, что свинина — вещь ненадежная: сегодня она в цене, а через год ее даром не надо, сейчас он хозяин над ней, а завтра — стоп машина... Регланы же или золото — всегда в цене. В тот же хлеб или сало их оборотить можно, если нужда придет. Нужды он ждал всегда: от тюрьмы да от суммы не зарекайся! А пройдет стороной напасть, и самому носить реглан можно — богато, красиво, удобно.

Вот в какую пропасть уходили миллионы инвалидских рублей. И вдвое, втрое ушло бы, да взять было больше нечего. Подчищал Карманов все, везде экономил, обжимал старичье до предела, никому другому красть не позволял — и «наскребал» полмиллиона рублей в месяц, в среднем. А тут еще попустители, разгребь их мать, чинари сволочные, как называл их Карманов, жулье проклятое, крапивное семя окаянное!

— Всех бы их, гадов, судить надо, — говорит, бывало, Карманов Глебу, когда едут вместе в город в санях-розвальнях, утопая в сене и прикрываясь сверху тулупами. — Жулик на жулике, а каждому дай, да чтобы не мало, не то рожу воротит... А за что давать-то? Что ты, собака, сделал хорошего? Радуйся, стало быть, что он тебе не нагадил.

Сидят они на сене, а в сене — забитая вчера овца. Везет ее Ерофеич начальству, — конечно, со справкой из Лысковского колхоза, хотя овца индомовская, у лысковских же давно нет ни одной... И прокликает Карманов начальство, — вспоминает тут же, что вчера отказался от велосипеда: заплатить было нечем. Туда бы эту овечку! Да не тут-то было... По усам текло, а в рот не попало.

— И все этим хапугам, жуликам! — продолжал он жаловаться. — Хуже немцев обирают православных. А попробуй не дай...

Потом он будто вспомнил, что не возить — нельзя, и теперь заговорил спокойней, рассудительней.

— Ведь из каждого колхоза, даже из подсобных хозяйств им везут. Уж на что лысковские и никитинские — нищие, а и у

тех берут. На прошлой неделе, вон, лысковский бригадир Петька Ильин отвез последнюю картошку из кладовой... Весна придет, чего садить будем? Ведь свою кровь везут люди! А они, стервы, ее пьют. Гришин, помнишь, в Заготзерне еще до войны верховодил? Печеньем свиней откармливал, сам на суде рассказывал. А люди замерзали в очередях за хлебом. Третьего дня заезжал я в Никитино, хотел повидать Львова, райкомовского второго секретаря: ведь он никитинский... Захожу в крайнюю избу попросить дегтя — кобыла моя холку сбила. Там солдаты. Гнали их куда-то и в Никитине оставили на ночлег. Голодные тоже, но все же у них сухари и даже хлеб был. Садятся ужинать. Вот один, постарше который и посердечнее, подзывает к себе хозяйского мальчонку лет пяти. А всех ребят у бабы — семеро по лавкам и все пузатые какие-то, брюхатые и мал мала меньше. Никитинские бабы плодовиые: жрать нечего — а детей родят.

— Раньше-то в Никитине богато жили, — прервал Карманова третий спутник, Луговской (его, идущего в город пешком, Ерофеич встретил по пути и посадил в сани).

— Это все было, да бывьем поросло. А посмотри, что там сейчас... Мальчонка тот брюхатый подбежал, и солдат дал ему ломтик хлеба. Малыш откусил, пожевал, сморщился — да и выплюнул хлеб. Солдаты обозлились: зажрались, мол, черти, хлеб не хотите, хвост за мясо не считаете! А баба и говорит: «Чего ты ему хлеба-то даешь? Он отроду хлеба во рту не держал и вкуса этого не знает...» А в деревне-то восемьдесят дворов и колхоз, и правление, и начальства куча, и МТФ², и амбары... И тоже везут туда, куда мы, мать их за ногу.

Помолчали.

— Как ты думаешь, — спросил Карманов у Луговского, — найдется в городе хоть один, кто мог бы взять и не брал бы?

Луговской был то ли электриком при начальстве, то ли каким-то уполномоченным, то ли просто принадлежал к редкому типу провинциальных «хлопальщиков», знающих всех начальников. Он ответил уклончиво:

— Откуда ж такому быть, чтоб не брали, когда все сами дают?

— А попробуй не дай, — сел на своего конька Карманов. — На кой черт я им нужен, если не буду давать? За прекрасные глаза они меня держать не будут. И недели жить не дадут... А

на хорошие места у них всегда длинные очереди. Хоть аукцион открывай. Молоточком стучай и ори: кто больше давать будет? Того и пошлю на доходное место. Да сами же на это место сядут, если я не дам им, или хоть чуть не додам проклятую хабару. Одна у них вера, одна и молитва: кто кого сгрб... Последнее везешь им в их ненасытные утробы.

Последнее он никогда не возил, но приходилось делиться с попустителями, и директор внимательно следил, чтоб нужное начальство было им довольны, но мучился от боязни дать с лихвой.

— Ведь вот ты что пойми, — продолжал Карманов, обращаясь к Луговскому, — голодная ткачиха украдет катушку ниток, ее поймают и упрячут на полгода в тюрьму, а здесь целой бандой крадут овец, свиней, телят, зерно, — и ведь все им сходит, награды получают!

— После войны во всем разберутся. А сейчас до того ли? — отозвался Луговской.

— Чует душа, что и тогда им ничего не будет, — подумав, возразил Карманов.

Лошадь плелась шагом. По обе стороны виднелись сосны, украшенные снегом.

— И смех и грех, — заговорил опять Карманов. — Заночевал я недавно в Головине...

— У председательши сельпо, — перебил Луговской со смехом.

— У нее, у Прасковьи Самуиловны... А утром, значит, поехал в город на поезде. Не люблю я эту тесноту и бестолочь. Еду, место занял. А наискосок от меня сидит головинская директорша школы Мария Павловна... Ты ее знаешь? — обратился Карманов к Луговскому.

— Кто ж не знает Марию Павловну!

— Вот она и завела скрипку: заскрипела, что ученики плохо учатся. И скрипит, и скрипит... А доктор Шувалов Алексей Николаевич, тоже головинский, хороший мужик, фронтовик, из Севастополя от немцев едва уплыл. Вот он и скажи ей: «Да как же — говорит — детям науки учить, если у них по два дня маковой росинки во рту не бывает? Накормить их сперва надо, а потом и науки спрашивать. Ведь сахару годами не видели. А без сахару, — говорит, — мозги делаются к наукам негодными». Мария Павловна губки надула — и свое: «А как

же в старину, когда совсем сахар не существовал? Ведь все-таки учились?»

Луговской перебил:

— Чтой-то: не существовал? Бывало, малину ели, вишни, яблоки, всю зиму морковь, опять же мед, молока вволю... Не гоже так говорить.

— Доктор ей, — продолжал Карманов, — и говорит: «Не больно сильно науки-то в старину процветали. Больше все через заднее место их розгами вгоняли, всю березу извели вблизи школ, а ученых-то по пальцам считали, на всю волость грамотных был один писарь, да попы с причетниками. Удивительно, — говорит, — как это ваши ученики ноги-то еще двигают, да не пухнут с голоду...» Она, как услышала это, огляделась и говорит: «Что-то дует из окна». И подалась в другой вагон. А какое там «дует»? От одной чугунной печки жара шла невыносимая.

Мужики посмеялись — и смолкли. Скрипят только полозья, да лошадь мягко стучит копытами по слегка утоптанному снегу на лесной дороге.

— Пройдет еще лет двадцать, — прервал тишину Луговской, — и будут люди удивляться: откуда столько дураков, пьяниц и заключенных?

— Разведут на бобах чего-нибудь... На немцев спишут, едри их мать, — отозвался Карманов. — На Гитлера, — добавил он, усмехнувшись.

Бесконечная зимняя дорога. Едут, едут путники, а города не видно, впереди одни сосны в снегу. Промерзли ноги в валенках, застыла спина под тулупом, одеревенели пальцы в меховых рукавицах. И только мозги не перестают думать, — особенно если мужики едут без водки.

— Сколько ж погибло народу, мать честная! — вдруг вспомнил Карманов. — В империалистическую гибли, в революцию дохли, как мухи. В коллективизацию... кого раскулачивали, а кто нераскулаченный дома опух да околел. У меня хоть старики мрут — не два века им жить... А сколько детишек-то ушло на тот свет безгрешными ангелами, не изведав жизни! Ну, пусть отец был кулак, может, и вправду чем виноват, но малыш-то за что гибнет? Хорошо, если нет Бога. А если есть?!

— Бог далеко, — сказал Луговской. — Теперь — тюрьмы бояться: она близко.

— Глебка, а ты что молчишь? — спросил Карманов своего счетовода, потрогав его кнутовищем.

— Озяб я, Геврасий Елевферич, — соврал Глеб, избегавший опасных разговоров, за которые начальство спуска не дает. Но все-таки пискнул:

— Наш кладовщик Тимашук говорит, что у русского человека на месте совести поганый член вырос.

— Это точно, — подтвердили оба спутника. — Это все сейчас говорят.

Пошутили, посмеялись. Потом пожалели бедную совесть: каково-то ей жить в таком грязном плену. Вдруг Луговской сказал:

— Одержим победу, к тебе я приеду — и тогда наведу порядок.

— Шалишь, Аркадий, совесть — не огурец, ее за два месяца ни в какой теплице не вырастишь, — резко возразил Карманов. — Сколько веков ее прививали на Руси! Бывало, в школе поп учил: не воруй, не убивай, не будь стукачом. Грешили, конечно, но стукачами не были. Я уж на что озорником был, а до армии не курил и не матерился. Знали люди, что добро есть на свете и живет в церкви, а зло — в кабаке. А теперь или «посля войны» — кто научит добру? Васька Коньшкин, что ли, в райкоме? Или Львов? А может, политруки?

— Попы всякой дури учили, — не сдавался Луговской.

— А без попов-то меньше дури, что ль, стало?

— Да как бы не больше, — усмехнулся Луговской.

— То-то и есть, — поддержал дружка Карманов. — Кому овцу-то везем? Чай, не попам ведь. Их в Соловках всех поморили. Сам ведь ты говоришь, что в городе хабару берут.

— Сейчас, Гриша, война, голод..

— «Война, война», — передразнил Луговского Карманов. — Аль забыл, как перед войной слушали уголовное дело нашего городского Заготзерно?

— Как забудешь... Их было под судом человек тридцать. По улицам из тюрьмы на суд водили. Крали зерно вагонами..

В просвете деревьев, вдали, показался город. Всем стало теплее.

Вот сани останавливаются вблизи белого дома, наполненного служащими, чем-то вроде бывших чиновников. В двери и из дверей лезут полинялые, тусклые, тощие людишки. Вошел туда и Карманов, не снимая тулупа, и направился вверх по лестнице.

Огромное здание не убирали и не отапливали — холод был сильней, чем в лесу. Но как только Карманов повернул в коридор начальства, его нос почуял теплый воздух, и чем ближе он подходил к кабинету, тем становилось теплее.

Начальство было тузовое, шел к нему Карманов впервые и имел двойной расчет. Первое: чем выше чином попуститель, тем безопаснее и больше можно воровать, а второе: ему, одному тузу, давать придется заметно больше, чем мелким шестеркам. И третье соображение было: чем выше чин, тем сытее паразит, жадностью же и мелкая сволочь отличалась отменной.

— Возьмет ли? — мелькнуло в голове директора индома, когда он, широко распахнув дверь, увидел тонкую секретаршу в черном платье.

— Привет! — небрежно бросил Карманов. — «Сам» здесь?

— Точно, — подтвердила женщина и добавила: — Но никого не принимает, готовится к докладу.

— Стало быть, один, — не без умысла вслух подумал Карманов и стал открывать двойные начальнические двери.

Секретарша могла бы не пустить посетителя, но не мешала Карманову. Потому она и сидела в тепле, что имела ум и нужный нюх. Сразу учуяла, что пузатый дядя с толстыми красными щеками не проситель, а даятель. А таких и цари любят.

Худощавый высоколобый начальник сидел за большим столом под портретом Сталина довоенных лет.

— Здорово, Петь, — развязно начал было Карманов, подавляя страх.

Но тут же осекся. Фамильярность была не к месту. На него со строгого лица с выступающей вперед нижней губой смотрели пронизывающие глаза. Секунда, движение пальца, нажим кнопки — и конец кармановскому воровству, и обрушится на Карманова вся мощь советской власти, и превратится он в гусиный помет (почему-то именно гусиный пришел со страху в голову индомовского директора). И станут старики и старухи получать полные порции вместо теперешней обворованной третьей, если не четвертой доли — и заживут маршалами, енералами...

Но станет ли так-то? Ужель дадут? Ужель больше не обкрадут? Иль крылатого ангела пошлют править индомом вместо Карманова? Ха! — ангела! Как бы еще не худшего жулика, а

того горше — дурака. Хрен с ними, со старухами, но самому-то как спастись от этого тузового черта?

Подошел Карманов близко, а начальник смотрит на него и молчит. Руки не подал. Сесть не предложил. Хоть визжи от страха.

— Вот чего, — крепясь из последних сил, заговорил деловито Карманов: — Сделали меня председателем самого «богатого» колхоза Лысковского. Дождевой водой оплачиваем трудодни, печным дымом премируем ударников, лежалым снегом скотину кормим...

Начальственный туз наконец-то разжал бульдожьи челюсти: — Дадим семенную ссуду.

Все страхи Карманова исчезли, как страшный сон. Он знал, что в районе оказалась в избытке какая-то приبلудная вико-овсяная смесь. Начальству она была не нужна: не лошади они, не станут жрать конский корм... И оно решило раздать эту смесь колхозам в виде безвозвратной ссуды, хотя и семенной, но не для посева, а для еды. Об этом официально объявить было нельзя: скотский-де корм казна отдает на еду людям. Считалось, что и без того все сыты. Обрадованный Карманов мгновенно сообразил план дальнейших переговоров. Было ясно, что Петя не нажмет на кнопку и не погубит бедного председателя Лысковского колхоза. Вспомнил слова Луговского: нет в городе такого начальства, которое бы не брало, если дают. Вспомнил черную секретаршу: все она понимает — и не зря пропустила его к Тузовому в неприемное время.

— На добром слове спасибо, — сказал он Тузовому. — Только ведь ссуду-то, во-первых, отдавать надо...

— Безвозвратная, — перебил его начальник.

— Снова благодарим. Но голодным курам просо снится, а к семенному-то зерну ходу не будет. Люди же до весны все околеют.

— Можешь раздавать по трудодням, — снисходительно дозволил Петя.

— Вот за это спасибо, так спасибо, — сказал Карманов и вдруг круто приступил к своему делу.

— Долг платежом красен, — начал он. — Я привез с пуд баранины на продажу. Теперь в благодарность отдал бы ее тебе, хошь даром, хошь за деньги. Ты живешь-то все там же, в Сосенках?

Далее все происходило, как в любовном свидании.

— Да ты в уме? — рявкнул Петя, но глядеть стал не так строго, взгляд его говорил: действуй!

Карманов хорошо знал дальнейший порядок даточно-взяточного ритуала и совершал обряд по всем правилам.

— Не хошь, не бери, — сказал он. — За волосы в рай не тащут.

— Вези назад, — выдавил из себя Туз.

— Какой ты был, Петя, чудак, такой ты и остался, — пел уставные ритуальные мотивы Карманов. — Ин не берешь так — купи по колхозной цене.

— Это другое дело. Почему продаете?

Карманов вынул бланки приходных ордеров не колхоза, а индома и на одном из них стал писать, вслух сам себе диктуя: «За 16 кг баранины получено от П. П. Тузова по 12 руб. за кг, всего 192 руб. наличных денег».

— Постой, — встревожился начальник. — У меня с собой таких денег нет.

— А как же? — вздумал поиграть с огнем Карманов. — Сам знаешь, ведь это касса, ажур должен быть в ней...

Начальник шарил по карманам и вынимал на стол бумажки.

— Сколько их у тебя? — полагалось пропеть по партитуре — и пропел Карманов.

Стали считать бумажки. Оказалось чуть больше сорока рублей. Карманов порвал ордер и сказал решительно:

— Не похвалят нас с тобой, Петя, ревизоры за такой ордер. Плати мне 12 рублей и дай расписку в получении двух кг баранины. Ну, а уж рубить тушу я не стану. Есть ли у тебя кто дома-то?

Зазвонил один из четырех телефонов на столе начальника.

— Собинка! Собинка! — заорал он. — Почему задерживаете сводку?.. Не слышу!.. Что? Сводку, говорю вам, сводку...

Карманов написал расписку, Тузов подписался, не читая, алаякая рьяно в трубку, но все-таки прижал короткие пальцы протянутой руки Карманова — и обряд кончился.

Карманов победно воображал, что, как библейский змий, он соблазнил неподкупного чиновника своей бараниной. На самом же деле Тузовой уже давно грешил — и не от голода, а от своей беспомощности в борьбе за честность, за сохранение социалистической собственности. Его очень ценило областное

начальство, и со стороны он действительно казался несокрушимой силой. Но сам он как-то вдруг понял, что у него есть две кнопки — и если он нажмет на одну, которая погубит вора, то сразу же ему придется нажимать и на вторую, которая назначит другого вора на место погубленного. А вот третьей кнопки у него нет, — которая могла бы остановить воровство, чтоб дети не плакали от голода, старики не умирали до своего срока, школьники не тупели от недоедания. Да и где, у кого есть эта третья-то кнопка? Не на двух ли кнопках вся Русь держится?

Карманов был доволен.

— Заждался меня, Глеб Иваныч? — сказал он, подходя к саням. — Поедем в Сосенки... Теперь порядок! Теперь могу красть, сколько захочу! Из старух консервы бы можно делать, да совесть не велит... Ну не гад, скажи?

— Кто? — не понял Глеб.

— Да вот, к кому я ходил и кому, собаке, мы мясо везем. Ведь шестнадцать килограмм баранины это двадцать четыре тысячи рублей на рынке, да и то — в очередь станут. А он, сука, думаешь, сколько дал? Двенадцать рублей! Вот, посмотри: его расписка. А фасон какой! Я, говорит, подарков не беру, а купить согласен. И купил, так его мать! Ярлык на сбор дани и на воровство без наказания, — добавил Карманов, глядя на расписку Тузового, потом скомкал ее и с грубой бранью швырнул в урну, мимо которой проезжали сани. — Ты ведь знаешь, Глебка, все наше индомовское делопутство, все воровство. Так ведь?

Ответа не было.

— Молчишь! А ты о том подумай, что князь-то за ярлык платить хану должен. Аль нет? Или не тебе даже командировку не стал он отмечать без благодарности в натуре? А? За отметку, и то надо платить. Вот, нынче ярку везем с тобой им, паразитам. А думаешь, это первый раз? Или, может, последний? Как бы не так! Орда-то велика и ненасытна. А откуда брать? Вот был бы ты директором вместо меня... думаешь, не повез бы?

Опять Глеб не ответил.

— Скажи, не повез бы?

— Я на твое место ни за какие награды не пойду. Лучше щавель с лягушками варить и есть стану, как ел до тебя, — мрачно сказал Глеб.

— Вишь, как вас, чистоплюев, никакими пряниками не заманишь... Хотите спокойно спать, чтобы комар носа не мог бы подточить об вас? Только не удастся это вам. Сажают и вашего брата, чистоплюя, сажают больше, чем нас, грешных, и стреляют, и сроки дают не меньше, чем нам. А что нам тяжелее жить, тревожней спать, обидней воровать для них, гадов, баскаков, — так и самим попользоваться, чай, можно. От каждого по способности и каждому по труду. Ужель я стану красть ему, черту, овцу, а сам с внуками пойду, вроде тебя, жрать щавель и лягушек, перетак твою мать? — И, помолчав, добавил: — Сам знаешь: с кем поведешься, от того и наберешься.

— А чем старики и старухи виноваты, что должны из-за васдохнуть? — не утерпел Глеб.

— Мы ли, другие ли будут вместо нас, старичью одинаковая хана. Все равно казенная порция пройдет мимо их ртов в ненасытное щучье хайло. Не нами это поставлено, не нам это сломать. Да и сломается ли эта мерзость хоть когда-нибудь?

Помолчав, Карманов заговорил покаянным голосом:

— Я хоть порядок поддерживаю в доме, хоть четвертую или там какую долю довожу до инвалидов, хоть теплом балую безотказно. А возьми таких шакалов, как Пашка-бухгалтер или Гришка-кладовщик. Они растащили бы и пропили все в одну неделю... Ведь в гробах хороню стариков! Не то что в Головинской колонии. Ты, чай, сам видал, как закапывают голых умерших ээков в одну яму, будто они не люди.

Знал, однако, Карманов, что такими оправданиями свою наготу, свой срам не прикроешь, как не спрячешься за фиговым листком.

— А ты-то, чистюля, думаешь, не стариковское жрешь? — окрысился он на Глеба. — Гражданин-то прокурор, если, не дай Бог, случится беда, все подочтет. Обедать-то к Дарье Ивановне каждый день ходишь?

— Хожу.

— А чей обед ешь?

Молчал Глеб: крыть было нечем.

— Чей, спрашиваю? — повторил Карманов свой убийственный вопрос. — Платишь-то рубль в день. А у поезда бабы за одну картошину спрашивают два рубля. А ты приходишь в столовую попозже, когда все разойдутся. И дают тебе не полмиски ржаной лапши-самоделки и не три картошины, как ста-

рикам, а подают пюре с молоком, да двойную порцию. Так ли говорю?

— Так, — простонал Глеб.

— Не обижайся, я не корю тебя, сам тебя позвал, чтобы жизнь тебе спасти и здоровье. Но подумай, — продолжал Карманов почти ласково, — один ты съедаешь больше, чем два инвалида. А разве ты один такой? Всех вас, инвалидских объедал, не меньше, чем самих инвалидов. Ну-ка посчитай: ты, Пашка-бухгалтер, завхоз Муханов, повариха Дарья Ивановна, при ней три девчонки, эвакуированные из Калининской области, культурница Букреева с двумя детьми, прачка Аксюта с семьей, лесорубы: Сучков да Второв, с Машкой-санитаркой, пастух Мелентьев, пчеловод, скотницы, доярки, фельдшерица Шура... Не кормить бы вас — можно было бы удвоить порции старикам. А ведь государство не вам отпускает довольствие. Значит, вы пользуетесь чужим добром, хоть и воображаете себя святыми. Так аль нет?

Ерофеич отчаянно врал. Не могли эти люди съесть половину продуктов. Сам-то он на себя и на своих сообщников-попустителей крал в два — в три раза больше, чем съедала вся обслуга, число которой, вместе с иждивенцами, не превышало 30—40 человек. Но, хорошо знавший это вранье, Глеб покорно согласился:

— Выходит, так.

5. ЛЕТНИЙ ДЕНЬ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Карманов был счастлив сытостью, блюдом, властью... Большой власти, чем у него, никто не имел ни в индоме, ни в Лысковском «отстающем» колхозе, ни во всем сельсовете, объединявшем семь деревень и занимавшем территорию в несколько тысяч гектаров. Часто Ерофеич говорил какому-нибудь инспектору РАЙФО или РАЙЗО:

— Каждый кулик в своем болоте велик. А я здесь, хоть и хреновский, но все же директор, и поэтому поди ты куда подальше...

Карманов имел хорошую квартиру в городе, но не любил быть там незаметной мухой на помойке — он предпочитал жить в казенном особнячке в индоме, на лоне природы, уже не мухой, а куликом — и непременно великим.

Потребность власти живет едва ли не в каждом настоящем мужчине. И как же сильно расслоилась у нас власть по отделам и отделениям, по секторам и управлениям, по цехам и мастерским, по кабинетам и кабинам!..

Карманов умел пользоваться властью. Он чувствовал: для него распускались цветы, именно ему ветер нес их ароматы, только для него пели девушки песни, благодаря ему лошади хрустели овсом в стойлах, зерно наливалось в колосьях, а пчелы неустанно таскали в свои соты нектар и пыльцу...

С первого взгляда Карманов мог показаться вечным бездельником. На самом же деле он хорошо и быстро работал, и дела его шли, как отлично налаженная машина, — требовался лишь присмотр да направляющее вмешательство в случае необходимости.

Просыпался он на заре. Мухи не позволяли долго нежиться. Поймает одну-другую, сожмет пальцами, кинет... И представляется ему из блаженного тепла: встают где-то людишки, завтракают вчерашней холодной картошкой, а то и так, ничего не евши, наспех одеваются и бегут на автобусную остановку. Да автобус-то тебя не больно ждет. Ты его, гада, жди. Холод, дождь, ветер, жара — никому нет дела — жди! Подойдет он, переполненный, и пятеро вцепятся, вдавятся в него, а пятьдесят ждут следующего... А в автобусе — жмут, душат друг дружку, иной раз и в бок дадут. Мужики и бабы — в одной обжимке.

В литейном цеху, от гудка до гудка, одно и то же: шишельный ящик — песок — каркас — киянка — стержень... И так — до гроба. В обед все бегут в столовку. Там пятьсот рабочих на пятьдесят мест. Очередь к столу, очередь на уборку грязной посуды, очередь на приемку чеков, на подачу посуды... Пожрал кое-как — и снова в грязь, в грохот, до ломоты в спине и черного тумана в глазах...

Все это сам Карманов пережил в молодости в Кольчугине, и теперь вспоминать об этом было даже приятно, вроде как о перенесенной болезни, после того, как лично ему ниспосланная милость Неба избавила его от этого кошмара. Но и до сих пор в дурных снах снится ему литейная и в ней — голос сменного инженера:

— Давай, Гриша, давай! Сопли после гудка будешь вытирать, а сейчас вкалывай!

Вспоминая все это, ругался Карманов сквозь зубы, сплевывал. Одевался и выходил на крыльцо.

— Эх, хорошо-то как, мать честная! — думал он вслух, ощутив прикосновение тихого, теплого, душистого утра.

Спускался на тропинку, к речке, заглядывал в коровник. В коровнике — пусто. Лишь куры разбегаются с громким кудахтаньем. Глаз острый у Карманова: сразу заметил неубранный навоз в стойлах. Выругался:

— Дяди-лошади! Только жрут, ни ... матери не работают. Сами в дерьме потонут скоро!

И вдруг — сюрприз. Еще какой! В глубине сарая на куче навоза он разглядел спавшую скотницу Машку. Груды — арбузы, живот — бочка, ноги — толстые бревна с перехватами в коленях. И все эти прелести — всего-то под тонкой пленочкой поношенного ситцевого платья с белыми горошинами... Огромное ее тело вдавилось в грязь так, что снизу выступила жижа. Красавица спала, напившись молока после утренней дойки, и тело ее шевелилось в такт с дыханием. И понял Карманов, едва взглянув на все это, что он уже не имеет власти над собой. Стоя перед навозной кучей, служившей ложем для деревенской Венеры, Карманов не помнил уже ни Родину, ни Сталина, ни партию, ни семью...

— Машка! — крикнул он и не узнал своего голоса: столько в нем было внезапной страсти. Навозный запах взбадривал и возбуждал его. — Машка, в гроб твою мать!

— Это ты, Ерофеич? — в тон ему спросила желанная, и протянула руку к коленям, как бы проверить, в порядке ли у нее платье.

— На кой ... ты здесь расселась, — с трудом владея собой, спросил он. — Пойдем лучше на сеновал. Вчерась свежее сено возили...

— И то, пойдем, — согласилась богиня и села на куче. Навозная жижа еще обильней потекла к ее ногам.

— Ступай ты прямо туда, а я загляну в свиной хлев.

Карманов отошел шагов на пятьдесят в сторону, обогнул вонючую порослячью пуню и инспекторской походкой повернул к сеновалу.

Что делали они там, — об этом, кроме них, знают лишь ласточки, гнездившиеся под коньком крыши... Про неубранный

навоз он, конечно, помнил. Но ничего про это не сказал, а сказал совсем другое:

— Зайдешь к кастелянше, значит, к моей Алле, — я скажу, чтоб она дала тебе новое платье.

Из сеновала Карманов пошел назад, к дому. По обычаю, все служащие и рабочие старались одновременно не выпускать его из поля зрения, но и не попадаться ему на глаза. Подошел директор к усадьбе — и сразу же завхоз Муханов приметил его... Он только что шумно балагурил с инвалидами, а сейчас повернулся к ним вполоборота, будто и не заметил Карманова, но искоса, краем глаза — пристально за ним наблюдал.

— Иван Егорыч! — донеслось до Муханова, и он сразу же бегом бросился с горки к Карманову, хоть был лет на семь старше своего шефа.

Не здороваясь, директор спросил спокойно и строго:

— Почему навоз не убран на скотном дворе?

— Да ведь были все на покосе вчера... И сегодня ушли затемно... Не видел, не досмотрел, не успел... — виновато бормотал Муханов.

— Вчера, вчера! Там — за неделю навалено!

— Не может этого быть, — растерялся завхоз. — Вчера утром все было чисто.

— Жрете, жрете, а мышей не ловите, — упрекнул его Карманов и пошел к своему уютному особнячку.

Иван Егорович почувствовал себя уязвленным и, по-мужички тяжело шлепая сапогами, побежал вниз в коровник. Там Машка опять лежала на навозе в самой ленивой расслабленности, уже воображая себя директоршей. Муханов набросился на нее с руганью:

— Чего растянулась, мать твою?.. За тебя кто, сволочь, навоз убирать должен? Как жрать — все вы наготове, а как работать — дрыхнете до обеда! Ну-ка вставай сейчас же, лошадиное подхвостье!

— Иди ты с уха на ухо, — лениво сказала ему скотница и блаженно зевнула.

Никогда завхоз не получал такой оплеухи от простого персонала... Приструнить! Иначе впору отказаться от должности.

— Ты что, охренела! — угрожающе заорал Муханов и замахнулся на нее.

— Брось, Муханов, орать, — с прежней ленцой процедила Машка и, протянув к нему руку, добавила: — хошь конфеток?

В руке у нее были конфеты, какими кладовщик вчера угощал Муханова. Он все сразу понял... Но чтобы увериться, сбегал еще на сеновал.

— Гады! Сволочи! Собаки! — орал он над примятым сеном. Ему было ужасно досадно. Он все больше входил в раж.

— Ну, я покажу им всем, — грозился он, возвращаясь в коровник.

Кому — «всем»? Этого он не знал.

— Дай конфеток, — попросил примирительно Муханов у Машки.

— Дай, дай! Полай! — издевалась Машка. — Сколько раз протяжкаешь, столько и дам конфеток.

— Гав, гав... — изнемогая, сказал завхоз.

— На, бери твои две конфетки. И мотай на ... отсюда.

Зажав конфеты в корявый кулак, задыхаясь, топя сапогами, Муханов воображал, как он сейчас вбежит в особняк к Карманову, швырнет эти конфеты в его толстую харю и выскажет ему все. Что означает это «все», думать ему не хотелось. Но швырнуть конфеты он непременно хотел... Вот и директорский особняк. Остается десять шагов до крыльца, пять шагов... И тут ноги Муханова сами свернули влево и занесли его в «штабной» барак, где стоял конторский стол, а за ним сидел бухгалтер Пашка Крылов и контировал скопившиеся документы. Тяжело дыша, Муханов сел на свободный стул и положил перед Крыловым свои две конфеты.

— Ай-яй-яй, Муханов. Неужели вы занялись мелкой кражей? — пошутил Павел, не отрываясь от работы.

— Не кража. Это — вещественное доказательство, — торжественно объявил Муханов.

— Ты что, на прокурорские курсы поступил, чтоб на воровстве не поймали? — продолжал шутить похожий на пупсика бухгалтер. Сам он десять лет отсидел на Колыме и почитал ее высшей школой бухгалтерского мошенничества, чем весьма гордился.

Муханов рассказал ему обо всем, что сегодня произошло — и этим привел бухгалтера в злобный восторг.

— Вот так Ерофеич! — смеялся Павел. — Я тут троим потаскухам «элементы» удерживаю с директорской зарплаты, а он знай себе старается — четвертую зацепил... Да и Машка молодец — новая теперь директорша! Прямо из навоза — и в барыни!

Карманов тем временем завтракал в кругу семьи. Долго, жирно, смачно. Дочь его, Алка-кастелянша, Гришка-кладовщик да полуслепая от глаукомы жена Дарья Сергеевна подробно рассказывали обо всем виденном и слышанном. Ерофеич все нужное мотал себе на ус.

— Алла, — сказал он, — время сейчас такое: из города могут приехать начальники. Надо бы всех наших одеть получше. Составь-ка раздаточную ведомость и смени летнюю одежду, особенно старухам и еще эвакуированным. Включи и эвакуированную обслугу — негоже ей ходить в инвалидской рвани.

Сказал он это не зря: скотница Машка была эвакуирована из Калининской области.

В одиннадцатом часу Карманов из дома пошел в особую конюшню, где стояла его любимая полукровка Звёздка, охранявшаяся стариком-инвалидом Радловым. Пройти надо было шагов сорок. На этом пути с утра терпеливо ждал директора глухонемой инвалид Рогов. Дождавшись, он подбежал к Карманову и знаками объяснил, что хочет съездить в Иваново. Директор знал об этом через своих домашних, но отпускать Рогова не хотел, — Рогов нужен был на покосе. Но и отказать не имел права: инвалиды — не заключенные. Карманов кивнул и сказал:

— Катись к чертовой матери.

Но Рогов знаком попросил хлеба на дорогу. Директор отрицательно покачал головой и добавил с нескрываемой злобой:

— А хрен в зубы не хочешь? — и пошел в конюшню.

Голодный, небритый Рогов зашагал в город. Непременно надо было человеку добраться до Иванова и повидаться с родными.

Вернувшись из конюшни, от своей любимицы Звёздки (он там гладил ее и чистил), — Карманов переоделся и, не спеша, направился в сельсовет, где не был уже дня три. Навстречу шли бабы. Остановились, поклонились счастливому человеку, громко поздоровались с ним. Счастливый Карманов привык к таким церемониям и был им рад...

Полкилометра шел полем. На пути лежала деревенька Комары, она же Насоново (может, по фамилии владевшего ею помещика). Три дома справа и семь — слева. Старые высокие липы на месте барской усадьбы. Запустение и нужда всюду: мох на прогнивших тесовых крышах, тряпки в окнах вместо

стекло, две совсем забытые и заброшенные избы... Лишь один дом, крайний слева, выглядел празднично: выкрашенные охрой наличники с резьбой, занавески и цветы на окнах, крыша железная, недавно покрашенная, перед окнами — палисадник. Живет там простой мужик Иван Черняев с большой семьей. Ему чуть за 55, и на фронт его взять нельзя, хотя сила у него — за троих. В начале войны ездили мужики за хлебом в Воронежскую область, так за обедом в столовой Иван Черняев двенадцать гуляшей съел. Не пьет, не курит, не безобразничает, без конца трудится...

Еще издали увидел Карманов, что Иван окучивает картошку на своей усадьбе, причем сам впрягся и тянет конский плуг вместо лошади, а сзади правит плугом его младший сынишка пятиклассник Сергей. Работа и для лошади тяжелая. Уперся Иван ногами в рыхлую землю, натянул постромки, головой склонился без мала до земли, руками траву хватает — лошадь лошадей. Не захотелось Карманову беседовать с олошаденным человеком. Замедлил шаги, чтобы ушел Черняев подальше от дороги в глубь своей усадьбы. Но мужик еще раньше заметил начальника, дошел до изгороди и остановился, ждет.

Пришлось Карманову подойти.

— Здорово, Иван Сергееч!

— Здорово, Геврасий Ерофеич, — сказал Черняев и приподнял картуз.

Ручьи пота текли с человека-лошади. Он стыдливо утирался рукавом.

— Что ж ты делаешь-то? — укоризненно спросил Карманов. — Разве можно вместо лошади в плуг впрягаться?

— А что делать? Вчера дождь пошел, картошка в цвету — самое время ее окучивать.

— Попросил бы лошадь у председателя.

— Не дай Бог просить, дай Бог подать, — возразил Черняев. — Да и стыдно просить с такой широкой спиной, как моя, да и не больно-то много дают, когда просят.

Рукав у него промок, а лицо не стало суше. Рубаха прилипла к коже, на плечах выступила соль. Обозначались лошадиные мускулы на теле, в животе урчало и переливалось, как у коня... Даже пахло от него лошадиным потом. Глядел Карманов на Черняева и вспоминал какие-то дурацкие человеко-дни или человеко-часы, которые нельзя увидеть. Зато никогда не слышал про человеко-лошадь, — но вот видит ее, разговаривает с

ней... Может, и вправду жили когда-то человекообезьяны, о каких болтают училки в школах? А не были — так обязательно будут.

— В прошлом году, — продолжал Черняев, — выпросили бабы лошадь аж в августе, дён за десять до Успения. Тогда уж окучивай, не окучивай — толку не будет. А без картошки — делай гробы да ложись в них. А ведь у меня трое сынов, и все еще маленькие. Как тут не лошачить?

Парторг Карманов чувствовал, что надо что-то сказать, но слова не шли на язык.

— Разделаемся с Гитлером, тогда легче будет, — нашелся он наконец.

Черняев подумал и сказал в пространство:

— Я ведь до войны еще приспособился ходить в плуге. Спервоначалу, бывало, просишь, просишь лошадь у председателя — нет толку. Однажды попробовал, впрягся — и ничего... потянул. Ну, и тяну, куда силы есть.

— Береги, Ваня, здоровье! Здоровье — дар Божий, — важно сказал парторг и зашагал дальше.

Поставить себя даже в мыслях на место Черняева — и то было страшно. «Вот, — подумал он, — выгонят из индома, придется так же ишачить, чтоб не подохнуть с голоду. Но — смогу ли? Ванька младше меня и сильнее, но и он на пределе. Где уж мне! А в жизни — три выбора: или воруй, или вкальвай, или с голоду дохни. Давно я ничего не возил начальникам. Придется отвезти полведерка... нет... целое ведро свежего меда Васье поганому».

Сельсовет находился в сосновом перелеске, вблизи школы, где работал Глеб Красильников. В сотне метров от Совета — деревня, на краю которой — хата бухгалтера Крылова, жившего там с вдовой агронома Пашей (агроном удушился еще перед войной).

Перешагнув через порог сельсовета, парторг, ослепленный солнцем, — оно било ему прямо в лицо через окно, — не сразу разглядел секретаря Сенаторова, одиноко корпевшего над бумагами. Глаза его так сильно косили, что когда один глядел на восток, то другой — обязательно на запад.

— Здорово! — как всегда, сказал парторг.

— Здравствуйте, Геврасий Алферович.

— А где Ладьев?

Ладьев был председателем в сельсовете.

— Отдыхает, — сказал Сенаторов.

— Что-й-то?

— Косил.

— А чего бы ему косить?

— Корову вроде хочет держать.

— Да много ль он накосит?

— Накосят ему люди... Сам-от для виду ходит. Умаялся с непривычки.

В комнате несколько столов и табуреток. На бревенчатых стенах — портреты и два новых одинаковых плаката с изображением нашего солдата в каске и женщины с младенцем на руках. Младенец одной рукой куда-то указывает, глядя на солдата. Под рисунком подпись стихом Демьяна Бедного: «Папа, убей немца». (Как тут не вспомнить: Демьян Лакеевич Придворов!)

— Отстает Ильинский колхоз, — сказал Сенаторов.

— Сколько сдал?

— Шесть тонн.

— Сколько должен сдать?

— Двадцать одну тонну. А ведь они уже мечут стога.

— Что же они, — с ума сошли? Позови ко мне председателя.

— Зоя! — крикнул Сенаторов.

Вошла стройная семиклассница Зоя Яшина. Она дежурила при сельсовете от своего Захаровского колхоза. Карманов уперся в нее глазами... Нет, не соблазнился: молода, худа, бесформенна.

— Ты квитанции смотрел из сенопункта или писал со слов колхозных деяг? — обратился он к Сенаторову.

— Квитанций не требовал, — сознался Сенаторов. — Неужто обманут?

— А неужто правду скажут? Вот чего, — обратился парторг к Зое. — Сбегай в Ильинский колхоз, найди ихнего председателя Максимова. Знаешь его?

Зоя кивнула.

— Вели ему сразу идти сюда. Карманов, мол, требует. И чтобы захватил квитанции на сдачу сена. Поняла?

— Поняла.

Жара. Мухи. Комары ноют. Сенаторов почтительно молчит. Карманов смотрит в окно и видит, как у школы с теневой стороны эвакуированная директорша Мария Иосифовна и ее

дочь Вера накрывают на стол. На столе — скатерть. Сами они в белых передниках, как официантки в ресторане. Обе длинные, тонкие — кожа да кости. Карманов не без удовольствия вспомнил свое утреннее приключение и, конечно, скромные прелести скотницы Машки.

Директор школы Борис Ильич Стражевский сидел чуть поодаль в плетеном кресле, тоже в белом костюме. Он читал газету, пока его не позвали обедать.

«Сволочи, ... их мать, — обозлился Карманов молча. — Господами были, господами и остались, и революция им ничто». И парторг отвернулся от досадного зрелища.

Вот — и власть у него, у Карманова, какой ни у кого нет во всем сельсовете, а не может он ни Черняеву Ваньке помочь в его лошадиной работе, ни этих гадов раздавить... Хоть и зажаты они так сильно, как мог их зажать парторг Карманов, а все равно и не ищачат, и не сдыхают, да еще жрут, гады, с белой скатерти и вырядились, как помещики на даче!

Из задней половины дома, где была квартира, вышел председатель, маленький старикашка Ладьев, списанный с военной службы в чекистских войсках, — попросту из Головинской ИТК, где был надзирателем.

— Здравствуй, Гриша, — прошамкал Ладьев беззубым ртом.

— Здорово, Даниил Фомич.

— Ох, и жара! А тут комары проклятые понабились в комнату — не дали отдохнуть.

— Говоришь, корову заведешь? — спросил парторг.

— А что ж! И заведу.

— Дело хорошее. Только не привык ты к хозяйству-то, да и жена твоя тоже. Жили-то на казенных хлебах.

— Что ж поделаешь! Придется привыкать.

— Корову, может, и не купишь, а сено-то обязательно продашь, — съязвил парторг, разозленный чистым обедом «недобитых бар».

Ладьев молчал.

— Гриш, — вдруг жалобно, с собачьей ласковостью начал он. — Слышал я, что вчера у вас мед качали.

— Но, — сурово согласился Карманов.

— Дай медку-то, — бесстыдно поклянчил предсельсовета.

— Ты, Даниил Фокич, просишь, будто махорки на закрутку в довоенное время. Мед-то — чей? Мой, что ль? Ведь государственный. Соображаешь — нет?

— Ты того, не серчай. Я ведь попросту. Ну, выпиши, как там у вас полагается.

— А у нас полагается мед отдавать инвалидам, а не разбазаривать на сторону. Я сам чай пью без меду.

— Беда, какой ты принципиальный... Не обеднеют твои инвалиды, если дашь чуток меду председателю ихнего же сельсовета. Ведь не пуд прошу.

Ладьев известен был своим попрошайничеством. Тем и жил, что канючил с утра до ночи, и жил не плохо.

Понял Карманов, что не отвяжется от старика. Сказал:

— Пиши заявление.

— Какое?

— Ну, — прошу отпустить за наличный расчет и так далее.

Ладьев наковырял несколько строчек на листе бумаги, остановился и долго думал: сколько попросить меду? Написал — 15 кг. Отдавая заявление, уже пожалел, что запросил мало. Карманов на уголочке написал: «Кладовщику. Выдать Ладьеву двести граммов меду» и вернул бумагу просителю, пояснив:

— Завтра или когда-нито зайдешь к Пашке-бухгалтеру, заплатишь деньги, возьмешь приходный ордер.

— Сколько платить-то? — в тревоге спросил Ладьев.

— Не бойся! Возьмем по твердой цене... Гроши! Много дешевле, чем на корову. Не забудь захватить посуду.

Последние слова особенно порадовали Ладьева. Но когда он разглядел слова «двести граммов», то занял, как маленький:

— Что же ты, Гришка, написал-то? Неужели двести граммов? Ты что, смеешься?!

Сенаторов действительно смеялся, сотрясаясь рыхлым телом.

— За такой каплей и ходить к тебе не стоит, — скулил старик.

— За волосы в рай не тащут. Не хочешь — пожалуйста, не ходи.

— Нашел, тоже, «рай» — двести граммов! Лучше б совсем не давал.

— Отдавай назад заявление, — обозлился Карманов.

Ладьеву жаль стало хоть полстакана, а все ж меда. Подика купи...

— Гриш, ты не серчай, — занял он. — И на том спасибо...

— Ты хоть знаешь, сколько стоит стакан меда-то на рынке? Твоего председательского жалования не хватит.

— Это верно, — совсем сдался старик.

Зоя привела колхозного председателя Максимова. Это был грузный, грубый и глуповатый мужик. Поздоровавшись — сел не на табуретку, а, по обычаю, на сомнительно чистый пол у стены, к которой привалился широкой спиной. Вынул кисет с самосадам, набил закрутку — не в угоду комарам, заметавшимся по хате от едкого дыма. Следом пришел его счетовод с квитанциями, учитель Наумов.

— Сколько сдал сена? — спросил парторг у Максимова.

— Шесть тонн! — выкрикнул Максимов, не умеющий владеть своим голосом.

— Предъяви квитанции.

— Сергей Петрович, — заорал Максимов счетоводу, — покажь им!

Полуслепой Наумов деловито подал квитанции парторгу, который стал считать тонны и килограммы, и при этом шевелил губами. Услужливо подошел Сенаторов, держа в руках конторские счета. Парторг стал диктовать, а Сенаторов быстро перекидывал косточки, глядя на них своим косым левым глазом, правый же устремив в потолок и лицо повернув к входной двери.

— Четыре тонны четыреста килограммов, — отчеканил Сенаторов, когда кончили проверку.

— Видишь, — с упреком сказал Карманов Сенаторову, радуясь правильности своей догадки об обмане.

Максимов вскочил с пола и заорал, непечатно бранясь через каждое слово:

— Шалишь, товарищ! Не то! Шалишь, товарищ...

— Ты не ори и не матерись: здесь тебе сельсовет — значит, советская власть, — попытался его осадить парторг. — Говори толком: сколько сдал?

— Шесть тонн.

— А квитанции где?

— Где квитанции? — рявкнул предколхоза на счетовода.

— У возчиков, — ответил Наумов.

— Ну вот! Я так и говорил! — подхватил Максимов, с трудом сдерживая поганые слова. — Сказал: шесть тонн, и есть все шесть! Именно, — квитанции у возчиков! — орал он, без нужды неуклюже размахивая руками.

— Ну ладно, — остановил его Карманов. — Говори: сколько сдать надо?

— Какое, стало быть, задание, столько и сдадим. Не бойся, мы не как твои лысковские... На чужих плечах в рай не полезем. Сами управимся.

— Да ты дело говори! Отвечай то, что спрашивают! — сорвался и сам заорал Карманов.

— А я и говорю дело: все сдадим сами и у вас не попросим, потому — наш колхоз не последний. Сроду не побирались и привычки такой не имели.

— Сергей Петрович, — обратился Карманов к счетоводу, — какое у вас задание?

— Двадцать одна тонна.

— Почему сдали только шесть? — повернулся парторг к Максимову.

— А сколько же надо-то?

— Сам, чай, слышал, двадцать одну тонну, — сказал терпеливо Карманов.

— Ну, и сдадим. И больше сдадим. Обязательно сдадим.

— Да ты не обещай, а говори: почему не сдаешь сейчас?

— Скосим и сдадим.

— «Сдадим»! А стога — ставите?

— Стога ставим в Нестерках. Тамошнее сено завсегда шло колхозу. А государству несокошенный луг стоит в низине под Захаровской пашней.

— Почему косите колхозу, а не государству?

— Потому, что у нас не десять рук: мужиков нет, бабы не идут на работу. Кто косит-то — ребятишки да старики... чего с них спросишь?

— Сколько стогов поставили?

— Второй навиваем, — соврал Максимов втрое, о чем хозяйственный Карманов догадался сразу.

— Вот чего, — строго приказал парторг, — сейчас же оба стога, или там сколько их у тебя, начинай возить на сенопункт на всех подводах, какие у тебя есть... Сейчас же! Понял?

— А сами с чем останемся? Ты что, из Лыскова или из индома дашь нам сена зимой?! — опять истошно орал Максимов. — Если так, то иди сам правь колхозом, а меня сымай.

Наступил кризисный момент для кармановской партийной власти. Довольный Максимов молчал, ворочая бычьими глазами.

Карманов спросил тихо:

— У тебя, Сергей Григорьевич, есть кто-нибудь на фронте из близких родных?

— Это к делу не относится!

Карманов (по-прежнему — тихо) повторил вопрос:

— Я ваш парторг и прошу тебя сказать: есть у тебя родные на фронте или нет?

— Все деревенские мне родня... — примирительно ответил Максимов.

— Я тебя спрашиваю про близких родных: про сыновей, внуков, зятьев...

— Да нету, — упавшим голосом ответил Максимов, наконец понявший, что его карта бита и, как всегда, упрямство принесло ему только вред.

— Гитлеру помогаешь? — так же тихо продолжал Карманов спрашивать Максимова. — Хочешь, чтобы фронтовые лошади остались без фуража?

Как ни глуп был Максимов, но политику понимал исправно и всегда помнил о Главном политическом управлении, к которому имел должное уважение и страх с морозцем вдоль спины. Пришлось ему срочно идти на мировую:

— А что я? Я — ничего... Вozить, так возить...

— Товарищ Сенаторов, — громко сказал Карманов, — присылайте ко мне каждый день сводку о сенокосе, да не со слов, а с документов. И если ты, — обернулся он к Максиму, — к субботе не сдашь пятнадцать тонн, то прощайся со своей Катериной.

Знал Карманов, что завтра же Максимов свезет все сено до последнего клада, да и все остальные председатели так же, кроме, конечно, самого парторга и одновременно председателя нищего — «отстающего» — колхоза, вообще не сдававшего почти никакой продукции.

— Сводку в РАЙЗО посылаешь? — спросил Карманов у Сенаторова, когда они остались вдвоем.

— Обязательно. Каждый день.

— На каком мы месте в районе?

— В середине, Геврасий Алферович, — сказал Сенаторов, быстро доставая газету «Призыв» с напечатанными в ней сводками в вечное назидание потомкам.

— Сколько сдал передовой?

— Ново-Александрово идет на первом месте; у них выполнено шестьдесят два процента ихнего задания.

— Пиши, что у нас на сегодня сдано восемьдесят пять процентов.

— Как можно, Геврасий Алферыч! У нас только одно Веригино сдало больше половины ихнего плана, а остальные все меньше пятидесяти процентов.

— Говорю, пиши восемьдесят пять. Ну, не сразу, так за два приема: за сегодня и завтра. Надо же и нам быть передовыми. Не глупее же мы новоалександровских.

Той же дорогой Карманов пошел обратно, торопясь к обеду. Черняев уже закончил работу: обеденный перерыв в колхозе давно кончился, и он теперь где-то зарабатывал трудовни. Его усадьба в сорок соток сияла правильными рядами борозд с частыми кустами раннеспелой, уже зацветающей картошки.

«Не меньше тысячи пудов соберет первосортного картофеля», — подумал Карманов, но без зависти, потому что считал это справедливой наградой за лошадиный мужицкий труд.

За обедом счастливый человек узнал от дочери, что скотница Машка дольше всех выбирала себе платье, к удивлению недогадливой кастелянши, — но, как понял директор, осталась довольна своим выбором.

После обеда Счастливому захотелось поспать, на что ушло часа полтора... Опять, как и утром, разбудили проклятые мухи. Чай попил Счастливый с сотовым медом (мед без сот он презирал). Потом велел кладовщику принести ведро меда, а конюху — запрячь Звездку в коляску. Забрался на мягкое сиденье, взял эмалированное ведро с медом — и по холодку уехал в город.

6. КРАЙНОСТИ

Однажды приглянулась Карманову солдатка Татьяна Тюнькина, работавшая возчиком. И баба незавидная, но вот вдруг понравилась хозяину. Жила она в крайней нужде с тремя малыми ребятами под дырявой крышей в деревеньке Комары, а муж на фронте. Года два работала Танька — и не замечал ее Карманов, а тут пристал:

— Пойдем на сеновал.

Танька не соглашалась, Карманов еще больше распалялся. Как-то перед ужином он приступил к ней решительно:

— Не дури. Пойдем сегодня.

— Пошел ты к черту, — огрызнулась Танька.

— Ах, ты так? — злобно обиделся Карманов. — Тогда убирайся с работы к... — и сразу с любовного шепота перешел на зычный крик, обращенный к невидимым, но усердно следившим за ним подчиненным: — Иван Егорыч! Таньке Тюнькиной жрать не давать!

Сразу откуда-то вынырнул и затопал сапогами завхоз Муханов, побежал на кухню и с порога заорал поварихе:

— Дарья Иванна, Таньке Тюнькиной жрать не давать, Ерофеич не велел.

— Милые дерутся — только тешатся, — тихо сказала повариха, удивляясь Танькиной стойкости.

Ерофеич с самодовольством называл себя косячным жеребцом, очень ценил свою мужскую силу, считал ее вернейшим признаком здоровья и, главное, долголетия, хотя жить ему оставались считанные три-четыре года (в конце этого срока поджидал его неумолимый рак). Отказ Таньки ему и нравился и тревожил его: не ослабло ли его обаяние от приближающейся старости?

А Танька пошла к своей развалюшке-дому, понуриив голову, голодная, без мисок с картошинами для своих трех малышей. Зато соблюла себя. Чего ради? — думалось ей. — Для кого она бережет свою чистоту? Для мужа? Вернется ли он? Для детей? Как же они будут без еды? Или, может, для Бога? Старухи верят в него. Собираются в церковной сторожке по праздникам — и молятся. Грозятся Богом: мол, хоть и не объявляет Он Себя, словно бы спрятался, — а все видит. Молодые же смеются — и ничего им за это не бывает. Был бы Бог, так наказал бы насмешников, да и Карманова — в первую очередь, а ее бы с ребятами охранял... А может, и врут старухи — пусто стало на земле, пусто и на нашем небе. Одна едрена мать осталась, обруганная, измызганная, оплеванная миллиарды раз. Чего же тогда ей, Тюнькиной, спрашивать свою совесть? На что она ей? Карманов стар и противен, да ведь не задаром он лезет, не зря и кормит. Тоже понимать надо.

Вечер просидели голодные. Средняя девочка стерпела молча, а старшая и младший Ванька расплакались:

— Мамка, дай ести...

На другой день пошла Танька в родной колхоз, к Сергею Григорьевичу Максимову. Но там ее подняли на смех.

— Наш атлас никуда от нас... Ушла на легкие хлеба, а теперь назад потянуло? — злорадно гыгыкали правленские мужики. — Аль не по вкусу пришлась Ерофеичу?

— Употребил да выбросил, — добавляли остряки.

— Бабьего товару теперь везде навалом, а спросу нет! — орала пришлые негодяи, которых всегда много околачивается в правленской избе.

— Мало тебе индомовских кобелей — пришла к нашим мужикам! — взъярились завистливые бабы.

Поняла Танька, что попала, как медведь в пчелиный рой — и молча вышла, раздумывая, чем накормить детей. Но, сколько ни думала, ничего не изобрела. Вспомнились только прачкины дети, которые от голода не могут ходить. Пособирала в лесу сыроежек, нарвала щавеля, соскребла горсть муки с грязью, сварила какую-то похлебку. Съели ребятки. Старшая и младший стали просить хлеба, а средняя опять молчит, только большими глазами смотрит на мать.

— У, бесстыжая! — сама не зная почему, рывкнула на нее Танька и почувствовала в ней главную помеху своему падению: терпит девчонка голод — значит, нельзя сдаваться, нельзя идти к Ерофеичу.

Девочка сморгнула, но не заплакала и на этот раз: силилась что-то сообразить...

Вечером пришла Танька к Карманову. Он ждал ее. Порознь ушли в лес и там встретились. Карманов радовался победе, тем более, что была она не совсем легкой.

— Ну, и чего ты, дура, упиралась? Ведь себе же хуже сделала.

— Ваньку жалко, — вспомнила Танька своего мужа, который в это время защищал ее от немцев, но не уберег от Карманова.

— А ты думаешь, Ванька твой постится там третий год? Как бы не так! Ты бы послушала, что рассказывают солдаты... Ни одной немки не оставляют они без употребления, от школьниц и до старух. Даже иногда целым взводом используют — до обморока, а то и до исхода души.

— Врешь, Ерофеич.

— Спроси сама. Солдаты бахвалятся этим делом. Вон, директор Оргтрудовой школы в Лемешках... Послушала бы его!

— А сам он тоже?..

— Кто ж про себя станет рассказывать об этом... Ты, Татьяна, вот чего: поди сейчас к Дарье Ивановне и возьми вчерашний ужин на себя и на каждого из ребят. Надо кормить их. А то заморишь маленьких, вот как прачка Аксюта... Потом не выходишь.

— Спасибо, Ерофеич.

Подслеповатая жена Карманова, как могла, следила за бабством мужа. Когда она находила его в чужих объятиях, роман прекращался — но блудный муж очень скоро начинал новый роман, а то и несколько сразу.

Раз, а то и два в неделю мертвого старика или мертвую старуху отвозили к южной стороне от индома, на Старинский погост. Взамен прибывали, — с севера, из Иванова, — новые, еще живые инвалиды, с путевками и надеждами на спасение от гибели в те страшные годы. Среди таких новичков появился в индоме еврей-фотограф из города Львова, с интересной фамилией Тупица. Вряд ли ему было больше сорока лет, но он погибал от тяжелого туберкулеза легких. Львов он покинул в первые дни войны, захватив с собой великолепную фотоаппаратуру, которая сделалась его кормилицей в эвакуационных бедствиях. С этой аппаратурой он прибыл в Ильинский индом. Он, конечно, понимал, что на индомовских харчах болезнь быстро сведет его в могилу, и поэтому сразу стал фотографировать деревенских жителей, которые этому радовались и не жалели фотографу молока и картошки. Было лето, и вся работа шла на открытом воздухе вблизи директорского особняка, из окон которого любовался аппаратурой сам товарищ Карманов, и он хорошо видел, что полудохлый львовский щелкопер владеет драгоценными игрушками явно не по чину и что игрушки сами просятся в его кармановские крепкие руки. Сон бежал от Карманова, и даже о бабах он забыл — так захотелось ему прибрать к рукам такую дивную вещицу, за которую самый ушлый барыга, не думая, отдал бы два реглана. Знал бы это несчастный Тупица — уж он, надо думать, подарил бы своему властителю лучший из аппаратов со всеми причиндалами и таким способом сохранил бы свою жизнь, над которой нависла угроза пострашней чахотки.

Между тем несчастный хорошо прижился в индоме, и болезнь незаметно стала отступать: прекратились лихорадки, реже мучили приступы кашля, прибавились силы, и стал он еще больше промышлять фотографированием, подкармливая трех

стариков, живших с ним в тесной комнате двухэтажной Вшивой Горки. Помогали ему и сухой сосновый воздух, и тишина, и даже красота здешней местности.

Завхоз Муханов, услужливый и изобретательный в делах, хорошо понимал не только поступки, но даже мысли и желания своего директора. Как-то раз, выходя из конюшни и увидев фотографа, шеф небрежно бросил Муханову:

— Непорядок это, когда заразные больные живут вместе со здоровыми людьми. Не похвалят нас за это.

Муханов отгадал желание начальства и с готовностью ответил:

— Есть.

Тут же у него созрел и план действий. Перед ужином он сказал поварихе Дарье Ивановне:

— Сегодня и завтра давай медичке Шуре не четвертинку молока, как всегда даешь, а пол-литра. Ерофеич велел.

После этого он сел есть пшеничную кашу вблизи поварихи. Закончив еду, молитвенно сказал:

— Хороша кашка, да мала чашка.

И не ушел, как всегда, но по-мужицки развалился на стуле и чего-то ждал. Очень скоро пришла медичка Шура, босая, по пути из сельсоветского Ильинского медпункта к себе домой за семь километров в деревню Неврюево, где ее ждал одинокий голодный безотцовский малыш (рожденный, по слухам, от Карманова). Именно она еженедельно активировала все смертные случаи и за это получала четвертинку модока. Тонкий слух Муханова уловил ее тревожный вопрос Дарье Ивановне:

— Почему пол-литра?

— Ничего не знаю. Ерофеич велел.

Шура струсила. Боялась, что Ерофеич откроет «консерваторию», — то есть, образно говоря, производство консервов из старушечьего мяса, — и тут понадобятся ее подписи на мошеннических актах... Ловко отбивая землю пятками, она уже направилась к лесной тропинке, но тут ее окликнул Муханов.

— Ты почему развела в индоме медицинские беспорядки?

— Какие беспорядки?

— А вот чахоточный фотограф живет в тесной комнате со здоровыми дедами. Разве это гоже?

— Изолируйте больного.

— А где ваше предписание?

Шура обрадовалась, что «консерватория» еще не затевается, быстро надела туфли и впереди Муханова пошла обследовать Тупицу и его жилье.

— Встать! Смирно! — шутливо заорал Муханов. Три деда вскочили с постелей и вытянулись, в полном согласии с командой. Тупица лежал.

— Мне здесь очень хорошо, я поправляюсь, — сказал он и закашлялся.

— Здесь оставлять больного нельзя, — строго сказала Шура, успевшая надеть белый халат. — Ему нужна изолированная палата.

— А где ее прикажете взять? — дурил Муханов.

— Где хотите, но здесь оставлять нельзя.

— Пишите акт.

Шура была права, и совесть ее была спокойна, когда она написала свое заключение о необходимости немедленной изоляции больного Тупицы, которого уверили, что он получит отдельную палату-люкс.

Похоронщик и гробовщик старик Сухарев получил срочный наряд: отгородить маленькую клетушку около слухового окна на чердаке Вшивой Горки. К обеду следующего дня «люкс» был готов, и Тупицу потащили туда с его топчаном и всеми личными вещами, — за ними строго следил сам завхоз, который, когда все перетаскивали, самолично повел фотографа вверх по крутой лестнице, с несколькими остановками из-за приступов кашля и слабости больного. Муханов держал его под руку и соображал, на сколько дней хватит жизни в этом скелете без мускулов и крови. «В чем душа?» — удивлялся Иван Егорович и повторял свою любимую приказку: «Спаси Бог, не помрет!» Он вел себя очень ласково с Тупицей, — конечно, как умел. Шутил. Гарантировал скорое возвращение во Львов, просился в гости. На площадке второго этажа стояла стремянка, уходившая в квадратное отверстие чердака. Вместо поручней с одного бока у стены был протянут грязный канат. Два солдата, стоявшие на чердаке, спустили толстую веревку, Муханов привязал ее к кожаному поясу своей жертвы и, поддерживая фотографа сзади, осторожно втащил его в полутемный и удушливо-пыльный чердак. Уложил больного в постель. Сам сбегал ему за ужином. Тупица так ослаб, что Муханов кормил его, лежащего, с ложечки и в это же время тщательно сосчитал ящики с оборудованием, о котором не забывал и сам Тупица. Заглянула

и Шура-медичка. Ей очень было интересно понять затею начальства...

К утру обреченный смог встать. Он сосчитал свои ящики и удивился, что все они целы. Уборной не было, но Муханов распорядился поставить ведро. Вскоре и сам Иван Егорович принес завтрак — с молоком, с творогом, со сладким чаем. Что терпение завхоза было уже на пределе — об этом не догадывался никто. Он запретил поварихе посылать еду фотографу с кем-либо, кроме него, Муханова, а сам оформил себе командировку на Судогодское опытное поле за многолетним люпином: два-три дня не поест фотограф — и капут ему, как Гитлеру.

Но и три дня ждать не пришлось. В обед солнце так раскалило железную крышу чердака, что сам Илья Муромец задохнулся бы. Не вынес и бедный Тупица. Старик Сухарев сколотил ему гроб и отвез на тот же Старинский погост, под сень черемух. Ящики же сразу забрала кастелянша в свою каптерку — и оттуда, невидимо для других, переправила в дом своего папаша, товарища Карманова, а тот отвез их домой в город, — от греха подальше.

Вещи инвалидов не приходовались по причине их крайней ветхости: рваные ботинки, ситцевые рубахи с заплатами и дырками от прожогов, ремни со сломанными пряжками... Кто будет записывать такую дрянь? Под видом «дряни» проскочили и миллионные цейсовские аппараты Тупицы. А сам-то он, надо полагать, имел большую известность у себя во Львове, и, может, до сих пор где-нибудь в уютных гостиных, просматривая старые фотоальбомы, старые горожане вспоминают его...

Степан Михайлович Комиссаров — «Калининский», — тот самый, который в Калининне имел два двухэтажных дома, сожженных гитлеровцами, — не был в числе «сильных духом», но телом был вполне здоров. Ему было далеко за восемьдесят, если не за девяносто. Тем не менее он сохранял бодрость, прямо и быстро ходил, был словоохотлив, высказывался всегда умно и дельно, избегал сплетен и пустословия. Видимо, с детских лет он научился рассудком подавлять эмоции, желания и потребности тела. Индомовский голодный паек казался ему избыточным, и он часто его продавал и копил деньги, время от времени отправляя их на сберкнижку в Головино через Глеба Красильникова. Похоже было, что и дома, живя в достатке, дед ел меньше, чем давали теперь в индоме, и он хвалил эту голодную жизнь, вызывая злобу у соседей по топчану. Любил

он говорить, что у него больше девяноста человек прямых потомков со снохами и зятьями. Глебу шепнул однажды, что у него на всех книжках лежит «пятиалтынный», то есть пятнадцать тысяч рублей, и капитал этот продолжает расти. Совсем лысая трясущаяся его голова была покрыта кожей пергаментного цвета с прожилками, жиденькая бородка сохраняла рыжий цвет с обильной проседью. Зимой и летом он ходил в овчинной поддевке, подпоясанной красным кушаком, на ногах хромовые сапоги на высоких каблуках, — это и было причиной злобного прозвища: «кулак». Всегда он был ровный, спокойный, и в то же время в обиду себя не давал, обидчику умел ответить сдержанно, но крепко. Приходивший к Глебу из Головина ссыльный москвич, учитель Лаптев несколько раз брал у него займы по тысяче рублей, чтобы срочно послать в Москву родным. Отдавал Лаптев всегда раньше обещанного срока и платил проценты — сто рублей на тысячу. Комиссаров всякий раз отказывался, но все-таки и проценты брал: пригодятся! Когда же у Лаптева прошла нужда и он долго не обращался к Комиссарову, тот деликатно предложил:

— Леонид Иванович, почему брезгуете моим кредитом?

— Спасибо, пока обхожусь.

Степан Михайлович, по нарядам Муханова, ни одного дня не прожил в индومه без работы: чаще всего чистил картошку. Управлялся он быстро и большую часть времени был свободен. Как-то летом сидел дед в саду и плел корзинку из ивовых прутьев, которые нарезал в ближайшей заросли у скотного двора. Уже кончил дело, когда к нему подошел директор Карманов.

— Бог помочи! — сказал хозяин.

— На добром слове благодарствуем, Геврасий Ерофеич.

— Хорошо у тебя получается. Кому это ты стараешься?

— А хоть бы и вам, коли будет угодно принять.

— Спасибо. Вот скоро будут картошку убирать — такая корзина в самый раз годится.

— Для картофеля мала.

— А побольше — для уборки картошки — можешь плести?

— Отчего же! Пожалуйста.

— Сделай одну на пробу.

К вечеру следующего дня была готова большая круглая корзина для сбора картофеля на поле. Спрос на такие корзины

был огромный, но делать их было некому. Карманов осмотрел корзину и сказал:

— Пиши счет на двести рублей.

И дед получил две сотни за день легкой работы, которую считал развлечением. Корзиной любовались все, и дня через два Карманов дал деду заказ на корзины в неограниченном числе. Калининский дед не надрывался, делал одну корзину в день и отсчитывал в уме себе в приход двести рублей — куда ж больше? Карманов заглядывал в сад и видел, как заполняется богатым товаром угол около Калининского деда, который гордился усиленным вниманием начальства к его «апостольскому» ремеслу. На двадцатой корзине Ерофеич велел написать счет на четыре тысячи рублей с распиской о получении всей суммы «сполна». Составили акт на приемку корзин Мухановым. Директор одновременно был и кассиром. Он отвел старика к своему особняку, вынес портфель и выплатил Комиссарову только двести рублей. Старик быстро сообразил, что остальные деньги остались у Карманова, щелкнул каблуками, поклонился и сказал:

— Благодарю, весьма доволен.

Но в душе ему было жаль четырех тысяч. Выбрав минуту, когда никого близко не было, он обратился к Глебу:

— Скажите, пожалуйста: сколько выписано из кассы индома мне за корзины?

— Четыре тысячи рублей.

— А сколько, думаете, я получил от директора?

— Сколько?

— Двести.

— Ограбил средь бела дня!

— Тихо, тихо, Глеб Иванович. Ведь я не в убытке, не исхарчился, не истратился. Ведь по десять рублей в день зарабатывал. Хватит с меня. Я так спросил, для интересу ради. И покорнейше прошу вас, чтобы никому ни слова! Остальные деньги будут, как законная благодарность от меня.

Так же понимал эту сделку и Ерофеич. Он приказал Алке и Гришке ни в чем не обижать Калининского деда и велел Дарье Ивановне кормить его вдвое и втрое по сравнению с остальными.

Тихо живет дед. Ждет терпеливо, когда его возвратят в Калинин и он отстроит заново свои дома, сожженные немцами.

7. ОПАСНОСТИ

Как ни дальновиден был Карманов, всего предусмотреть он не мог, и не меньше трех раз за двухлетний период директорства его жизнь, казалось, висела над бездной...

Совсем неожиданно весной 1943 года по поручению Ивановского обкома партии в индом приехал бухгалтер-ревизор Николай Иванович Конаровский. За месяц до этой напасти бухгалтер Пашка поспорил с Кармановым.

— Ерофеич, — спросил бухгалтер, — почему твой Гришка не дает мне продуктов из кладовой?

— А на какого черта тебе давать-то? — возразил директор.

— А какого черта я тебе списываю казенное добро на полмиллиона рублей в месяц?

— Да ты что, охренел? Зарплату я тебе плачу или нет? А работать ты ни фиги не работаешь. Только из кладовой тащишь и меры знать не хочешь. Разве так-то делают?

— Но и так не пойдет. Неужто я из десятой — если не из сотой! — доли должен покрывать твои доходы, и при этом еще рисковать сесть с тобой на одну скамейку перед гражданами судьями? Поди поищи дураков.

— Сколько же тебе надо?

— Сам знаешь, общесоюзный стандарт: четвертую часть давай бухгалтеру.

— Да пошел ты к растакой и разэтакой матери! Совсем обнаглел, — разозлился шеф.

Пашка сразу надел пальто, взял палку и заковылял к выходу. А через месяц — нате вам, ревизор из ОБХСС.

— Пашка, гад, донес, — сразу сообразил Карманов.

Но хочешь не хочешь, а пришла беда — отворяй ворота. Скрепя сердце послали лошадь за Пал Палычем. Привезли. Бухгалтер ядовито ухмылялся. Воровство было мгновенно остановлено. Далеко по всей округе запахло шкварками: ими заправляли густой гороховый суп, какого тогда не пробовали, наверное, и генералы, а то и сами маршалы. В другом котле, в масле, кипела гречневая каша. А на плите большой медный чайник волновался и вздрагивал крышкой, испуская аромат настоящего высокосортного чая. Распоряжался всей этой роскошной кухней завхоз Муханов. Старики, какие поумнее, решили, что ревизоров приедет много, — стало быть, это им врят такой обед...

Ревизор был с опытом. Воровство он разглядел сразу и сразу понял всю его нехитрую механику. Стоило бы ему опросить десяток свидетелей, осмотреть рвань на ногах и плечах инвалидов, проверить содержимое складов — и конец неминуемый был бы всей кармановской шайке.

Но свершилось чудо: засел ревизор в бухгалтерии и закопался в бумагах. Сидит и читает их — да с наслаждением, будто чай пьет с ромом. Он приехал рано утром (еще с ночи за ним посылали лошадь в город по телеграмме). А уже часам к десяти была зажарена свинина для завтрака ревизору. Дарья Ивановна красиво разложила мясо с кусочками жареного картофеля, с соусом, с луком. Потом выбрала красивых девушек из числа помогавших ей на кухне, заставила их надеть белые фартуки, повязать косынки — и с подносами под белыми салфетками направила их в штабной барак, где стоял бухгалтерский стол и делалась ревизия. Одна красавица несла посуду и хлеб, другая — свинину с картофелем, третья — какао с сахаром. Муханов издали следил за всем этим шествием.

— Что вы! — замахал руками ревизор. — Куда так много? Зачем такая роскошь!

— Кушайте на здоровье! — хором сказали ему красавицы.

— Ну, спасибо, — сказал голодный Конаровский, — только уж очень много.

Ревизионные хлопоты приостановились. Ревизор пригласил к столу Пал Палыча и Глеба — и втроем они быстро справились с едой. Ревизор после съеденного пришел в благодушное настроение, закурил, рассказал, как он воевал на фронте, как его ранили, как лечили и списали на гражданку. Муханов тем временем успел уже сбегать к Карманову (тот, расстроенный и хмурый, носа из дому пока не показывал).

— Жрет, как голодный пес, — радостно доложил Муханов своему шефу.

— Жрет, говоришь? — встрепнулся Карманов и почувствовал, как силы снова возвращаются к нему... Тут же возник в его уме и план спасения. Он приступил к делу.

— Дарье Ивановне скажешь, чтоб постаралась с обедом, — велел он Муханову.

— Уже сказано, — ответил тот.

— Чтоб старикам варили не свиное месиво, а человеческую еду.

— Сказано и это.

— Самых вшивых старух никуда не выпускать! — уже командовал директор.

— Есть не выпускать! — отчеканил Муханов, когда-то служивший в Балтийском флоте.

— А за солдатами-гадами строго следить, чтоб не оказался никто один на один с ревизором..

— Само собой. На это дело поставлена культурница Букрева, и я сам слежу.

— Мало. Возьми еще мою Аллу и Наталью. Если кто попробует полезть — со света сживу!!

В обед красавиц набрали еще больше, одели их еще краше, еда была еще обильнее и вкуснее. Одна из девиц прислуживала Конаровскому за столом. Разомлевший от жратвы ревизор с любовной тоской поглядывал на голые до локтей руки красавиц, и об этом сразу сообщили Карманову.

— Прасковья! — кликнул директор близкую свою родственницу.

Подошла молодая, в самом соку бабенка. Глава семьи что-то шепнул ей на ушко.

«Ревизия» в бухгалтерии между тем шла своим чередом: за обедом последовало чаепитие, за чаепитием — сытный ужин. А ночью, на пуховых перинах, в тихой комнате, подле услужливой Прасковьи, ревизор блаженно опочил.

В точности так же прошел второй день ревизии ОБХСС. Третий день был последним — и тем только отличался от предыдущих, что, не предполагая ночевать, ревизор днем увел в лес свою спальную даму и там постарался компенсировать предстоявшее ему ночное одиночество.

Между угощениями ревизор успевал делать выписки для акта ревизии. Он написал длинный перечень «упущений», настолько длинный, что ни одно начальство не смогло бы его прочитать до конца, тем более что в этом перечне значилась самая ничтожная безделица. Например, занявшее половину листа описание того, как обнаружилась недостача наличных денег в кассе индома в сумме 1 рубль и 87 копеек. При этом 1 рубль был обозначен сначала цифрой, а затем цифра была выведена прописью. Еще подробней писал ревизор о случаях, когда суточный кассовый остаток превышал 300 рублей. Десятки листов занял пересчет подоходного налога на сумму 4 рубля 12 копеек. Получалось и умно, и строго, и обстоятельно, и подробно,

и придирчиво... И абсолютно безопасно для индомовского жулья. Под толстым слоем чепухи остались скрытыми все бесчисленные факты воровства, мошенничества и казнокрадства. Дешево — за гороховую похлебку, да за поганые места вшивой бабы продал этот щелкопер жизнь стариков, интересы государства и собственную честь.

Вторая напасть случилась осенью 1943 года.

Был Лаптев на очередной отметке в Горотделе НКВД, пришел к дежурному начальнику, расписался в явочном листе, подсунул свой волчий билет, чтобы поставили печать, и собирался уйти. Но начальник остановил его:

— Вас просили зайти в комнату номер одиннадцать к майору Львову.

Львов был тот самый Васька из деревни Никитино, который руководил уголовным розыском города и района и которого с такой ненавистью вспоминал Карманов. Он усадил Лаптева и обратился к нему:

— Мы знаем, что ваш друг Красильников работает в бухгалтерии Ильинского инвалидного дома. Не смогли бы вы узнать через него, куда они девали шесть мешков зерна пшеницы, полученной для питания инвалидов по наряду в Головинском сельпо?

— Выведывать я не мастер, — уклонился Лаптев.

— Нам известно, что эту пшеницу Карманов пропил вместе с председательницей сельпо Прасковьей Давыдовой. Вы могли бы нам помочь...

— Мне трудно что-нибудь вам обещать.

— Мы не вербуем вас. И не поручаем ничего секретного. Мы только просим узнать, где эта пшеница находится или куда убыла по документам.

После этого разговора Лаптев сразу отправился в Пузыри и все рассказал Глебу. И Глеб ему объяснил: действительно, Карманов полгода назад привез из Головина шесть центнеров пшеницы и почти сразу куда-то ее сплавил. Обозленный на Ерофеича бухгалтер Пашка оприходовал пшеницу и числил ее на мухановском складе сельхозпродукции в подотчете самого шефа.

Поздно вечером, когда Лаптев уже вернулся домой, к нему в комнатушку без стука вошел местный милиционер лейтенант Стрекалов, и за ним — участковый уполномоченный Госбезопасности Валерий Сергеевич Павленков.

— Что сказал тебе Красильников про пшеницу? Где она числится?

От неожиданности Лаптев ничего не мог выдумать и начистоту сказал то, что услышал от Глеба:

— По документам она числится на складе у завхоза.

— А есть она на складе-то? — спросил Павленков.

— На складе не был, не знаю.

— Хорошо. Мы сами узнаем. Спасибо.

И ушли скорым шагом... не на мухановский ли склад?

Не снимая телогрейки, Лаптев ночью пошел, почти побежал назад в Пузыри по узкой, никому, кроме него, не ведомой самой короткой тропинке, оставив свет в своем окне для Стрелалова и Павленкова, если они еще не уехали на обыск к Карманову. К утру надо было вернуться: в девять начинались его уроки. Много досталось лаптевским ногам в тот осенний вечер: четырежды он перекрестил восемь километров от Головина до Ильинского индома и обратно.

Около полуночи Лаптев приблизился к индому, боясь попасть на глаза милиции. Но, к счастью, везде было темно и по-осеннему тихо. Он разбудил Глеба, сообщил ему тревожные новости и быстро ушел назад — той же тайной тропой.

Глеб же сразу пошел к Карманову. В доме было темно, и лишь в угловом окне, где, по-видимому, спала старуха-жена, уютно теплилась лампадка перед образом. Глеб громко постучал.

— Кто там? — послышался недовольный голос хозяина, очень не любившего кого-нибудь пускать к себе в дом.

— Это я, Глеб Красильников.

— Чего надо?

— Откройте, Геврасий Елевферич. Срочное дело.

Карманов открыл дверь и предстал босой, в рубахе и подштанниках. Выслушав Красильникова, он как-то сразу осунулся весь и прошептал:

— ...дец. — Это слово означало примерно то же самое, что «конец», но прозвучало еще ужасней.

Особенно напугала Карманова ночная засада в Головине у Лаптева, а еще пуще того — участие Госбезопасности. «Теперь с минуты на минуту жди проклятых шакалов», — дрожа всем телом, думал он.

Он поспешно оделся, вышел в валенках, поддевке и шапке и, сам не зная почему, повел Глеба к мухановскому складу, где должна была лежать пшеница.

— Расскажи хоть, как это все было, — в десятый раз спрашивал он у Глеба в тупом отчаянии.

Когда Глеб умолкал, он опять произносил слово, похожее на слово «конец», и прибавлял с яростной злобой:

— И все Пашка проклятый, растак его в душу маты!

Пусто, свежо... На небе — миллиарды осенних звезд. Мягков, слепой сторож, вышел из барака, постоял на крыльце минут пять, что-то пробормотал и ушел греться на свой топчан. Возле угла барака показалась чья-то фигура. Кто-то, прятаясь, смотрел на разговаривавших и прислушивался. Узнав Ерофеича и Глеба, фигура приблизилась. Это был Муханов. Спал он неизвестно где и неизвестно когда: постоянно все что-то присматривался, прислушивался, принюхивался... Карманов его подозвал, рассказал о своих бедах. Завхоз молчал, в душе злорадствуя близкой гибели шефа, от которого доброго слова никогда не слышал.

— Что делать-то? — нервно спрашивал Карманов.

Муханов долго думал, потом сказал:

— Надо доставать пшеницу.

— Дурак! Где?

Опять молчание.

— У нас, кроме ржи и овса, на складе нет ни одного зернышка пшеницы, — довершил Муханов мысль хозяина.

— Можно бы поехать и занять в Заготзерне или в райпотребсоюзе у Зеленовой — баба хорошая, непременно выручит. Да ведь надо к утру. А кто ночью станет отгружать шесть мешков? — рассуждал вслух Карманов, стуча зубами.

— Займи у Дуни, — нашелся Муханов.

— Откуда у нее пшеница?

— У Дуни все есть.

— Ну, пусть есть. Но сколько? Сколько есть-то у нее? Полпуда, и то навряд ли. А надо-то шесть центнеров! Вот что наделал проклятый хромоногий черт Пашка...

— Ерофеич, — вдруг торжественным шепотом заговорил Муханов, — я все придумал, что надо делать.

У него был вид, как у мальчишки на уроке, когда никто не может решить трудную задачку — а он решил!

— Говори скорей, если не врешь, — поспешно сказал Карманов.

— Значит, вот что. Запрягай Звёздку и езжай к Дуне. Бери сколько даст пшеницы, и быстро — сюда.

— Да на кой хрен тебе сдались полведра пшеницы? — унылым голосом огрызнулся шеф.

— Говорю, вези! — с торжеством орал Муханов, наслаждаясь своим минутным превосходством над потерявшим способность соображать хозяином. — Езжай! Скорее езжай!

— Да ты пьяный, что ли? — окрысился Ерофеич.

— Ничего не пьяный. Слушай сюда: ты поедешь за пшеницей, а мы тем временем здесь выставим шесть мешков ржи, а когда привезешь... скажем, полпуда пшеницы — тут мы ее и насыплем, в каждый мешок тонким слоем поверх ржи. Они приедут, сосчитают. Мешков будет шесть. Скажут: развяжите. Мы развяжем. Поглядят — там будет пшеница, и скажут: ладно, завязывай. Понял — нет?

— Ишь ты, какой премудрый, — усмехнулся ядовито Карманов. — А если они сунут руку, да вытащат горсть из середины? Думаешь, все дураки, один ты умнее всех?

Муханов обиделся.

— Ну и черт с тобой, — сказал он. — Так хоть какая-никакая, а все ж есть надежда на спасение. А без этого — делай, как знаешь.

— Пойми, — продолжал завхоз после тягостной всеобщей паузы, — ну, кто приедет-то сюда: мукомолы, что ль? Львов, Серкин, Вылегжанин...

Карманов прервал завхоза:

— Слышь! Телега стучит.

Со стороны Головина действительно кто-то ехал на телеге к индому.

— Все, — сказал Карманов. Он был почти в полуобморочном состоянии.

Телега приближалась. Ни у кого из присутствующих не оставалось сомнений, что чекисты решили все кончить до рассвета. Глеб и Муханов предусмотрительно отошли к сеним барака. Против дома Карманова телега остановилась. Вот-вот, — думали трое, — оперативники застучат в незапертые директорские двери. Но почему-то с телеги никто не слезал. Лишь слышно было, как возчик что-то слегка насвистывает... Потом лошадь стала мочиться на мерзлую землю — этот звук был слышен явственно. Долго текла струя, и с нею уходила оторопь индомовского начальства. Наконец, возчик крикнул:

— Н-но-о, пошел!

Телега опять закрипела, застучала, — уже удалявшимся, успокоительным звуком. Для перетрусивших полуночников он прозвучал как музыка, как вальс «Амурские волны»... Муханов и Глеб смеялись. К Карманову тоже вернулась бодрость. Он понял, что надо действовать.

— Я поеду к Дуне, — сказал он, — а вы готовьте рожь. Разбудите Гришку, пусть поможет... Прав ты, Иван Егорыч: эти пираты ни едреней матери не понимают ни в ржи, ни в пшенице. Но — торопиться надо: до рассвета недолго, приехать они могут в любой час.

Минут через двадцать Карманов уже привязывал лошадь у ворот Дуни Яшиной в Лыскове. Во всей округе не было деревни беднее Лыскова и не было бабы богаче Дуни. Жила она одна, муж ее бросил, — уехал в город с новой семьей. Сыновья подросли и учились тоже в городе. А она зарабатывала не меньше тысячи трудодней ежегодно в своем Лысковском колхозе. Получала на эти трудодни пять килограммов ржи в год и успевала вести обширную торговлю едва ли не всеми нужными в деревне товарами. Дуня никогда никому ни в чем не отказывала, всем шла на уступки, даже не торговалась — и будто чудом текло к ней добро отовсюду. Лет ей было за сорок, собой не хуже других, умом же — могла бы одолжить и академикам.

Карманов постучал черенком кнута в окно. Дуня выглянула — и сразу пустила почетного гостя.

— Дуня, у тебя есть хоть сколько-нито пшеницы? — спросил прямо с порога Карманов, вдыхая теплый уют чистой избы.

— Для тебя, Ерофеич, всегда есть, — с обычной своей скромной веселостью ответила Дуня.

— Слава тебе, Господи, — с облегчением сказал парторг и перекрестился на иконы.

— С полпуда, а может, и с пуд будет, — пояснила Дуня, опережая вопрос.

— Давай всю. Срочно надо.

Дуня не задала ни одного бестактного вопроса и принесла мешок с зерном. Ерофеич развязал мешок, взял горсть зерна из середины. Было темно, однако он хорошо узнал пузатые зерна пшеницы.

— Сколько здесь? — спросил он.

— Не помню точно. С пуд будет.

— Ну, ладно. Долг за мной. Не могу медлить... — Он взял мешок и направился к двери.

— А я подумала, ты со скуки ко мне... Ин остался бы!

— В другой раз, Дуня. Не до того теперь.

Со страхом Ерофеич приближался к своему дому. На складе уже стояли шесть одинаковых мешков с рожью. Быстро досыпали их пятисантиметровым слоем Дуниной пшеницы, туго перевязали и сложили в один угол, накрыв брезентом, а на брезент насыпали мусору. Лежат, мол, мешки полгода — и никому дела до них нет... Приготовился Ерофеич соврать, будто решил эту пшеницу сэкономить — передать в фонд обороны.

Склад заперли. Все разошлись по своим местам. Но никто, конечно, не спал.

Однако утром никто не приехал. И через неделю не приехали, и через месяц, и через год...

Не пострадала и Дуня, хотя ей не вернули ни зернышка. У Дуни хватило ума никогда не вспоминать про ночной визит очумелого парторга и про отданную ему пшеницу. Зато барышничать она стала много смелей, и капало ей в кошелек заметно гуще... За доброе дело воздалось ей сторицей.

Почему Глеб и Лаптев выручали Карманова? Почему ненавидевший его Муханов подсказал ему средство спасения с риском для самого себя?

Стерпится — слюбится. Слюбились и они с Кармановым. Главное же — не верили они никакому начальству. Плох Карманов, но те, кто ловит его, — еще хуже. Иначе зачем нужна вся комедия с ночной облавой на дурацкие шесть мешков пшеницы? Неужели нужны какие-то особенные оперативные ухищрения, чтобы заметить ежедневное кармановское воровство на большие тысячи? Или без этой бестолковой затеи начальство ничего не видит? Да ведь не слепое оно, начальство-то. И видит, и знает, и, когда хочет, хватает за шиворот... Значит, Карманов для них — свой. Хотели его припугнуть — вот и вся хитрость.

Еще не прошли страхи от угроз городских ментов начать сыск давно пропитой пшеницы, как по зимнему первопутку в индом приехала сама Евдокия Ивановна Щадрова — начальник облсобеса из Иванова, номенклатура обкома партии. Приехала — наводит порядки.

Заранее дала телеграмму — и к поезду были посланы лошади. Звёздку запрягли в легкую двухместную кошовку с Гришкой-кладовщиком в качестве лихого кучера, а далеко позади плелся старый мерин с розвальнями и с гробовщиком Сухаревым, посланным на всякий случай, чтобы везти спутников и багаж Евдокии Ивановны. Спутников, однако, не было. Евдокия Ивановна ехала одна.

Основанием для визита послужили доносы инвалидов-солдат, живших в индоме.

Солдаты.. Само это слово, в наши дни такое обычное, в те годы считалось контрреволюционным, как и слово «офицер». Так повелось с гражданской войны. Советских воинов называли только красноармейцами и, соответственно, командирами. Лишь в последние месяцы перед победой над Германией в 1945 году в радиопередачах сняли табу с «офицера», а потом и с «солдата». Так вот, солдаты — их было около десятка — жили в индоме на привелегированном положении: их поселили в особой боковушке «штабного» (лучшего) барака, кормили досыта, давали керосин по потребности. Носили они свои воинские мундиры, с утра до вечера резались в карты, пили водку, водили к себе женщин и откровенно презирали стариков и глухонемых идиотов. Попросят, бывало, лишнюю миску каши — им сразу принесут безотказно, по строгому указанию боявшегося их Ерофеича. Возьмут они эту кашу, насыпят туда две-три столовых ложки соли — и велят глухонемой Быковой позвать ее глухонемого и слепого мужа. Бедняга Быков, словно чеховская кошка, глотающая огурцы, — морщится, но ест эту невыносимо соленую отраву. Солдаты глазеют, матерятся, гогочут..

Доносы же их на Карманова диктовались вовсе не человеколюбием и не жаждой справедливости, — они попросту мечтали сами занять его доходное место. Особенно среди них усердствовал Кузьма Хамкин — верховод всего солдатского коша в индоме, казенный патриот, политик и хитрый болтун. Приезд Щадровой их всех обрадовал.

— Капнуло, — говорили они друг другу. — Теперь держись, Карманов! Городских-то начальников ты купил, а вот Евдокию Ивановну — не купишь!

Привезли ее вечером. Заночевала она в доме Карманова, у него же ужинала и на другой день завтракала, за одним столом с Алкой и Гришкой.

Узнав об этом, солдаты приуныли, но надежду терять им не хотелось.

— Що ж с того, що вона ночуеть у Карманова? — резонерствовал Хамкин. — Вона его ближе спознаеть, щоб лучше разоблачить. А нам надо быть наготове, и как вона начнет вызывать до себе, усим мовить одно и то же, як писалы в наших коллективных жалобах.

Целые сутки напролет в индоме драили, скоблили, мыли полы и стены, а также стариков и старух. Индом сверкал белизной и дышал довольством. Старики и старухи будто помолодели, идиоты будто поумнели. Кормежка сделалась жирной и обильной. Гришка впервые выдавал хлеб по полной норме и даже с довесками.

Когда рассвело, Щадрова пошла по палатам. По бокам ее оберегали Алка и Гришка, сзади — сам Геврасий Елевферьевич, а еще поодаль топал сапогами Муханов. Щадрова знала себе цену и выступала гордо. Не смотри, что средних лет, средней кондиции ивановская бабенка: всё ж таки номенклатура! От одного этого слова замирали сердца простых людей.

Зашли в лучший «штабной» барак, где был бухгалтерский стол. Пашки-бухгалтера там уже не было, его уволил Карманов.

— Здравствуй, Рудков, — покровительственно приветствовала она Матроса, которого помнила по его хлопотам об индоме.

— Здравья желаем! — ответил старик не без ядовитого юмора, обозленный всей этой идиотской комедией обхода.

Уловив иронию, Щадрова примирительно спросила:

— Ну? Как тебе здесь живется-то?

— Благодарим покорно! — в прежнем тоне ответил Рудков и еще ядовитее добавил: — Известно, как живем: день цветом, неделю вянем...

Не дослушав Рудкова, номенклатура заулыбалась и пошла в глубь барака, где увидела сияющую счастьем рожу Комендантова.

— Здравствуйте, товарищ Комендантов! — сказала начальница с наигранной радостью.

Комендантов уже до того расчувствовался, что теперь плакал от переполнявшего его счастья. Щадрова, тронутая его эмоциями, заговорила с ним, как с малым ребенком:

— Как вам тут живется?

— Х-х-хорошо! — прошептал он в экстазе, но решил, что этого мало, и добавил: — Оч-ч-чень хорошо!!

— Не обижает ли вас чем-нибудь директор? Или вот, кас-телянша? Кладовщик?

Вопрос касался всех. И за всех ответил Комендантов:

— Н-н-нет! Н-н-не обижают...

— Какое обижают! — в наступившей тишине внятно сказал старик Калининский. — Очень даже всем довольны.

— Тепло ли у вас? — интересовалась дальше Щадрова.

Тут все наперебой стали уверять дорогую Евдокию Ивановну, что «очинно у нас тепло» и что жалоб они не имеют.

Затем процессия проследовала в старушечью половину, где приодетые бабки благодарили залетное начальство за заботу о них.

— И не работаем, — а хоть как-никак, но кормят, и одевают, и теплом балуют, — причитала глупая Анна из села Борисовского, что на середине пути между Владимиром и Суздалем.

В том же бараке, в боковушке жили солдаты. По команде Хамкина они пришли в боевую готовность, чтобы приступом взять твердыню номенклатурной души неподкупной Евдокии Ивановны, раскрыть ей всю правду о воровских делах Карманова, отгородить ее от кармановской банды. Разведка, однако, донесла, что жулики блокировали все подступы к сердцу Евдокии Ивановны, деды же и бабки взахлеб славословят своих мучителей. Но солдаты держались весьма воинственно, и Хамкин подбадривал свою гвардию словами: наше дело правое — мы победим! Каково же было их смятение, когда Щадрова прошла мимо их двери и не пожелала зайти к горемычным воякам, хотя сам Карманов остановил ее и все слышали, как он сказал:

— Евдокия Ивановна, здесь палата инвалидов Отечественной войны.

После ухода Щадровой поднялся скандал у дедов. Все бросились на Комендантова и особенно на Калининского. Кроме непечатной ругани слышались вполне резонные упреки: во вшах спит, а орет, что все оч-ч-чень хорошо! Хлеба вместо 400 граммов получает 250, а божится, что всем довольны! Кормят впроголодь, а визжит, что и за это спасибо (за отправку на погост)!

Когда все поутомились, примирительные мысли высказал матрос Рудков. Десяток раз помянув слово «мать» с соответствующими эпитетами и междометиями, он объяснил, что, если бы Щадрова поступала так, как ей посоветует глупая Анна и паралешный комиссар, то нечего было бы ей там сидеть: вместо нее собесом могли бы управлять Анна или Комендантов. Сама, мол, знает, что делать, сама все отлично понимает. Слушает же она их для видимости, а поступать будет так, как решила еще перед поездкой в индом.

Старичье притихло. Солдаты позвали к себе Матроса на свой военный совет. У них его идея нашла особенный отклик, — выходило, что они ничего не потеряли, не побеседовав с Евдокией Ивановной.

— Ведь не от Гитлера она спустилась к нам на парашюте, — рассуждали солдаты. — Прав Матрос: она заранее придумала, как сделать лучше, а спрашивает для показухи... Ну, не влюбилась же она в Гришку Тимашука! И все жульничество уже в Ивановке знала, хотя бы из наших писем. Первый-то секретарь обкома товарищ Пальцев, сам член ЦК, знает, кому доверять номенклатурные должности... И ведь город какой! Иваново — колыбель советской власти, там в 1905 году возник первый Совет рабочих депутатов... Нет, не такая Евдокия Ивановна, чтобы нам ее учить.

Бедные, наивные жалобщики! Они так безоглядно верили в мифы, что даже близко к их головам не могла подойти единственная верная мысль об участии обкомовской номенклатуры в делах кармановской воровской банды. Исключением был Хамкин: теперь-то он отлично понимал, что Щадрова раскусила его, Хамкина, поползновение на должность Карманова и приехала спасать своего ставленника, выгодного ей Ерофеича. Понимал, но пока помалкивал. Он не хотел сдаваться и искал хотя бы ничтожный шанс на успех своей затее с доносами. Старики и дураки, за корку хлеба переметнувшиеся к Щадровой, этому шансу не способствовали никак... Помочь могли лишь пятеро солдат, которые подписывали коллективные доносы о кармановском мошенничестве. Как-никак, войны Красной Армии, прошедшие через огонь сражений!

Кормежка при Щадровой была сказочно хороша: на столах даже оставались недоеденные куски хлеба.

После обеда Евдокия Ивановна решила отдохнуть и до ужина играла в карты — в «козла» — в уютном директорском

особнячке. На другой день она с интересом осматривала хозяйство. Осталась очень довольна. И в тот самый момент, когда она в отличном настроении возвращалась со свитой к директорскому дому, посланные Хамкиным солдаты решили атаковать ее... Кто-то пустил слух, что Евдокия Ивановна сегодня уезжает, и по этому поводу Кузьма Хамкин глубокомысленно изрек:

— Вчера было рано, завтра будет поздно, значит, надо действовать сегодня, — так нас учил великий Ленин.

Одноногий Григорий Сочинский на двух костылях стал перед Щадровой и перегородил дорогу. Процессия была вынуждена остановиться. Солдат вытянулся в струнку и, кашлянув для смелости, громко сказал:

— Евдокия Ивановна, разрешите обратиться.

Гришка Тимашук и Муханов бросились на калеку, но тот был очень сильным и умел крепко стоять на одной ноге. Один костыль он взял в руку и замахнулся на жуликов, отчаянно ругаясь.

— Что вам угодно? — сухо спросила Щадрова, вдруг ощутившая усталость.

— Евдокия Ивановна! Нас обкрадывают, а вас обманывают жулики. До инвалидов не доходит и четверти государственного пайка, а кучка воров обогащается. За это ли мы уродовали свои тела на фронте?

Эта встреча происходила в центре усадьбы индома, и служащие, как и многие инвалиды, всегда незримо наблюдавшие за начальством, все видели и все поняли. Ожидая дальнейшего, они затаили дыхание в своих щелях.

Первая, как ужаленная, завизжала Алла:

— Он пьян от браги — чего слушать его вранье!

— Попробовала бы ты, пьяная, постоять на одной ноге, — успел сказать Сочинский, все еще сжимая костыль в здоровой руке.

Сам Карманов с грозным упреком спросил:

— Кто же это тебя обкрадывает?

— Меня-то вы боитесь обкрадывать, а стариков и старух...

— Позвольте, — властно оборвала солдата Щадрова. — Ваша фамилия — Хамкин?

— Нет... Я — Сочинский... — солдат почему-то сразу сбел (обозлил саму Евдокию Ивановну!).

— Ну, это все равно, — продолжала Щадрова. — Ваши жалобы я читала в Иванове, и все в них — ложь. Стыдно, товарищ Сочинский, клеветать на честных людей.

— Евдокия Ивановна...

— Стыдно, стыдно! — перебила Щадрова. — И не к лицу советскому воину клеймо клеветника.

— Евдокия Ивановна! — стонал солдат.

— Вы потеряли ногу на фронте. Мы знаем это. И мы создали вам условия для сносной жизни. Никому сейчас не легко. Один ли вы без ноги? А разве товарищ Тимашук не остался без глаза? Разве товарищи Муханов и Карманов не воевали с немцами и с белыми? Почему же вы ропщете на условия, а они терпят?

— Евдокия Ивановна...

— Довольно! Я не выношу клеветников, — гордо сказала Щадрова и пошла в обход растерянного солдата.

— Евдокия Ивановна, почему же вы не поговорили с инвалидами Отечественной войны? — смог, наконец, спросить Сочинский.

— Еще успеем поговорить, — сказала она. — Завтра будет общее собрание.

— Так вы, значит, не сегодня уезжаете? — обрадованно прокричал солдат вслед быстро удалявшейся номенклатуре.

— Завтра вечером, после собрания, — уже за Щадрову ответил Карманов.

Общее собрание инвалидов, стариков, глухонемых и идиотов могло быть и было только карикатурным. В столовую при кухне напихали табуреток, скамеек, натолкалось туда более полусотни человеческих тел, на маленькой плешинке поставили стол, накрытый простышкой. Возглавил собрание сам Карманов. Рядом с ним за столик села Щадрова. Глебу поручили писать протокол. В повестке дня — сообщение т. Щадровой о проверке и состоянии дел в индоме. Сразу выступила Антонина Ивановна. Говорила она минут двадцать: успехи Красной Армии на всех фронтах Отечественной войны, «мелкие неполадки» и «трудности» в тылу. И что индом находится в образцовом порядке, за что объявляется благодарность директору Карманову, кладовщику Тимашуку и завхозу Муханову. После паузы печальным голосом Щадрова сказала о «клеветнических жалобах некоторых инвалидов», добавив при этом, что при

«тщательной» проверке жалобы не подтвердились. Далее была концовка речи, — концовка в те годы была одинаковая: да здравствует Красная Армия, да здравствует вечный в веках гений человечества, дорогой и любимый товарищ Сталин! После чего следовали бурные и продолжительные аплодисменты в стоячем положении. Вопросы Карманов задавать не позволил, — сказал, что вопросов нет, и предложил перейти сразу к прениям. Вышел заранее подготовленный Гришка Тимашук. Поскольку он не знал почти никаких других слов, кроме матерных, — читал он строго по бумажке. В бумажке было написано приветствие «дорогой Антонине Ивановне» и... товарищу Сталину. Народ вторично зааплодировал. Гришка вытирал пот, выступивший у него на лице от сильного умственного перенапряжения.

Вдруг к столу вылез замызганный старик Архипов из числа помойных подъедал: изголодавшийся, исхудалый, — кожа грязная да кости гнилые. Дед был активист двадцатых годов, член цехкома, член фабкома и еще чего-то.

— Товарищи! — захрипел Архипов. — Мы кузнецы, и дух наш молод!

Тут хихикнул громко Хамкин, за ним заржали солдаты, а потом все, способные понимать юмор. Улыбнулась и Щадрова; глядя на нее, захохотали глухонемые с тупыми бессмысленными лицами. Карманов постучал стаканом о пустой графин: успокоил аудиторию. Возгордившийся своим красноречием дед Архипов продолжал:

— Мы победили в девятьсот пятом году, мы свергли царя и Временное правительство и... все остальное прочее.

Карманов наклонился, что-то шепнул оратору. Тот прохрипел с надрывом:

— За Родину! За Сталина! Ура!!!

Протискиваясь к своему месту, он бормотал себе под нос:

— Мы по-простому, по-рабочему...

Зал гудел от смеха, аплодисментов и криков «ура». Иные из немых выкрикивали один доступный им звук:

— А-а-а-а-а-а...

Или:

— Ы-ы-ы-ы-ы-ы...

Многим и жить-то оставалось с неделю, но и они били в ладоши, будто радовались, что их досрочно отправляют на тот

свет. Через черное окно злорадно глядела на них безглазая Смерть, втихомолку хихикая и удивляясь простоте своих жертв и хитрости толкавших их в могилу бандитов.

Потом минут десять говорил Карманов. Глухонемые получили возможность беспрепятственно наслаждаться созерцанием его дородства и упитанности. Их лица прямо-таки сияли от счастья.

А затем:

— Есть предложение прекратить прения. Кто «за»? Прошу поднять руки.

По сигналу Карманова, поднявшего руку первым, стали тянуть руки все дураки, все глухонемые и прочий народ.

— Собрание считаю закрытым, — поставил точку шеф.

Идиоты очень любили поднимать руки, — настолько, что не хотели их опускать. Некоторые поднимали две руки: чем больше, тем лучше, казалось им. Никому не хотелось уходить из компании сытых и чистых людей. Особенно же радовало присутствие Щадровой. Любовались ее лицом, манерами, одеждой, — пожирали глазами человека из совсем другого, сказочно-прекрасного номенклатурного мира.

Неожиданно для всех, расталкивая инвалидов, к столу вышел Вася Вдовин, глухонемой мужичишка лет сорока с остриженными волосами, главный сельхозработчий у Муханова. Непрерывно бормоча, он шел к Щадровой (у него и прозвище было такое: «Бормота»). Остановившись напротив Щадровой, он, как всегда, затараторил:

— Хлеб белый нца, хорошо, масло хорошо, картошка, тыфу, тыфу, плёхо. Вдо-вин. Болит, — и он положил ладонь на желудок. — Болит, — повторял он монотонно, озлобленно, кому-то угрожая. — Болит. Вдо-вин. ВОГ? Молоко хорошо, белый хлеб хорошо. Черный хлеб плёхо. Вдо-вин. ВОГ.

Это была жалоба Вдовина на плохое питание при его больном желудке. Щадрова, морщась, вслушивалась в Васино бормотание.

— Черный хлеб, тыфу, плёхо, молоко — хорошо. Болит. Вдо-вин.

— Губа не дура у Бормоты, — успел вставить кто-то из солдат.

В зале (в кухне) была полная тишина. Все ждали, что скажет номенклатура. Но солдатская реплика всех рассмешила.

Щадрова встала и с улыбкой сказала вконец обозленному Вдовину, пытавшемуся угрожать своим ВОГом:

— Гитлер нас тоже пугал...

Упоминание Гитлера в прошедшем времени очень понравилось Карманову, Гришке и солдатам. Царственной походкой, к восторгу инвалидов, Щадрова со всей бандой жуликов вышла из кухни.

После этого «собрания» Щадрова быстро собралась уезжать, — даже не захотела дожидаться обеда. Около крыльца директорского домика ее ждали двухместные саночки «кошовка», и в них сидел сам Карманов, с трудом удерживавший Звёздку на месте. Тут же собралось до полусотни индомовцев. Вышла скромно одетая Евдокия Ивановна, и всех удивило, что она уезжает с пустыми руками. Как же это можно? Что она подумает? Что она расскажет про индом? Где же смекалка у Карманова? Таковую персону — **НОМЕНКЛАТУРУ** — и провожать ни с чем?

Провожавшие понемногу осмелели, сомкнулись вблизи сани. Молодые глухонемые женщины, второпях выскочившие на мороз полураздетыми, громко акали, экали, ыкали и крутили кулаками возле груди в знак негодования по поводу бедности проводов высокой гостыи, так сильно им понравившейся. Директор велел Муханову подержать пока что Звёздку под уздцы. И Щадрова тоже понимала, что сразу уехать нельзя — люди обидятся. Солдаты сбегали в свою каморку. Там было много чучел красивых лесных птиц. На них охотился одинокий добряк Покусаев, делал чучела и менял на водку или брагу у окрестных колхозных чиновников-мироедов. Покусаев преподнес Щадровой красноголового пестрого дятла, сидящего на сучке. Сам Кузьма Хамкин вручил дятла дорогой Евдокии Ивановне, не скрывавшей своего восторга. Длинная глухонемая Верка быстро сбегала к себе в палату, принесла Щадровой две пайки черного хлеба и при радостном визге товаров отдала их Щадровой «на дорогу».

И пришлось Щадровой, преодолев брезгливость, взять индомовскую хлебную пайку, хотя она снабжалась по литературе «А» и, стало быть, получала полный набор продуктов в таком количестве, что со всей семьей могла бы кормиться этим до полной сытости, до тошноты.

— Евдокия Ивановна, простите, если что было не так, — со слезой в голосе простонал крамольный Сочинский.

— Пустяки, — ласково сказала Щадрова.

— Евдокия Ивановна, погостили бы у нас еще... — крикнул кто-то издалека.

— Болит. Вдо-вин. Молоко, масло — хорошо.

К саням быстро подходил Вася Вдовин, запоздавший на проводы.

Щадрова незаметно толкнула Карманова. Тот сказал:

— С Богом!

Муханов отпустил лошадь, и через несколько секунд сани скрылись за изгибом зимней лесной дороги.

Почти сразу забили кочергой в рельсу: обедать. Тут инвалиды, хорошо знавшие, что их опять будут кормить по самым худшим литерам алфавита, особенно пожалели об отъезде начальства.

Когда совсем стемнело и на дворе не осталось никого, — все толпились около щедро топившихся печек, — гробовщик Сухарев подъехал на санях к кладовой и Гришка Тимашук отпер амбар, зажег фонарь «Летучая мышь» и, напрягши могучие мускулы, стал грузить на сани ящики с маслом, с макаронами, с печеньем, с конфетами, мешки с крупами, с окороками, с телятиной... Освободилось много места на полках амбара. Потом кладовщик увернул фитиль в лампе и дал старику Сухареву накладную на товары, отправляемые в Иваново «для инвалидов Отечественной войны» и еще клочок оберточной бумаги с адресом Щадровой и спросил:

— Куда везешь груз?

— В Ивановский облсобес для инвалидов Отечественной войны, — браво отрапортовал Сухарев.

— Молодец, дед... А куда доставишь?

— Известно куда: к Авдотье Ивановне, по адресу.

Дед положил бумаги в шапку, перекрестился, вывел лошадь на проселок, сел в сани, зарылся в тулуп и погрузился в приятную дорожную дремоту. Его серый мерин, потеряв надежду вернуться в конюшню, тоже наполовину уснул: медленно и мерно переставляя ноги, он тянул груз в далекое Иваново, в город ткачей, колыбель советской власти.



А. И. Красовский

Ноябрь 1949 г. Заповедник «Денежкин Камень»
Село Всеволодо-Благодатское Ивдельского
(ныне Североуральского) района Свердловской области

Родился я в 1913 году, 10 января нового стиля в Москве, и сейчас мне 79 лет без двух месяцев. Я ослеп и с трудом и с ошибками печатаю эти строчки. Ровно 11 месяцев назад, 12 декабря умерла моя сестра Гали Ивановна, посвятившая родителям и мне всю свою жизнь, и я остался в одиночестве. Сестра родилась в 1916 году и я помню то событие и то время, помню даже 1915 год, когда к нам в квартиру привезли чтимую в Москве Иверскую икону Божией Матери по заказу бабушки в связи с отправкой на фронт («на позиции») младшего брата мамы добровольца, моего дяди Шуры, впоследствии убитого. Была хорошая жизнь, о которой потом говорили: «Вот раньше-то бывало...» Помню орудийную стрельбу в октябре (старого стиля) 1917 года. В марте 1920 года умер от голода и холода живший у нас дедушка мамы, мой прадед, и священник за отпевание взял один пуд мороженой картошки. Гроб на небольших санках вез на кладбище мой отец, я шел впереди процессии с иконой. Ежедневное стояние в очередях за хлебом и за обедом из мороженой и нечищенной картошки. Давали без денег, но по карточкам. Тогда же занятия у репетиторов, а с осени 1923 года — в четвертом классе бывшего пансиона Фон-Дервиз. Мечтой мамы было дать мне и сестре высшее образование. Светскому моему образованию предшествовало духовное: в 1921—1922 году я вместе со всеми моими уличными товарищами каждый четверг и каждое воскресенье ходил в нашу (она и до сих пор моя) Лефортовскую церковь Петра и Павла на уроки Закона Божия у священника о. Николая Скворцова, арестованного в августе 1938 года и пропавшего бесследно. В Петров день (29 июня нов. ст.) в нашем храме я видел Святейшего Тихона Патриарха Московского и всея Руси, в прошлом, 1990 году причисленного к лику святых. Так что я видел живого святого, в чем и в тот Петров день и никогда потом не сомневался. Несмотря на большие трудности, жизнь была счастливая и счастье мое исходило от родителей и сестры. Родители были почтовыми служащими, интеллигентами первого поколения, сестра сделалась физиком, кандидатом наук, доцентом. Жили бедно, порой на грани нищеты. Сестра не выходила замуж и посвятила себя заботам о родителях и обо мне. Семья была чистая, честная, трудовая, дружная, скрепленная неруши-

мой любовью. По милости Божией никто из нас не страдал от тяжелых болезней и все дожили до старости в неизбежных немощах, но без маразма.

С шестнадцати лет я стал работать в начальных школах ликбеза (ликвидация неграмотности), работал лаборантом на Автогенном заводе № 1, кончил биофак МГУ, преподавал в Головинской средней сельской школе под г. Владимиром, находясь в ссылке; получил там медаль «За доблестный труд», подготовил и защитил диссертацию, стал кандидатом биологических наук. При мне под Пасху 1944 г. открыли Владимирский Успенский собор, построенный в 1158 г. — какое было счастье! С успехом работал ассистентом в Ярославском пединституте, но... выгнали за судимость. Изучал флору заповедника «Денежкин Камень» на Сев. Урале, но посадили второй раз и отправили в Тайшет Иркутской области в строгорезимный Озерлаг, где посчастливилось попасть на большой ремонтно-механический завод и работал я там литейщиком (опять счастье!). После реабилитации в 1955 г. меня назначили научным сотрудником в Приокско-Террасный заповедник под г. Серпуховом. Через четыре года мою жену, Ирину Витальевну Александрову (зоолога) и меня выжили из заповедника и мы уехали в г. Киров, б. Вятку, во ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства. Я работал по кормам ондатры на озерах Барабинской лесостепи Новосибирской области. В Кирове нам дали хорошую квартиру с удобствами, правда, в тысяче километров от Москвы, от моих родителей и сестры. В 1962 г. меня пригласили на должность доцента в Архангельский лесотехнический институт и тоже дали квартиру на берегу С. Двины. Работал там с большим успехом, читал курс физиологии растений, по которой специализировался в студенческие годы в МГУ и в аспирантские — в ИФР-е (Институт физиологии растений) АН СССР перед первым арестом в 1940 г. В Архангельске меня любили и студенты, и коллеги и сам ректор бывший чекист профессор Ф. И. Коперин. Но сильно мешал мне артрит в правом плече, а потом жена отказалась переезжать из Кирова, и я вернулся на Вятку в Кирпединститут, а потом в Кировский сельхоз-институт, где тоже работал с удовольствием и успехом, но оттуда меня выгнали в 1973 г. за церковное отпевание моей жены, внезапно умершей от опухоли мозга в 1973 году в возрасте 49 лет. Вышел я на пенсию, переехал к сестре в Моск-

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление
Открытого лагеря 4-ДП

22 февраля 55 г. Справка № 0000064

Выдана гражданину (ке) Красовскому
Льву Ивановичу 1913
года рождения, уроженца (ке) г. Москва

гражданство (подданство) СССР на основании русских
паспорт (№ том, что он был) с 6 августа 50
содержался (находился) в тюрьме с 22 февраля 55

освобожден (после прекращения дела) в соответствии с
УПК (УК) г. Москва

до ст. Москва

И.О. Начальник Открытого лагеря / П.И.И.И.И.И.
Печат / С.И.И.И.И.И.
(Начальник лагеря) / С.И.И.И.И.И.



Май
Министерство Государственной безопасности
Бюро по расследованию дел о преступлениях
Всесоюзный центральный архив
И.И.И.И.И.И.

Фотография на документе («Госужас перед вечными муками» — Л. И. Красовский) сделана 6. IV. 1950 г. на Лубянке через 30—40 минут после ареста, стрижки и снятия отпечатков пальцев

ву, где в прошлом году, почти в эти дни, как уже упоминал выше, умерла моя милая сестра от сердечного приступа. Напечатано у меня 60 научных публикаций и более тысячи рефератов. Общий трудовой стаж у меня по подсчету райсобеса 44 года и 5 дней. По милости Божией и заботами родителей и сестры и их молитвами я не оскотел в тяжелой жизни, не сделался подлецом; живя во зле, от себя зла не прибавил. Воистину слава Богу за все!

Но очень тяжелы были потери близких, особенно сестры моей Гали Ивановны 12 декабря прошлого 1990 года, Царствие ей Небесное! Пришлось пережить четыре голодовки общей продолжительностью 12 лет. Пережил две репрессии с арестами, обысками, со ссылкой в г. Владимир в 1940—1945 г. и с заключением в Озерлаг в г. Тайшете Иркутской области в 1950—1955 г. с последующими реабилитациями из-за отсутствия у меня преступлений. Сколько лет жизни сократили эти ужасы у моих родителей и у сестры! Пять раз меня увольняли с работы, а с арестами — семь раз. С шестилетнего возраста и до сегодняшнего дня я стоял в очередях, длинных, толстых, спорных, скандальных, унижительных; там погибли тысячи невозвратных часов неповторимой жизни. Но пусть и здесь еще раз будут сказаны Златоустовы слова: слава Богу за все.

12 ноября 1991 г. Москва

А. КРАСОВСКИЙ

Р. С. С октября 1975 г. я стал быстро слепнуть от дистрофии сетчатки глаз.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Четырехсотка — хлебный паек 400 граммов в день, выдававшийся в качестве учительского пайка. Шкраб — аббревиатура, обозначающая профессию учителя (школьный работник).

² МТФ — молочно-товарная ферма.

³ ВОГ — Всероссийское общество глухонемых.

⁴ Сохранено авторское правописание.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>А. С. Трус</i> Зеркало реального социализма или Введение в экономику и социологию принудительного труда	6
<i>В. А. Исупов</i> Красные пирамиды	35
ДОКУМЕНТЫ	
Из истории карательных органов советского государства Предисловие <i>И. В. Павловой</i>	52
Остров Смерти Предисловие <i>С. А. Красильникова, С. А. Панкова</i>	68
Советские немцы: у истоков трагедии Предисловие <i>В. И. Шишкина</i>	100
Из жизни толстовских коммун в Сибири Предисловие <i>А. Г. Даценко</i>	125
ВОСПОМИНАНИЯ	
Старообрядческий рассказ о сталинских репрессиях Предисловие академика <i>Н. Н. Покровского</i>	198
<i>Т. Русланов</i> Разрешение спора	212
Взгляд из 1937-го: судьба художника Из семейной хроники <i>Н. В. Сперанской</i>	216
СТИХИ. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА	
<i>Г. Тюрк</i> Избранная лирика Предисловие <i>И. В. Павловой</i>	298
<i>С. И. Панфилов</i> Евангелие от Ивана	310
<i>А. И. Красовский</i> Инвалидный дом. Очерки из жизни военного времени	332

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ
Историко-публицистический альманах

Научный редактор-составитель
И. В. Павлова

Литературный редактор
А. А. Штуден

Художник
И. В. Сокол

Корректор
А. В. Бибина

ИБ №10

Лицензия на издательскую деятельность №070028 от 16.07.1991.

Подписано к печати 15.04.1994. Печать офсетная.

Бумага офсет №1. Формат 60 x 84¹/₁₆. Гарнитура Мысль.
Усл. печ. л. 22. Уч. изд. л. 18,7. Тираж 1000 экз. Заказ №34.

Научно-издательский центр «Сибирский хронограф» ТОО
630128, Новосибирск, а/п 129

Типография института «Гидроцветмет»
630060, Новосибирск, Зелёная гора, 1